

2011

Известия УрГУ. Серия 2

№ 4 (96)

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА



ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
(Новосибирск)
- Д. Беннер**, проф. (Берлин)
- Дж. Боулт**, проф. (Лос-Анджелес)
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
(Екатеринбург)
- К. Н. Любутин**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- М. Перри**, проф. (Бирмингем)
- А. В. Перцев**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
(Москва)
- Х. Рюсс**, проф. (Мюнстер)
- В. В. Тулунов**, докт. филол. наук
(Воронеж)
- А. В. Черноухов**, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Председатель
Д. В. Бугров, ректор УрГУ
- Заместители председателя
- А. О. Иванов**,
проректор по научной работе
- С. А. Рогожин**,
проректор по учебной работе
- А. В. Подчиненов**,
директор Издательско-
полиграфического
центра «Издательство УрГУ»
- Члены редакционного совета
- В. М. Амиров**,
канд. филол. наук,
гл. редактор серии 1
«Проблемы образования,
науки и культуры»
- Л. С. Соболева**,
докт. филол. наук,
гл. редактор серии 2
«Гуманитарные науки»
- Н. В. Суслов**,
канд. филос. наук,
гл. редактор серии 3
«Общественные науки»

2011
№ 4 (96)

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА
В 1999 ГОДУ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Л. С. Соболева

Заместитель главного редактора

Д. А. Редин

Члены редколлегии

Е. П. Алексеев

Н. Н. Баранов (отв. за выпуск)

С. В. Гольнец

О. В. Зырянов

В. Д. Камынин (отв. за выпуск)

Л. С. Лихачева

А. В. Маркин

А. М. Плотникова

Ю. А. Русина (отв. за выпуск)

А. В. Шаманаев

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	6	<i>Шишкин В. И.</i> Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибир- ского правительства	110	
РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРО-АЗИАТСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ		Евразийские взаимодействия: историографический аспект		
Интеграционные процессы в Евразии		<i>Байоглу А.</i> Древние тюрки Централь- ной Азии и Южной Сибири: турец- кая историография XIX–XXI вв. ...		124
<i>Кокшаров В. А.</i> Многоуровневая инте- грация в постсоветском простран- стве	9	<i>Камынин В. Д., Лямзин А. В.</i> Россия в интеграционных процессах Цент- рально-Азиатского региона	140	
<i>Зубков К. И.</i> Азиатская Россия: меж- цивилизационное взаимодействие в геополитическом аспекте	17	<i>Тиханова Е. В.</i> Районирование Сред- ней Азии: экономическая целесооб- разность	151	
<i>Базаров Б. В.</i> Региональная парадипло- матия в трансграничных регионах Сибири и Восточной Азии	26	<i>Тимошенко В. П.</i> Индустриальное освоение Азиатской России в оцен- ках зарубежных экспертов (1960– 1980-е)	164	
<i>Калинина О. Н.</i> Россия и Центральная Азия: региональное сотрудничество в сфере безопасности	36	<i>В. П. Карпов.</i> Ямал в современной историографии	176	
<i>Капустина Л. М., Килин В. В.</i> Эконо- мические интеграционные процессы в Центральной Евразии	43	Евразия: между традицией и модернизацией (научная полемика)		
<i>Балдано М. Н.</i> Роль России в развитии международных транспортных кори- доров Евразии	54	<i>Артемов Е. Т.</i> Восточные регионы России: историческая преемствен- ность экономической политики	181	
<i>Тривиссори Д.</i> Таиланд и Россия: современное партнерство в рамках АСЕАН и перспективы сотрудни- чества	62	<i>Побережников И. В.</i> Азиатская Россия: фронт, модернизация	191	
Россия и Центральная Азия в исторической ретроспективе		ИСТОРИЯ. ФИЛОЛОГИЯ		
<i>Ганиев Р. Т.</i> Государственность восточ- ных тюрков VI–VIII вв.	68	<i>Чемякин Е. Ю.</i> Этнокультурная иден- тичность религиозных общин бри- танского общества в постколони- альной литературе (на примере произведений С. Рушди)	204	
<i>Полякова Е. О.</i> Бухарские купцы в русско-китайских торговых отношениях XVII в.	82	<i>Видадова В. А.</i> Образ пророка Мухам- меда в романе Чингиза Гусейнова «Не дать воде пролиться из опро- кинутого кувшина»	213	
<i>Шиловский М. В.</i> Чокан Валиханов: трансформация личности в парадиг- мах фронта	93	<i>Маслова А. Г.</i> Изображение человека и его земного бытия: жанровая		
<i>Палкин А. С.</i> Участие екатеринбург- ских купцов-единоверцев в промыш- ленном освоении Казахстана в сере- дине XIX в.	103			

специфика поэзии журнала «Полезное увеселение»	218	уральского оружия	297
<i>Поршнева А. С., Бороненко А. В.</i> Со- временное женское чтение: зару- бежный «Роман о Золушке»	228	<i>Созина Е. К.</i> Телеология повествова- ния и судьбы	300
<i>Шаравьев П. В.</i> Послевоенная ураль- ская деревня. По материалам архи- ва УФСБ России по Свердловской области	244	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Панькин И. Д.</i> Историки о принципах организации промышленности Ура- ла в 1917–1918 гг.	255	Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. О работе международ- ного семинара (<i>Д. А. Ананьев</i>)	306
<i>Легостев А. В.</i> Профессиональный потенциал предпринимателей	262	ЮБИЛЕИ	
<i>Русина Ю. А.</i> Рифмы жизни. История студенческого литературного круж- ка УрГУ (середина 1940-х гг.)	269	Цель творчества — самоотдача. К юбилею Б. Б.Овчинниковой (<i>Р. Т. Ганиев</i>)	312
<i>Куш Т. В.</i> Дары как элемент поздне- византийского эпистолярного эти- кета	286	MEMORIA	
РЕЦЕНЗИИ		Памяти Татьяны Николаевны Яқун- цевой (1950–2011)	315
<i>Рюсс Хармут.</i> Спор о варягах	294	Список сокращений	318
<i>Федорова А. В.</i> Книга по истории		Сведения об авторах	319
		Указатель статей и мате- риалов, опубликованных в журнале за 2011 г.	324

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Распад Советского Союза в 1991 г. ознаменовал начало нового этапа политико-административной и социально-экономической модернизации, сопровождавшейся трансформацией границ внутреннего административно-территориального деления в государственные. Крах коммунистической идеологии и однопартийной системы, обращение к идеям этнонационального федерализма привели к формированию в условных границах бывших союзных республик новых национальных государств со своими специфическими целями, ориентациями и приоритетами на внешнеполитической арене.

Исходя из национальных экономических, политических и гуманитарных целей новообразованные государства создали довольно сложный механизм взаимодействия с внешним миром, в котором сочетались элементы либеральной и протекционистской политики. Межгосударственные отношения в новом пограничье отличаются множеством противоречий: между глобализацией экономики и протекционистской сущностью государств, между культурной унификацией и национальной (региональной) культурной идентичностью, богатыми (центральными) — и бедными (периферийными) странами и районами стран, международной региональной интеграцией стран — и их суверенитетом, политическими центрами, стремящимися укрепить или сохранить властную вертикаль — и подчиненными им территориями, желающими расширения своих прав и полномочий, в частности, в сфере международной деятельности.

Особое значение проблематика взаимодействия приграничных районов имеет для России, имеющей громадный пограничный периметр, который составляют весьма различные по природным, демографическим, экономическим и прочим характеристикам территории. Для большинства приграничных регионов характерна исторически сложившаяся ситуация бедности и социального неблагополучия. В СССР местоположение вблизи государственной границы сдерживало экономическое развитие обширных территорий. Военноопасный барьерный характер границ 1920—1980-х гг. вынуждал размещать производство в глубинных районах страны. Кроме того, большая часть пограничного периметра проходила по неосвоенным слабозаселенным пространствам севера, востока и юга России. Новые границы, возникшие в результате распада СССР, также проходят в своем большинстве по проблемным экономическим зонам, расположенным между столичными и региональными центрами новых государств.

В результате наследия советского времени экономика сопредельных территорий в среднем является менее развитой и более депрессивной, чем в схожих

по уровню освоенности глубинных территориях. Большинство регионов российского порубежья имеют крайне слабый потенциал участия во внешнеэкономических связях. Сегодня пояс приграничных субъектов РФ представляет собой своего рода препятствия для вхождения России в мировую экономику.

Исторически страны — непосредственные соседи — играют важную экономическую и политическую роль для России, сильно различаясь по размерам и структуре хозяйства, уровню развития, культурным особенностям. Большая часть приграничных территорий стран, соседствующих с Россией, являются наименее развитыми их частями.

За два десятилетия либерализации всех составляющих межгосударственных отношений в постсоветском пространстве изменения в структуре этих отношений происходили главным образом на основе традиционной модели развития. Одновременно шел научный поиск оптимальных форм взаимодействия государств и сопредельных регионов в российском пограничье, отвечающих вызовам времени. Насущной потребностью стало выявление исторических оснований и характеристика роли современных политико-экономических, социально-институциональных и культурных факторов, детерминирующих межрегиональное взаимодействие регионов России, в том числе Урала, с сопредельными регионами Центральной Азии в широком геополитическом контексте. Обобщение опыта государственного регулирования этих процессов необходимо в интересах повышения обоснованности управленческих решений и использования полученных результатов в процессе подготовки специалистов и в воспроизводстве научных и научно-педагогических кадров.

Уральский федеральный университет выступил с инициативой разработки и реализации научной программы «Урал в системе евро-азиатских взаимодействий: гуманитарный аспект». Политическая и научная значимость этой программы требует привлечения лучших научных сил для постановки проблем и поиска путей их решения. Сотрудничество Российской Федерации и ее субъектов с территориальными сообществами и властями зарубежных государств становится все более весомым фактором в формировании системы взаимодействия России с сопредельными странами в экономической, культурной, гуманитарной и других областях. Оно служит созданию благоприятных условий для межличностного общения представителей сопредельных районов соседствующих государств, преодолению депрессивного характера экономики отдельных территорий, повышению уровня занятости и реальных доходов населения, позитивно влияет на создание по периметру границ Российской Федерации пояса доверия и добрососедства, способствует ускорению интеграционных процессов в рамках СНГ.

Прежние формы взаимодействия, сложившиеся в прошлом в условиях единой страны, неизбежно должны трансформироваться в новые, более соответствующее современным экономическим и политическим реалиям. И эта трансформация проходит через отторжение старых форм и крайне медленное создание новых. Для лучшего понимания происходящих изменений важно ответить на несколько вопросов:

— что представляют собой в настоящее время социально-экономические системы соседей России?

- в какой степени сохранились старые связи и зависимости?
- в чем проявляются новые противоречия и взаимосвязи?
- каков уровень взаимодействия сопредельных регионов?

Поэтому основной целью НИР в Программе является комплексное изучение процессов трансформации отношений России и ее регионов с государствами постсоветского пространства в широком историческом контексте. Важно оценить исторический опыт государственного регулирования сферы межрегионального хозяйствования с точки зрения стратегических национальных интересов и современной социальной практики. Поддержанная решением президиума УрО РАН от 20 октября 2011 г. программа получила статус вузовско-академической интеграционной программы ориентированных фундаментальных исследований.

Динамичное развитие сотрудничества является характерной особенностью современного этапа международных отношений. Межрегиональное сотрудничество имеет свою специфику. Она заключается прежде всего в непосредственной близости и хорошем знании партнеров, а также в общности многих проблем и вопросов, непосредственно затрагивающих интересы людей, проживающих по обе стороны государственной границы. Эти отношения отличаются широким диапазоном, охватывая самые разнообразные сферы. Контуры евразийской интеграции в XXI в. обретают реальные очертания. Участие представителей научного сообщества в работе по реализации Программы даст возможность получить результаты, которые могут и должны стать отправной точкой при разработке прогнозных оценок и практических рекомендаций в рамках стратегического планирования программ сотрудничества на региональном и межгосударственном уровнях в научной, образовательной и культурной сферах.

В предлагаемых читателю материалах журнала мы начинаем обсуждение проблем интеграции регионов России и Центральной Азии в широком историческом и геополитическом контексте.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРО-АЗИАТСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ

УДК 339.9 + 342.1 + 331.101.23

В. А. Кокшаров

МНОГОУРОВНЕВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматривается сложный процесс строительства новой системы экономических, социальных, политических и гуманитарных взаимоотношений между государствами постсоветского пространства. Выделяются этапы поиска эффективных форм интеграции, их институционального оформления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: постсоветское пространство; разноскоростная и многоуровневая интеграция; суверенизация; межрегиональное разделение труда; трансграничные связи.

Распад СССР и масштабные реформы привели к серьезным структурным сдвигам в связях государств в постсоветском пространстве. Во-первых, резко уменьшилась доля обрабатывающих производств, примитивизация экономики привела к полной зависимости стран от выживания сырьевых отраслей. Во-вторых, конкурентное преимущество России (более современная структура хозяйства) было полностью утрачено в связи с потерей рынков сбыта продукции перерабатывающих отраслей. В-третьих, усилилась гипертрофия отраслей ТЭК в структуре хозяйственных связей стран. В-четвертых, возникла и не преодолена угроза деиндустриализации экономики. Первые (после суверенизации союзных республик) попытки восстановления прежнего взаимодействия советского типа или использовать европейский опыт оказались неудачными. Европейский тип региональной интеграции был абсолютно неприменим к России и другим странам — членам СНГ: старая советская интеграция была создана при формальных границах и нерыночной экономике, новая интеграция должна была преодолеть реальные, хотя и непривычные, границы путем интенсивного рыночного обмена товарами, услугами и рабочей силой. Тем не менее

опыт СНГ позволил странам-участницам запустить многоуровневую и разноскоростную интеграцию в постсоветском пространстве, создать такие востребованные форматы сотрудничества, как союзное государство России и Белоруссии, Организацию Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз Казахстана, Беларуси и России — ядра единого экономического пространства, формирование которого начнется с 1 января 2012 г.

Экономическая интеграция есть самая высшая, максимально возможная форма тесного экономического сотрудничества в условиях независимости и самостоятельности государств-участников интеграции. Продвижение к ней в постсоветском пространстве было сложным, потребовалась развязывать тугие узлы разногласий и противоречий. Поэтому историю возникновения замысла и его реализации нужно воспринимать с учетом этапности процесса.

Этап 1. Эскалация межгосударственной напряженности (1990—1993)

Содержание данного этапа — нарастание кризиса, суверенизация, поиск новых форм взаимодействия между бывшими союзными республиками, на базе которых уточнялись принципы регулирования межгосударственных отношений. На этом этапе проводилось разграничение территорий, собственности, формировались механизмы управления.

В составе СССР Средняя Азия рассматривалась как единый экономический регион. Ему отводилось особое место в межрегиональном разделении труда с упором на поставки сырья; многие жизненно важные ресурсы и продукты направлялись в район из России, что предопределило конфигурацию современных транспортных путей; в экономических связях не учитывались административные границы, ставшие ныне государственными. Таким образом, экономическое пространство региона было единым, и это состояние вступило в противоречие с обретенным в начале 1990-х гг. статусом независимых государств.

С созданием Содружества Независимых Государств возникла иллюзия, что найдена форма полноценного интеграционного объединения. В качестве непосредственной и выполнимой выдвигалась задача обеспечить в формате «двенадцати» функционирование зоны свободной торговли, таможенного союза и единого экономического пространства, проведение общей налоговой, финансовой, тарифной и социальной политики.

Однако вскоре реальность стала расходиться с намеченными ориентирами, и центробежные тенденции возобладали над центростремительными [Жарков, с. 16—20]. Об этом убедительно свидетельствует статистика: если в 1991 г. удельный вес взаимной торговли в общем товарообороте стран Содружества составлял 60 %, то к 1999 г. этот показатель снизился в два раза. В 1988—1990 гг. в межреспубликанский (в границах бывшего СССР) товарооборот было вовлечено около четверти валового внутреннего продукта, а к 2000 г. — менее 10 % [см.: Алексеев, Михайлов, с. 30].

Этап 2. Стабилизация системы межгосударственных связей (1994–2000)

Содержание этапа — выработка систем государственного регулирования и координация работ по воспроизводству хозяйственных связей, в первую очередь в минерально-сырьевом комплексе, в связи с приватизацией и изменением отношений собственности. Создавался механизм согласования интересов государств, сопредельных регионов и хозяйствующих субъектов. Работы осуществлялись на основе среднесрочных программ, в которых наряду с межгосударственным, отраслевым присутствовал и региональный аспект в виде территориальных гуманитарных программ и программ приграничных связей.

В это время стало очевидно, что эволюция СНГ в полноценное интеграционное объединение, обеспечивающее свободу передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, возможна лишь в отдаленной перспективе. Данная ситуация вызвала к жизни концепцию разносторонней и разноуровневой интеграции. Суть ее в том, что формы, темпы и глубина сотрудничества избираются в зависимости от степени взаимной готовности и заинтересованности. Таким образом, по принципу матрешки стал формироваться ряд менее широких по составу, но более продвинутых по уровню сотрудничества межгосударственных объединений. Россия и Белоруссия приступили к строительству союзного государства, которое представляет собой высшую на сегодня форму интеграции. Вместе с другими партнерами они начали создание Таможенного союза.

Первым камнем, заложенным в его основание, стало подписанное 6 января 1995 г. Соглашение о Таможенном союзе между Россией и Белоруссией. 20 января 1995 г. к нему присоединился Казахстан, а 29 марта 1996 г. — Киргизия. В тот же день четыре государства заключили договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, целью которого было провозглашено создание в перспективе сообщества интегрированных государств путем «поэтапного углубления интеграции в экономике, науке, образовании, культуре, социальной сфере и иных областях при соблюдении суверенитета сторон». Предусматривалось также согласование внешнеполитического курса и совместная охрана внешних границ [см.: Хвоцев, Муллаянов, с. 12–14]. Совместными органами управления стали Межгосударственный совет, Интеграционный комитет (постоянно действующий исполнительный орган), Межпарламентский комитет.

Объединенные общим видением стратегии своего развития, общим пониманием целей и задач интеграции, стремлением использовать в полной мере сложившееся в предшествующие годы разделение труда, взаимодополняемость хозяйственных комплексов и сохранившиеся многоплановые связи для ускорения своего социально-экономического развития на согласованных принципах, четыре государства активно приступили к совместным действиям. В 1997 г. были подписаны такие важные документы, как соглашение «О единых мерах нетарифного регулирования при формировании Таможенного союза» и протокол «О международных торговых переговорах государств — участников соглашений о Таможенном союзе при вступлении в ВТО», закрепившие общие

подходы и обязательства согласованных действий в соответствующих областях. В 1998 г. круг взаимодействия заметно расширился: были заключены соглашения о формировании Транспортного союза и о международном автомобильном сообщении, о единых условиях транзита через территории государств-участников Таможенного союза, о взаимодействии энергетических систем, а также целый ряд межведомственных соглашений и протоколов, в т. ч. о сотрудничестве национальных таможенных служб, об упрощенном порядке таможенного оформления товаров и таможенном сопровождении, о сотрудничестве национальных налоговых служб и их взаимной помощи по вопросам соблюдения налогового законодательства. Эти конкретные документы, направленные на устранение начавших было возникать на пути интеграции барьеров, создавали условия для расширения сотрудничества в формате «четверки».

Финансово-экономический кризис 1998 г., однако, заметно осложнил ход интеграционного процесса. Все государства, в том числе и Россия, руководствуясь прежде всего национальными интересами, были вынуждены пойти на принятие мер по защите своих производителей, финансовых и товарных рынков. Зачастую это делалось без согласования с партнерами. Были приняты протекционистские нормативные акты в области регулирования внешней торговли, введены новые ставки ввозных таможенных пошлин, предприняты другие защитные меры.

Еще более осложнило ситуацию в 1998 г. вступление Киргизии в ВТО на условиях, практически полностью открывающих ее внутренний рынок, а потенциально и внутренние рынки ее партнеров по Таможенному союзу для товаров и услуг из третьих стран. При этом киргизская сторона заявила, что она будет участвовать в формировании Таможенного союза только на условиях, вытекающих из ее членства в ВТО.

Несмотря на упомянутые проблемы, сотрудничество четырех государств по многим направлениям продолжалось. Так, в гуманитарной сфере выражением общности подходов стало Заявление «О десяти простых шагах навстречу простым людям», принятое на высшем уровне 28 апреля 1998 г. В порядке его реализации были подписаны Договор о правовом статусе граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства, а также соглашения об обеспечении свободного пересечения границ государств-участников объединения их гражданами, об упрощенном порядке приобретения гражданства, о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях. Были приняты конкретные шаги для упрощения порядка получения гражданами государств-участников образования и медицинской помощи, осуществления денежных переводов, подписки на периодические издания и т. д. Все это свидетельствовало о том, что объединение не потеряло своей перспективности. Его привлекательность для других государств — членов СНГ нашла подтверждение в присоединении к нему Таджикистана (1998).

Пережитый государствами-участниками сложный период поставил на повестку дня вопрос о более просчитанном и поэтапном движении по пути интеграции. Такой подход отражен в подписанном 26 февраля 1999 г. Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. После подписания

договора «пятерку» стали условно именовать Таможенным союзом, хотя ни с правовой, ни с торгово-экономической точки зрения она таковым еще не стала. Не было завершено формирование единой таможенной территории с общими внешними границами и единой системой управления, и даже фактически функционировавший на основе двусторонних соглашений режим свободной торговли не был оформлен на многостороннем уровне. Совпадение ставок таможенных тарифов составляло всего 60 процентов, причем только у России, Белоруссии и Казахстана [см.: Алексеев, Михайлов, с. 33].

В соответствии с договором 1999 г. «пятерка» максимально упростила процедуры таможенного контроля на внутренних границах, согласовала шаги по активизации торгово-экономического сотрудничества. Были заложены основы общего таможенного тарифа и принципы применения защитных мер в торговле, определены меры укрепления взаимодействия национальных валютно-финансовых систем. В целях формирования единого правового пространства партнеры сформулировали направления сближения и гармонизации национальных законодательств.

Вместе с тем к 1999 г. выяснилась ограниченность возможностей продвижения к углубленной интеграции в рамках объединения пяти государств в том виде, в каком оно сложилось, — без должного юридического оформления и даже, строго говоря, без официального названия. Все большую остроту стал приобретать вопрос о выполнении подписываемых партнерами договоров и принимаемых решений. Чувствовалась общая неудовлетворенность темпами движения и глубиной взаимодействия.

На заседании Межгосударственного совета «пятерки» в Минске 23 мая 2000 г. российская сторона высказалась за радикальное повышение эффективности сотрудничества и выдвинула инициативу создания на базе объединения полноценной межгосударственной экономической организации с четкой структурой и эффективно действующим механизмом. Это предложение нашло полное понимание и поддержку партнеров. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества разрабатывался с прицелом на решение двухуровневой задачи: во-первых, обеспечить правовое оформление интеграционного объединения России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана и, во-вторых, заложить организационные основы его эффективного функционирования при обеспечении преемственности с ранее заключенными договорами.

Подписанный в Астане в октябре 2000 г. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества являлся не только формой правового и организационного оформления объединения пяти государств, но и основой перевода их сотрудничества на качественно новый уровень. Сообщество было сформировано на фундаменте накопленного партнерами опыта взаимодействия в торгово-экономической, социальной и гуманитарной областях и наработанной ранее нормативно-правовой базы.

В рамках ЕвразЭС стала применяться общепринятая в современной международной интеграции, но новая для постсоветской интеграционной практики система принятия решений путем «взвешенного голосования», при которой государство с большим экономическим весом располагает и большим количеством

голосов. В Интеграционном комитете (постоянно действующий орган ЕвразЭС) они распределились следующим образом: Россия — 40 %, Белоруссия и Казахстан — по 20 %, Киргизия и Таджикистан — по 10 %, причем решения принимаются большинством в 2/3 голосов. Финансирование Сообщества осуществляется в этих же пропорциях.

Организационно-правовое оформление экономического объединения пяти государств-участников СНГ полностью вписалось в концепцию разноскоростной и разноуровневой интеграции и ни в коей мере не противоречило перспективам развития сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств. Более того, в ЕвразЭС проходили апробацию формы и методы взаимодействия, которые затем предполагалось применять и на более широкой основе. Являясь открытым объединением, Евразийское экономическое сообщество должно было сыграть роль катализатора и локомотива интеграционных процессов на пространстве двух континентов.

Этап 3. Оптимизация межгосударственных отношений (с 2000 г. по настоящее время)

Содержание данного этапа — достижение состояния устойчивого развития социально-экономических систем, воссоздание целостных экономических структур, диверсификация экономики, т. е. доведение структурных преобразований до всех звеньев хозяйственного комплекса, включая самые малые предприятия и дальнейшее функционирование экономических систем государств постсоветского пространства в соответствии с общими закономерностями развития. Взаимодействие начинает строиться на основе разработанных долгосрочных стратегий развития и опирается на целевые программы.

Стремление государств постсоветского пространства к региональной экономической интеграции сегодня — процесс объективный и закономерный. С одной стороны, интеграция экономик нескольких государств позволяет получать каждому его участнику дополнительный системный эффект, т. е. эффект, которого не могут иметь эти страны, организуя только внешнюю торговлю между собой. С другой стороны, такое стремление государств отражает те громадные качественные изменения, которые за последнее время произошли в мире и которые создают благоприятные условия для развития интеграционного процесса в различных сферах общественной жизни.

Во-первых, в мире происходит интенсивное взаимное проникновение капитала различных стран, расширение международной торговли при широкой либерализации внешнеэкономической деятельности. По мере углубления разделения труда конкуренция перестает быть межфирменной в рамках отдельной страны, а становится все более межстрановой, многострановой

Во-вторых, за последние годы в мире разработаны и успешно применяются достаточно надежные и эффективные механизмы регулирования экономического сотрудничества между странами — таможенные, платежные, валютные, экспортно-импортные и др.

Интеграция для постсоветских стран продиктована необходимостью и наличием для этого реальных политических и экономических условий. В первое

десятилетие XXI в. перед Россией и ее партнерами остро встали проблемы поиска своего места в меняющейся конфигурации современного мира. Речь идет, по сути дела, о выборе между альтернативными путями их приобщения к мировому хозяйству: продолжать ли решать эту задачу практически в одиночку, что для многих стран СНГ грозит опасностью быть поглощенным каким-либо из формирующихся мировых «полюсов», или ускорить создание собственного интегрированного сообщества, способного играть самостоятельную роль в международных делах? В постсоветских странах не завершены рыночные преобразования, имеют место расхождения в подходах к темпам и путям их осуществления. Это привело к существенным различиям в национальных хозяйственных механизмах. Для выравнивания сложившихся различий с 1 января 2012 г. стартует важнейший интеграционный проект — Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, проект, являющийся, без преувеличения, исторической вехой не только для трех стран-участниц, но и для всех государств на постсоветском пространстве.

Позиция Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан в вопросах углубления интеграции изложена лидерами государств в программных публикациях на страницах «Известий» и исходит из следующего.

1. Нужно не на словах, а на деле брать твердый курс на приоритетное развитие взаимодействия, на поиск конструктивных путей согласования своих национальных интересов с интересами партнеров. При этом следует относиться к ним не иначе как к равноправным субъектам международного права. В этом смысле никаких различий между ближним и дальним зарубежьем быть не должно.

2. Необходим продуманный, хорошо просчитанный выбор интеграционных задач, которые были бы осуществимы в нынешних условиях и приносили бы ощутимый экономический и политический эффект. Основные усилия следует концентрировать на задачах, предусмотренных Договором о создании Экономического союза, поскольку это является базой для развития всего интеграционного процесса. Нужно переходить от общих рамочных документов и декларации о намерениях к деловым программам и конкретным проектам сотрудничества, предварительно хорошо проработанным экономически с учетом интересов и возможностей участников и содержащим четкие обязательства сторон по их реализации.

Совместные органы необходимо нацелить на более глубокий анализ и согласование экономических условий сотрудничества. При подготовке договоров и соглашений обязательным требованием должна стать разработка четких механизмов их реализации, включая определение обязательств сторон, сроков и исполнителей, а совместно принимаемые решения по сближению хозяйственных механизмов обязательно должны найти отражение в национальных законодательствах. Поднять взаимодействие на качественно новый уровень можно лишь при условии создания системы действенного контроля за выполнением принятых решений и подписанных соглашений. Контроль нельзя сводить только к учету и регистрации хода их выполнения. А также необходимо осознание сторонами необходимости создания наднационального органа, ведь речь идет

о взаимоотношениях между уже суверенными государствами, где нужен процесс согласования и сведения к общему знаменателю различных экономических и политических интересов, законодательных положений, международных обязательств и т. д.

Таким образом, опыт реализации совместных проектов в 1990–2000-е гг. подтвердил необходимость конкретизировать цели интеграции. Страны пришли к выводу, что на данном этапе все усилия надо сосредоточить именно на формировании единого экономического пространства с общим рынком товаров, услуг, труда (рабочей силы) и капитала, с синхронно функционирующими транспортными, энергетическими и информационными системами, гармонизированным законодательством. Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев по этому поводу высказался так: «Сегодня евразийская идея имеет миллионы последователей. В ней видят огромную цивилизационную перспективу. Это возможность для наших государств занять достойное место в глобальном мире, а для наших народов выйти на новый качественный уровень экономического и культурно-гуманитарного взаимодействия. Это наша общая история будущего, которую мы пишем вместе уже сейчас. Ее успешность - это не только задача политиков, это кропотливая работа ученых, специалистов в разных областях, активная поддержка граждан наших государств» [Назарбаев].

Такая постановка вопроса справедлива и своевременна. Сложившиеся в историческом прошлом связи и взаимозависимости в развитии сопредельных государств во многом предопределяют современные контуры сотрудничества по широкому спектру взаимных интересов, создают мотивационные механизмы интеграционных процессов. Их исследование приобретает масштаб государственного значения.

Жарков В. В. Интеграционные процессы в СНГ: проблемы и перспективы. Екатеринбург, 2000. 66 с.

Алексеев Р., Михайлов В. Евразийское экономическое сообщество // Междунар. жизнь. 2000. № 11. С. 25–34.

Хвоцев В. Е., Муллаянов Р. Ш. Пограничная политика и безопасность. Челябинск, 2001. 345 с.

Назарбаев Н. А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 26 окт.

Статья поступила в редакцию 14.09.2011 г.

УДК 32.001 + 327.2(415) + 327.2(57) + 341.221 + 325.3(4)

К. И. Зубков

**АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ***

На основе дополнения и критики евразийской исторической концепции анализируется геополитическое содержание понятия «Азиатская Россия», отражающее цивилизационное своеобразие русской колонизации зауральских территорий. Рассматривается специфика этой колонизации, заключающаяся в сложном сочетании освоения сибирского «Нового Света» и взаимодействия с номадическими цивилизациями внутренней Азии.

Ключевые слова: евразийство; фронтир; экспансия европейской колонизации; геополитика; цивилизационные влияния; варианты колонизации.

Термин «Азиатская Россия» трудно отнести к числу прочно прижившихся в исторических и политических сочинениях; современное его употребление отчасти копирует географическую систематику XIX — начала XX в. Вполне объяснимо предубеждение, которое питали к терминам «Европейская Россия» и «Азиатская Россия» евразийцы [см.: Савицкий, с. 297—298]. Для них, мысливших Россию в духе монолитного имперского «симфонизма», геополитическое самоопределение России как *о с о б о г о м и р а* — Евразии — было равнозначно дистанцированию как от Европы, так и от Азии. В известной мере эта евразийская позиция была предпослана еще русской дореволюционной историографией. В духе «срединного» самостояния рассматривал зарождение Московской Руси уже С. М. Соловьев, видевший особое предназначение Москвы как государственного центра в собирании русских земель и их обороне «от Востока и от Запада, от татар и литвы, от бесерменства и латинства» [Соловьев, 1984, с. 89]. (Для историков «государственной школы» это была, однако, не единственная проекция, в которой интерпретировалась история страны.) В развитие этой идеи органичного единства непрерывно расширяющейся страны Соловьев высказывал мысль о том, что зауральские территории изначально были «предназначены» России: «...природа, отделив Сибирь от остальной Азии пространными степями Татарии, а с востока и севера опоясав уединенными океанами и направив течение больших рек ее к северным тундрам, чрез это самое заставила ее смотреть исключительно на запад, образовала из нее нераздельную часть Европейской России» [Соловьев, 1988, кн. 1, с. 70].

Вместе с тем для истории России невозможно полностью отрицать значение смысловой оппозиции Запад — Восток, которая в российском контексте в значительной мере представляла в виде культурно-географической антитезы Европа — Азия. Это важно подчеркнуть по нескольким обстоятельствам.

* Публикуется в рамках проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

В попытке обосновать самостоятельную цивилизационную идентичность России посредством концепта «Евразия» евразийцы явно преувеличивали степень геополитической преемственности между чередой номадических «экзополитий» Великой степи и позднейшей Российской империей, равно как и значение «славяно-туранского» синтеза как подлинной цивилизационной сущности России [см.: Зубков, 2009, с. 4–13]. Самое главное, в евразийской исторической концепции не давалось внятного ответа на вопрос о том, каким в реальности был механизм геополитического замещения Российской империей ее великого предшественника — монгольской державы Чингисхана, как и почему объединяющий Евразию вектор экспансии сменился с азиатско-монгольского на европейско-русский. Если и можно говорить о синтезной основе российской цивилизации, это все же не снимает вопроса о ведущем звене такого культурно-исторического синтеза.

Для русской историографии в осмыслении генезиса российской цивилизации и государственности различие европейских и азиатских начал было не менее характерно, чем мысль об их синтезе. Для русского исторического самосознания мощное колониционное движение на зауральские территории являлось одной из фундаментальных предпосылок осмысления национального опыта в контексте всемирно-исторического процесса как одного из мощных ответвлений инициированной Великими географическими открытиями глобальной экспансии европейской цивилизации. Повествуя о героической эпопее завоевания Сибири отрядом Ермака, Н. М. Карамзин сравнивал ее с открытием «второго нового мира» для Европы, которому в дальнейшем суждено было на далеком Восточном океане сойтись «с пределами испанских владений», замыкая таким образом круг внешних европейских завоеваний. Для историка, назвавшего Ермака «российским Пизарро», покорение Сибири сближалось «с завоеванием Мексики и Перу» таким единством типических черт (ср., например: «...также горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи, вооруженные стрелами и копьями») [Карамзин, с. 150, 155, 166], за которым стояло тождество смысла событий, а не только их внешней формы.

В начале XX в. основатель геополитики, английский географ Х. Дж. Маккиндер придаст этой исторической параллели значение универсальной тенденции, знаменующей начало Колумбовой эпохи в истории человечества, когда зажатое со всех сторон «внешними варварами» средневековое христианство внезапно преобразилось в безудержной, всемирной по масштабам экспансии Европы, встретившей на своем пути лишь неорганизованное и, по сути, ничтожное сопротивление туземцев. Этот поворот осмысливался Маккиндером как своеобразный исторический реванш Европы, дотоле вынужденной в течение веков отступать и держать оборону против Азии, высылавшей из своих глубин несметные орды воинственных кочевников начиная с нашествия гуннов и кончая натиском Османской империи. Плавание Васко да Гамы в Индию в 1498 г. и поход Ермака в Сибирь в 1581 г. знаменовали новую фазу всемирной истории. С этого времени Азия подвергается наступлению христианской Европы с двух сторон: со стороны своего южного — морского — фасада и со стороны своих обширных северных — континентальных — окраин [Mackinder, p. 12].

Эти мысли не были чужды и русской историографии. В исторической концепции С. М. Соловьева кульминация многовековой борьбы Московского государства против владычества «азиатцев», «кочевых варваров» на просторах Восточно-Европейской равнины рассматривалась в категориях сложной динамики противоборства христианской Европы и мусульманской Азии [Соловьев, 1988, кн. 2, с. 640]. Именно это для историка определяло принадлежность России к европейским государствам и позволяло обнаружить тот смысловой стержень, который в цивилизационном отношении объединял западно-европейскую и русскую историю. Д. А. Корсаков считал, что «поступательное движение на восток» великорусского племени представляло собой «один из моментов многовековой борьбы Европы с Азией», которая «составляет одно из важнейших явлений всемирной истории во всех фазах ее развития: в мире древнем, средневековом и новом» [Корсаков, с. 4]. В этом отношении продвижение русской колонизации на просторы Азии может быть рассмотрено как звено в длинной цепи событий, воскрешающих в памяти греко-персидские войны, походы Александра Македонского, войны Рима и Парфии, крестовые походы, борьбу Европы с монгольским нашествием и экспансией Османской Турции.

Идея «синхронизации» западного, обращенного в Атлантику, и восточного, устремленного на просторы Сибири, флангов наступления Европы на Азию относится к числу важнейших обобщений, которые в конечном итоге — при всей разности социально-экономических и культурных уровней Западной Европы и России — подчеркивают известное единство ритма их исторического развития. (Можно ретроспективно углубить эту параллель, обнаруживая общие черты в испано-португальской Реконките и борьбе Московской Руси против Золотой Орды, в падении Гранады в 1492 г. и взятии Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г.)

В то же время в геополитическом отношении траектории внешней экспансии Запада и России заметно расходились. С завоеванием Португалией и Испанией своих «естественных границ» на крайнем юго-западе Европы национально-религиозный пафос Реконкиты практически исчерпал себя, и традиция священных войн против мусульман-мавров в XV—XVI вв. лишь в малой степени нашла продолжение на сопредельных мусульманских территориях Северной Африки. Открытие морского пути в Индию и обретение стратегических портов на берегах Индийского океана отвлекли португальцев от продвижения в материковые части Северной Африки. Испанцев, искавших морской путь в Индию не на юге, а на западе, аналогичным образом заставили отказаться от продолжения рискованных военных предприятий в Магрибе открытие Нового Света и возникшие в связи с ним колониальные перспективы. Строительство колониальных империй европейцев приобретало вполне отчетливое морское направление: контроль над морскими коммуникациями посредством разбросанных по всему свету стратегических гаваней и фортов представлялся более важным и оправданным, чем попытки оккупации обширных материковых территорий. Например, уже для португальцев доступ к африканскому золоту через открытое в 1482 г. устье Гамбии и форт Мина (1482) оказался более

предпочтительным, чем фронтальное продвижение в районы южнее Сахары через Северную Африку [см.: Матвеев, с. 383].

Открытие Америки и морского пути в Индию реально ослабило и отодвинуло во времени прямое геополитическое противоборство между историческими центрами Европы и Азии, осью которого к концу Средневековья являлась изнурительная борьба за расширение европейско-христианской и азиатско-мусульманской сфер контроля над торговлей между Востоком и Западом. Португальская торговля индийскими товарами, в частности пряностями, не только экономически подрывала венецианскую торговлю с мусульманским Востоком, но и ослабляла заинтересованность европейских дворов в приближении прямого столкновения с Османской Турцией за относительные торговые преимущества в левантийской торговле [см.: Грановский, с. 74]. В еще большей степени подобную роль играл поток золота и серебра, хлынувший из испанской Америки. От колониальной торговли в Новом Свете и на побережьях Азии и Африки к завоеванию и колониальной эксплуатации материковых частей этих континентов европейцы обратились в основном лишь в XIX в. — на новом, индустриальном, уровне своего военного и технологического превосходства над туземцами [см.: Blaut].

Освоение же Сибири сочетало в себе черты чудесно приобретенного и вновь осваиваемого азиатского Нового Света, где должна была впоследствии, как и в Америке, возобладать динамика развития переселенческой колонизации, и продолжения многовекового сухопутного наступления на историческую Азию. В отличие от Западной Европы, в России усилившаяся в XVI в. тенденция к территориальной экспансии и колонизации своего ближнего (сибирского) «Нового Света», напротив, объективно форсировала столкновение с ведущими центрами Азии. Идущая в восточном направлении территориальная экспансия России со второй половины XVI в. обнаруживает почти непрерывное чередование покорения сильных «царств» и приобретения земель, официально считавшихся «пустыми», а на деле слабо заселенных инородческими племенами. Именно в этом, отличном от европейского, смысле, по причине плавного «перетекания» из Европы в Азию, отсутствия резких географических и хронологических разрывов между освобождением от ордынской власти и завоеванием татарских «царств», экспансия России на восток может характеризоваться как *евразийский процесс*.

В этом процессе с трудом обнаруживается сколько-нибудь четко обозначенный и сплошной фронт экспансии; здесь, скорее, можно подразумевать хотя и имевшую географические привязки, но все же основательно размытую границу геополитических и цивилизационных влияний. Существенно и то, что эта граница перемещалась не только с запада на восток, но также с севера на юг. Если Югория — окаймленная реками северная таежная зона Урала и Западной Сибири — вошла в пределы геополитического влияния России едва ли не за столетие до Ермака [см.: Зубков, 1998, с. 46], то Сибирь, первоначально локализуемая как территориальное «ядро» Сибирского ханства [см.: Попов, с. 145], еще и после похода Ермака едва ли могла считаться сферой безраздельного господства России. Границей между этими геополитическими (и в такой же

мере цивилизационными) — русским и татарским — ареалами являлось течение Туры, а затем последовательно уходящие на север течения Тобола и Иртыша. П. Н. Савицкий признавал в «связной линии» важнейших сибирских крепостей — Верхотурья и Тобольска, соединенных речной артерией Туры, устойчивый геополитический барьер между собственно Россией и степной Азией [см.: Савицкий, с. 315—316].

Специфический рисунок этой границы просматривается и в динамическом аспекте, например в соотношении скоростей двух потоков (северного и южного) землепроходческого открытия и освоения Сибири. Первый, следуя вдоль таежно-тундровой широтной зоны Сибири, примерно на 20—30 лет опережал второй, который тормозился на границе леса и степи частыми военными столкновениями с воинственными кочевниками и необходимостью осуществления здесь специальных оборонительных мероприятий. Так, например, выход русской колонизации на рубеж Енисея на севере был закреплен в целом в начале XVII в., когда были заложены Мангазейский острог (1601), Туруханское и Инбатское зимовья (1607); контроль над средним течением Енисея был установлен в 1618—1619 гг. со строительством Маковского и Енисейского острогов; начало утверждения русских на верхнем Енисее относится лишь к 1628 г. — времени закладки Красноярска [см.: Никитин, с. 24—26]. При этом в стратегическом отношении опережающие темпы освоения северной зоны как бы создавали геополитический «навес» над южными территориями Сибири, предопределяя тем самым их дальнейшее вхождение в состав Русского государства [см.: Зубков, 2006, с. 11].

Граница между двумя ареалами русской колонизации зауральских территорий (один относительно мирно, по мере освоения, включался в «эффективную» национальную территорию России, другой долгое время представлял собой арену продолжающегося противоборства России с кочевыми народами Азии) никогда, впрочем, не приобретала характера жесткой разделительной линии, следующей указаниям климата и ландшафта. Совершенно особую — связующую разнотипные ландшафтные зоны — роль в освоении Урала и Сибири играл речной дренаж. Юрий Крижанич писал в своей «Политике»: «...Вся сила сибирской земли в ее реках, и кто хозяин рек, тот хозяин и этой земли» [Крижанич, с. 176]. К непрерывной цепи малых и больших рек, по существу, была привязана вся летописная топография «Сибирского государства» [ПСРЛ, с. 75]. В Сибири речные магистрали существенно облегчали передвижение отрядов землепроходцев (особенно в тех случаях, когда требовалось перемещать большие объемы военных припасов и продовольствия) и, в силу слабой освоенности территории, если не повсеместно, то на ряде дистанций заметно его ускоряли. Примечательно и то, что прокладка основных путей в Сибирь первоначально была связана главным образом с поиском самых коротких (хотя и трудных в физико-географическом отношении) волоковых переходов, локализуемых в местах наибольшего сближения речных истоков западного и восточного склонов Урала. Так, огромная протяженность существовавшего в конце XVI в. Вишеро-Лозьвинского (Чердынского) пути (около 2 тыс. верст, считая от Соликамска до Тюмени) и прочие его неудобства (труднейший переход через Уральский

хребет, необходимость зимовки в Лозьвинском городке) искупались тем, что пролегал он исключительно по речным маршрутам — по Каме и Вишере, затем по левому притоку Вишеры р. Велсу и далее, через короткий волок, с выходом на р. Тальтию, приток р. Ивделя, и затем по Ивделю, Лозьве, Тавде и Тоболу. Инерция прокладки основных коммуникаций по рекам была настолько сильна, что даже проложенную в 1597 г. Бабиновскую дорогу (фактически, прямую сухопутную трассу от Соликамска до Верхотурья протяженностью 250—270 верст) летописная традиция первоначально обозначала как дорогу «волоковую», служащую лишь промежутком между речными артериями Камы и Туры [Там же, с. 77, 141].

Речные системы Урала и Сибири во многом определяли направление русских завоевательных и колонизационных потоков не только потому, что технически облегчали их продвижение вглубь континента и проецировали в сознании первопроходцев наиболее удобные пути к легендарным центрам азиатской торговли [см.: Крижанич, с. 83, 176], но и в силу того, что позволяли при переходе от леса к степи формировать «подвижную структуру» безопасности (казачьи речные флотилии), способную к глубоким вторжениям в зоны сплошного враждебного окружения. Примеры умелого использования Ермаковыми казаками комбинированной (сегодня мы бы сказали, «амфибийной») военной тактики доносят до нас летописные эпизоды, повествующие о «Сибирском взятии». Так, обратив в бегство у Бабасанских юрт высланный им на перехват отряд племянника Кучума Маметкула, казаки приостанавливают преследование и вновь укрываются от стрел противника на своих «плавучих крепостях» — стругах: «Паки ж казаки поплыша в стругах своих по реке Тоболу. Татаровя же начаша стреляти из-за горы на струги их. И то место преплыша ничим милостию Божиею не вреждени» [ПСРЛ, с. 83]. В техно-географическом отношении русская цивилизация в Северной Азии вполне могла характеризоваться как «гидравлическая», хотя, разумеется, термин этот следует здесь трактовать совсем в ином смысле, нежели это сделано в известной концепции К. А. Виттфогеля.

Не подлежит сомнению, что этот речной фактор, наряду с практикой строительства укрепленных форпостов — острогов (также тяготевших, как правило, к речным артериям) и использованием огнестрельного оружия, обеспечил в процессе первоначального завоевания и освоения азиатских пространств главные цивилизационные преимущества, посредством которых русское меньшинство могло прокладывать пути последующей массовой колонизации в зонах непосредственного столкновения с численно преобладавшим тогда и чрезвычайно мобильным номадическим населением лесостепного и степного поясов Урала и Сибири. Небезынтересно, что Юрий Крижанич именно такую группировку факторов относил к тем «обычным или простым твердыням», что составляют «силу» государств: «Обычные или простые твердыни: остроги, реки, оружие и иное» [Крижанич, с. 93].

Именно наличие речной системы, обеспечивая глубокие «прорывы» русской колонизации в номадические ареалы, существенно усложняло конфигурацию рубежей геополитических и цивилизационных влияний, «размывало» их и превращало в более или менее широкую, взаимопроникающую с двух сторон

полосу подвижной границы, живущую в тревожном ритме хозяйственного освоения и военной обороны (во «фронтир»). Следует, однако, осознавать всю условность такого определения в применении к российской колонизации восточных и юго-восточных окраин: русский «фронтир» существенно отличался от американского тем, что практически нигде не представлял собой сплошного, фронтального наступления русской колонизации (которая в Азии могла восприниматься и воспринималась как европейская) и полного вытеснения носителей других цивилизационных укладов, как это было в Северной Америке. В реальности в полосе подвижной границы заселения русскими Урала и Сибири формировалась чересполосная, комбинированная система с о с у щ е с т в о в а н и я различных социально-экономических и культурно-бытовых укладов, которые либо были занесены переселенцами из областей Европейской России, либо имели автохтонное происхождение, либо представляли собой результат воздействия более развитых, чем автохтонные, азиатских цивилизаций. А это, по существу, означает, что здесь сохранялась в гораздо более цельном и относительно нетронутом виде и основа для сохранения этнических идентичностей.

Очевидно, что в значительной степени конфигурация расселения различных народов в полосе «фронтира» определялась ландшафтно-географической «привязкой» основных потоков русской колонизации и «ниш» расселения азиатских народов. Ю. М. Тарасов, анализируя процесс русской крестьянской колонизации Южного Урала в XVIII — первой половине XIX в., наглядно описывает, как формировалась эта модель расселения. Основание Оренбургской экспедицией Верхнеяицкой (Верхнеуральской) крепости осенью 1734 г. было вызвано первоначальной потребностью сплавать по Яику из Сибири хлеб, железо и другие припасы, необходимые при постройке главной опорной крепости в крае — Оренбурга. В 1735 г. при впадении р. Ори в Яик был основан Оренбург (нынешний Орск). В условиях растущего противодействия этому башкирского населения по рекам Яику, Самаре и Сакмаре было построено 21 укрепление яицкой линии (включая современный Оренбург, основанный в 1743 г.). Таким образом, русскими крепостями была «оседлана» практически вся речная система Яика. Осенью 1736 г. завершается строительство исетской линии из 4 крепостей по течению Миасса — Чебаркульской, Еткульской, Челябинской и Миасской, которые не только брали под защиту расширяющуюся зону земледельческого освоения края, но обеспечивали речное соединение с верховьями Яика. В Южном Зауралье в начале 50-х гг. XVIII в. была возведена уйская линия в составе Троицкой, Каракульской, Крутоярской, Усть-Уйской и Звериноголовской крепостей. От устья р. Миасса до Камы протянулась екатеринбургская линия (Шадринск — Екатеринбург — Красноуфимск — Кунгур — Оса). В результате основная территория Башкирии оказалась заключена в большой «четырёхугольник», западную сторону которого составляли Кама и Волга, северную — екатеринбургская линия, восточную — крепости вдоль Миасса и Яика до впадения в него Ори, южную — яицкая линия крепостей [Тарасов, с. 41—42]. Так, даже в зонах интенсивного земледельческого освоения формировались «острова» слабо затронутых русской колонизацией этнических массивов (более того, разделявшие и дробившие ее магистральные потоки).

Фактически, если попытаться реконструировать общий административный проект закрепления новых земель на востоке страны и лежащие в его основе соображения, то окажется, что русский «фронт» раздвигал на юг и восток безопасный ареал земледельческого заселения, не столько вытесняя или истребляя коренное и иммигрировавшее азиатское население, сколько пронизывая его массивы «силовыми линиями» безопасности (линии крепостей, опирающиеся на речные системы) и тем самым стабилизируя общую структуру расселения и мирной хозяйственной деятельности. Основной проблемой, которая при этом вставала перед русской администрацией, являлось «замирение» и удержание от «шатости» народов, сохраняющих в значительной степени экстенсивный характер землепользования и традиционный кочевой уклад жизни, главным образом предотвращение их набегов на основанные русскими заводы и земледельческие слободы. О том, что русские крепости в Зауралье являлись не столько форпостами передовой линии русского продвижения, за которой складывался однородный массив русского населения, сколько стабилизирующими административную и хозяйственную структуру «ребрами жесткости», свидетельствует тот факт, что многие из них выполняли своего рода двойную защитную функцию. Известно, например, что основанная в 1736 г. Челябинская крепость возводилась по государственному повелению при участии местного башкирского старшины Таймаса Шаимова и на его родовых землях; ее строительство было связано не только с тем, что она должна была стать составным элементом системы крепостей, «блокировавших» лежащую к западу спокойную Башкирию, но и с ее ролью в качестве оборонительного узла для отражения набегов с востока и юга — со стороны казахов [см.: По советскому Уралу, с. 112].

Такое общее понимание процесса заселения восточных окраин России существенно дополняет и развивает оригинальная концепция ныне малоизвестного русского историка и публициста М. И. Кулишера, который попытался объяснить динамику разрастания казачьего бунта под предводительством Е. И. Пугачева до масштабов крестьянско-иностранной войны преимущественно «механически», именно как прямой результат нарушения установившегося «равновесия» в поселенческой структуре юго-восточных окраин. Самовольный уход 600 тыс. калмыков из поволжско-приуральских степей в Джунгарию в начале 1771 г. не только повлек за собой опасное «возбуждение», а затем и «снятие» с места значительной массы взбунтовавшихся в 1772 г. яицких казаков, но и образовал обширный вакуум в поддерживаемой русской администрацией и достаточно «плотной» общей системе взаимного «преудержания» кочевых и горских народов от набегов. Возросшая в результате этого подвижность масс кочевого населения, как убедительно показывает автор, привела к раскручиванию гигантского маховика восстания, географически следовавшего инстинктивным целям «увеличения толпы» и движения по линии «наименьшего сопротивления». Кулишер, в частности, пишет: «...Народное движение, называемое Пугачевским бунтом, шло не туда, куда сознательно стремились главные зачинщики его, а также не по тому направлению, которое предсказывалось командирами преследовавших Пугачева правительственных войск. Движение

шло по направлению, которое диктовалось чисто механическими условиями места и времени» [Кулишер, с. 598–602]. Данные соображения в значительной степени проливают свет не только на механизмы возникновения противогосударственных народных выступлений на окраинном пограничье Европейской и Азиатской России, но и на содержание той исторической миссии, которую выполнял здесь русский административный проект.

Все это неизбежно должно было сообщить развитию зауральских земель России совершенно особые черты, которые, на наш взгляд, наиболее полно как раз и воплощает концепт Азиатской России. Открывая здесь собственный «Новый Свет», русская колонизация практически одновременно вступала в соприкосновение с исторической Азией в лице ее культурных народов. В процессе этого соприкосновения имевшее давние исторические традиции противоборство с Азией органично сочеталось с включением (поначалу до известной степени механическим), а затем и интеграцией азиатских народов в общий административно-политический и культурно-экономический порядок, утверждавшийся на окраинах. Этот процесс, безусловно, содержал в себе начала модернизации, поначалу административной, дающей возможность оседлому русскому земледельцу жить бок о бок с кочевником, а затем — чрезвычайно растянутой во времени экономической модернизации. Такой порядок, конечно, накладывал определенные стеснения на ресурсные возможности номадического уклада, однако это был довольно мягкий, щадящий вариант колонизации. Он не только выгодно отличался от практики европейского колониализма, но и обеспечил России на внутренних просторах Азии мощное стратегическое преимущество в конкуренции с собственно азиатскими цивилизационными центрами — Османской империей, государством Шейбанидов, Китаем, стремившимися на разных этапах подчинить эти территории посредством примитивной податной эксплуатации или номинальных выражений покорности.

Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1986.

Зубков К. И. Верхотурье — Урал — Россия: пространство геополитических смыслов // Культурное наследие российской провинции: история и современность : к 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

Зубков К. И. Российский Север в геополитической динамике XV—XVII вв. // Урал. ист. вестн. 2006. № 13. Ямал. вып.

Зубков К. И. Евразия как историческая реальность (к реконструкции научной идеи) // Урал. ист. вестн. 2009. № 4 (25). С. 4–13.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 9–12. Калуга, 1993.

Корсаков Д. А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на восток. Казань, 1889. С. 4.

Крижанич Ю. Политика. М., 1997.

Кулишер М. Механические основы передвижения масс // Вестн. Европы. Журн. истории, политики, литературы. 1887. Кн. 8, авг. С. 598–602.

Матвеев В. В. Лев Африканский. Его время, его жизнь, его труд // Лев Африканский. Африка — третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть. Л., 1983.

Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990.

- Попов А. И.* Названия народов СССР. Введение в этноимику. Л., 1973. С. 145.
- По советскому Уралу* : путеводитель / сост.: А. А. Афиногенов, А. В. Баранов, В. А. Гензель, Е. М. Ляшков. Свердловск, 1928.
- ПСРЛ. Т. 36 : Сибирские летописи. Ч. 1 : Группа Есиповской летописи. М., 1987.
- Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М., 1997.
- Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
- Соловьев С. М.* Сочинения : в 2 кн. Т. 1–4. М., 1988.
- Тарасов Ю. М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала : (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М., 1984.
- Blaut J. M.* The Colonizer's Model of the World. Geographical Diffusionism and Eurocentric History. N. Y. ; L., 1993.
- Mackinder H. J.* The Geographical Pivot of History // The Geograph. J. 1904. Vol. 23, n. 4.

Статья поступила в редакцию 04.07.2011 г.

УДК 327.57(470) + 327.57(517.3) + 327.57(510) + 341.232.7

Б. В. Базаров

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИПЛОМАТИЯ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ СИБИРИ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Рассматривается процесс вовлечения регионов России во внешнеэкономическую деятельность и международные отношения. Анализируются виды этих связей в рамках региональной парадипломатии, российско-монгольские и российско-китайские взаимодействия на уровне регионального сотрудничества.

Ключевые слова: региональное сотрудничество; региональная парадипломатия; российско-монгольско-китайские взаимодействия.

Современные социально-экономические и политические процессы в мировом сообществе формируются в результате противоречивого взаимодействия глобализации и регионализации. Биполярный мир окончательно распался, а новый многополярный мир находится в процессе формирования. Его дальнейшее развитие может в принципе исключить сохранение или создание какого-либо одного государства в качестве супердержавы. Возможно, что новое переустройство мира будет предполагать национально-государственный, расово-этнический, социально-экономический, социокультурный, религиозный, политический и иные формы плюрализма.

Одним из наиболее ярких проявлений регионализации стало усиление процесса вовлечения регионов во внешнеэкономическую деятельность и международные отношения. Усиление этих тенденций позволило определить их общую закономерность, все чаще определяемую как региональная парадипломатия.

Региональная парадипломатия находится в сложной структурной взаимосвязи. Обычно выделяют трансрегиональную (установление контактов между

регионами России и иностранных государств), транснациональную («сетевое» сотрудничество между территориальными субъектами государства и транснациональными институтами типа неправительственных организаций или ТНК) и интернационализированную (связи между субнациональными единицами и иностранными правительственными инстанциями).

Виды всех этих отношений начинают свое проявление на азиатском пространстве, но очевидно, что значительный комплекс вопросов потребует усиленной проработки как с точки зрения практики взаимодействующих государств, так и международного и действующего в странах законодательства. Дело в том, что федеральные системы, а также структуры, схожие с ними в своих основных чертах (Европейский союз), доказали, что они являются наиболее эффективными гарантами мира, если действуют в духе «учета взаимных интересов», поскольку такой учет является составной частью правовых обязательств, обеспечивающих интегрированность системы.

Наоборот, слабо связанные конфедерации¹ государств, в конституционной структуре которых отсутствует подобный принцип или же какое-то другое аналогичное правовое устройство, обуславливающее их интегрированность, едва ли могли на протяжении достаточно продолжительного времени служить этой цели. Это сравнение справедливо и по отношению к структурам, которые до сих пор остаются всего лишь квазифедеральными, но которые в своем подходе к урегулированию конфликтов никогда не исходили из исключительно конфедеративной модели. В этой связи представляется правильным утверждение о том, что после Второй мировой войны наиболее эффективным инструментом поддержания мира является Европейский союз. Он никогда не добился бы такого успеха, если бы создавался по конфедеративному принципу. Подобный принцип трудно определить, он представляется слишком расплывчатым и шатким, чтобы служить целям миротворчества и поддержания мира².

Преимущество федеральных или квазифедеральных систем состоит с одной стороны в их гибкости, а с другой — в обязательной силе их законодательных решений. Но при этом обязательная сила может адекватно сочетаться с приспособлением к соответствующей проблематике потенциального взаимодействия.

Однако практика взаимодействия стран и государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и Восточной Азии потребует уточнения не только понятийного аппарата, применяемого в употреблении дефиниции региональной парадипломатии, но и смены некоторых устоявшихся форм регулирования этих отношений в глобализирующемся мире. В настоящее время под этим термином понимают участвовавшие визиты региональных руководителей

¹ Во избежание терминологических недоразумений следует отметить, что Швейцария, например, называется конфедерацией исключительно в силу верности исторической традиции, тогда как ее правовая система и практика политико-административной деятельности являются по своей сути федеративными.

² Это утверждение доказывает, например, исторический опыт Германского союза 1815—1866 гг., который распался в результате войны между Пруссией и Австрией.

в сопредельные государства, иногда более расширенную практику взаимодействия официально аккредитованных общественных организаций.

На огромном восточноазиатском пространстве произошла невиданная социальная тектоническая подвижка, которая ввела в новый мировой оборот миллиарды людей. При этом огромные массы людей демонстрируют новое невиданное раннее качество популяции. Сопровождающий этот сдвиг информационный, научный и технический прогресс имеет явные черты смены конфигураций мировых сил. В условиях недалекого прошлого менее значительные процессы приводили к жесточайшим, доходящим до мировых войн региональным конфликтам «за передел уже поделенного мира», силовое перераспределение рынков сбыта продукции и сфер влияния. Но начавшийся век вывел в приоритеты такие формы взаимодействия мировых систем, государств и обществ, которые позволяют быть более гибкими в общечеловеческом диалоге.

В настоящее время региональная парадипломатия в России проявляется в следующих типах отношений [подробнее см.: Вардомский, Голунов, с 522].

- 1) регион — иностранные государства;
- 2) регион — иностранные правительства (этот вид связей осуществляется непосредственно через консульства и посольства зарубежных стран);
- 3) регион — федеральные органы — зарубежные правительства (Росвооружение сотрудничает с администрациями ряда областей, производящих вооружение, для нахождения оптимальных вариантов его экспорта);
- 4) регион — регион (программы межрегионального сотрудничества), а также сотрудничество между различными организациями двух регионов в рамках региональных программ;
- 5) регион — международные организации;
- 6) город — федеральный центр — международные организации (так, Росзарубежцентр представляет интересы некоторых российских городов в рамках европейской программы «Породненные города»);
- 7) регион — частные международные организации (администрация Нижегородской области, например, при выпуске евробондов прибегла к помощи зарубежных банков и аудиторских компаний);
- 8) регион — международные неправительственные организации («Гринпис», «Врачи без границ» и т. д.);
- 9) регион — межрегиональные ассоциации — федеральный центр — международные организации (Росзарубежцентр подписал договор с организацией «Сибирское соглашение об оказании посреднических услуг при подборе международных партнеров);
- 10) реализация на территории регионов программ международных организаций;
- 11) регион — трансрегиональные организации — европейские организации (регионы, участвующие в Форуме стран Балтийского моря или Баренц-Евросоветом, могут выступать в качестве участников программ ЕС);
- 12) регион — этническая диаспора — международные организации (этот способ активно используют Чечня и Татарстан); региональные предприятия —

международные организации (руководители многих крупнейших предприятий России приглашаются на Всемирный экономический форум в Давос);

13) участие региональных структур (предприятий, вузов, некоммерческих предприятий) в деятельности международных организаций; промежуточными звеньями в этих случаях могут федеральные и региональные структуры;

14) регион — федеральные власти — иностранные финансовые институты (Нижегородская делегация, например, во время переговоров о реструктуризации долга перед Лондонским клубом кредиторов работала в контакте с Министерством финансов РФ);

15) город — город (побратимские отношения в сфере культуры, науки, образования, спорта);

16) город — международные организации;

17) город — город — международные организации (Союз балтийских городов, например, тесно сотрудничает с Советом стран Балтийского моря, Европейским советом местных и региональных властей, другими организациями);

18) регион — федеральное правительство — частные компании — международные банковские институты (к примеру, правительство Татарстана при содействии правительства РФ для реструктуризации долга КамАЗа перед Европейским банком реконструкции и развития обратилось к одной из международных аудиторских фирм, поскольку было необходимо оценить финансовую ситуацию на заводе по международным стандартам);

19) региональные организации российского региона (банки, вузы, некоммерческие организации и др.) — региональные организации региона другой страны (банки, вузы, некоммерческие организации и др.); контракты заключаются между самими структурами без посредничества региональных, центральных властей и международных организаций.

Это достаточно новые явления. При этом во взаимодействии регионов Сибири и Дальнего Востока не формируются лимитрофные зоны и не происходит усиление ирредентных тенденций. Дисинхрония российско-китайского развития приобрела устойчивую перспективу выравнивания. Все определяемые тенденции говорят в пользу начинающего набирать силу восточноазиатского направления российской экономики. Дело не в ослаблении западной парадигмы московской политики, а в инвентаризации сырьевых возможностей Сибири и Дальнего Востока с перегруппировкой нарастающего капитала в странах восточноазиатского вектора. Россия, преодолевая настроения политической китаефобии, стремится к оживлению контактов с Китаем в области экономики, культуры и образования. Но партнерство с Китаем не превратится к 2010—2015 гг. в абсолютное добро или же абсолютное зло, поскольку принципиальное сочетание позитивных возможностей и рисков будет сохраняться и модифицироваться.

Китай рассчитывает на постепенное вхождение в мировые схемы. Вместе с тем китайский опыт, как и все китайские реформы, носит исторически незавершенный характер, несмотря на то, что он дал значительные позитивные результаты. Сам исторический эксперимент нуждается в проверке временем. Частные компании и лица, на которых ложится груз экономической ответственности,

имеют свои интересы, не всегда совпадающие с интересами государства, для них проблема государственного суверенитета имеет значительно меньшее значение по сравнению с возможностью отстаивать свои права и индивидуальные международные интересы.

Во время визита президента Российской Федерации В. В. Путина в КНР, состоявшегося 21–23 марта 2006 г., были подписаны соглашения, которые обещают в будущем значительный рост товарооборота (до 60–80 млрд долл. США к 2010–2015 гг.), взаимных инвестиций, расширение двустороннего сотрудничества. Однако визит еще раз продемонстрировал экономические «несстыковки» российско-китайской кооперации. Российский экспорт оставался (и остается) в основном военно-техническим и сырьевым. Машинно-технический экспорт Китая в Россию продолжает нарастать при одновременном сокращении российского экспорта по этой же статье.

Планка взаимной торговли была поднята с 30 млрд долл. США в 2005 г. до 60–80 млрд к 2010–2015 гг. Это, конечно, пока не идет в сравнение с показателями торговли между США и Китаем, которая составляет более 300 млрд долларов в год [Лузинин, с. 342].

Как заявил В. В. Путин, Россия намерена изменить структуру торговли за счет увеличения доли высокотехнологичных проектов. Находясь в Пекине, российский президент объявил, что Газпромом и CNPC (Cina National Petroleum Corporation) в Китае будут построены две газовые ветки: из Западной (проект «Алтай») и Восточной (законсервированный Ковыктинский проект) Сибири с объемом перегоняемого газа в 60–80 млрд кубометров. Фактически это означает признание того факта, что Россия рассматривает Китай в качестве одного из наиболее перспективных потребителей сибирского газа и нефти наряду с европейскими и другими государствами.

Указанные переговоры отразили желание китайской стороны реально присутствовать на инвестиционном поле России. Ху Цзинь-тао, в частности, отметил, что Китай планирует вложить в российскую экономику 14 млрд долларов США. Правда, срок для этого был назван достаточно продолжительный — в пределах 2010–2015 гг. Однако тенденция роста азиатских инвестиций в экономику Российской Федерации, прежде всего китайских, очень важна, особенно для Сибири и Дальнего Востока [см.: Там же].

Что касается военной составляющей российско-китайской торговли, то увеличение ее объемов за счет дальнейшего роста военных заказов весьма вероятно и в будущем. Но похоже, что китайский финансовый ресурс для развития российского ВПК постепенно истощается. Как уже упоминалось, Китай фактически спас российский ВПК в 1990-е гг., тогда военные заказы из Китая и Индии составляли 90 %. В настоящее время ситуация изменилась.

Для крупного китайского бизнеса наряду с ТЭК и ВПК становятся привлекательными и другие направления, которые могли бы разрабатываться на взаимовыгодной основе. К ним относится комплекс сфер, связанных с телекоммуникациями, химической и легкой промышленностью, транспортом, автомобилестроением. Особый интерес Китай проявляет к Транссибу, который мог бы значительно ускорить транзит его товаров через Россию в Европу. Возможны

и отдельные проекты, связанные с атомной энергетикой, а также дальнейшим развитием космических программ.

Ху Цзиньтао напомнил, что Китай ежегодно тратит 350 млрд долларов на приобретение высокотехнологичного оборудования по всему миру и что если российская машино-техническая продукция будет конкурентоспособна, то Китай также станет закупать ее в больших количествах. Однако для России проблема заключается в том, что российская и китайская экономики при схожих тенденциях роста различны в качественных и структурных характеристиках [см.: Лузинин].

Недостаточная степень интеграции России в мировую экономику не позволяет ей вести равную борьбу на мировых рынках. Это приводит к тому, что в торговле с Китаем в качестве приоритетных остаются продукция военной промышленности и сырье. России в отношениях с Китаем, по всей видимости, в ближайшей перспективе придется довольствоваться ролью «младшего партнера». Несмотря на положительные тенденции, которые наблюдаются в России в течение последних полутора лет, Китай своими масштабами экономического роста значительно опережает Россию. Тем не менее данное партнерство имеет для России ряд преимуществ:

- союз с Китаем приведет к созданию нового полюса на мировой арене;
- появятся огромные рынки сбыта, следовательно, увеличится экспорт российской продукции;
- новые технологии позволят повысить эффективность отечественного производства;
- значительные инвестиционные ресурсы — капиталовложения в реальный сектор и новые научные разработки;
- появляется возможность привлечения капиталов на Дальний Восток и в Сибирь;
- начнется интеграция промышленности Дальнего Востока и Сибири в единое экономическое пространство АТР;
- получит возможность дальнейшего развития транспортная инфраструктура.

Россия имеет вполне реальную возможность встать на перепутье главных торгово-экономических потоков между странами СНГ и тихоокеанскими государствами, а затем между Европой и Азией. Рост потребностей в эффективных трансконтинентальных перевозках между Европой и Азией, политические факторы, связанные с появлением в Центральной Азии новых независимых государств, стимулировали процесс разработки концепций формирования новых евроазиатских транспортных коридоров. Маршруты этих коридоров и проходящие по ним грузопотоки могут в перспективе оказать большое воздействие на экономические интересы России.

В то же время выгоды для Китая от союза или партнерства с Россией также трудно переоценить:

- военное сотрудничество способствует укреплению международного статуса;
- доступ к неограниченным минеральным ресурсам, среди которых газ, нефть, лес, цветные металлы и т. д.;

- доступ к передовым научным разработкам и технологиям;
- перспективный рынок сбыта промышленной продукции (особый интерес представляет собой приграничная и межрегиональная торговля; объемы торговли в 7–8 млрд долл. США являются только началом серьезных и длительных торговых отношений);
- транзитный коридор через территорию России, соединяющий Китай с Европой и странами СНГ.

Для подкрепления аргумента о потенциальных выгодах Китая можно вернуться к такому примеру. По прогнозам специалистов, к 2010 г. ежегодные объемы потребления газа в Китае увеличатся как минимум в 4 раза. Это означает, что уже сегодня перед официальным Пекином достаточно остро стоит вопрос о возможностях значительного увеличения объемов импорта голубого топлива. В качестве основного поставщика газа в Китай сегодня рассматривается Россия. Однако для этого российской стороне при помощи китайских компаний необходимо реализовать один из двух мегапроектов экспорта газа в КНР. Хотя эти проекты сталкиваются с целым рядом серьезных проблем, связанных преимущественно со сроками окупаемости, их условия продолжают обсуждаться. У России есть реальные шансы занять доминирующее положение среди экспортеров газа в Китай. В случае реализации подобного сценария Россия получит серьезные экономические и геополитические выгоды.

Такие перспективы и возрастающий уровень взаимоотношений стимулируют рост регионального сотрудничества сибирских регионов с провинциями Китая, особенно с приграничными. Именно сибирские регионы являются главными носителями тех природных ресурсов, которые наиболее привлекательны для экономического обмена, подавляющее большинство транзитных позиций должно состояться именно по линии приграничных торговых территорий. Кроме того, должна возрасти транспортно-логистическая составляющая этих процессов, которая невозможна без нормальной региональной составляющей с обеих сторон. Возникает масса дополнительных факторов, которые усиливают региональные взаимодействия разного уровня и являются неизбежным следствием нарастающего сотрудничества. Центр, в силу растянутых коммуникаций и удаленности основных акторов социально-экономического процесса, не в состоянии выстроить эффективный тыл без поддержки регионов. Печальный опыт прошлого, основанный на монополии внешней торговли, — яркий тому пример. Именно поэтому потребуется вдумчивый переход к региональной составляющей общего курса государств при интенсификации внешнеэкономической деятельности.

Несколько иная ситуация складывается по оси взаимодействия во Внутренней Азии, что во многом связано со своеобразием социально-экономических условий. Здесь региональная парадипломатия и диалог великих государств протекают несколько в ином ключе.

В постсоветский период Монголия была вынуждена маневрировать и искать оптимальный баланс между возможностями своей экономики, переживавшей кризисные явления, и внешними факторами, имеющими сложную траекторию развития. Однако если политическое сотрудничество Монголии и Рос-

сии развивается весьма динамично, что отмечается в зарубежной литературе [см.: Harland], то в экономической сфере, несмотря на стабильное сотрудничество, складывается не столь позитивная картина. Согласно данным Национального статистического управления Монголии, за 10 месяцев 2007 г. доходная часть госбюджета составила 1 407,5 млрд тугриков, а расходная 1 221,3 млрд тугриков [Данные...]. В последние годы наблюдается тенденция превышения доходов над расходами, и общий бюджетный профицит составил 186,2 млрд тугриков. Аналогичная ситуация складывается и в отношении текущего баланса госбюджета, где профицит обозначен в размере 378,6 млрд тугриков. Увеличение бюджетных поступлений произошло на 26,9 % (в основном за счет общих налоговых доходов). Наполняемость бюджета позволяет руководству страны осуществлять различные программы, направленные на повышение благосостояния народа.

По предварительной оценке Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), ВВП Монголии на конец года составит около 4 млрд долл. США. Валовое промышленное производство за десять месяцев 2007 г. по сопоставимым ценам 2000 г. составило 738,2 млрд тугриков и возросло на 13,1 %, или на 85,4 млрд тугриков, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и носит устойчивый характер. Конкретно по отраслям: горнодобывающая — 335,1 млрд тугриков (рост 2,8 %), электроэнергетика, теплоэнергетика, водоснабжение — 98,2 млрд (рост 2,8 %), пищевая — 104,1 млрд (рост 25,8 %), металлургия — 84,7 млрд тугриков (рост в 2 раза) [см.: Там же].

Грузооборот, осуществляемый всеми видами транспорта, составил 18,5 млн т: железнодорожным 11,6 млн т (снижение на 6 %), автомобильным транспортом 6,9 млн т (снижение на 10,1 %). Добыча и продажа золота составила 13,9 т (уменьшение на 6,9 %).

Состояние сельского хозяйства, основой которого является животноводство, носит стабильный характер. По данным за октябрь 2007 г. поголовье молодняка составило 12,4 млн голов, что на 1,8 млн голов больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Заметно сократился падеж поголовья скота, составив 210,9 тыс. голов, что на 166,9 тыс. меньше, чем в предыдущем году.

Согласно данным от 1 ноября 2007 г. был собран урожай зерновых в объеме 114,7 тыс. т (снижение 4,5 %); картофеля 114,3 тыс. т, овощей 76,4 тыс. т (увеличение 7,3 %), сена 892,8 тыс. т [см.: Там же].

По данным Монголбанка, на конец сентября 2007 г. денежная эмиссия (M2) составила 2 264,1 млрд тугриков, что на 46,4 % больше показателя аналогичного периода 2006 г. Размеры денежной массы, находящейся в обращении, составили 323,1 млрд тугриков и возросли на 36 % по сравнению с прошлым годом. За отчетный период вклады граждан и организаций в национальной валюте увеличились на 443,9 млрд тугриков (72,2 %) и составили 1 058,7 млрд тугриков. Валютные вклады уменьшились на 49,1 млрд тугриков (11,9 %) и составили 363 млрд тугриков. Курс национальной валюты по отношению к доллару США составил 1177,5 (ослабление на 1,1 %) [Там же].

На Фондовой бирже в октябре 2007 г. было проведено 23 сессии, в результате реализовано 8,6 млн акций; сумма расчетных операций составила 20,7 млрд

тугриков, количество реализованных акций по сравнению с прошлым годом увеличилось в 12,8 раз, а их стоимость — в 103,4 раза. Общая рыночная капитализация поименованных компаний достигла 703,7 млрд тугриков. Индекс цен и тарифов на потребительские товары возрос на 14,2 % по сравнению с аналогичным периодом 2006 г. и на 0,9 % по сравнению с предыдущим месяцем. В перечень товаров, на которые выросли цены, вошли одежда, ткани, обувь.

В Монголии функционирует 16 банков и 114 небанковских финансовых организаций. Они поддерживают деятельность всех отраслей и готовы выдавать кредиты. В 2005 г. процентные ставки кредитов составляли 30,6 %, в 2007 г. - 16,8-19,2 % [Об итогах...].

В сфере внешней торговли отмечен рост. Внешнеторговый товарооборот составил 3127,8 млн долл. США, из них 1469,3 млн долл. приходится на экспорт, а 1658,5 млн долларов — на импорт. Таким образом, отрицательное внешнеторговое сальдо составило 189,2 млн долл. В то же время объемы товарооборота возросли почти на 30,2 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Лидирующие позиции занимают КНР и Россия, далее следуют Республика Корея, США, Япония и Германия [Там же].

На рост экспортной продукции, который составил 22,1 %, оказало влияние увеличение объемов поставок за рубеж традиционных видов монгольских экспортных товаров: минеральных ресурсов (на 247,1 млн долл. США), драгоценных и полудрагоценных камней, металлов и изделий из них (на 2,3 млн), черных металлов (на 0,7 млн), в то же время экспорт трикотажа уменьшился на 25,5 млн долл. На 1,6 млн долл. возрос экспорт переработанного кашемира и на 20,3 млн долл. — очесанного кашемира. Что касается медного концентрата, основного экспортного продукта, то объемы его поставок в физическом эквиваленте увеличились на 1 % (или на 4,6 тыс. т) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Средняя цена тонны медного концентрата увеличилась с 1012,5 до 1293,2 долл. США (27,7 %) [см.: Там же].

По сравнению с аналогичным периодом прошлого года импорт продукции машиностроения, электрики и электроники увеличился на 103,2 млн долл. США, минерального сырья — на 93,1 млн, продуктов питания — на 30 млн, а импорт текстильной продукции снизился на 14,9 млн долл. США.

Динамика российско-монгольского товарооборота, который в отчетном период составил 528,8 млн долл. США и вырос на 30,8 %, продолжает иметь положительную тенденцию. Монгольский экспорт составил 29,4 млн долл. США (рост 33,0 %), в основном плавиковый шпат, мясо и мясопродукты, текстильные и кожаные изделия.

Россия же поставила в Монголию товаров на сумму 499,4 млн долл. США (рост 30,7 %). Это в основном нефтепродукты, продовольственные товары, электроэнергия, строительные материалы. На конец сентября 2007 г. количество безработных, официально зарегистрированных на бирже труда, достигло 32,3 тыс. чел., что на 3 тыс. чел. (8,2 %) меньше, чем в 2006 г. С начала года было официально трудоустроено 39,1 тыс. чел., 12,1 % которых работают в государственных учреждениях, 87,9 % — в коммерческих структурах [см.: Данные...].

На очередном заседании правительства были рассмотрены проекты основных направлений социально-экономического развития страны и госбюджета на 2008 г. Члены кабинета министров, обсудив данные документы, приняли решение о внесении их в парламент. Значимой особенностью этих проектов является то, что в них предусмотрена реализация крупных инвестиционных проектов. Среди основных параметров можно выделить следующие: обеспечение реального экономического роста до 9,4 %, доведение доли ВВП на душу населения до уровня 1 574 долл. США, удержание инфляции на уровне до 10 %, увеличение валютных резервов до 1 млрд 580 млн долл. США, увеличение экспорта на 13 %, обеспечение положительного внешнеторгового сальдо на уровне 49,4 млн долл. США, рост промышленного производства на 9,2 %, продолжение программы по предоставлению детских пособий каждой семье, новобрачным и новорожденным, увеличение размеров пенсий на 15, а зарплаты госслужащих — на 20 %.

Комментируя эти программные документы, глава Минфина Монголии Н. Баяртсайхан отметил, что по прогнозируемым расчетам ВВП страны в 2008 г. достигнет 5,4 трлн тугриков. Согласно проектным расчетам, в 2008 г. инвестиции в размере 441 млрд тугриков будут направлены на реализацию конкретных крупных проектов.

С 1 октября 2007 г. зарплата госслужащих увеличилась на 30 %. Согласно проекту «Основных направлений» тенденция увеличения доходов бюджетников продолжится, а начиная с 1 января 2008 г. их оклад увеличится еще на 20 %. Вследствие этого средний ежемесячный доход госслужащего достигнет отметки в 300 тыс. тугриков. Ожидается также прибавка и для пенсионеров.

В списке масштабных инвестиционных проектов глава Минфина отметил строительство в долине Хушугт нового международного аэропорта (стоимость работ оценивается в 250—270 млн долл. США).

В целом, за отчетный период экономика Монголии развивалась стабильно, имели место дополнительные поступления в госбюджет, увеличился товарооборот, производство и реализация продукции. Это способствует выполнению задач, поставленных правительством в социально-экономической сфере на 2007 г.

Таким образом, региональные взаимодействия на монгольском направлении становятся более сложными, а их эффективность довольно сложно прогнозировать. Именно поэтому Россия и Китай проявляют заинтересованность в усилении региональной составляющей своих внешнеполитических устремлений. Региональное влияние вместе с нарастающей сферой мирового взаимодействия имеет перспективу превращения этих регионов в своеобразную многовекторную опору для более полезного диалога мировой экономики, ее многообразия и стабильности.

Итак, российско-монгольско-китайские взаимоотношения получают перспективное дополнение в виде региональной составляющей глобального взаимодействия. Это еще раз убеждает в том, что современный многообразный мир становится более доступным для спасительного диалога наций, этносов стран и государств, создаются возможности для проникающего действия различных интересов. Не поступаясь национальными интересами,

регионы проявляют способность использовать и реализовывать свои возможности на обширном пространстве, привнося в него своеобразие и стабильность одновременно.

Вардомский Л. Б., Голунов С. В. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России. М. ; Волгоград, 2002.

Данные социально-экономического развития Монголии за 9 месяцев 2007 г. : стат. сб. Национального управления статистики Монголии. Улан-Батор, 2007.

Лузинин С. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007.

Об итогах социально-экономического развития Монголии в 2006 г. : Справка посольства Российской Федерации. Улан-Батор, 2007.

Harland B. Collision Course: America and East Asia in the Past and the Future. N. Y., 1996.
East Asia in Transition: Toward a New Regional Order. Singapore, 1995.

Статья поступила в редакцию 01.07.2011 г.

УДК 327.2(47 + 57) + 327.2(510) + 327.2(73) + 339.9

О. Н. Калинина

РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Анализируются эволюция взаимоотношений России с центральноазиатскими государствами — членами СНГ, динамика взаимоотношений с другими ключевыми игроками в регионе — Китаем и США, эффективность и перспективы деятельности региональных организаций международного сотрудничества, в первую очередь ОДКБ и ШОС. Делается вывод о том, что выстраивание стабильных отношений в регионе невозможно на основе прежних стереотипов и подходов, учитывая факт превращения бывших советских республик Центральной Азии в самостоятельные субъекты международного процесса.

Ключевые слова: Россия; страны СНГ; Китай; США; региональная стратегия; экономическое и военное сотрудничество; партнерство.

В последние годы внимание основных геополитических игроков на международной арене сфокусировалось на странах Центральной Азии¹, превратившихся в оживленный и беспокойный международный перекресток. Это во многом объясняется стратегическим и экономическим потенциалом данного региона. Характеризуя взаимоотношения России с постсоветскими государствами

¹ Под Центральной Азией понимаются здесь пять государств СНГ: Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия и Таджикистан. Существует также понятие Большая Центральная Азия: бывшие республики южного пояса СССР, северные регионы Ирана и Афганистана, Синьцзян, Монголия, а также южно-сибирские окраины России и часть Поволжья.

Центральной Азии, следует учитывать ряд важных факторов долгосрочного характера, влияющих на формирование внешнеполитической ситуации. Исторические судьбы постсоветских государств Центральной Азии и России тесно переплетены, а взаимоотношения между ними определяются цивилизационными, экономическими, политическими, этническими и другими детерминантами.

Россия традиционно рассматривала Центральную Азию как пространство, которое еще предстоит «цивилизовать». Поэтому неудивительно, что в начале постсоветской эпохи российские реформаторы истолковывали европейскую идентичность как повод к разрыву с Центральной Азией, считая ее обузой, мешающей России максимально быстро вернуться в лоно европейской цивилизации [см.: Скаковский, с. 27]. Наиболее распространенными являлись малопродуктивные идеи насильственной реинтеграции, восприятие южных республик СНГ в качестве «цивилизационного балласта» при утверждении, что эти государства в исторической перспективе «обречены» на новый союз с Россией. Отзвуки такого мышления до сих пор ощущаются в российских публикациях о Центральной Азии. Подобный взгляд российской политической элиты на постсоветские центральноазиатские государства привел к тому, что в 1990-е гг. российская политика в отношении Центральной Азии носила пассивный характер. Россия постфактум реагировала на происходящее в регионе, а не предвосхищала события, поскольку у политического руководства страны не существовало четко сформировавшейся стратегии в отношении бывших южных советских республик [см., например: Федоров; Кортуннов, Лунев, с. 68–88; Rutland, p. 163–182].

Однако время показало неэффективность и неоправданность такого курса. В последующие годы был совершен поворот к более инициативному и прагматичному курсу в Центрально-Азиатском регионе, осознана его значимость, прежде всего в двух областях — безопасности и энергетики. Постсоветские государства Центральной Азии приобрели первостепенное геополитическое значение, масштаб которого едва ли можно было себе представить до 11 сентября 2001 г. Расширившееся присутствие США в регионе способствовало дальнейшей корректировке внешнеполитического курса России: возросла обеспокоенность политических сил внутри страны тем, что Россия утрачивает свои стратегические позиции в регионе [см.: Примаков; Ивашов, с. 2].

Характер международных отношений за последнее время подвергся существенной трансформации, в результате расклад сил в регионе существенно изменился. Ранее он характеризовался военным и политическим доминированием России, усилением экономического влияния американского бизнеса и капитала (инвестиции в каспийский нефтяной и газовый секторы), в целом нейтральной политикой Китая и опасным соседством с нестабильным исламистским югом. В начале XXI в. в регионе активизировалась борьба за сферы влияния, началась новая перестройка баланса сил. Этот процесс характеризуется значительным ростом политического давления со стороны США при усилении политики, направленной на ослабление военно-политического и экономического влияния России на бывшие республики СССР.

Однако стабилизации положения в регионе пока достигнуть не удалось, а старые угрозы сменились новыми. Многие из них возникли в результате борьбы между США, Китаем и Россией за сферы влияния в регионе. Главные причины, дестабилизирующие регион, связаны с военно-политической ситуацией в Афганистане, политической и социально-экономической напряженностью в ряде центральноазиатских республик. Данное обстоятельство сопровождается трудностями экономического и политического развития, характерными для некоторых государств этого региона. Постоянно растущие вызовы и угрозы внутренней безопасности в Центральной Азии могут привести к негативным последствиям и даже к превращению региона в своего рода азиатские Балканы.

Лучшему пониманию последствия новой расстановки сил для России и центральноазиатских государств может способствовать реконструкция динамики сотрудничества между ними в двух плоскостях — с точки зрения региональной политики и политики отдельно взятого государства. В 1990-е гг. российское руководство предпринимало действия, направленные на сохранение буфера безопасности в Центральной Азии, стремясь обезопасить Россию от возникающих угроз, а российские войска играли существенную роль в обороне южных границ центральноазиатских государств [см.: Лысенко, с. 222–224; Малышева, с. 7–32]. Все это способствовало сохранению оборонной зависимости этих стран от России и закрепляло за ней статус основного гаранта безопасности в регионе. После 11 сентября 2001 г. руководство России признало необходимость разделить ответственность за борьбу с терроризмом в Центральной Азии с западными государствами, рассчитывая на оживление слабых военных и политических отношений с центральноазиатскими соседями. Однако стремление России остановить эрозию российских оборонных связей и своего присутствия в регионе только подстегнуло соперничество с другими державами. Новый курс России был воспринят политической элитой на Западе с опаской — как шаги Российской Федерации, направленные на утверждение своей особой роли в Центральной Азии, попытка предъявить «мандат» на управление регионом [см.: Allison, p. 42–55; Central Asian Security...].

В первую очередь Россия активизировала свою деятельность по реализации планов создания сил быстрого реагирования СНГ в рамках системы коллективной безопасности и других региональных международных альянсов и групп, таких как Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС). Сближение с Китаем, Индией и Ираном стало для страны способом уравновесить растущее американское влияние на регион.

В 1992 г. Россия и Казахстан инициировали подписание Договора о коллективной безопасности государств СНГ. Цель его заключалась в формировании в долгосрочной перспективе военно-политического альянса. Однако с возникновением во второй половине 1990-х гг. локальных конфликтов в Таджикистане, на Кавказе и в Приднестровье эта организация не сумела продемонстрировать свою эффективность. Сотрудничество между государствами

в сфере безопасности застопорилось, поэтому в мае 2002 г. было принято решение о создании Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Ее участниками стали Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, а также Белоруссия и Армения. Перед ОДКБ была поставлена амбициозная задача борьбы с новыми угрозами под руководством объединенного военного командования, расположенного в Москве, используя силы быстрого реагирования для Центральной Азии и объединенную систему ПВО. В ноябре 2003 г. генеральный секретарь ОДКБ Н. Н. Бордюжа призвал к установлению связей с НАТО для обеспечения региональной и международной безопасности, предлагая тем самым признать ОДКБ в качестве регионального фактора безопасности [см.: Аллисон, с. 21]. Однако даже центральноазиатские государства-члены ОДКБ выразили сомнение в способности этой организации обеспечить эффективную миротворческую деятельность. Вместе с тем постсоветские государства Центральной Азии постарались извлечь выгоду от расширившегося сотрудничества с Москвой, начиная от поставок российского вооружения до проведения совместных военных и контртеррористических учений [см.: Создать оборонный союз...]. Россия же в свою очередь рассчитывает на создание основы для долгосрочного военно-технического сотрудничества с этими странами.

Одной из наиболее обещающих и перспективных региональных организаций стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), известная как «шанхайская пятерка», поскольку первоначально в нее вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан (несколько позже к ШОС присоединился Узбекистан). Эта организация формировалась в первую очередь для решения пограничных вопросов между странами, но впоследствии ее задачи стали шире, а встречи первых лиц — все регулярнее. По мнению специалистов, деятельность ШОС с момента своего образования в 1996 г. оказалась весьма эффективной, а сама организация имеет далеко идущие перспективы [Ashimbaev, Laumulin, p. 25; Хуашэн, 2004, с. 63–73]. Об этом можно судить по результатам выполнения обязательств в рамках Шанхайского и Московского соглашений. Были детально проработаны механизмы реализации подписанных договоренностей и созданы соответствующие группы для контроля над их практическим воплощением. Сотрудничество включило в себя такие актуальные вопросы, как экономическое взаимодействие и совместная борьба с экстремизмом, терроризмом, наркобизнесом и контрабандой оружия.

Несмотря на определенную степень дублирования деятельности ШОС и ОДКБ, военно-политическое сотрудничество в рамках первого представляется более перспективным. Это связано, в частности, с тем, что участие государств Центральной Азии в ШОС дает им возможность использовать объединение в качестве политического инструмента для создания баланса между Россией и Китаем, интересы которых представлены в Центральной Азии. Недостаточно сильные политические и экономические возможности постсоветских стран Центральной Азии подводят их к необходимости сотрудничества с этими двумя государствами, являющимися постоянными членами Совета Безопасности ООН. Это создает определенную степень гарантии того, что интересы центральноазиатских республик будут поддерживаться двумя влиятельными государствами,

тем самым будет укрепляться позиция этих государств на международной арене. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС также является весьма перспективным, учитывая экономический потенциал и инвестиционные возможности Китая.

У России и постсоветских стран Центральной Азии имеются свои подходы и собственная аргументация, объясняющие характер взаимоотношений между ними и прочими государствами. Так, президент Казахстана Н. А. Назарбаев, осознавая уязвимость протяженных границ страны от соседей — России, Китая и Узбекистана, выстроил гибкую внешнеполитическую стратегию [см.: Россия, ближнее и дальнее зарубежье...]. Являясь сторонником евразийской идеи, Н. А. Назарбаев реализует концепцию, по которой Казахстан стремится играть роль посредника и связующего фактора между Россией и Центральной Азией. Казахстан бесспорно является ведущим партнером России в Центральной Азии, поэтому многие российские специалисты по-прежнему выступают за создание российско-казахстанского военно-политического альянса [см.: Сотрудничеству — крепнуть; В Москву за дешевым оружием]. Казахстан продолжает активное сотрудничество с Китаем во многих сферах, в таких как торговля, транзит, транспорт и т. д.; привлекает западные и японские компании для развития национальной экономики. Стоит также отметить роль Конференции по распространению взаимодействия и доверия в Азии, инициатором создания которой стал Казахстан и образование которой поддержали 16 основных азиатских государств и Россия, что, в свою очередь, заметно повысило международную репутацию Казахстана [Ashimbaev, Laumulin, p. 28].

Наибольшую самостоятельность до недавнего времени проявляли Узбекистан и Туркменистан, отказавшиеся в свое время войти в ОДКБ, что отрицательно сказалось на потенциале этой региональной структуры. Так, Узбекистан вышел из ОДКБ в 1999 г. и не вошел в Евразийское экономическое сообщество. Придерживаясь независимого внешнеполитического курса, Узбекистан стремится сохранить баланс между интересами крупных игроков в Центральной Азии, осознавая, что усиление позиций одной из держав приведет к его нарушению и принесет стране больше проблем, чем выгод. Поэтому, несмотря на то, что США стали играть важную роль в обеспечении внешней безопасности страны, руководство Узбекистана пошло на сближение с Россией. В июне 2004 г. была принята Декларация об установлении стратегических партнерских отношений между Узбекистаном и Россией, которая подкреплялась двумя соглашениями о сотрудничестве в энергетической и военно-технической сферах. Нельзя не согласиться с мнением Чжао Хуашэна, известного китайского специалиста по Центральной Азии, что «эти изменения в российско-узбекских отношениях имеют глубокий смысл. Они свидетельствуют, что у России и Узбекистана появились новые точки соприкосновения» [Хуашэн, 2005, с. 41].

Большинство российских и зарубежных аналитиков и специалистов по Центральной Азии признают, что в России до сих пор не разработана региональная стратегия в отношении Центрально-Азиатского региона, которая бы интегрировала российские оборонные, политические, энергетические и эконо-

мические интересы. Так, известный британский исследователь Рой Аллисон считает, что «в отсутствие такой стратегии России трудно эффективно преследовать свои интересы с помощью средств, имеющихся в ее распоряжении. Это означает, что достигнутые при Путине более скоординированные действия структур, ответственных за принятие решений, и большая согласованность в политическом мышлении и пристрастиях творцов политики не отразились достаточно образом на общей связанности политических решений, вырабатываемых в отношении Центральной Азии. Более того, при всех военных и энергетических возможностях России, ее способность воплотить на практике даже наиболее удачно сформулированный политический курс в любом случае ограничена недостатком у нее ресурсов» [Аллисон, с. 20].

С этим мнением можно согласиться. При этом следует сделать оговорку, что у российской политической элиты формируется осознание национальных интересов, которое, так или иначе, подтолкнет политическое руководство страны к выработке новой стратегии в отношении Центральной Азии. В целом, выделяются пять основных позиций, определяющих российские национальные интересы: стабильность в регионе, основанная на тесном партнерстве с центральноазиатскими государствами; наличие общего экономического пространства, которое в будущем смогло бы способствовать экономической модернизации России; реализация права беспрепятственного транзита через Центральную Азию для поддержания партнерских отношений с Китаем, Индией и Ираном; использование геостратегического потенциала для реализации практических военных нужд и поддержания статуса России как мировой и региональной державы; международное признание ведущей роли Российской Федерации в регионе [см.: Трофимов, с. 23–25].

Ослабление позиции России в Центрально-Азиатском регионе в начале 1990-х гг. способствовало поиску с ее стороны новых подходов в построении взаимоотношений с постсоветскими республиками для реализации своей внешнеполитической доктрины в Центральной Азии. Вместе с тем процесс ее адаптации к новым геополитическим реалиям протекает довольно сложно. В этих условиях Россия пытается сформулировать свою геополитическую роль в регионе исходя из осознания, что она не является ни новой империей, ни «старшим братом», «ни менеджером» по улаживанию кризисных ситуаций, ни масштабным инвестором.

Новую политическую доктрину, на которую опирается российское политическое руководство, можно назвать политикой регионального паритета. Ее воплощение в жизнь должно способствовать повышению роли страны и восстановлению ее пошатнувшихся позиций в регионе. Для реализации своей доктрины Россия располагает следующими основными средствами: эффективное использование многосторонних региональных структур, в большинстве которых ей принадлежит доминирующая роль; расширение двухстороннего военного сотрудничества; контроль над путями экспорта энергетического сырья на Каспии; развитие стратегического партнерства с Казахстаном при проведении более дифференцированной политики в отношении других центральноазиатских государств. Россия старается выстроить систему управления

внутрирегиональными процессами и закрепить свое военное присутствие, особенно в Киргизии.

Однако процесс военно-политической интеграции России и государств региона не лишен противоречий. С одной стороны, постсоветские центральноазиатские государства выступают за продолжение сотрудничества с Россией в сфере совместного поддержания безопасности региона. С другой стороны, каждое из них сохраняет за собой право свободы принятия решений в соответствии со своими национальными интересами. Считая, что американское стратегическое присутствие в регионе должно быть «временным», руководство страны осознает: стратегическое отступление США из районов Центральной Азии может спровоцировать в будущем возникновение вооруженного конфликта между центральноазиатскими государствами. Предвидя подобный возможный сценарий развития событий, Россия стремится усилить свое влияние в региональных структурах безопасности Центральной Азии. И хотя шансы на полноценное стратегическое сотрудничество между Россией и западными государствами в Центральной Азии ныне невелики, сохраняется их общая заинтересованность в противодействии угрозам в этом регионе. Несмотря на противостояние основных геополитических игроков, воспроизводство прежних стереотипов и правил игры вряд ли возможно. Страны Центральной Азии утвердились и развиваются как субъекты международных отношений, стремясь выстроить отношения с региональными и мировыми державами так, чтобы не попасть в чрезмерную зависимость ни от одной из них.

Аллисон Р. Центральная Азия и Закавказье: региональное сотрудничество и фактор российской политики // Моск. центр Карнеги : рабочие материалы. 2004. № 10.

В Москву за дешевым оружием // Независ. газ. 2004. 16 янв.

Ивашов Л. В ожидании больших потрясений в России // Независ. газ. 2003. 20 янв.

Кортунов А., Лунев С. Демократизация и внешняя политика России // Пробл. полит. развития соврем. России в условиях «неконсолидированной демократии». М., 1999. С. 68–88.

Лысенко Ю. В. Россия и пограничные проблемы государств Центральной Азии // Ежегодник СНГ. М., 2001. С. 222–224.

Мальшева Д. Конфликты у южных рубежей России // Pro et contra. 2000. Т. 5, № 3. С. 7–32.

Примаков Е. Мир после 11 сентября. М., 2002.

Россия, ближнее и дальнее зарубежье Азии. М., 1997.

Создать оборонный союз в рамках СНГ не удастся // Независ. газ. 2003. 16 июня.

Сотрудничеству — крепнуть // Красная звезда. 2004. 16 янв.

Скаковский Л. Р. Геополитическая роль России в современной Центральной Азии // Материалы конференции «Третья ежегодная алматинская конференция по вопросам безопасности и регионального сотрудничества». Алматы, 2005. С. 27.

Трофимов Д. К вопросу о целях и задачах внешней политики России на центральноазиатском направлении // Российская Западная Сибирь — Центральная Азия. Барнаул, 2003. С. 23–25.

Федоров Ю. Каспийская нефть и международная безопасность. М., 1996. Ч. 1, 2.

Хуаишэн Ч. Проблемы политики Китая в Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах. 2004. № 2. С. 63–73.

Хуашэн Ч. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества // Моск. Центр Карнеги : рабочие материалы. 2005. № 5. С. 41.

Allison R. The Military and Political Security Landscape in Russia and the South Russia, the Caucasus and Central Asia : the 21st Century Security Environment. Armonk ; N. Y., 1999. P. 42–55.

Ashimbaev M., Laumulin M. The role of the Central Asian Countries in Providing Security in Asia // Central Asia's Affairs. 2005. N 2. P. 25.

Central Asian Security: The new international Context / ed. R. Allison, L. Johnson. Washington, 2002.

Rutland P. Paradigms for the Russian policy in the Caspian Sea // Energy and Conflict in Central Asia / ed. R. Ebel, R. Menon. Oxford, 2000. P. 163–182.

Статья поступила в редакцию 04.07.2011 г.

УДК 339.924(415) + 339.543

**Л. М. Капустина
В. В. Килин**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Дается оценка экономического потенциала Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), ее достижений и перспектив. Проводится сравнительный анализ деятельности ШОС с близкими организациями экономического регионального сотрудничества: ЕвразЭС и Таможенным союзом республик Беларусь, Казахстан и Российской Федерации. ШОС рассматривается как мощное межгосударственное объединение, прочно вписавшееся в мировую геополитическую архитектуру, которое представляет собой партнерский альянс, построенный на принципах паритета, доверия, уважения, коллегиальности, диалога и консенсуса между странами-участницами.

Ключевые слова: ШОС; ЕвразЭС; Таможенный союз; таможенные соглашения; энергетика; транспорт; транзит; информационные технологии.

Глобальные изменения в геополитической картине мира привели к формированию кардинально новой ситуации в Центрально-Азиатском регионе. В настоящее время в активной стадии находятся процессы трансформации Центральной Азии из периферийного региона, где геополитические тенденции практически не проявлялись, в регион, в котором все настойчивее пересекаются интересы ряда крупных держав и других секторов международной жизни.

Регион (по определению ЮНЕСКО) включает Монголию, Западный Китай, Пенджаб, Северную Индию и Северный Пакистан, Северо-Восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таежной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии.

Шанхайская организация сотрудничества охватывает огромную территорию площадью 30 миллионов квадратных километров (3/5 территории Евразии),

т. е. четверть населения планеты. Находясь в самом сердце континента, Центральная Азия является своеобразными воротами в стратегически важные регионы Евразии. На востоке расположены Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона; на юге — Афганистан, страны Ближнего Востока и ряд других исламских государств; на западе и севере — Кавказ, Турция, Европа, Россия.

Одним из важных факторов, влияющих на интеграционные процессы в Центральной Азии, остается внешнеполитическая активность ведущих мировых региональных держав. Дальнейшее усиление стратегического соперничества, элементы которого проявляются в Центрально-Азиатском регионе, рождает новые противоречия, но уже не на идеологической, а на геополитической и экономической основах. Кроме того, по целому ряду оценок, имеются серьезные основания считать вероятной возможность региона контролировать ресурсный потенциал и транспортные связи центральной части Евразии в геоэкономическом плане [см.: Капустина, Ся, с. 7]. Среди мировых региональных держав, оказывающих существенное воздействие на формирование геополитической ситуации в Центральной Азии, особо выделяются Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, а также Турция, Иран, Пакистан, Индия, государства Европейского союза.

С практической точки зрения важно рассмотреть объективные предпосылки и цели интеграции стран Евразии в Шанхайскую организацию сотрудничества, а также определенные этапы интеграционного развития. В международном плане первое десятилетие XXI в. отмечено непрерывным развитием процессов многополярности мира и экономической глобализации, обострением различных форм политической борьбы и экономической конкуренции, возникновением новых угроз и вызовов. Чтобы противостоять опасностям, страны региона увидели выход в ускорении регионального сотрудничества и соединении общих усилий для достижения политического и экономического могущества. Проблемы безопасности и трансграничного взаимодействия стали стержнем проекта качественно нового уровня — Шанхайской организации сотрудничества.

Истоки создания ШОС уходят в 1996 г., когда была образована «шанхайская пятерка» [Идрисов, с. 4]. Это объединение изначально получило свое развитие на основе переговоров по укреплению доверия и сокращению военной силы в приграничных районах КНР с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Руководители пяти стран встречались поочередно в Шанхае и Москве в 1996 и 1997 гг., подписали Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах и Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в приграничных районах [см.: Государственная оборона КНР...].

В 2001 г. руководители пяти стран и президент Узбекистана встретились в Шанхае и опубликовали Декларацию о создании ШОС, решив повысить статус шанхайской пятерки до уровня организации регионального сотрудничества. Так появилась Шанхайская организация сотрудничества, в состав которой вошли 6 государств: КНР, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Наблюдатели при ШОС — Иран, Индия, Пакистан и Монголия, партнеры по диалогу — Белоруссия и Шри-Ланка. Пакистан обратился с просьбой предоставить ему статус полноправного члена ШОС еще в 2006 г., а в 2007—2008 гг. такие просьбы неоднократно поступали от Ирана. За статусом наблюдателя в ШОС в 2005 г. обращалась Белоруссия, в 2007 — Шри-Ланка и Непал. Интерес к установлению контактов с ШОС также проявляли Украина, Египет, Сербия, Азербайджан, Турция, Катар и другие страны. Государство, желающее вступить в ШОС, должно принадлежать к Евразийскому региону, иметь дипотношения со всеми странами-членами ШОС, иметь статус наблюдателя при ШОС или партнера по диалогу, поддерживать активные торгово-экономические и гуманитарные связи с государствами-членами ШОС, не находиться под санкциями ООН и в состоянии вооруженного конфликта с другим государством или государствами [см.: Официальный сайт ШОС].

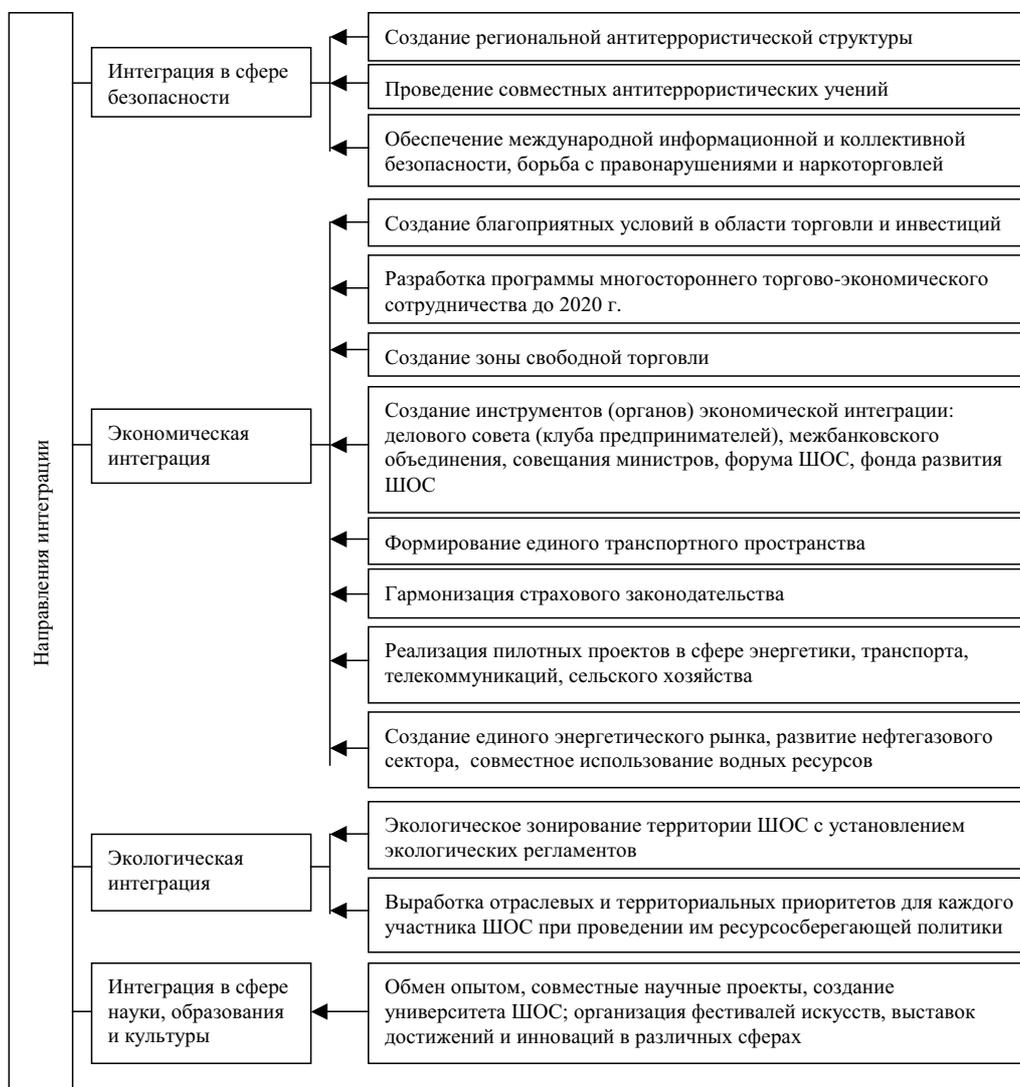
В организации сведены воедино самые разные сферы деятельности. В Шанхайскую организацию сотрудничества входят народы, исповедующие конфуцианство, православие, ислам: «ШОС — организация, пересекающая границы территорий, цивилизаций и религий, воплощающая идеал универсальности» [Найчен, с. 8]. «Шанхайская шестерка» активно участвует в решении афганской проблемы; это касается не только борьбы с исходящими отсюда угрозами терроризма и наркотрафика, но и активных усилий по возрождению экономики этой страны.

Для выполнения целей и задач Хартии ШОС в рамках организации были учреждены следующие органы: Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совещания руководителей министерств и ведомств, Совет национальных координаторов, региональная антитеррористическая структура, секретариат — постоянно действующий административный орган, возглавляемый генеральным секретарем.

В рамках ШОС строятся следующие направления интеграции (см. рис.).

По своим характерным чертам ШОС близка к АСЕАН — Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, которая провозглашает своими главными целями поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе, усиление сотрудничества в сферах политики, безопасности, экономики и социальной культуры, обеспечение мирного сосуществования стран-членов. Участников АСЕАН объединяет координация внешней политики, но при этом каждая из стран проводит независимый внешнеполитический курс.

Обе структуры, кроме схожих целей и задач в военно-политическом, экономическом, экологическом и гуманитарном измерениях, имеют и другие объединяющие черты: юридический статус международных организаций, наличие подписных уставных документов, политических договоров о дружбе и сотрудничестве. Страны-члены ШОС и АСЕАН связывают географическая близость, общие интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Участники обеих организаций заинтересованы в укреплении мира и стабильности в «зонах деятельности», налаживании взаимовыгодного сотрудничества в таких областях, как экономика, транспорт, культура, туризм. Причем для ШОС интересен широкий и разнообразный арсенал форм, приемов и механизмов взаимодействия в рамках АСЕАН.



Направления интеграции в рамках ШОС

ШОС имеет все шансы стать аналогом ОБСЕ (в лучших проявлениях этой организации) для евразийского пространства. Существует, однако, мнение, что чрезмерное расширение организации может затруднить интенсификацию сотрудничества в ее рамках. Проблема состоит в том, что принцип равенства всех членов ШОС, закрепленный в Хартии ШОС, вступает в противоречие с практикой ШОС, согласно которой деятельность организации фокусируется на регионе Центральной Азии. ШОС имеет отличительную особенность: это единственная региональная структура международного сотрудничества в Центральной Азии, в состав которой входит Китай. Отсюда положение Китая и России

в ШОС отличается от положения других стран. Китай и Россия являются субъектами политики ШОС, тогда как центральноазиатские страны-члены ШОС выступают одновременно и как субъект, и как объект политики ШОС. При этом Казахстан, в силу уровня своего экономического развития, как представляется, занимает специфическое положение в ШОС между Россией и Китаем, с одной стороны, и остальными странами ШОС — с другой. Это означает, что Казахстан может быть как реципиентом помощи со стороны России и Китая, так и донором в отношении других стран ШОС [см.: Проблемы экономического и финансового сотрудничества, с. 47].

Важные решения в экономической сфере, принятые в результате встреч глав государств-членов ШОС, представлены в таблице (табл. сост. по: [Инфо ШОС]).

Основные результаты встреч глав государств-членов ШОС

№ п/п	Место и дата проведения	Результаты
1	Китай, Шанхай, 14–15 июня 2001	Сформулированы принципы регионального экономического сотрудничества и намечены этапы процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций. Принята Декларация о создании ШОС
2.	Россия, Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.	Подписаны Хартия ШОС, Соглашение о региональной анти террористической структуре, Декларация глав государств — членов ШОС
3	Россия, Москва, 28–29 мая 2003 г.	Принята Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества, цель которой создать до 2020 г. «регион экономической интеграции нового типа»
4	Узбекистан, Ташкент, 17 июня 2004 г.	Ратифицированы План и меры по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества: более 100 проектов в области экономики, научно-технической и гуманитарной областях; Монголия получила статус страны-наблюдателя
5	Казахстан, Астана, 5 июля 2005 г.	Подписан Договор об усилении работы по развитию торгово-экономического сотрудничества и улучшению условий инвестирования на основе равноправного и взаимовыгодного режима. Разработаны проекты и планы сотрудничества в областях энергетики, транспорта, телекоммуникаций, науки и техники, сельского хозяйства. Пакистан, Индия и Иран получили статус наблюдателей
6	Китай, Шанхай, 14–15 июня 2006 г.	Определены приоритетные направления сотрудничества в сфере энергетики, информационных технологий и транспорта. С целью финансирования проектов начала работу SCO Interbank Association. Создан Деловой совет ШОС. Предложена концепция создания Энергетического клуба ШОС
7	Кыргызстан, Бишкек, 16 августа 2007 г.	Подписано Соглашение ШОС о сотрудничестве и взаимодействии в таможенных делах с целью упрощения таможенных формальностей и создания благоприятных условий для ВЭД

Окончание табл.

№ п/п	Дата и место проведения	Результаты
8	Таджикистан, Душанбе, 28 августа 2008 г.	Обсуждался вопрос о введении единой общей валюты для применения во внешней торговле между странами ШОС, а также о создании банка ШОС с участием стран-членов и наблюдателей для облегчения торговой деятельности. Учрежден Фонд развития ШОС
9	Россия, Екатеринбург, 15–16 июня 2009 г.	Принята Екатеринбургская декларация, в которой определены приоритетные направления совместной деятельности, поставлена цель выстраивания более справедливой и рациональной архитектуры межгосударственных отношений. Подписаны Конвенция ШОС против терроризма, Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности и Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС. Поставлена задача разработать механизм антинаркотического сотрудничества в рамках организации. Предоставлен статус партнера по диалогу ШОС Шри-Ланке и Беларуси
10	Узбекистан, Ташкент, 10–11 июня 2010 г.	Принято Положение о порядке приема новых членов ШОС. Подписана совместная декларация о сотрудничестве между секретариатами ШОС и ООН. Готовятся Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в пределах ШОС, сборник об инвестиционном климате в государствах ШОС

Страны-участницы ШОС нашли своеобразный дух сотрудничества — «шанхайский дух» [Цзэминь]. По определению чрезвычайного и полномочного посла КНР Лю Гучан, «шанхайский дух» — это «взаимное доверие, взаимная выгода, равноправие, консультация, уважение культурного многообразия, стремление к общему развитию» [Гучан, с. 11].

Французский журнал «L'Essentiel des Relations Internationales» назвал ШОС «состоявшейся и влиятельной международной организацией, привлекательной для многих стран». Журнал считает также, что «на основе взаимного интереса и доверия ШОС стремится к установлению нового экономического и политического, сбалансированного и разумного порядка, как на азиатском континенте, так и во всем мире, содействуя при этом, поддержанию безопасности и стабильности в регионе» [цит. по: Сеницына].

Таким образом, ШОС — это альянс стран, объединившихся, чтобы противостоять вызовам времени, и принципиально новый инструмент для решения актуальных проблем в реалиях многополярного мира. Политическая философия ШОС базируется на приверженности международному праву, Уставу ООН. Организация транспарентна, ориентирована на широкое международное сотрудничество. Дальнейшее развитие получают контакты ШОС с другими международными организациями экономического профиля.

Особо необходимо отметить эффективное развитие интеграционных процессов стран ШОС в сфере экономики. Шанхайская организация сотрудниче-

ства была образована для решения вопросов укрепления территориальных границ и безопасности в регионе Центральной Азии, но в последние годы она уделяет все больше внимания сотрудничеству в области экономики. Государства-члены ШОС располагают гигантским совокупным рынком, минерально-сырьевыми ресурсами мирового значения, мощной производственной базой и научно-техническим потенциалом.

Страны в значительной степени отличаются по основным экономическим показателям. По классификации Всемирного банка, по уровню доходов на душу населения только две страны ШОС — Россия и Казахстан — входят в группу стран с доходами выше среднего уровня (от 3 706 до 11 455 долл. на человека). Китай имеет доходы на душу населения ниже среднемирового уровня. Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан относятся к группе стран с низким уровнем доходов — менее 935 долл. на душу населения в год. На Китай и Россию приходится 98 % населения стран ШОС и 97 % суммарного ВВП интеграционного объединения [см.: Доля государств...].

Такой суперэкономический гигант, как Китай, чрезвычайно богат земельными ресурсами и полезными ископаемыми, находится в числе мировых лидеров по запасам угля, железа, меди, алюминия, сурьмы, молибдена, марганца, олова, свинца, цинка и ртути. Страна богата также нефтью, природным газом, горючими сланцами, фосфором и серой. По запасам редкоземельных металлов КНР превосходит все остальные страны мира вместе взятые.

В сегодняшних условиях Россия и Китай могут выступать в ШОС в качестве локомотива для развития экономически отстающих регионов. Китай в современных условиях обладает самыми большими инвестиционными возможностями, а Россия может предоставить технологии и транспортные услуги. Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан расположены на стыке Европы и Азии, благодаря чему обладают значительным транзитным потенциалом, предоставляя азиатским странам географически безальтернативную наземную транспортную связь с Россией и Европой.

Инструментом налаживания экономической интеграции выступает Деловой совет ШОС [см.: Синицына], представляющий собой объединение деловых и финансовых кругов. Предприниматели являются той силой, которая способствует углублению регионального экономического сотрудничества.

Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества до 2020 г. нацелена на создание региона экономической интеграции нового типа, что подразумевает формирование благоприятных условий в области торговли и инвестиций, постепенную реализацию свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий ШОС.

Страны-члены ШОС договорились о сотрудничестве в шести отраслях: транспорт, энергетика, телекоммуникации, сельское хозяйство, бытовая электроника и легкая промышленность. Осуществление проектов в указанных сферах, обустройство международных транспортных коридоров, модернизация железных и автомобильных дорог создадут необходимые предпосылки для укрепления потенциала экономических связей между Европой и Азией [см.: Евразийский экономический форум].

Для активизации интеграционных процессов в рамках ШОС вопросы развития транспортной инфраструктуры являются первостепенными. Если Китай и Россия имеют относительно разнообразную транспортную инфраструктуру, то в таких странах, как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, дела обстоят намного хуже. Так называемый Великий шелковый путь сейчас трансформируется в коридор «Западная Европа — Западный Китай», что свидетельствует об активном развитии транспортной и логистической системы, способной обеспечить транзит пассажиров и грузов в этом направлении, и является приоритетом экономического развития ШОС. Главное преимущество транзитных коридоров ШОС заключается в существенном сокращении расстояний. При осуществлении сообщения между Европой и Китаем через Казахстан расстояние перевозок уменьшается в два раза по сравнению с морским путем и на тысячу километров — по сравнению с транзитом по территории России.

Среди глобальных проблем начала XXI в. особое значение имеет вопрос обеспеченности мировой экономики энергоресурсами. Наряду с другими ресурсами природный газ и нефть становятся важными факторами не только экономического, но и политического, а в некоторых регионах даже военного влияния. Однако они же предоставляют возможность для формирования единого энергетического рынка в рамках ШОС и предполагают осуществление крупных инвестиционных проектов. Если посмотреть в более широком плане на ШОС как часть Азиатско-Тихоокеанского региона, то энергетический рынок здесь будет выглядеть наиболее динамично развивающимся. Так, по оценкам Международного энергетического агентства, рост спроса на нефть в основных странах АТР в период до 2025 г. будет на четверть опережать общемировой, на газ опережение составит 1,8 раза [см.: Энергодиалог стран ШОС].

С практической точки зрения энергетическая отрасль становится наиболее приоритетным направлением развития экономического сотрудничества в рамках ШОС. Россия является мировым лидером по добыче нефти и газа. Российский «Газпром» выступил с предложением: в случае, если в Иран, Пакистан и Индию будут проложены трубопроводы, поставлять по ним газ другим странам — членам и наблюдателям ШОС. Нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» уникален, его протяженность 5 тыс. километров: от Тайшета, через Сковородино и Хабаровск до побережья Японского моря. Конечная его точка находится в порту Находка (Бухта Козьмина). Ответвление от этого трубопровода пойдет от Сковородино до китайского города Дацин. По нему в Китай ежегодно будет поставляться 15 млн нефти [см.: Энергетический клуб ШОС].

По разведанным запасам нефти Иран опережает Россию и занимает третье место в мире. От Казахстана зависит баланс энергетической безопасности на всем евразийском континенте. С другой стороны, в этом же пространстве находятся быстро наращивающие темпы потребления энергии Китай, Индия, Пакистан. КНР занимает второе после США место в мире по потреблению энергоносителей, а это 2 млрд т условного топлива. Так что соединение возможностей производителей и нужд потребителей — органичное направление экономического сотрудничества в рамках ШОС.

Велика заинтересованность государств ШОС в сотрудничестве в сфере информационных технологий, телекоммуникаций и связи. Высокоскоростная информационная магистраль ШОС создана для решения глобальной проблемы транзита евразийского трафика. Кроме того, она выступает инфраструктурной основой для внедрения современных инфокоммуникационных технологий в регионе ШОС. Проект воплотил все важнейшие конкурентные преимущества кратчайшего трансконтинентального маршрута обмена трафиком между Европой и Азией по территории Российской Федерации с возможностью резервирования. Транзитный канал ШОС от традиционных трасс, идущих по дну Тихого и Индийского океанов, отличается высокой надежностью и низким уровнем сетевой задержки. Эти преимущества открывают для участников международного операторского и корпоративного рынков широкие возможности по передаче различного рода информации (голос, данные, видео, IP-приложения и др.) между Европой и Азией [см.: Высокоскоростная информационная магистраль...].

Из экономических достижений последних лет видно, что народное хозяйство стран ШОС идет по пути развития рыночной экономики, в странах наблюдается стабильный экономический рост, происходит реорганизация промышленных структур, совершенствование налоговой и инвестиционной политики. Хозяйственная кооперация становится все более важной и востребованной для ШОС. В регионе есть колоссальные возможности для эффективного взаимовыгодного сотрудничества, способного существенно поднять уровень жизни населения и превратить Центральную Азию в один из наиболее развитых регионов мира.

Аналитики Банка развития Азии отмечают, что если осуществится полная интеграция экономики стран в регионе Центральной Азии, то совокупный ВВП за 10 лет повысится на 20 % [см.: Asian Development Bank]. Активизация экономического направления деятельности теперь во многом зависит от взаимодействия различных структур ШОС: секретариата, делового совета и межбанковского объединения ШОС. Вместе с тем для достижения долгосрочной цели ШОС — создания условий для свободного передвижения товаров, капиталов и услуг — потребуется немало времени.

В активной стадии развития находятся процессы расширения взаимодействия ШОС с таможенным союзом ЕвразЭС. В Центральной Азии сегодня эффективно действуют региональные объединения — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС). Хотя каждая из этих организаций решает свои задачи, все они направлены на достижение одной цели — интеграцию входящих в них государств. Их постоянными членами в разных комбинациях являются восемь государств: Российская Федерация, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Белоруссия, Армения и Китай.

Интеграция стран ЕвразЭС в некоторой степени подталкивает ШОС к объединению с этой организацией. По мере углубления финансовой (Евро-Азиатский банк развития) и экономической (зона свободной торговли) интеграции в рамках ЕвразЭС будет увеличиваться разрыв в условиях хозяйствования между

Россией и странами Центральной Азии, с одной стороны, и не входящим в ЕвразЭС Китаем — с другой. Следовательно, чем успешнее будет идти интеграционное сотрудничество по линии ЕвразЭС, тем труднее будет развиваться экономическая интеграция в рамках ШОС [см.: Проблемы экономического и финансового сотрудничества, с. 49].

Первым выходом из ситуации затруднения экономической интеграции ШОС и есть идея объединения ее с ЕвразЭС. Второй выход заключается в переориентации работы ШОС на регион Южной Азии и Ближнего Востока. Расширение географии стран-наблюдателей за счет Индии, Пакистана и Ирана объективно подталкивает к этому. Данную идею развивает дальше, например, предложение о создании материкового аналога форуму Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС), охватывающему, как известно, страны Тихоокеанского региона, куда вошли бы нынешние страны-члены и страны-наблюдатели ШОС.

Ситуация упростилась в определенной мере в связи с созданием Таможенного союза республик Беларусь, Казахстан и Российской Федерации. На саммите в Минске 27 ноября 2009 г. подписаны Таможенный кодекс и Единый таможенный тариф Таможенного союза ЕвразЭС (ТС), обеспечившие его учреждение с 1 января 2010 г. [см.: Паньков, с. 6].

На заседании 5 июля 2010 г. в городе Астана Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества принято решение о вступлении в силу с 6 июля 2010 г. Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза и завершении первого этапа формирования Таможенного союза (ТС) в рамках ЕвразЭС.

Легальная дефиниция, содержащаяся в ст. 1 Договора о ТС, определяет Таможенный союз ЕвразЭС как форму торгово-экономической интеграции сторон, предусматривающую единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами, происходящими с единой таможенной территории, а также происходящими из третьих стран и выпущенными в свободное обращение на этой таможенной территории, не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. При этом отмечается, что стороны применяют единый таможенный тариф и другие меры регулирования торговли с третьими странами [см.: Комендантов, с. 37].

Таможенными службами Беларуси, Казахстана и России реализуется план переноса государственного контроля на внешнюю границу Таможенного союза ЕвразЭС в части, касающейся российско-белорусской и российско-казахстанской границы. В результате выполнения всех запланированных мероприятий отменен таможенный контроль на российско-белорусской границе и прекращено таможенное оформление в отношении товаров во внутренней торговле между всеми участниками Таможенного союза [см.: Дудкова и др., с. 3].

К числу первостепенных задач и перспективных направлений функционирования Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации можно отнести формирование Полного пакета Единого экономического пространства, который должен вступить в силу с 1 января 2012 г. [см.: Три в одном].

Реальным механизмом согласования действий Евразийского экономического сообщества и Шанхайской организации сотрудничества может быть постановка работы по реализации запланированных проектов по следующей схеме. Сначала Россия и Казахстан, учитывая их роль в ШОС, согласовывают в рамках Таможенного союза ЕвразЭС свои подходы к решению той или иной проблемы либо реализации того или иного проекта. Затем выносят единую позицию на обсуждение с Китаем уже в рамках ШОС. Таким образом, ШОС становится площадкой согласования интересов Таможенного союза Белоруссии, Казахстана, России и ЕвразЭС в целом, с одной стороны, и Китаем — с другой.

Экономические интеграционные процессы в Центральной Евразии в будущем можно рассматривать как эффективную интеграцию, имеющую дальнейшие перспективы развития.

В заключение отметим, что ШОС стала мощным межгосударственным объединением, имеющим огромный потенциал, перспективы развития и прочно вписавшимся в мировую геополитическую архитектуру. Шанхайская организация сотрудничества представляет собой партнерский альянс, главная привлекательность которого в принципах паритета, доверия, уважения, коллегиальности, диалога и консенсуса.

В конечном итоге деятельность ШОС с близкими организациями экономического регионального сотрудничества позволит обеспечить его участникам достойное место в глобальном взаимозависимом конкурентном экономическом пространстве.

Высокоскоростная информационная магистраль ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bc-sco.org> (дата обращения: 30.06.2010).

Генеральный секретарь ШОС выступил с речью на Евразийском экономическом форуме, Сиан, КНР, 19 ноября 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sectsc.org> (дата обращения: 1.07.2010)

Государственная оборона КНР в 2000 году. Оборона и безопасность [Электронный ресурс] // Asia Business Information. URL: http://www.abirus.ru/o/d_00.htm (дата обращения: 04.06.2010).

Гучан Лю. Первые 5 лет ШОС // Дипломат. № 6. 2006. С. 11.

Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/Ns-rasia.nsf> (дата обращения: 07.06.2010).

Доля государств в суммарном ВВП государств ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org> (дата обращения: 18.06.2010).

Дудкова В., Зуев Н., Петров А. Сотрудничество по всем направлениям // Таможня. 2009. № 22 (237).

Евразийский экономический форум. Концепция «Совместные усилия по содействию экономическому восстановлению». Сиан, КНР. 16 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.cri.cn/841/2009/11/16/1s314359.htm> (дата обращения: 22.06.2010).

Идрисов Е. Шанхайская пятерка: эволюция развития // Экспресс-К. 2001. № 13, июнь.

Инфо ШОС: официальные документы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru> (дата обращения: 14.06.2010).

Капустина Л. М., Ся Г. Экономическое сотрудничество России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Екатеринбург, 2009. 121 с.

Комендантов С. В. Международно-правовые последствия создания Таможенного союза в рамках ЕвразЭС // Рос. внешнеэконом. вестн. № 1. 2010. С. 37.

Найчен Цянъ. Понимание — основа доверия // Стратегия России. 2006. № 4, апр. С. 8.
Официальный сайт ШОС: информация, текущие новости. URL: <http://www.sectsc.org/RU/> (дата обращения: 14.06.2010).

Паньков В. С. Таможенный союз «трех» и ВТО: смена приоритетов? // Междунар. экономика. 2010. № 2. С. 6.

Проблемы экономического и финансового сотрудничества в рамках ШОС : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Алматы, 31 мая 2006 г.). Алматы, 2006.

Синицына Т. Тайна альянса ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru> (дата обращения: 15.06.2010).

Три в одном: итоги астанинских встреч. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ria.ru/analytics/20100706/252603077.html> (дата обращения: 09.07.2010).

Цзэминь Цзян. Развитие шанхайского духа, содействие миру на планете [Электронный ресурс] : выступление на саммите государств-членов ШОС в Санкт-Петербурге, 8 июня 2002 г. URL: <http://www.infoshos.ru> (дата обращения: 15.06.2010).

Энергетический клуб ШОС: каким ему быть? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5667> (дата обращения: 29.06.2010).

ЭнергодIALOG стран ШОС: продолжение следует. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5061> (дата обращения: 29.06.2010).

Asian Development Bank (статистические данные Азиатского банка развития) [Electronic resource]. URL: <http://www.adb.org/PRC> (дата обращения: 09.07.2010).

Secretariat of Business Council of Shanghai Cooperation Organization [Electronic resource]. URL: <http://www.bc-sco.org> (дата обращения: 22.06.2010).

Статья поступила в редакцию 04.07.2011 г.

УДК 339.924(47 + 57) + 327.2(47 + 57) + 347.463

М. Н. Балдано

РОЛЬ РОССИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ ЕВРАЗИИ

Рассматриваются перспективы развития транспортной сети России в контексте трансконтинентальных коммуникаций, роль в этом процессе сибирских территорий, логистика как перспективная отрасль национальной экономики. Дается оценка преимуществ и недостатков транзитов через Россию по сравнению с другими (морскими и сухопутными) транспортными коридорами. Анализируется идея создания полноценных транспортных международных коридоров на территории нашей страны как одна из стратегических задач, реализация которой способна послужить локомотивом подъема материальной и духовной культуры России, ее азиатской части в XXI в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европа; Азия; транспортные международные коридоры; опорная транспортная сеть; интермодальные системы.

Геополитическое положение России между двумя динамично развивающимися мировыми центрами деловой активности, Европой и Азией, предопреде-

ляет ее особую — ключевую — роль в обеспечении евроазиатских связей. Международные транспортные маршруты пересекают нашу страну по кратчайшим расстояниям, с минимальным числом пересечений государственных границ и проходят по территории с единым правовым пространством, что обеспечивает минимальные сроки доставки грузов. Кроме того, Россия располагает развитой сетью железнодорожных и водных путей, имеющих резерв пропускной способности, и развивающейся сетью автомобильных дорог, что позволяет избежать необходимости крупных инвестиций в обустройство международных коридоров. В условиях формирования новой модели развития мировой экономики транспорт рассматривается в качестве инструмента реализации национальных интересов, обеспечения интеграции России в мировую экономику. В таком документе, как Транспортная стратегия России на период до 2020 г., большое внимание уделяется проблемам формирования опорной транспортной сети на принципах международных транспортных коридоров (МТК). В Западной и Центральной Европе, где коммуникации более развиты по сравнению со странами Восточной Азии, формирование базовой системы транспортных коридоров уже в основном завершилось. Однако система панъевропейских коридоров не полностью отвечает геополитическим и экономическим интересам России. В нынешнем варианте они не обеспечивают транспортные подходы к ряду крупных участников внешнеэкономической деятельности, а также экономические связи с одним из мировых центров деловой активности — Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР), не позволяют активно использовать транспортные коммуникации России для обеспечения международных трансконтинентальных связей. Несмотря на значительное отставание от большинства европейских стран в области перевозок, Россия вплотную подошла к созданию интермодальных систем. Система МТК, проходящих по территории России, формируется в соответствии с географией и структурой существующих и перспективных международных транспортных связей. В настоящее время возрастает интенсивность торговли между рынками Юго-Восточной Азии и Европы. Для освоения мощного грузопотока России необходимо дальнейшее развитие уже существующих и создание новых МТК. Система МТК на территории России включает в себя два евроазиатских коридора (Север — Юг и Транссиб), Северный морской путь, два панъевропейских коридора, а также коридоры, связывающие северо-восточные провинции Китая через российские морские порты Приморского края с портами АТР.

Транссибирский коридор представляет собой альтернативу традиционному морскому пути доставки контейнеров из Юго-Восточной Азии вокруг Индии и через Суэцкий канал в Европу. По оценкам специалистов, для приведения Транссибирского коридора в соответствие с современными требованиями необходимо развитие транспортных путей и модернизация морских портов Дальнего Востока и Северо-Западного региона, обеспечивающих стыковку этого коридора с международными коммуникациями. Международный транзит в широтном направлении по Транссибу не только позволит получать дополнительные финансовые средства, но также будет способствовать росту внутренних перевозок, развитию восточных регионов России.

Евразийский МТК «Север — Юг» свяжет Северную и Центральную Европу с государствами Персидского залива и Индией. Использование этих направлений для перевозок международных транзитных грузов через территорию России обеспечивает существенное сокращение сроков их доставки за счет значительно меньшей протяженности маршрутов (в 2—3 раза) по сравнению с южным морским путем через Суэцкий канал. В перспективе перевозки транзитных грузов в контейнерах через Транссиб могут составить 600—800 тыс. ед., по коридору «Север — Юг» — от 80 до 100 тыс. ед.

Северный морской путь — также международный транспортный коридор, обеспечивающий перевозки по кратчайшим расстояниям между Западной Европой и странами АТР. Роль государства в формировании арктической транспортной системы заключается в создании благоприятных условий для надежного функционирования Северного морского пути и формирования транспортной инфраструктуры, обеспечивающей этот процесс. Необходимость этого диктуется перспективными прогнозами развития крупномасштабных проектов в Арктике по освоению месторождений углеводородного сырья и их транспортному обеспечению.

По оценке экспертов, дополнительный валовый национальный доход, полученный за счет реализации транзитного потенциала России на евразийском направлении, может составить к 2015 г. вырасти до 20 млрд долларов с учетом прогнозов роста товарооборота на евразийском направлении. Транспортные услуги могут, таким образом, превратиться в крупнейшую после нефтегазового сырья статью национального экспорта.

Выступая 8 февраля 2007 г. с докладом на российско-германской логистической конференции, министр транспорта РФ И. Е. Левитин подчеркивал, что «с учетом географических преимуществ России логистика в нашей стране может и должна стать новой отраслью экономики, сопоставимой по масштабам с традиционными для России секторами, такими как экспорт энергоносителей и вооружений». Он также отметил, что для России становление логистики как отрасли национальной экономики — процесс новый и что мы пока находимся в самом начале пути [см.: Экономическая газета].

Трасса будущей Евразийской трансконтинентальной магистрали проходит через основные регионы России, обладающие высокой концентрацией топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесных ресурсов. В зоне ее тяготения расположены Тимано-Печорский и Западно-Сибирский нефтегазовые комплексы, Нижнее и Среднее Приангарье с их богатейшими и разнообразными природными ресурсами, уникальное Удоканское месторождение медных и других минеральных ресурсов, находящиеся в стадии формирования Братско-Усть-Илимский, Верхнеленский и Южно-Якутский ТПК, новые центры добычи нефти и газа острова Сахалин, включая его шельфовую часть.

Одним из важных участков создания транспортного коридора является реализация проекта строительства железнодорожной ветки между БАМом и Транссибом по территории Бурятии. В этом случае МТК выходит на железнодорожную сеть Монголии и Китая, что соответствует положениям Транспортной стратегии России о разработке при участии субъектов РФ проектов создания и

развития транзитных коридоров, дополняющих базовые МТК. Таким образом, ключевыми звеньями развития российской экономики становятся совершенствование транспортной системы и реализация мощного транзитного потенциала страны для обеспечения евразийских связей. Что касается регионов Сибири и Дальнего Востока, которые занимают свыше 70 % территории России и располагают громадным и уникальным природно-ресурсным потенциалом, то здесь особую актуальность приобретает проблема государственной поддержки. В Сибири и на Дальнем Востоке сосредоточена подавляющая часть российских запасов углеводородного сырья, угля, цветных и драгоценных металлов, древесины, водных и гидроэнергетических ресурсов. Извлекаемые разведанные запасы нефти в Сибири составляют 77 % российских запасов, природного газа и угля — более 80 %. На долю Сибири приходится более половины общероссийских запасов древесины. Ключевую роль в подъеме экономики Сибири и Дальнего Востока, заселении слабо освоенных территорий и повышении уровня жизни населения играет новое транспортное строительство, требующее крупных единовременных затрат, но обеспечивающее высокую народнохозяйственную эффективность, о чем свидетельствуют, в частности, опыт сооружения Транссиба, транспортного освоения и формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Так, на транспортное строительство и создание ЗСНГК было затрачено свыше 200 млрд долл., что позволило обеспечить стране гигантские объемы добычи нефти и газа и за двадцатилетний период (1980 — 2000) получить совокупный интегральный экономический эффект, на порядок превышающий единовременные затраты.

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали позволило осуществить массовое переселение людей в Сибирь, создать первые сибирские вузы, построить в 1930-е гг. крупные центры горнодобывающей, угольной и металлургической промышленности. Наличие Транссиба позволило в годы Великой Отечественной войны осуществить эвакуацию в Сибирь многих заводов, обеспечить бесперебойную работу тыла, что в значительной мере предопределило победу советского народа в этой войне.

Но еще в самом начале строительства, наряду с хвалебными отзывами, сооружение Транссиба было подвергнуто острой критике, особенно после того как стало известно, что Сибирская железная дорога будет строиться по южному варианту — через Омск на Красноярск, Иркутск и далее на Владивосток через Читу и территорию Китая. Представители деловых кругов считали, что в результате такой корректировки тихоокеанские ворота международной торговли по-прежнему остаются закрытыми для сибирской торговли. Ввиду назревавшего вооруженного столкновения с Японией некоторые специалисты утверждали, что КВЖД может сыграть роль фактора, стабилизирующего международную обстановку на Дальнем Востоке. Отмечалось также, что это продиктовано не только военно-стратегическими соображениями, но также и перспективным значением КВЖД в международном грузовом и пассажирском транзите, ключевым положением России на евразийской транспортной коммуникации.

Тем временем война с Японией была бездарно проиграна. Только после этого, в 1907 г., было принято решение о сооружении Амурской линии Сибирской

железной дороги, но реальное строительство затянулось почти на десять лет. На стадии разработки проекта Транссиба значительное внимание сосредоточивалось на вопросах существенного расширения зоны активного хозяйственного развития Сибири. В русле этих замыслов были выполнены масштабные экспедиционные исследования природных ресурсов Сибири.

Специальными и общегеологическими исследованиями, геофизической, топографической съемками, систематическим изучением гидрологического режима сибирских рек были впервые охвачены огромные пространства. В результате на карте Азиатской России появились Экибастузское, Карагандинское, Сунженское, Антроповское, Кубековское, Кускунское, Черемховское, Малиновское, Хара-Норское, Сучанское угольные месторождения. Часть из них была ранее неизвестна, по другим были определены промышленные запасы. В Прибайкалье за счет средств Сибирской железной дороги финансировались нефтегеологические исследования. Результаты их, несмотря на незавершенность, явились первым опытом нефтегеологического изучения Сибири.

Комитет Сибирской железной дороги с первых дней своей деятельности настойчиво подчеркивал, что результаты экспедиционных работ будут использованы для технико-экономического обоснования и последующих возможностей развития чугуноплавильного, железоделательного и литейного производства, создания промышленности строительных материалов, в первую очередь цементной.

Однако обещанные казенные субсидии на комплексное экономическое развитие Сибири так и не были выделены, за исключением 30 млн руб. на создание производственных структур — карьеров, кирпичных, известковых, цементных заводов, лесопилок, шпалорезок и т. п., непосредственно связанных с сооружением железнодорожной линии в период 1893—1902 гг. Таким образом, замысел комплексного экономического развития оказался не более чем иллюзией. В конце 1920-х гг. остро встал вопрос о сверхмагистрализации Транссиба, причем инициаторы этого проекта предлагали увеличить пропускную способность за счет строительства дополнительных путей на всем протяжении Транссибирской железной дороги. По подсчетам специалистов, превращение Сибирской железнодорожной линии даже в десятиколейную дорогу могло обойтись дешевле по сравнению со строительством нового транспортного пути через слабо или вовсе необследованные, необжитые и труднодоступные районы Севера. Хотя Северо-Сибирская железнодорожная магистраль, или Великий северный путь (ВСП), который мог бы связать берега трех океанов — Тихого, Северного Ледовитого и Атлантического, открывала широкую и не подверженную внешнеполитическим осложнениям возможность выхода к океанским коммуникациям. На базе сосредоточенных в зоне будущего северного Транссиба минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов предлагалось разместить крупные промышленные, в первую очередь металлургические, предприятия, которые в случае войны стали бы стратегическим индустриальным тылом, одинаково недоступным для любого потенциального агрессора.

Но отечественная традиция, согласно которой высокзатратные по капитальным вложениям и эксплуатационным расходам железные дороги следует строить только после исчерпания потенциала других, более дешевых видов

транспортных сообщений, в полной мере проявилась в контраргументации, направлявшейся против ВСП [Проблемные регионы..., с. 81]. Тем не менее директивное решение вопроса о строительстве широтной магистрали стало отправным пунктом нового этапа в разработке проблем формирования железнодорожной сети на севере Сибири и Дальнего Востока. При всей обоснованности проблемы имелись и несоответствия. Наиболее существенным было то, что будущая железнодорожная магистраль не имела транспортных выходов к арктическому побережью. Выбор между Архангельском и Индигой пришлось делать по критериям, производным от реально имевшегося технико-экономического потенциала, который определялся действующими портовыми мощностями и североморскими коммуникациями в Архангельске и Мурманске. К строительству нового порта на Индиге в комплексе с сетью железнодорожных подходов должны были приступить в конце 2-й пятилетки или, в крайнем случае, в 3-й.

Но началась Вторая мировая война, и Мурманский порт вместе с прилегающей железной дорогой оказался в непосредственной близости от театра военных действий. Для предотвращения прорыва противника к Мурманской железной дороге и городу-порту прилагались отчаянные усилия, но полной гарантии от катастрофического развития ситуации не было. Морские коммуникации в Балтике уже в первые месяцы войны были парализованы. Архангельский порт, второй после Мурманского в списке первоочередных объектов портового строительства на Севере, несмотря на созданные в предвоенные годы мощности, не располагал реальными резервами, чтобы компенсировать Мурманский в случае его утраты [см.: Сибирь..., с. 146].

В этой обстановке вновь актуализировалась идея строительства порта в Индигской губе, но начавшиеся работы вскоре были прекращены. Экстремальная военная ситуация слишком явно обозначила узкие места коммуникационных узлов отечественной транспортной системы с внешним миром. Традиционно развивавшиеся преимущественно в западном направлении железнодорожные связи с внешним миром практически прервались в первые дни войны. Аналогичным образом пресеклись балтийские и черноморские коммуникации. Каспийские морские и сухопутные пути через Иран и Закавказье не могли восполнить черноморские и балтийские коммуникации. Более или менее открытым во внешний мир оставался транссибирский железнодорожный выход к океанским коммуникациям.

История показывает, что когда на весах оказывались геополитические и социально-экономические интересы страны, то чаша весов в основном склонялась в сторону первых. Геополитическое положение России в конце XX в. при рассмотрении его по срезу экономико-географического потенциала транспортной системы представлялось весьма похожим на исторические ситуации, временно возникавшие в периоды войн. Изменились границы России по западному и южному направлениям. Не подверженными национально-политическим метаморфозам остались границы Сибири к востоку от рубежей с Казахстаном, ее тихоокеанское и полярное побережье и северные территории Европейской России. В сложившихся условиях надо было искать выход. Губернатор Томской области В. М. Кресс в своем выступлении на Байкальском экономическом

форуме 2000 г. подчеркивал, что «необходимо реконструировать Транссиб, чтобы довести его техническую оснащенность до уровня, обеспечивающего безопасность движения и сохранность грузов в соответствии с международными стандартами; сформировать опорную магистральную сеть федеральных автомобильных дорог от Урала до Дальнего Востока и иметь здесь не одну, а несколько автомобильных трасс; организовать систему международных воздушных перевозок между странами АТР и европейского субконтинента, расширить и довести до современного уровня сети связи и трубопроводного транспорта» [Вестник Совета Федерации, с. 53].

В настоящее время существуют четыре международных маршрута, которые использует Транссиб. Первые два можно определить как транзитные, поскольку грузы пересекают бывшие советские республики, два других — как двухсторонние. Европейский транзит соединяет страны Восточной Азии (Японию, Корею, Китай) и Финляндию железной дорогой и морским путем. К примеру, такая продукция, как бытовая электроника, поступает на временное хранение на финские таможенные склады и оттуда в основном экспортируется в Россию, включая российский Дальний Восток. Самое интересное, что стоимость этих товаров гораздо ниже тех, что поступают на Дальний Восток морем, непосредственно из Японии. Это объясняется высокими тарифами таможенной очистки. Этот маршрут было бы правильнее назвать финляндским транзитом. Транспортировка грузов из Японии и Республики Корея занимает морем 30–35 дней, в то время как по Транссибу — только 20 дней. В 1998 г. по Транссибу был пущен демонстрационный контейнерный поезд «Находка — Восточная-Брест», который прошел этот путь (10 538 км) за 9,3 суток, что в два с лишним раза меньше, чем при существующей схеме морских перевозок.

Преимущество Транссиба перед морским маршрутом — скорость, но морской гораздо дешевле. Это достигается объемами морских контейнеров. Афганский транзит соединяет Японию, Корею и Афганистан по Транссибу и железнодорожной системе стран Центральной Азии. Основным конкурентом этого маршрута является иранский, который активно начал действовать с 2000 г. и является более дешевым по сравнению с Транссибом. Иранский маршрут пролегает морем до Бандар-Аббаса и затем сушей — в западную часть Афганистана. Основной груз — различные трубы и автозапчасти.

Центральноазиатский двусторонний маршрут соединяет Японию и Корею, Казахстан и Узбекистан морем и железной дорогой с использованием Транссиба, а также железных дорог Центральной Азии. Основные перевозимые этим маршрутом грузы — товары корейских компаний в Центральную Азию. Альтернативный маршрут через Китай («Trans-China Railway») соединяет китайский порт Линянганг с Казахстаном по Китайской железной дороге. Этот маршрут широко используется для перевозки грузов из Японии (время транспортировки три недели в сравнении с двумя месяцами по Транссибу и более дешевыми тарифами). Российский двусторонний маршрут соединяет Японию и Корею с российскими регионами.

Что касается частоты использования Транссиба Японией, то если раньше японские порты и порт Восточный использовались им трижды в месяц, то

в настоящее время — только дважды. Морской маршрут японские компании используют практически ежедневно. В отличие от Японии, корейцы используют Транссиб гораздо интенсивнее. Объем корейских и китайских грузоперевозок возрастает (химическая продукция: резина, пластмасса, товары народного потребления, а также грузы, инвестируемые в ЦА), в то время как объем японских уменьшается. Японцев не устраивает отсутствие гарантий сохранности, дороговизна тарифов при отсутствии нормальных условий транспортировки (контейнеры) и слабый менеджмент российской стороны [The Economic Research Institute, p. 64]. Кроме того, японские компании в последнее время размещают свои филиалы в Китае, Малайзии и других странах ЮВА в связи с дешевизной рабочей силы, откуда значительно проще транспортировать продукцию в Европу морем.

Тем не менее уже сейчас Транссиб представляет собой двухпутную магистраль на железобетонных шпалах, оснащенную автоблокировкой и электрической централизацией, комплексом устройств автоматизированной системы управления движением поездов, волоконно-оптической линией связи, которая дублируется системой космической спутниковой связи.

Создание международного транспортного коридора и дальнейшая модернизация Транссиба должны способствовать развитию промышленной инфраструктуры четырнадцати областей, трех краев, двух республик и одной автономной области России. Транссиб проходит через 87 городов, в их числе крупнейшие индустриальные центры и транспортные узлы: Москва, Ярославль, Пермь, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Хабаровск, Владивосток. На территории Сибири, прилегающей к Транссибу и БАМ, сосредоточено 62 % запасов всех полезных ископаемых России. Сибирь обеспечивает 50 % экспорта России. Крупнейшие лесозаготовительные предприятия расположены вдоль Транссиба. Развитие экономики Восточной Сибири, а именно территорий, прилегающих к БАМу, связано с разработкой Чинейского месторождения титаномагнетитовых, ванадийсодержащих и медно-платиновых руд, освоением Удоканского меднорудного и Эльгинского угольного бассейнов.

В ближайшие годы грузооборот Транссиба должен значительно увеличиться за счет грузов из США в Дальневосточный регион через российские порты Находка и Восточный. При возрастании объема транзитных перевозок до 1 млн контейнеров совокупный годовой доход оценивается в 8 млрд долларов, а минимальная ежегодная прибыль — в 1 млрд долларов.

Столь масштабный международный проект должен привести к росту и интеграции экономических систем России, Европы и стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Чтобы занять достойное место в мире, Россия должна использовать все имеющиеся возможности. И создание транспортных межконтинентальных коридоров предоставляет такие возможности для роста промышленной инфраструктуры, разработки в рамках проекта самых современных технологий, использования прибыли от функционирования транспортного коридора в подъеме материальной и духовной культуры России в XXI в.

- Вестник Совета Федерации.* 2001. № 1. С. 53.
Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002.
Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность) / А. А. Долголюк, В. А. Ильиных, В. А. Ламин, В. Ю. Пленкин. Новосибирск, 2002.
Экономическая газета. 2007. 9 февр.
The Economic Research Institute for Northeast Asia Report (ERINA report). 2005. №. 5.

Статья поступила в редакцию 20.05.2011 г.

УДК 327.57(593) + 327.57(470)

Д. Тривисессорн

ТАИЛАНД И РОССИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО В РАМКАХ АСЕАН И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассматриваются проблемы современных дипломатических отношений между Таиландом и Россией. Дается анализ ключевых партнерских взаимодействий двух сторон и прогноз перспективного развития сотрудничества между двумя странами в рамках АСЕАН.

Ключевые слова: Таиланд; Россия; Ассоциация стран Юго-Восточной Азии; сотрудничество.

С распадом СССР Россия становится более современной и открытой страной. В период существования «железного занавеса» СССР был государством, закрытым для внешнего мира, поэтому сформировался негативный образ государства на международной арене. После распада Союза, создания Российской Федерации и отхода от биполярной системы международных отношений образ страны на мировой внешнеполитической арене значительно изменился. Тем не менее Россия как евразийская держава сохранила свои долгосрочные военные, политические и экономические интересы не только на Западе, но и на Востоке.

Современная Россия пытается сотрудничать и налаживать партнерские отношения с азиатскими странами и продолжает оставаться одним из главных действующих лиц на мировой арене, потому что в XXI в. такие сверхдержавы, как США, страны ЕС или Япония, постепенно теряют свою власть. Раньше они были главными центрами мировой политики и экономики. В XXI в. они столкнулись с кризисом, который ударил по их экономической стабильности, поэтому позиции этих государств на мировой арене пошатнулись [см.: Ануч Апапиром]¹, в то время как другие державы — Россия, Китай и Индия — постепенно усиливают свое влияние. Чтобы эти новые державы смогли еще более упрочить свои позиции на мировой арене, они должны сотрудничать с различ-

¹ Здесь и далее отсылки по тексту и затекстовые ссылки на тайские источники даны в переводе на русский автором статьи.

ными странами и между собой. В настоящее время региональная и межрегиональная интеграция — важная особенность развития современных международных отношений, сотрудничество является главным фактором интеграции. Многие эксперты предполагают, что в XXI в. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) может стать одной из самых значительных организаций в мире, что скоро наступит эпоха АСЕАН [см.: Явареж Йодпунг]. В Юго-Восточной Азии (ЮВА) АСЕАН была представлена миру как «региональное объединение», которое будет добиваться решения задач преимущественно в социально-экономической сфере [см.: Кобелев и др., с. 11–12]. Тем не менее интересы безопасности режимов и политических элит первой пятерки стран-учредителей — Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин — были при этом определяющими [см.: Там же]. В настоящее время Таиланд является одной из лидирующих стран в ЮВА и стабильно занимает ведущее место среди стран АСЕАН. Таиланд стремится развивать сотрудничество со многими государствами во всех регионах мира в рамках различных международных организаций. Процессы глобализации затронули все страны. Наряду с вопросами, касающимися политики и безопасности, все большую значимость в многосторонних отношениях приобретают торгово-экономические аспекты взаимодействия [см.: Министерство иностранных дел...]. Глобализация влияет на направление внешней и внутренней политики многих стран, в том числе Таиланда и России, поэтому сотрудничество между этими странами является важным фактором развития обеих.

В таиландско-российских отношениях обе стороны являются не только партнерами по диалогу, их связывает длительная история дружеских взаимоотношений. Дружба между Россией и Таиландом имеет вековую историю. Дипломатические отношения между Таиландом и Россией начались в конце XIX в., когда состоялся визит в Россию тайского короля и были заложены основы развития российско-таиландских отношений на последующие несколько десятилетий [см.: *The Royal Thai...*, р. 3, 16–17]. Дружеские связи России с Таиландом имеют гораздо более долгую историю, чем отношения России с другими странами ЮВА.

Тем не менее потенциальные возможности развития связей со странами ЮВА в современной России используются недостаточно. В прошлом СССР был очень тесно связан в самых различных областях со многими азиатскими странами, например Вьетнамом, Лаосом (Камбоджей), благодаря распространению идей коммунизма, в то время как связи между Таиландом и СССР практически не развивались. Для России сегодня существуют политические препятствия в развитии взаимоотношений с ведущими странами ЮВА: Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Филиппинами, Таиландом и другими государствами региона. Эти отношения развиваются и в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), и в рамках военно-технического сотрудничества России с АСЕАН как ведущей региональной организацией [см.: Ланцова, Ачкасова, с. 406–407]. В этом направлении следует ожидать изменений в динамике развития отношений между Россией и государствами ЮВА.

Стратегическое значение организации АСЕАН определяется ее ведущей ролью в региональном развитии ЮВА, и эта роль будет неуклонно расти в обозримом будущем. Россия, как и АСЕАН, также является последовательным сторонником принципов многополярности и равной безопасности для всех стран. Вот почему стратегическая цель взаимоотношений России со странами ЮВА заключается в формировании глубоких и хорошо сбалансированных межгосударственных отношений, гарантирующих долгосрочную стабильность. Именно поэтому современное сотрудничество с АСЕАН — новая тенденция в развитии внешней политики России для поддержания ее статуса на международной арене. Таиланд считает укрепление сотрудничества с АСЕАН, а также развитие отношений со многими странами, и особенно с Россией, приоритетными задачами. Это новые перспективы внешней политики Таиланда в наступившем веке. Хотя контакты между двумя странами были прерваны на долгое время революцией 1917 г., с окончанием эпохи холодной войны Таиланд и Россия пытаются укрепить сотрудничество друг с другом не только в сфере дипломатических отношений, но и в торгово-экономической, военной, военно-технической, энергетической, научно-технической и гуманитарной сферах, а также в борьбе с терроризмом, оргпреступностью и незаконным оборотом наркотиков не только на уровне государственных взаимоотношений, но и в сфере частных контактов [см.: Грайлед, Нана, с. 21–27]. Особое внимание в рамках двустороннего взаимодействия тайская сторона уделяет экономической сфере. Россия, в свою очередь, пытается восстановить свой статус после распада Советского Союза.

В настоящее время Россия взаимодействует со странами АСЕАН, в особенности с Таиландом, прежде всего в области энергетики. Россия может стать одним из главных поставщиков энергоносителей в этом регионе. Ведущая роль Таиланда в Юго-Восточной Азии обусловила заинтересованность Российского государства в развитии двусторонних отношений. Две трети территории России находятся в Азии. Россия как двуглавый орел смотрит и на запад, и на восток, в соответствии с этим формируется ее внешнеполитический курс [см.: Газета Тхан Седтагит]. Суть этих интересов заключается в том, чтобы обеспечить не только безопасность России в этом регионе, но и ее геоэкономические позиции, существенно повысить конкурентоспособность страны. Несмотря на то, что обе стороны могут стать перспективными партнерами, следует особо обратить внимание на те проблемы и барьеры, которые сдерживают развитие двусторонних отношений. Поиск новых подходов к решению указанных проблем и преодолению обозначенных барьеров придаст новый импульс развитию отношений между двумя странами.

После распада Советского Союза тайско-российские отношения развивались постепенно. Взаимоотношения между Россией и Таиландом были возобновлены официальным визитом премьер-министра Такцина Чинавата в Россию в 2002 г., а в октябре 2003 г. президент России Владимир Путин посетил Таиланд. Кроме того, в 2007 г. состоялся официальный визит в Россию Её Величества королевы Сирикит в качестве представителя короля Пумипона Адульядета. Визиты глав государств обеих стран являются важными событиями

в истории двусторонних контактов, открывают новую страницу в тайско-российских отношениях и способствуют их дальнейшему развитию. Тем не менее главным фактором в развитии тайско-российских отношений является политика правительств обеих стран. После распада СССР в России с переходом на путь демократии, либерализма и рыночной экономики был сформирован новый внешнеполитический курс государства. Несмотря на все проблемы и сложности переходного периода, в настоящее время России удалось добиться некоторых положительных сдвигов в экономической и политической сферах. На современном этапе правительство России стремится создать благоприятную атмосферу в экономике страны, способствующую притоку иностранных инвестиций и развитию совместных предприятий.

Тайско-российские отношения улучшились еще в конце 1980-х гг., когда М. Горбачев поддержал вывод вьетнамских войск из Камбоджи и восстановление демократического правительства внутри страны. После этих событий Таиланд начал корректировать свою антикоммунистическую политику по отношению к СССР, а впоследствии и к России; именно в это время началось восстановление тайско-российских отношений во многих областях.

В период президентства Путина Россия, стремясь укрепить свою экономику и национальную безопасность, восстановить свои позиции в качестве сверхдержавы, играла роль мирового баланса относительно внешней политики США и ЕС. Что касается Таиланда, при премьер-министре Таксине была осознана необходимость создания прочных союзнических отношений с Россией, особенно в области безопасности, торговли, инвестиций, туризма, а также в сфере науки и техники, т. е. были заложены предпосылки для развития тесных отношений между двумя странами в будущем. Кроме того, развитие тайско-российских отношений в настоящее время полностью поддерживается не только правительством, но и обществом в обеих странах. Тайско-российские отношения стремительно развивались в 2004–2009 гг. Ключевую роль в этом сыграли уже упоминаемые нами контакты на высшем уровне. Так, в 2002 г. важнейшими вехами на этом пути стали визиты официальных лиц: официальный визит премьер-министра Таиланда Таксина в Россию, затем — первый в более чем столетней истории дипломатических отношений государственный визит в Таиланд главы российского государства президента Путина. Как известно, Россия является одним из главных поставщиков нефти и газа в мире. 17 июня 2006 г. проходила дискуссия между премьер-министром Таксином и президентом В. Путиным в Алматы. Президент Путин подтвердил желание России сотрудничать с Таиландом как с энергетическим центром в Юго-Восточной Азии. 18 ноября 2006 г. на совещании АТЭС в Ханое еще раз были изложены такие предложения, но на этот раз генералом Сурайуда Чуланом, который был премьер-министром Таиланда после отставки премьер-министра Таксина во время переворота в Таиланде 16 сентября 2006 г. Обе стороны договорились продолжать сотрудничество в области энергетики.

В Таиланде 27 ноября 2009 г. прошло совместное заседание межгосударственной комиссии, на котором стороны обсудили сотрудничество в энергетической

сфере, в том числе возможность создания совместного предприятия, принадлежащего «Газпрому» и Министерству энергетики Таиланда. Кроме того, тайская энергетическая компания РТТ осознает перспективы совместного с Россией и третьими странами освоения нефти и природного газа в Таиланде. Существуют проекты, связанные с более эффективным использованием традиционных видов энергии, использования энергии из возобновляемых источников и т. д. [см.: Ватчара]. Продолжается сотрудничество в различных областях, особенно в области энергостроительства, которое началось еще при президенте В. Путине и премьер-министре Таксине.

В настоящее время развитие взаимоотношений между двумя странами продолжается не такими быстрыми темпами, как при президенте В. Путине и премьер-министре Таксине. Тайская сторона пытается активно проводить мероприятия по продвижению сотрудничества в экономике, в области туризма, энергетики, медицины, фармацевтики, оборонных технологий и т. д. Сейчас разработан план действий по развитию взаимоотношений между Россией и Таиландом на 2010–2013 гг.: первый документ такого рода, подписанный Россией со странами ЮВА, представляет собой «дорожную карту» приоритетных направлений и конкретных параметров двусторонней кооперации [см.: РИА, с. 9]. По мнению тайской стороны, на данный момент между Россией и Таиландом уже существуют прочные экономические отношения, которые, учитывая существующие возможности, в перспективе могут получить дальнейшее развитие. Кроме того, Россия заинтересована в совместной разведке и разработке энергоресурсов, строительстве и обслуживании объектов нефтегазовой отрасли, поставках в Таиланд российских углеводородов, сооружении в Таиланде региональной базы хранения, переработки и торговли нефтью и газом из России, содействию в реализации планов Таиланда по созданию национальной атомной энергетики в ближайшем будущем.

Тайская сторона намерена углублять и расширять сотрудничество с Россией, в т. ч. с различными регионами России и Свердловской областью в частности. 23–25 марта 2011 г. вновь прошли дни Таиланда в Екатеринбурге. Данное мероприятие было организовано впервые в 2010 г. Сейчас крупные тайские компании вкладывают инвестиции в экономику Калужской области (например, «Тегерокоран СР — Чароен Покланд Фудс» — производитель корма для животных). Недавно представители другой тайской компании («Чароен Покланд Фудс») провели встречу с предпринимателями и руководителями предприятий в Рязанской области. В ходе заседания обсуждался проект развития фермерских хозяйств в данном регионе России, который предполагает дополнительные возможности для развития сельского хозяйства, в т. ч. создание откормочных свиноферм. Участники встречи были ознакомлены с опытом создания семейных свиноферм за рубежом, обсудили возможности реализации проекта на территории Рязанской области [Агрофакт].

Следует обратить особое внимание на то, что Россия и Таиланд имеют уникальные возможности для достижения целей сотрудничества благодаря давнему и интенсивно развивающемуся многостороннему диалогу. Таиланд намерен усилить сотрудничество с Россией не только в торгово-экономичес-

ких, но и в других областях, что отвечает интересам обеих стран. В настоящее время для развития российско-тайского сотрудничества созданы благоприятные условия, а развитие отношений со странами АТР — одна из наиболее перспективных внешнеполитических задач России. Динамичность тайско-российских отношений, развитие взаимодействия со странами ЮВА в различных областях способствуют укреплению российских позиций не только в данном регионе, но и на мировой арене. Одной из причин укрепления взаимодействия обеих стран является стремление России войти в число членов Всемирной торговой организации (ВТО). Тайская сторона надеется на то, что членство в ВТО будет способствовать развитию эффективного двустороннего взаимодействия в экономической области, основой которого будет соглашение о свободной торговле между Россией и Таиландом [см.: Деловой совет Таиланда...].

Таким образом, тайско-российские взаимоотношения на современном этапе основываются на прагматизме и взаимном уважении национальных интересов. Хотя политика обоих государств ориентирована на первоочередное укрепление отношений с Западом, особенно США и странами ЕС, для восстановления своего международного статуса серьезное внимание нужно уделять не только западному направлению во внешнеполитическом курсе, но и восточному. Благодаря интенсификации российско-тайского сотрудничества были созданы наиболее благоприятные условия для дальнейшего развития контактов между странами, а прочность взаимоотношений обеспечена давней историей двусторонних отношений.

АгроФакт. Рязанская область. Развитие фермерства с помощью тайских инвесторов [Электронный ресурс] // Новости индустрии. URL: <http://www.meat.su/?news/industry/details/10682>. (дата обращения: 07.05.2011).

Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Международные отношения в XXI веке. М., 2011. 164 с.

Кобелев Е. В., Локишин Г. М., Малетин Н. П. АСЕАН в начале XXI века. М., 2010. 368 с.

Кортунов С. В. Современная внешняя политика России. М., 2009. 603 с.

Ланицова С. А., Ачкасова В. А. Мировая политика и международные отношения. СПб., 2007. 448 с.

Лутовиков В. И., Мотин Ю. Н. Военная политика Российской Федерации в условиях глобализации. М., 2010.

РИА — Российское информационное агентство. Тайско-российский синдром // ФедералПресс. 2011. 77 с.

The Royal Thai Consulate in St.Petersburg. King Chulalongkorn in Russia. St. Petersburg. 2010. 64 с. — Консульство Королевства Таиланд в Санкт-Петербурге. Король Чулалонгкорн в России. СПб., 2010. 64 с.

Грайлед Нана. Визит цесаревича Николая Александровича (Николая II) в Таиланд и новый этап во внешней политике во время правления короля Чулалонгорна (Рама V) / пер. Д. Тривисессорн. Бангкок, 2009. 206 с.

Министерство иностранных дел королевства Таиланд. Вступление в всемирной торговой организации (ВТО) [Электронный ресурс] / пер. Д. Тривисессорн. URL: <http://www.mfa.go.th/web/showStatic.php?staticid=1039&Qsearch>. (дата обращения: 05.05.2011).

Ануц Анапиром. Выживание Таиланда на мировой арене: Кризис как возможность и регулирование отношений с мировыми сверхдержавами [Электронный ресурс] / пер. Д. Три-

висессорн // Фонд исследования государства. 2003. URL: <http://www.technologymedia.co.th/article/articleview.asp?id=113> (дата обращения: 02.05.2011).

Ватчара. Отношения между Королевством Таиланд и Российской Федерацией / пер. Д. Тривисессорн [Электронный ресурс] // Управление информации и информационных технологий. URL: <http://www.idis.ru.ac.th/report/index.php?topic=2265.0> (дата обращения: 08.05.2011).

Явареж Йодпунг. Советы бывшего министра иностранных дел Таиланда о необходимости исследования прошлых конфликтов нации. [Электронный ресурс] / пер. Д. Тривисессорн. URL: <http://www.thaireform.in.th/news-education/1845-2010-09-01-09-06-33.html> (дата обращения: 02.05.2011).

Деловой совет Таиланда и России. Исследование возможности о соглашении свободной торговой зоне между Таиланда и Россией [Электронный ресурс] / пер. Д. Тривисессорн. URL: http://www.thairussian.org/thai/data_detail.asp?id=21&cid=11 (дата обращения: 07.05.2011).

Газета Тхан Седтагит. Деловое сотрудничество между Таиландом и Россией [Электронный ресурс] / пер. Д. Тривисессорн // Тхан Седтагит. 2007. 15–17 дек. URL: <http://www.tiewrussia.com/catalog.php?idp=65> (дата обращения: 07.05.2011).

Статья поступила в редакцию 20.05.2011 г.

РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 94(54) + 94(=512.1) + 39(=512.1)

Р. Т. Ганиев

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ВОСТОЧНЫХ ТЮРКОВ VI–VIII вв. *

Рассматривается характер политического объединения восточных тюрков в VI – VIII вв. Исследуются теоретические проблемы политогенеза кочевников Центральной Азии. Конкретизируется понятие степного государства, анализируются его сущность и признаки на примере Восточно-Тюркского каганата.

Ключевые слова: восточные тюрки; Восточно-Тюркский каганат; степное государство; кочевая государственная традиция; номады.

Важной проблемой изучения восточных тюрков является вопрос идентификации их политических образований на территории Центральной Азии, а также тенденции оформления государственности. Активное развитие тема по-

* Публикуется в рамках исследования по государственному контракту № 16.120.11.96-МК гранта президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-96.2011.6).

лучила в постсоветское время, когда на смену марксистской идеологии пришли плюрализм мнений и разнообразие методологических инструментов. Но если вопросами государственности кочевников занимались многие ученые, то специалистов, изучающих проблему государственности именно восточных тюрков VI – VIII вв., немного. Изучением данной темы в постсоветское время занимались такие исследователи, как С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов, В. В. Трепавлов, Е. И. Кычанов, Н. Н. Крадин, С. А. Васютин, Р. Т. Ганиев.

Следует отметить, что вплоть до последнего времени среди большинства исследователей восточных тюрков поддерживалась точка зрения о государственном характере их политических объединений (С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов, В. В. Трепавлов, Е. И. Кычанов, Р. Т. Ганиев). Другие ученые (Н. Н. Крадин и С. А. Васютин) отстаивают точку зрения о догосударственном характере восточнотюркских политий. Правда, в одной из своих последних работ С. А. Васютин отметил, что в анализе нужно исходить из «многообразия форм социально-политического развития кочевников», тем самым признавая наличие как государственных, так и догосударственных форм политической организации у кочевников [см.: Васютин, Дашковский, с. 352].

Терминологический плюрализм является характерной особенностью работ в решении данной проблемы. Каждый из исследователей определяет политические объединения восточных тюрков сообразно своим методологическим и теоретическим разработкам.

Н. Н. Крадин в своих работах характеризует образование тюрков как «типичную кочевую империю уровня суперсложного вожества, модель, которая является прообразом раннего государства» [см.: Крадин]. В. В. Трепавлов применительно к тюркам использует понятие «государственная кочевая традиция», словосочетания «степная империя» и «кочевая империя» [Трепавлов, с. 95], рассматривая эти понятия уже в качестве государственных образований. С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов применяют понятия «империя», «архаическая кочевая империя», но также отстаивают их государственный характер [Кляшторный, Савинов, с. 9]. С. А. Васютин I Тюркский каганат называет «кочевой ксенократической империей или суперсложным вожеством», а II Тюркский каганат идентифицирует как «квазиимперское вожество» с догосударственным уровнем развития как в первом, так и во втором случае [см.: Васютин, Дашковский, с. 315–320].

Следует заметить, что практически никто из современных ученых-тюркологов не использует термин «государство» применительно к политическим образованиям кочевых народов за некоторым исключением, хотя сам факт существования государства у кочевников многими подтверждается.

За многообразием трактовок скрывается многолетний спор среди специалистов о государственном или догосударственном характере кочевых объединений. Правда, в последнее время, некоторые из ученых призывают «не загонять себя в узкие рамки категоричных ответов «да» или «нет» [см.: Там же, с. 315–320]. Следует отметить, что в основе любой типологизации или классификации кочевых политий исходным пунктом дискуссии в отношении кочевников служит понятие *г о с у д а р с т в е н н о с т и*. Именно здесь заключается

основная проблема, так как общепринятого определения понятия государства на сегодняшний момент не существует. Разработка и установление определения и признаков государственности является первоочередной задачей исследователей, занимающихся изучением подобных вопросов. Ее решение является исходным пунктом в доказательстве той или иной точки зрения и послужит основой для аргументированной дискуссии о государственном или догосударственном характере политических объединений кочевников, в том числе восточных тюрков.

В связи с этим необходимо привести современные определения понятия «государства». Сегодня этот вопрос является одной из главных теоретических проблем политической антропологии и ряда смежных дисциплин. В одной из последних книг, посвященных теоретическим вопросам происхождения и эволюции государства, трехтомнике Л. Е. Гринина, государство определяется как «система специальных институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; как отделенную от населения организацию власти. Признаками государства, по Л. Е. Грину, являются: а) суверенность (автономность); б) верховность, легитимность и реальность власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможность принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы» [Гринин, с. 168].

Другой ученый, Н. Н. Крадин, отмечает, что «государство — это большая группа людей, причастных к управленческому труду (именно в таком случае происходит качественное изменение и складывается особый чиновничий этос). Эта группа может быть разделена на специализированные подразделения или институты (министерства, канцелярии и т. д.) либо в принципе не быть институализированной и может находиться при дворе, ставке («штабе») правителя. Кроме того, о государственности можно говорить тогда, когда появляются так называемые специальные функции — лица, выполняющие специализированные обязанности только в какой-то одной области управления» [Крадин, 2009, с. 205–211].

Получить более широкое представление о государственности помогают современные энциклопедии [см.: Словари и энциклопедии...]. Большое количество определений, которые на первый взгляд могут ввести в заблуждение, на самом деле имеют много схожих черт, поэтому необходимо выделить общие черты и признаки государственности среди множества трактовок понятия государства в различных областях науки — от философии до политологии.

Общим местом для всех характеристик является утверждение о том, что государство есть форма политической организации общества. Таким образом, государство складывается из трех составляющих: 1) общество (население), 2) территория (на которой проживает население), 3) форма политической организации (власть). Другими словами, государство — это модель организации власти в отношении населения на определенной территории с помощью необходимых для этого инструментов в зависимости от внутренних и внешних условий, а также потребностей общества. Общество как саморазвивающаяся и самоуправляемая система имеет свои собственные, внут-

ренные механизмы и стимулы развития, которые способны оказывать влияние на власть.

Следующим необходимым критерием в характеристике государства являются его признаки. Существующие признаки сегодня не могут полностью удовлетворить специалистов в области политической антропологии, так как по ним невозможно четко отличить государство от догосударственных образований. Универсальными признаками государственности сегодня являются аппарат управления, территория и границы, суверенитет, армия, население, публичная власть, система права, легальные принуждения, налоговые сборы. Среди дополнительных признаков государства называют письменность и религию.

Ученые упускают из виду такой важный фактор формирования и существования любого государства, как его экономическая деятельность, — условие, которое вполне может считаться одним из основных признаков характеристики государства. В качестве признака государство должно иметь собственную экономику с внутренней и внешнеэкономической деятельностью, которая влечет за собой уже вторичные признаки — налоговые сборы. Одним из последствий экономической деятельности и роста материальных благ является столкновение интересов в обществе, его дифференциация, специализация и усложнение. С выходом на внешний рынок государство оказывается в условиях международной конкуренции, и вторым важным признаком и условием роста благосостояния государства является его признание соседними государствами в качестве независимого и самостоятельного субъекта международных отношений, т. е. его суверенитет. Третьим признаком любого государства является его особая структура управления, на формирование которой воздействует множество внешних и внутренних факторов. Природно-климатические условия также оказывают влияние на структуру управленческого аппарата, которая в разных обществах может существенно отличаться друг от друга.

Важной проблемой многих ученых-кочевниковедов является невольное сравнение кочевников с оседлыми народами и государствами и сопоставление их уровня культурно-исторического развития, которое очень популярно в науке и является методологически неправильным, так как культуры кочевников и оседлых народов абсолютно равноценны. История Восточно-Тюркского каганата — это развитие особой территориально-хозяйственной формы, отличной от других обществ.

Безусловно, восточнотюркская государственность получила развитие на собственной основе и была результатом собственного внутреннего эволюционного развития тюркского общества в Центральной Азии. Нельзя согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что «потребность в государственности не была внутренне необходимой для кочевников» [Крадин], выстраивают свою концепцию на сопоставлении с оседлыми государствами. Сами тюрки преемственность государственной традиции, если следовать китайским письменным источникам, вели от хунну. Позже, как установил в своем исследовании В. В. Трепавлов, государственная традиция тюрков нашла свое применение в Уйгурской и Монгольской империях [см.: Трепавлов, с. 113], что является результатом

закономерного исторического развития кочевого общества. Важным наблюдением В. В. Трепавлова является вывод о том, что «традиционные нормы государственного строительства, возникшие у кочевников, оказались наиболее жизнеспособными на степных территориях империи» [Трепавлов, с. 117], что доказывает вывод об уникальности и неповторимости данного ареала, а следовательно, и о развитии особых форм государственности относительно соседних политий — Китая, Тибета, Ирана, Византии и пр. В связи с этим является целесообразным выделение такой особой формы государственности, как *с т е п н о е г о с у д а р с т в о*, в качестве социально-политического феномена на территории Центральной Азии в период существования Тюркского и Восточно-Тюркского каганатов. Термин «степной» обуславливается решающей ролью природно-климатических условий в формировании именно кочевого скотоводства как основной хозяйственной деятельности кочевников, поэтому основным признаком, характеризующим данное политическое образование, должны стать именно природно-климатические условия в качестве первичного фактора.

Таким образом, степное государство имеет следующие признаки: 1) собственная экономика с внутренней и внешней отраслью хозяйственной деятельности, 2) суверенитет, 3) особая структура управления, опирающаяся на степную государственную традицию кочевников.

Главная составляющая любого государственного образования — его экономическая жизнь. И от того, какие предпосылки заложены в экономическом развитии государства, зависит судьба государства. В определенном смысле, экономика — это производное от географических условий территории.

Обширные пастбища и определенные климатические условия сыграли свою роль в развитии скотоводства — овцеводства и коневодства (китайские источники называют шесть видов животных: лошадь, коза, овца, собака, свинья и курица [Liu Mau-Tsai, S. 491], которые в государстве тюрков значили больше, чем частное занятие семьи кочевника, — служили экономической базой, имеющей стратегическое значение. Кочевое скотоводство пронизывало всю экономику Восточно-Тюркского государства, было его экономическим базисом. Продукция скотоводства обеспечивала тюрков всем необходимым — продуктами питания, средствами передвижения и т. д. Успешное ведение производственного процесса скотоводства было вопросом существования древних тюрков. Однако, забегая вперед, отметим, что особая ценность продуктов скотоводства (главным образом коневодства) была характерна не только для кочевых народов, но и для оседлых, например китайцев. Приведем лишь небольшой яркий эпизод из источника Бэй Ци шу: «В 3 год Хэ-цин (564) туцзюэ вторглись на границу. В двух государственных загонах Дайчжоу и Синчжоу были лучшие лошади, числом в 10 000. Теперь их разместили в долине кипарисов, севернее горы Утайшан (в Шаньси), чтобы уклониться от “бандитов” (туцзюэ). После того, как бандиты ушли, император приказал туда отправиться и проверить положение. Он послал потом туда курьера с тем, чтобы лошадой привести в Динчжоу и население присмотрело бы за ними, но Бо Цянь подумал, что лошади давно уже голодают и ослаблены, и поэтому он боялся, что многие

лошади могут погибнуть во время перехода. Так он последовал императорскому приказу и сделал как лучше; он передал лошадей солдатам, которые вблизи остановились. Потом он сообщил об этом императору, который его понял. Это было достоинство Бо Цянь, что он в борьбе за лошадей не потерпел поражение» [Liu Mau-Tsai, S. 34]. Из отрывка понятно, что китайские власти любыми способами хотели сохранить поголовье своего скота от разграбления, и охрана государственных конюшен была стратегически важна для государства.

О наличии спроса на отдельные виды товаров (лошадей) в письменных источниках сообщается: «Я, Пэй Цзи и другие... Мы не нуждаемся в варварах, но их лошади очень важны, и поэтому ждем алчно. Если мы дальше замешкаемся, то туцзюэ могут поменять свое решение» [Ibid., S. 395].

Заметим, что в Восточно-Тюркском каганате некоторая часть населения вела оседлый и полuosедлый образ жизни и занималась земледелием, специализируясь на производстве сельскохозяйственных продуктов, что подтверждается археологическим материалом, найденным в Туве и на Алтае. Это были гранитные жернова ручных мельниц, захороненные вместе с умершими женщинами, и остатки зерен проса — в мужских могилах [см.: Овчинникова, с. 49]. Из пашенных орудий древние тюрки применяли деревянные плуги с железными сошниками [Кызласов, с. 45].

О земледелии у тюрков сообщает хроника Цзю Тан шу: «В свое время, во время годов Сянь-хэн (670—673), подчиненные орды туцзюэ по большей части в 6 префектурах: Фэньчжоу, Шэньчжоу, Линьчжоу, Сячжоу, Сочжоу и Дайчжоу были расселены. Они называли их “подчиненные фамилии”. Теперь Мочжо потребовал вернуть эти подчиненные семьи и область Шаньюй-духуфу; кроме того, он попросил хозяйственную утварь и посевное зерно. Наконец, он получил покорившиеся семьи и несколько тысяч шатров из 6 префектур. Кроме этого, он получил 40 000 ши посевного зерна и 3 000 хозяйственной утвари (единицы). С этого времени Мочжо стал могущественным!» [Liu Mau-Tsai, S. 161].

О земледелии племен телэ, которые в социальном отношении были подчинены тюркам, также сообщается в «Суй шу»: «Другие, которые жили на западной границе, занимались земледелием и имели кабанов, и овец, и немного лошадей» [Ibid., S. 128].

Известно, что после поражения Сели-кагана в 630 г. многие тюрки были переселены в северные китайские провинции, где они также занимались земледелием: «Они предложили всех подчиненных и взятых в плен обратить в жителей; их поселили в ненаселенные области Яньчжоу и Юйчжоу, и они стали заниматься земледелием и скотоводством; и так миллионы варваров стали гражданами» [Ibid., S. 199].

В этих условиях тезис о «жесткой зависимости кочевников от оседло-земледельческих областей», в том числе от Китая, который поддерживается некоторыми исследователями [см., например: Трепавлов; Васютин; Крадин], не соответствует реальности, так как на территории Восточно-Тюркского каганата, в особенности в некоторых его регионах, были все необходимые условия для занятия земледелием, что подтверждается письменными источниками и археологическими находками. Земледелие не нашло широкого применения в тюркском

обществе, и это объясняется тем, что в первую очередь главным их занятием было кочевое скотоводство, затем внешняя торговля, а земледелие было отраслью хозяйства исключительно для внутренних нужд. Источники также не содержат информации о предъявлении требований тюрков к Китаю в виде земледельческих продуктов, за исключением одного, когда Мочжо-каган потребовал 40 тыс. ши посевного зерна, т. е. не для еды, а для посева, что доказывает самодостаточность общества восточных тюрков.

Богатые запасы железной руды и цветных металлов наложили свой отпечаток на развитие в государстве древних тюрков железоплавильного дела и ювелирного искусства, о чем говорят китайские письменные источники и данные археологических исследований.

Известны значительные по масштабам для Восточно-Тюркского каганата горные выработки железных руд, обнаруженные геологами и археологами в Центральной Туве. Естественно, что древние горняки использовали в первую очередь те пласты руд, которые находились ближе к поверхности земли [см.: Потапов, с. 91].

Находки, полученные в процессе археологических раскопок, свидетельствуют о высоком уровне обработки металлов, а также уровне ремесла, связанного с изготовлением предметов из железа, — от оружия до конской сбруи и домашней утвари. Высокая точность и завершенность обработки поверхности наконечников стрел свидетельствуют о профессионализме древнего кузнеца [см.: Овчинникова, с. 85].

Кроме того, в погребениях VII—VIII вв. встречаются железные котлы с круглым дном. Такие котлы склепывались кузнецами из отдельных листов железа, после чего производилась расчеканка швов. Края котлов, как правило, закреплены дополнительными железными полосами. Обнаруженные на территории Восточно-Тюркского каганата железные котлы относятся к одному из двух типов (подвесные и на поддоне с прорезью и двумя ручками), распространенных в древнетюркское время как в Туве, так и на Алтае [см.: Овчинникова, с. 61, 199].

Из высококачественного железа алтайские кузнецы изготавливали однолезвийные ножи, тесла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел и т. д. Осуществлялась добыча не только железа, но и золота, серебра, олова и меди [Кызласов, с. 45].

Большого совершенства достигли мастера в изготовлении золотых и серебряных изделий, особенно наборов бляшек, служивших украшением поясов, конской сбруи и т. д. Качественный анализ некоторых предметов, обнаруженных при раскопках древнетюркских курганов, показал, что они изготовлены из высокопробного золота. При изготовлении золотых и серебряных блях, по мнению Л. П. Потапова, использовали шаблон. Тонкий золотой лист наколачивался миниатюрным молоточком на специально вырезанный деревянный шаблон избранной формы, после чего края подрезались и маленькими щипчиками подгибались внутрь. Затем изготовленные бляхи при помощи бронзовых скреп насаживались на кожаный пояс или сбруйный ремень. Бронзовые изделия, в отличие от золотых и серебряных, изготавливались литьем [Потапов, с. 93].

Таким образом, черная и цветная металлообработка у восточных тюрков для своего времени была на высоком уровне, а объемы этого производства свидетельствуют о том, что металлургия была, по-видимому, вторым по значимости занятием после скотоводства.

Что же касается западноевропейских письменных источников, то известно, что железные изделия были у восточных тюрков в избытке [см.: Гумилев, с. 67]. Предположим, что кузнечное ремесло было поставлено на поток. Учитывая, что железные изделия у кочевых, а также и у оседлых народов считались редкостью, следует признать, что тюркам это приносило немалый доход. Кроме того, о широком распространении кузнечного ремесла говорит следующий фрагмент источника о том, что «...Цзиньшань выглядел как шлем, а шлем имели обыкновенно называть туцзюэ, поэтому жителей Цзиньшань стали называть “туцзюэ”» [Liu Mau-Tsai, S. 8]. Сам факт того, что название тюрков произошло от названия горы, похожей на шлем, где тюрки занимались металлургией, говорит о широком распространении среди тюрков этого занятия.

Таким образом, основой хозяйства было кочевое скотоводство, но некоторая часть населения жила оседло и занималась земледелием. Горным делом и металлургией занимались в основном на территории современной Тувы и Алтая, которые в силу природных условий были богаты необходимыми полезными ископаемыми, поэтому мы можем говорить об определенной хозяйственной специализации внутри государства и о формировании внутренней рыночной структуры у восточных тюрков.

По территории Восточно-Тюркского каганата проходили транзиты Великого шелкового пути, что нашло отражение в международной торговле, в которой Восточно-Тюркский каганат принимал активное участие.

Важной статьей дохода Восточно-Тюркского каганата являлась караванная торговля. Контроль над транзитами Великого шелкового пути позволил восточным тюркам достичь не только политического, но и экономического могущества, т. к. в их руках оказалась торговля шелком и предметами роскоши.

Начало обменной торговли, согласно письменным источникам, между Восточно-Тюркским каганатом и Китаем было положено в 594 г., когда несколько делегаций тюрков, прибыв ко двору императора с просьбой учредить рынок на границе, чтобы они могли торговать с Китаем, получили императорское разрешение. Суй шу сообщает об этом: «В следующем году (594) послали главы орд туцзюэ вместе гонцов с 10 000 лошадей, 20 000 овец и 500 верблюдами и коровами. Вскоре они попросили через гонцов на границе организовать ярмарку и заняться торговлей. Император согласился» [Liu Mau-Tsai, S. 56]. На самом деле это лишь одно из сведений источника. Торговые операции между Восточно-Тюркским государством и Китаем были постоянными на всем протяжении их истории.

Существует точка зрения о том, что торговля во многом определялась именно тюркской стороной. По мнению Л. Н. Гумилева, в тюрко-китайских отношениях Китай представлял пассивную сторону, а активную роль играли кочевники Тюркской империи, которые прибывали в Китай с целью обменять скот любой ценой, даже с помощью вторжения и военных действий [Гумилев, с. 361].

Некоторые исследователи позже приняли его точку зрения [см., в частности: Кляшторный, Султанов, с. 98]. Однако лишь отчасти можно согласиться с утверждением о большой роли исключительно Восточно-Тюркского каганата как главного условия стабильных торговых операций на территории Великого шелкового пути. Сомнение вызывает «навязывание» этой торговли другим соседним государствам, когда, по данным письменных источников, просматривается взаимовыгодное сотрудничество. Восточно-Тюркский каганат, Китай и соседние государства выступали в роли партнеров, и их совместное существование в данном регионе сопровождалось взаимовыгодным сотрудничеством с элементами соперничества и конкуренции.

Таким образом, Восточно-Тюркский каганат обладал экономикой с развитыми внутренними и внешними отраслями хозяйственной деятельности, которые легли в основу формирования и существования их степного государства в Центральной Азии в VI–VIII вв. Экономика является стержнем развития любого государства на протяжении многих тысячелетий. Это утверждение является справедливым также и сегодня. Степное государство восточных тюрков в этом отношении не было исключением.

Вторым признаком степного государства является суверенность. Суверенитетом является политическая независимость государства, его самостоятельность и автономность от других политических центров. Восточные тюрки уже в 545 г. выступали в роли самостоятельного государства, когда впервые установили контакт с Китаем для организации обменной торговли [см.: Liu Mau-Tsai, S. 7]. Об установлении постоянных дипломатических контактов китайские источники сообщают под 545–546 гг., когда тюрки нанесли ответный визит китайскому императору с преподнесением «ответных даров». О том, что тюрки были независимы от соседних стран и даже представляли для них угрозу, нам сообщают китайские источники: «Со времен Сыцзинь, государство Туцзюэ, становилось все могущественнее и богаче. Они намеревались опередить Китай. Тогда наш императорский дом был с ними в тесном союзе (брачном) и дарил им ежегодно 100 000 кусков шелка (цзэн), шелкового крепа (суй), парчи (цзинь) и цветного шелка (цай). С Туцзюэ, которые находились в столице, обращались с большой предупредительностью; часто их было несколько тысяч, которые получали одежду из парчи и снабжались мясом! Северная Ци боялась, что они (Туцзюэ) нападут на них и разорят, поэтому они опустошали свои сокровищницы и задаривали их» [Ibid., S. 13].

О ситуации конца правления династии Суй и статусе восточных тюрков китайские источники сообщают: «В беспорядках в конце династии Суй покорилось бесчисленное количество китайцев Туцзюэ; они становились все сильней и угрожали Китаю. Они схватили императрицу Сяо (жену императора) Ян-ди и поместили ее в Дин-сян. Хоть Си Цзюй, Доу Цзянь-дэ, Ван Ши-чун, Лю У-чжоу, Лян Ши-ду, Ли Гуй и Гао Кай-тао возложили на себя, будучи дерзкими, почетные титулы, они все должны были поворачивать свое лицо (перед каганом) на Север и называться вассалами! Они получили от Туцзюэ титул кагана. Беспорядочно спешили их гонцы и туда, и сюда и встречались на дорогах» [Ibid., S. 65].

Ярким доказательством взаимоуважения и чувства собственного достоинства служит немногочисленная переписка между каганом восточных тюрков и китайским императором, дошедшая до нас в династийных хрониках. Шаболюэ послал гонца к императору Гао-цзу с письмом следующего содержания: «В 10 день 9 месяца в год дракона (584) направил небом рожденный, мудрый и светлый Сын Неба Великой Империи Туцзюэ, Илицзюйлу Шад Мо-хэ Шаболюэ-каган это письмо императору Великой Суй. Посланник Сюй Пин-хэ с титулом Кай-фу (генерал) пришел ко мне и передал Ваши слова, которые я принял к сведению. Император приходится отцом моей жены, то есть моим тестем, а я муж его дочери, поэтому я ему как сын. Хотя мы живем в двух различных государствах, мы испытываем одинаковую симпатию друг к другу. Теперь наши родственные отношения укрепились. Пусть они продолжают при наших детях, всем нашем потомстве и длятся до десяти тысяч поколений. Я обещаю, что я никогда не буду нарушать волю императора! Небо будет свидетелем моего обета. Все овцы и лошади моей страны принадлежат императору. А шелк в его стране является моим. Есть ли еще что-то мое и твое между нами?» Император Гао-цзу написал ответ следующего содержания: «Сын Неба Великой Суй шлет это письмо к Илицзюйлу Шаду Мо-хэ Шаболюэ, кагану Великих Туцзюэ. Я получил письмо и узнал, что у Шаболюэ хорошие мысли. Если я стал его тестем, то я буду его считать одним из моих сыновей. Учитывая наше родство и дружбу, несмотря на порядочного посланника, я посылаю на этот раз моего важного сановника как специального гонца Юй Цин-цэ, чтобы он навестил мою дочь и Шаболюэ» [Liu Mau-Tsai, S. 50].

В следующем письме китайский император прямо указывает на существование двух независимых государств — Китая и Восточно-Тюркского каганата: «Уже много лет Шаболюэ правит страной севернее пустыни, и нет среди многих варваров такого могущественного, как он! Ранее, правда, мы были тоже друзьями, но речь шла о двух государствах. Сейчас мы стали господин и подданный; мы единое целое! Я очень рад нашей глубокой симпатии! Благодаря милости Неба по ту сторону китайской границы царит порядок. И это ничуть не сводится к моей скромной добродетели! Я лишь только распорядился компетентным органам эту хорошую новость сообщить Небу, земле и моим предкам в храме. Новость должна быть известна всему народу, всей стране» [Ibid., S. 53].

По отношению к другим номадным объединениям Восточно-Тюркский каганат выступал в роли завоевателя и гегемона на всей территории Центральной Азии, что давало практически неограниченные военные и материальные ресурсы, в результате чего восточные тюрки могли конкурировать с Китаем на равных. Чжоу шу об этом сообщает: «Затем Сыцзинь разбил на западе Сяньда, на востоке — Кидань, на севере — Цигу. С помощью своей силы он покорил все государства за китайской границей. Область, что простиралась от западного берега моря Ляо [залив Ляодун] на востоке до Западного моря на западе, на 10 000 ли, и с севера пустыни [Гоби] на юге до Северного моря [оз. Байкал] на севере, на 5 000 или 6 000 ли, — вся была ему подчинена» [Ibid., S. 8].

Характерной для многих номадов, соседствующих с тюрками, является ситуация племени телэ, о чем сообщается в Суй шу: «Даже если они имели

различные названия племен, их все равно обозначали телэ. Они не имели общего государя и подчинялись частично восточным и частично западным туцзюэ! Они не имели постоянного места жительства и кочевали в поисках воды и травы. Для них характерна дикость и жестокость. Они понимали толк в верховой езде и стрельбе из лука. В остальном они были жадными и жили набегами и грабежом. Те из них, которые жили на западной границе, занимались земледелием, имели много крупного рогатого скота и овец, но мало лошадей. С тех пор как туцзюэ основали империю, они использовали телэ во время боевых походов на Востоке, так же как и на Западе, чтобы северную дикую местность взять под свое господство» [Liu Mau-Tsai, S. 128].

Многочисленные договоры о мире и дружбе между восточными тюрками и Китаем, упоминаемые в письменных источниках на протяжении всей их истории взаимоотношений, также являются свидетельством суверенитета обоих государств, которые самостоятельно (без вмешательства третьих сторон) решали свои внешнеполитические споры и выбирали политические и экономические приоритеты.

Таким образом, Восточно-Тюркский каганат обладал полным суверенитетом в решении внутри- и внешнеполитических вопросов, о чем сообщают китайские письменные источники, хотя они и склонны умалять самостоятельность восточных тюрков в пользу Срединной империи. Это необходимо учитывать при анализе китайских текстов.

Третьим признаком степного государства является особая структура управления, опирающаяся на степную государственную традицию кочевников [см. подробнее: Трепавлов, с. 113].

По представлениям древних тюрков, средоточием тюркской государственности, олицетворением государства являлся каган, точнее, правящая династия каганов. Тюркские каганы получили свое место в мироздании по воле Неба, они были «рождены Небом» и одновременно — «подобны Небу» [Кычанов, с. 95].

Из династийной хроники Чжоу шу известно, что «каган жил постоянно на горе Дуциньшань; его шатер был открыт на восток, потому что это направление почиталось особо, так как это место, где встает солнце. Каждый год каган вел знать в пещеру предков, чтобы принести жертву, а в среднюю декаду пятого месяца они собирались на р. Тамир, чтобы принести жертву богу Неба» [Liu Mau-Tsai, S. 10].

Мифологическая концепция верховной власти у восточных тюрков выглядела следующим образом: 1) Небо и Земля избирают достойного кандидата на царство; 2) Небо назначает его, Земля порождает и охраняет; 3) Небо вручает кагану силу и предоставляет возможности для осуществления возложенных на него задач; 4) Небо помогает кагану во всех его начинаниях; 5) Небо служит гарантом могущества государя и его преемников; 6) каган, создав государство, вручает судьбы его и свою Небу [см.: Трепавлов, с. 67; Кычанов, с. 98; Кляшторный, с. 15]. Свое воплощение концепция верховной власти находила и в определенной церемонии коронации, присущей только степным государствам [см. подробнее: Трепавлов, с. 69].

Деятельность правителя осуществлялись по трем основным направлениям: 1) охрана целостности и укрепление государства; 2) забота о его населении; 3) ведение завоевательных войн и забота об армии [см.: Кляшторный, с. 15; Трепавлов, с. 67 — 68].

Для степного государства характерен дуализм в управлении, система крыльев и институт соправительства, а также родовой принцип передачи власти. В структуре управления степного государства можно выделить следующие отличительные признаки, выявленные В. В. Трепавловым на основе анализа степных объединений Центральной Азии в III в. до н. э. — XIII в. н. э.:

1. Разделение государства на две части.
2. Сюзеренитет над каждой из них особого правителя.
3. Принадлежность соправителя к одному роду с каганом.
4. Соправители не наследовали каганский престол.
5. Соправительство устанавливалось после раздела отцовских владений между двумя старшими сыновьями.
6. Соправительство передавалось по наследству в роде первого соправителя.
7. Западная часть государства номинально подчинялась восточной.

[см.: Трепавлов, с. 95]

Милитаризованность кочевнического общества наложила отпечаток и на бюрократический аппарат степного государства, в котором невозможно выделить гражданскую бюрократию, как того требуют некоторые исследователи [Васютин, с. 260]. Но справедливым будет вопрос о необходимости такой структуры в степном государстве, которое существенным образом отличается от любого оседлого. Особенность степного государства заключалась именно в совмещении гражданских и военных должностей в одном лице. Правда, в Восточно-Тюркском государстве, по сведениям письменных источников, была попытка выделения отдельного гражданского бюрократического аппарата за счет инородцев — согдийцев и других «варваров», которые занимались исключительно функциями управления. В династийной хронике Суй шу, в биографии министра финансов династии Пэй Цзюй, приводится его разговор с императором Ян-ди: «Туцзюэ простодушны, и между ними можно сеять раздор; к несчастью, среди них есть много ху (варвары, согдийцы), которые коварные, злые и хитрые, которые их учат и управляют ими!» [Liu Mau-Tsai, S. 87]. Но подобная политика тюркских каганов не находила поддержки среди рядовых тюрков, о чем также сообщается в династийной хронике Тан шу: «Туцзюэ имели простые обычаи и были простыми от природы. Се-ли имел при себе китайского ученого Чжао Дэ-янь. Он уважал его за талант и доверял ему, поэтому Чжао Дэ-янь постепенно овладел государственной политикой и изменил много их обычаев. Кроме того, Се-ли доверил ху [варварам, согдийцам] управление, отдалил от себя родственников и не взял их на службу. Он каждый год мобилизовал солдат и вторгнулся в китайскую область, так что его люди не могли больше терпеть эти походы. Ху были бесцеремонными и жадными; часто они были непостоянными; так что предписания и приказы были непостоянными. Год за годом царил голод. Налоги и платежи были тяжелыми, и племена все больше и больше уходили от него» [Ibid., S. 194].

Совмещение военных и гражданских чинов в условиях степного государства было самым целесообразным способом организации управления на данной территории. Подтверждением этому является политика императора Тайцзуна (династия Тан) на прикрепленных к Китаю после 630 г. степных землях и активного использования им территориально-милиционного принципа формирования армии, системы фубин [см. подробнее: Попова, с. 177]. Основная цель системы фубин — объединить гражданскую и военную службу, прообразом которой служила военно-социальная организация общества восточных тюрков или в целом центральноазиатских кочевников. С точки зрения китайского менталитета кочевники Центральной Азии представляли собой идеал совмещения гражданской и военной службы, так как эти две стороны жизни (например, у восточных тюрков) не разделялись. Простота и универсальность образа жизни кочевника очевидны, главным преимуществом была мобильность в отличие от китайского образа жизни с четким функциональным разделением на военных и гражданских лиц.

Родовой принцип передачи власти, наследственный характер должностей, кланово-племенная система также являлись нормой и одновременно традицией для степного государства. Ее отголоски можно и сегодня наблюдать в некоторых современных государствах Центральной Азии, так как представления о государственности прошлого служат предпосылкой для осмысления и воплощения принципов организации современных политических структур, где важную роль играет историческая или социальная память.

В Восточно-Тюркском государстве были попытки ослабления кланового влияния в структуре управления каганата, в частности во время правления Сели-кагана, о чем сообщается в китайских источниках, за счет, опять же, инородцев и пришлых варваров, но подобные попытки заканчивались ослаблением власти и смещением кагана.

Итак, Восточно-Тюркский каганат был степным государством, обладающим всеми характерными для этого типа государств признаками. Экономические тенденции были основными в образовании и развитии данного государства, которое обладало мощной для Средневековья экономикой с развитыми отраслями. Восточные тюрки обладали полным суверенитетом в решении внутренних и внешних вопросов своего государства, были независимы в выборе своих внешнеполитических приоритетов. Особая структура управления с характерными чертами также нашла свое отражение в Восточно-Тюркском каганате, опираясь на степную государственную традицию номадов.

Степная модель организации власти оказалась жизнеспособной только в условиях центральноазиатского ландшафта. Позже, как отметил В. В. Трепавлов, когда шел процесс формирования синтезных оседло-кочевых традиций, степное государство на чуждой для себя территории не могло с ними соперничать [см.: Трепавлов, с. 117]. Следует отметить, что данный тезис справедлив и для оседлого государства, которое в условиях степи не может быть конкурентом кочевой государственной традиции, что подтверждается китайскими письменными источниками и рассуждениями китайских чиновников о степной природе «варваров» [см.: Liu Mau-Tsai, S. 177]. Китайская система фубин и террито-

риальные структуры цзими [см. об этом: Попова, с. 187 — 207; Малявкин, с. 107] также подтверждают этот тезис: за основу наведения порядка на степной территории в них бралась кочевая модель, которая иногда использовалась в неизменном виде: например, в некоторых структурах цзими на территориях восточных тюрков в середине VII в. Даже в составе оседлых государств это позволялономадам сохранять свою самобытность, особую структуру управления и отличаться мобильностью и быстротой реагирования на внешние изменения. Это существенно затрудняло процесс ассимиляции номадов китайцами, что позволило им до сегодняшнего дня сохранить свои кочевые и государственные традиции.

Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009.

Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М., 2007.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

Кляшторный С. Г. Образ кагана в орхонских памятниках // ПП и ПИКНВ. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1977.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей: древность и Средневековье. СПб., 2000.

Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru> (дата обращения: 08.06.2011).

Крадин Н. Н. Эволюция государства и его роль в историческом процессе // Историческая социология и психология в истории. 2009. № 1. С. 205—211.

Кызласов Л. Р. Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.) // Вестн. МГУ. Сер. 9, История. 1960. № 1.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии : тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X веках. Свердловск, 1990.

Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.

Потанов Л. П. Древнетюркская эпоха // История Тувы. Т. 1. Новосибирск, 2001.

Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 08.06.2011).

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. : пробл. ист. преемственности. М., 1993.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). Buch 1 : Texte; Buch 2 : Anmerkungen; Anhang; Index // Gottinger Asiatische Forschungen. Bd. 10. Wiesbaden, 1958. (Gottinger Asiatische Forschungen ; Bd. 27).

Статья поступила в редакцию 4.07.2011 г.

УДК 339.1-054.6 + 339.5(470) + 339.5(510)

Е. О. Полякова

**БУХАРСКИЕ КУПЦЫ В РУССКО-КИТАЙСКИХ
ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ XVII в.**

Рассматриваются история развития торговых отношений между Российским государством и Китаем, интенсивность торгового движения по разным дорогам, значимость торговых маршрутов, объем товаров, их ассортимент. Анализируется роль бухарских торговцев и русских купцов в развитии торговых связей с Китаем.

Ключевые слова: русско-китайские торговые отношения; бухарские купцы; торговые караваны.

Отношения между Россией и Китаем всегда были важнейшим фактором развития обеих стран. Необходимость двусторонних торгово-экономических отношений обуславливалась естественно-географическими и историческими факторами как на общегосударственном, так и на региональных уровнях. Взаимодействие двух держав было объективно обусловлено их географической близостью. Изменить или просто игнорировать это положение невозможно. Волею судеб Россия непосредственно граничит с Китаем, выступая в роли моста между Востоком и Западом и одновременно своеобразного форпоста, призванного соединять воедино весь огромный евро-азиатский материк.

Однако не нужно забывать, что времени установления регулярных торговых и дипломатических контактов предшествовал длительный период «постыжения» друг друга. В этом плане определенная роль отводится Сибирскому региону как своеобразному плацдарму, «посреднику» в становлении русско-китайских отношений.

Особенно значимым в этой связи становится изучение начального этапа взаимодействия двух государств, предшествовавшего установлению регулярных торговых и дипломатических связей России с Поднебесной. Это был этап поиска основ для дальнейшего диалога.

Одними из носителей этого диалога цивилизаций и культур стали выходцы из Средней Азии — сибирские бухарцы¹, переселявшиеся в районы Западной Сибири в XV—XVII вв.

В ранние периоды своего пребывания в Западной Сибири они рассматривались царским правительством как иностранцы, добровольно принявшие российское подданство. Начало переселения бухарцев связывается с приходом в Сибирь в конце XIV в. среднеазиатских проповедников ислама из ордена бухарского мистика Багауддина Накшибэндия (1318—1389) с целью распространения новой религии [см.: Валеев, с. 23].

После вхождения Сибирского ханства в состав Российского государства начинается оседание бухарцев на постоянное местожительство в Сибири [см.:

¹ Бухарцы — собирательное наименование узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов.

Там же]. Основным местом их расселения были территории современных Тюменской, Омской, Томской областей. Здесь они основали свои («бухарские») селения, а также жили в аулах вместе с сибирскими татарами. Бухарцы на протяжении нескольких столетий поддерживали тесные экономические, культурные, семейно-брачные отношения с татарами, явившись одним из составных компонентов этнического формирования современных сибирских татар [см.: Там же, с. 24].

Приезжие бухарцы достаточно легко вошли в систему экономических отношений сибирских городов. Их важнейшим занятием была торговля, как караванная, так и местная. Торговые связи Западной Сибири со Средней Азией существовали издавна. Бухарцы как торговцы были известны далеко за пределами региона, выезжали с караванами в Китай и доходили до Астрахани, низовой Оби, где выменивали «мягкую рухлядь» на предметы восточного ремесла.

Борьба Московии с Кучумом привела к некоторому расстройству регулярных сношений Западной Сибири со Средней Азией. Сибирь же в конце XVI — начале XVII в. не располагала своей сколько-нибудь значительной земледельческой и промышленной базой и объективно не могла полностью не только прокормить, но и одеть появившихся там русских. Москва была слишком далеко, чтобы заменить прежние связи этого края со Средней Азией. Поэтому русским приходилось думать об установлении торговых связей с бухарцами с первых дней своего появления в Сибири.

Чтобы привлечь бухарцев в Русскую Сибирь, московское правительство предоставляло им значительные торговые льготы. В царском Наказе второму тарскому воеводе Федору Борисовичу Елецкому и голове Василию Михайловичу Хлопову от 10 февраля 1595 г. говорится: если «торговые люди учнут приезжать в новый город на Тару из Бухар и из Ногай со всякими товары и с лошадьми и з животиною», то не только у тех «торговых людей велети служилым людям всякие товары и лошадеи и животину покупати», но «и береженье к торговым людем, к бухарцом и ногаем, держати, чтоб их впредь приучити; а как они исторгуютца, и их отпускати не издержав» [РГАДА, ф. 105, оп. 2, л. 2—2 об.]. Согласно данному наказу бухарцам разрешалась свободная торговля на Таре и свободный проезд для торговли в Тобольск и Тюмень. «Исторговавшихся» бухарцев приказано было не задерживать, а снабжать необходимым продовольствием, деньгами, нарядом и «пушечным запасом» и отпускать в Бухару [см.: Там же, л. 2 об.—3].

Из грамоты тюменскому и тарскому воеводам от 31 августа 1596 г. явствует, что бухарцам и ногайцам был разрешен не только свободный, но и беспошлинный торг «за городом в посаде или за посадом, где будет пригоже» [Там же, л. 4—4 об.] с ограничением лишь в отношении заповедных товаров. Отметим, что в состав заповедных (запретных для свободной закупки) товаров еще не входили дорогие сибирские меха, издавна получаемые приезжими бухарцами из прежнего Сибирского царства. Беспошлинная торговля предоставлялась приезжим бухарцам и во всех прочих сибирских городах без всякого стеснения сроков их пребывания «до тех мест, как они товары свои испродадут» [Там же]. Только на рубеже XVI—XVII вв., в царствование Бориса Годунова, число

заповедных товаров было расширено включением сюда лучших сортов мягкой рухляди — «соболей и лисиц черных и бобров лутчих» [Там же].

Московское правительство и в помыслах не имело оставлять сибирские города без бухарских товаров, что привело бы к ослаблению усилий русского народа по освоению Сибири. Поэтому оно вынуждено было не только смириться с торговлей бухарцев с Кучумовичами, но даже ассигновать из сибирской казны определенную сумму на расходы по приему среднеазиатских купцов. В Указе царя Бориса Федоровича Годунова 1599 г. говорится о взятии денег «с кабака вина, меда, хмеля и солода на всякие расходы для выездных бухарских торговых людей» [Акты исторические, с. 137].

Однако беспошлинная торговля в Сибири приезжих бухарцев, как и купцов с Руси, продолжалась только до первых успехов сибирской торговли, земледелия и ремесла. Как только Сибирь оказалась в какой-то мере вовлеченной в орбиту торговли российскими и иностранными товарами, царское правительство, в целях увеличения своих доходов, стало вводить там таможенную систему. Точными и определенными сведениями о времени появления в Сибири таможенных пошлин мы не располагаем. Однако на основании сопоставления двух документов — царского наказа тарскому воеводе Федору Елецкому от 10 февраля 1595 г. и царской грамоты, выданной 31 августа 1596 г. [Валеев, с. 15—153] тюменскому воеводе Григорию Долгорукому, можно заключить, что мысль о введении таможенных пошлин в Сибири возникла именно между этими датами. «Десятая» пошлина в Сибири была введена по грамоте царя не позднее 20 сентября 1597 г.

По сравнению с собственно российскими купцами приезжие бухарские купцы стали облагаться «десятой» пошлиной несколько позже. Произошло это примерно в самом начале XVII в. В Тобольске и Тюмени с приезжих бухарцев взималась «десятая» пошлина, как пишет туринский воевода И. Н. Годунов в своей отписке от 26 декабря 1609 г. верхотурским воеводам С. С. Годунову и И. М. Плещееву, одинаково как с привозимых, так и с закупленных ими товаров, «потому что они ходят издавна» [ДАИ, 1848, с. 92].

Последующие события Смутного времени, польско-шведская интервенция и вызванное ею экономическое разорение страны отрицательно сказались на снабжении Сибири всем необходимым «с Руси». Были годы (1610, 1611), когда Сибирь почти ничего не получала из-за Урала. В это время экономическая необходимость диктовала расширение торговых связей со Средней Азией и другими восточными странами. Русское правительство вынуждено было пойти на сокращение таможенного обложения восточных товаров. Это нашло выражение в замене «десятой» пошлины с ввозимых товаров «двадцатой» пошлиной. «Двадцатая» пошлина с привозимых в Сибирь среднеазиатскими купцами товаров взималась обычно натурой. Когда именно это произошло, мы не знаем, но в 1622 г., как свидетельствуют источники, она уже существовала.

В конце XVII в. положение бухарцев несколько изменилось. Сибирский таможенный устав 21 ноября 1698 г. повелевал товары бухарцев, калмыков, монголов, приходивших в Сибирь с посольствами восточных государей, обкла-

дывать «десятой» пошлиной, а вывозимые ими товары — «двадцатой» [см.: ДАИ, 1945, с. 315].

Одновременно с этим был расширен состав заповедных товаров включением в него наряду с дорогостоящими соболями, бобрами и лисицами также золотых монет, ружей, свинца и пороха [см.: Там же, с. 361]. Необходимо уточнить при этом, что приезжие бухарцы, приобретавшие на тобольском рынке «русские» и сибирские товары не на «товарные деньги»², а «сверх» их, обязаны были платить «десятую» пошлину. Платили они и «поанбарную», и «головщину», и посаженную, и проезжую пошлины [см.: Там же, с. 362]. Данные меры свидетельствуют о стремлении правительства оказать содействие собственно русскому купечеству, несколько ограничив торговые привилегии бухарцев.

Таким образом, на протяжении всего XVII в. приезжие бухарцы, получившие большие торговые льготы и лично заинтересованные в развитии своего посредничества в торговле России с Востоком, стали часто навещать сибирские города. В Тару, Тобольск, Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск они приходили целыми караванами. Здесь караваны обычно разделялись, и в другие сибирские города бухарцы разъезжались отдельными небольшими группами.

В Тобольске, который в XVII в. был центром русско-бухарской торговли в Сибири, среднеазиатские торговые караваны обычно появлялись в осенние месяцы (сентябрь — ноябрь). В феврале, мае, июле, августе и декабре караваны приходили реже. И совсем не приходили в январе, марте, апреле и июне. Подобное распределение было связано со стремлением бухарских купцов миновать среднеазиатские пустыни и казахские степи до наступления в них летнего зноя и зимней стужи. Кроме того, они хотели успеть в Тобольск ко времени массового приезда в него торговцев из азиатской и европейской частей России

В Тару бухарские караваны прибывали также преимущественно осенью (сентябрь, октябрь). Количественный состав караванов колебался от 8 до 25 приезжих бухарцев [см.: Курц, 1915, с. 165].

В Тюмень, Томск, Красноярск и Иркутск также приходили бухарские караваны, но сведения об этом довольно скудны. Известно, что «на Москве» по повелению царя Федора Ивановича 31 августа 1596 г. была написана грамота «на Тюмень» воеводе князю Григорию Долгорукому «с товарищы» о создании благоприятных условий для развития торговли бухарцев и ногайцев в Тюмени [см.: Там же].

При этом происходило постепенное смещение торговли с запада на восток. Так, в Тюмень, Тобольск, Тару бухарские караваны, используя издавна существовавшую торговую дорогу из Средней Азии через Западную Сибирь в Восточную Европу, стали приходиться с конца XVI в., в Томск — несколько позднее, в Красноярск — с начала 70-х гг. XVII в., а в Иркутск лишь в 1684—1687 гг.

Появление бухарских караванов в Красноярске и Иркутске можно, вероятно, расценивать как попытку вступить в конкуренцию с русским купечеством на новых путях из Восточной Сибири в Монголию и Китай. Статистическая

² Товарные деньги — деньги, вырученные от распродажи обложенных «двадцатой» пошлиной привезенных бухарских товаров.

обработка данных таможенных книг Тобольска показала, что за период с 1639 по 1671 г. проезжавшими через Тобольск бухарцами ввозились восточные товары около девяноста наименований. При этом на долю среднеазиатских товаров приходилось 47 видов (ткани, одежда и изделия из тканей, меха и выделанные кожи и пр.). Калмыцких товаров было 28 видов (мех, одежда, скот и пр.), китайских — 12 (ткань, одежда и чай), арабских — 2 (выбойки и завесы) [см.: РГАДА, ф. 108, оп. 1—2].

Определяя значение отдельных групп восточных товаров в Сибири, необходимо подчеркнуть особую роль тканей, ибо сюда бухарские караваны не приходили без восточных тканей. Как предмет первой необходимости ткани пользовались широким спросом со стороны всех слоев сибирского общества. Предпочтение, оказываемое сибиряками хлопчатобумажным тканям по сравнению с льняными, шелковыми и пеньковыми, определило и их преобладание в поступлении тканей с Востока. Так, если за рассматриваемые годы всего было вывезено в Сибирь среднеазиатских, арабских и китайских хлопчатобумажных тканей 885 276 аршин, то всех остальных — только 104 481 аршин [см.: Там же].

Самые крупные караваны приходили в Тобольск в 1639—1655 гг., а наиболее мелкие в 1656—1674 гг. [см.: Бакланова, с. 137]. После 1674 г. приход в Тобольск среднеазиатских торговых караванов прекратился (вместо них стали приезжать лишь отдельные купцы), что было связано с частичным переносом восточной торговли из Тобольска на Тару и Ямышевскую ярмарку.

В период с 1672 по 1700 г. на Тару пришло 9 торговых караванов, чаще всего они приходили в сентябре и октябре [Там же, с. 151]. Часть их вообще не входила в пределы Сибири, ограничиваясь распродажей китайских и иных товаров на Ямышевской ярмарке.

В российском вывозе с Ямышевской ярмарки основное место принадлежало китайским товарам (китайки, дабы, камки, лауданы, атласы, бархаты, бумажные кушаки, чай, бадьян). В начале XVIII в. таможенные пошлинные сборы Ямышевской ярмарки (3 тыс. руб.) почти равнялись сборам Ирбитской ярмарки (3317 руб. 8 алт.) [см.: РГАДА, ф. 108, оп. 1—2].

Распродав товары, среднеазиатские купцы и калмыки отправлялись прямо в Среднюю Азию, Джунгарию и Китай, чтобы на следующий год снова прийти с восточными товарами. Вместе с ними уходили и российские купцы, которые вели непосредственную торговлю с Китаем, Джунгарией и Бухарой. В 1685 г. в Джунгарию и Китай с Ямышевской ярмарки ушли 48 российских купцов.

В 1670-е гг. появились правительственные ограничения частной торговли (указы 1672, 1678 гг.), обязательным стало получение проезжих грамот в Сибирском приказе. Желая обойти эти ограничения, некоторые из бухарских купцов вообще не появлялись с китайскими товарами в пределах Сибири. Они обменивали китайские товары прямо у Ямыш-озера и оттуда, не заходя в Сибирь, снова отправлялись в Китай. Такую посредническую деятельность вел в 1679—1685 гг. Дмитрий Константинович Гречанин. Попавшись в 1685 г. на нарушение этого ограничения, он, по-видимому, получил защиту от Остафья Филатьева, заинтересованного его торговой предприимчивостью. По крайней мере, в 1689 г. Дмитрий Константинович в качестве гостя О. Филатьева приходит

в Тобольск с китайскими товарами «из Калмыцкой земли через Ямыш-озеро» [Акты Московского государства, с. 214].

Отдавая должное бухарским торговцам, неверно было бы думать, что русское купечество, развернувшее в Китае широкие экономические операции сразу же после подписания Нерчинского договора, не было знакомо с китайскими рынками. Сохранившиеся с XVII в. описания Китая и различные «дорожники» обязаны своим появлением не только членам официальных русских посольств в Китай, но и рядовым русским людям — торговцам, промышленникам и служилым людям. Их практические знания и наблюдения использовались, например, при составлении карты Сибири тобольским воеводой П. Годуновым, черпавшим сведения о Китае «от знающих людей». Можно считать, что дополнения, составленные по распоряжению митрополита Тобольского и Сибирского Корнилия в 1673 г. к тобольской редакции Книги Большому Чертежу И. Ремезова, основывались на материалах далеко не одних русских торговых представителей.

Важно подчеркнуть, что в этой редакции описаны все те пути в Китай, которыми пользовались много позже. Прежде всего очень подробно обрисован путь по Иртышу, мимо Ямыш-озера и далее через Джунгарию; отмечен путь через степи Северной Монголии и, наконец, через Нерчинск.

По этим путям устанавливались непосредственные торговые связи с Китаем с середины XVII в. О наличии китайских товаров на российских рынках свидетельствуют сообщения западноевропейских путешественников, посещавших Россию в это время. Кроме различных китайских тканей, в быту московской знати к 1680 г. были распространены дорогие китайские безделушки, украшения, посуда [см. об этом: Бакланова, с. 80, 97, 99; Курц, 1915, с. 553–554; Алексеев, с. 134].

Для того чтобы показать значимость торговых маршрутов и динамику их смещения на протяжении XVII в., рассмотрим каждый из них в отдельности. Добраться до Китая можно было разными путями. Все они проходили через Тобольск, который в XVII в. превратился в своеобразный перевалочный пункт русско-китайского торгового оборота.

Во-первых, это Туркестанская дорога, проходившая через такие города, как Тобольск, Туркестан, Бухара, Пекин, Сучжоу и занимавшая около 4,5 месяцев. В роли импортеров здесь выступали казанские татары, посадские люди, юртовские бухарцы и среднеазиатские купцы. Заметим, что господствующее положение занимало среднеазиатское, а не российское купечество. Интенсивность торгового движения с китайскими товарами по Туркестанской дороге в течение 1639–1695 гг. неуклонно снижалась, что было связано с переносом торгового движения на другие дороги, которые осваивались по мере продвижения русских вглубь Сибири. Основной импорт товаров по этому маршруту включал в себя в 1639–1649 гг. зендени; в 1649–1659 гг. — китайки и копытчатый ремень; в 1656–1695 гг. — одни китайки [см.: Вилков, 1990, с. 132].

Собственно русское купечество в ввозе китайских товаров в Тобольск по этой дороге не участвовало до 50-х гг. XVII в. Доля его участия начинает возрастать лишь с 1654–1655 гг.

Заметим, что в течение 1639—1695 гг. интенсивность торгового движения с китайскими товарами по Туркестанской дороге в целом постепенно снижалась. Это было связано с переносом торгового движения на другие дороги³. Таким образом, можно сказать, что во второй половине XVII в. Туркестанская дорога утратила почти всякое значение в торговых связях Тобольска с Китаем.

Наиболее ярко представляется движение по Ямышевской дороге. Торговые люди, желавшие попасть в Китай, не заезжая в Туркестан и Бухару, поднимались вверх по Иртышу до Ямыш-озера, а затем ехали на телегах до урочища Семи Палат, затем вверх вдоль р. Чар-Гурбан, через хребет Халма, далее по рекам Бекони и Чегуляка в Зайсанскую котловину, по р. Кабарга, Базар вдоль северной подошвы хребта Тарбагатая до горного прохода Хамар-Табан, далее до р. Илгель, через Шары-Хулусан, западные остроги хребта Сауры на оз. Халтаргаш-Иге, реке Иля, г. Урга на р. Текес. Весь этот длинный путь караван проходил за 60 дней [см.: Бакланова, с. 54].

Этим участком пути от Тобольска до хребта Тарбагатая при своем продвижении в Китай в 1654—1656 гг. воспользовался и Федор Исаакович Байков. Успех путешествия Ф. И. Байкова в Китай в немалой степени зависел от того обстоятельства, что местность, по которой ему предстояло пройти до Монгольского Алтая, уже была хорошо разведана русскими. В конце XVI — начале XVII в. русские были хорошо знакомы с окрестностями Ямыш-озера.

Открытая Ф. И. Байковым Ямышевская дорога привлекла внимание российских торговых людей, и они стали часто пользоваться ею при торговых поездках в Китай. В 1658—1662 гг. по ней в Китай ездили тарский сын боярский Иван Перфильев и тобольский юртовский бухарец Сенткуль Албин.

В начале 70-х гг. XVII в. открытая Байковым трасса была хорошо освоена российскими торговыми людьми. На прохождение ее от Тобольска до Пекина через Тару, Ямыш-озеро и т. д. требовалось всего 40 недель и несколько дней [см.: Вилков, 1990, с. 54].

Функционирование Ямышевской дороги как артерии, питавшей Тобольск китайскими товарами, было интенсивно: в 1668—1669 гг. — 37 партий китайских товаров; в 1669—1670 гг. — 15 партий; в 1670—1671 гг. — 21 партия; в 1676 г. — 13 партий; в 1683—1684 гг. — 13 партий; в 1686—1687 гг. — неизвестное количество партий; в 1694—1695 гг. — привоза не было; в 1703 г. — 23 партии [см.: РГАДА, ф. 108, оп. 1—2].

По отношению к китайским товарам, поступавшим в Тобольск по всем дорогам, и пошлинам на них это составляло: по количеству явок в среднем более 80 % всего привоза; а по стоимости ввезенных товаров — более 95 % [см.: Вилков, 1990, с. 35]. Следовательно, Ямышевская дорога на долгое время монополизировала ввоз китайских товаров в Тобольск.

³ Для сравнения: в 1639 — 1658 гг. на долю Туркестанской дороги приходилось 100 % поступавших в Тобольск китайских товаров, в 1658 — 1703 гг. — уже не выше 2,1 % [см.: Вилков, 1990, с. 36 — 37].

В импорте китайских товаров в Тобольск по Ямышевской дороге участвовали не только казанские и тобольские татары, тобольские служилые люди, посадские люди, бухарцы и среднеазиатские купцы, как это было на Туркестанской дороге, но и важские, вятские, лальские, московские, сольвычегодские, великоустюжские, яренские и ярославские привилегированные и непривилегированные торговцы, енисейские посадские люди, ирбитские, ницынские и суздальские государственные и частновладельческие крестьяне, тарские и уфимские служилые люди. Таким образом, по сравнению с Туркестанской дорогой Ямышевская дорога отличалась более сложным составом импортеров китайских товаров в Тобольск.

В провозе китайских товаров в Тобольск по Ямышевской дороге до 1670-х гг. господствовали среднеазиатские купцы: ими было привезено в 1668—1669 гг. 24 партии китайских товаров; в 1669—1670 гг. — 15 партий; в 1670—1671 гг. — 18 партий, а российскими, в свою очередь, в 1668—1669 гг. — 9 партий; в 1670—1671 гг. — 3 партии [см.: РГАДА, ф. 108, оп. 1—2].

По данным на 1703 г. среднеазиатские купцы являли в Тобольске по «ямышевским отпискам» лишь три партии китайских товаров, а российские — 20 партий. В этом же году, по подсчетам О. Н. Вилкова, на Ямышевской ярмарке было явлено для продажи китайских товаров на сумму 17 093 руб. [см.: Вилков, 1990, с. 132, 141]. Видимо, в конце XVII в. среднеазиатские купцы стали продавать китайские товары не столько в самом Тобольске, сколько у Ямыша-озера.

По совокупной стоимости привезенных в Тобольск по Ямышевской дороге в 1668—1703 гг. китайских товаров первое место среди торгового люда Европейской России занимало купечество центра, второе — купцы Поморья, третье — Поволжья, четвертое — Приуралья. На первом месте среди российских городов, ввозивших китайские товары по Ямышевской дороге в изучаемый период, стоит Тобольск, на втором — Москва, на третьем — Казань, на четвертом — Устюг Великий, на пятом — Ярославль. Удельный вес остальных городов был незначителен.

Среди ввозимых частными торговцами в Тобольск по Ямышевской дороге китайских товаров первое место в течение всего рассматриваемого периода занимают китайские хлопчатобумажные ткани (62—98 % всего тобольского импорта). Шелковых тканей импортировалось немного (4—28 %) [см.: Вилков, 1990, с. 43]. На втором месте по удельному весу — продовольственно-лекарственные товары. В казенном импорте преобладали шелковые ткани, серебро, ценные вещи и «диковинная» пушнина. Ямышевская дорога играла важную роль в русско-китайской торговле вплоть до открытия Н. Г. Спафарием более удобного пути через Нерчинск.

Так называемая Томская дорога пролегла из Тобольска в Китай через Томск. Дорога шла через Шорию и Абаканский хребет, переваливала через Западные Саяны, самый западный хребет Хангая (Ханхухэй) и хребет Болнай. Повернув на восток, оказывалась у Каракорума, а затем, повернув через некоторое время на юго-восток и пройдя пустыню Гоби, выходила к Калгану, от которого было недалеко и до Пекина. Открывшие этот путь в 1618 г.

сибирские конные казаки Иван Петлин, Андрей Мундов и Петр Кызылов затратили на его прохождение от Томска около четырех месяцев, а в обратном направлении, двигаясь зимой, — около восьми. Позже, в начале 1680-х гг., караваны проходили этот путь за 9–10 недель [см.: Там же, с. 131–132].

По отношению ко всему тобольскому ввозу китайских товаров по всем дорогам ввоз товаров через Томск, Кузнецк и Красноярск составлял: в 1668–1669 гг. — 0,1 % (на 39 руб. из Томска); в 1675–1676 гг. — 6 % (на 84 руб. из Томска и Кузнецка); в 1686–1687 гг. — 3,5% (на 826 руб. из Томска, Кузнецка и Красноярска) [см.: Вилков, 1990, с. 78–113]. Эти данные свидетельствуют о том, что импорт китайских товаров по Томской дороге был весьма незначителен, и поэтому активного движения по этой дороге не наблюдалось.

Имелся еще один путь — Селенгинская дорога (через Селенгинск), основанная в 1666 г. От Селенгинского острога путь на Пекин лежал через Кяхту, Угру, монгольские степи и пустыню Гоби. Этим путем впервые проник в Среднюю империю в 1674 г. караван служилых и торговых людей во главе с боярским сыном Иваном Поршениковым и человеком гостя Филатьева Гавриилом Романовым, разрушив тем самым легенду о непроходимости монгольских степей. На этот путь от Тобольска до Пекина через Селенгинск требовалось 4–8 месяцев.

Поступление китайских товаров через Селенгинск в Тобольск прослеживается лишь в 1675–1676, 1683–1684, 1686–1687 гг. [см.: Вилков, 1990, с. 158]. Ввоз осуществлялся сибирскими торговыми служилыми людьми. При этом господствующее положение в импорте занимали не хлопчатобумажные, а шелковые ткани.

Селенгинская дорога не пользовалась популярностью среди торговых людей, вероятно, ввиду большой опасности со стороны степных кочевников, а также малоизученности маршрута.

По Нерчинскому пути торговые люди, желавшие проехать в Китай через Нерчинск, основанный в 1653 г., должны были, не заходя в Селенгинск, идти берегом реки Уды к трем Еравнинским озерам, чтобы затем, миновав оз. Телембы и выйдя на речку Читку и на реку Ингоду, в которую она впадает, попасть на Шилку, а по ней и к Нерчинску. От Нерчинска до Пекина можно было пройти двояко: или сухопутьем через реки Шилку, Унду, Газимур, Барзю на город Цурухайтуй, или же водою — по рекам Шилке и Аргуни. От Цурухайтуй путь лежал через города Цицикар, Гири, Мукден, Цзиньчжоу и Шаньхайгуань. На прохождение пути от Нерчинска до Пекина требовалось около полутора месяцев. По сравнению со всеми другими сибирскими дорогами в Китай эта дорога имела наибольшие преимущества, так как, проходя этот путь, можно было найти, как говорил Н. Г. Спафарий, «везде воду, реки и лес», не опасаться никакого нападения на дороге и «не давать ни которому тайше поминков», в силу чего «вся корысть в Китайском торгу останется русским человеком, а не иноземцам» [Спафарий, с. 172].

Отсюда ясно, что именно Нерчинская дорога сделалась официальной дорогой в Китай, по которой долгое время велись все дипломатические и торговые сношения.

Б. Г. Курц отмечает, что разведывание этого маршрута в Китай началось русскими сразу же после основания Нерчинска в 1653 г. [Курц, 1929, с. 117]. Но первыми людьми, о которых стало известно, что им удалось попасть в Пекин этим путем, были нерчинские служилые люди Василий и Игнатий Миловановы, Антон Хилев, Григорий Кобяков, побывавшие там послами в 1670 г. В 1675 г. со свитой в 150 человек ходил Николай Гаврилович Спафарий послом в Китай для улаживания недоразумений на приамурской границе и развития торговых сношений с этой страной. В 1693 г. проследовал через Нерчинск в Китай русский посланник Избранд Идес вместе со 175 служилыми, торговыми, промышленными и работными людьми. На обратной дороге из Пекина в Нерчинск он встретил русский частный караван в 150 человек [см.: Там же, с. 67].

О размерах русско-китайской торговли через Нерчинск можно судить по следующим данным. В 1694 г. торговым караваном Избранда Идеса было вывезено из Китая в Сибирь через Нерчинск казенных китайских товаров на 12 тыс. руб., а частных товаров — на 38 тыс. руб. [Идес, Брант, с. 264].

Из экспедиций 1695 и 1696 гг. было доставлено в Москву в 1698 г. гостю Никитину китайских товаров на 32 140 руб. 44 коп. по московской оценке [Там же].

В 1699 г. было вывезено из Китая в Сибирь через Нерчинск казенных китайских товаров на 65 тыс. руб., частных товаров — на сумму около 52 тыс. руб., а в 1701 г. соответственно — на 76 тыс. руб. и на 39 620 руб. [Там же, с. 48].

Что касается привоза китайских товаров из Нерчинска в Тобольск, то первые известные нам поступления этого рода зафиксированы тобольскими таможенными книгами 1669 г. [см.: Вилков, 1967, с. 81]. Здесь господствующее положение, как и во ввозе через Селенгинск, занимали шелковые ткани.

Суммируя все вышеизложенное, можно сказать, что в течение 1639—1703 гг. торговое движение с китайскими товарами постепенно перемещалось с юго-западных дорог на юго-восточные, а именно с Туркестанской на Ямышевскую, а с Ямышевской на Селенгинскую и Нерчинскую. Перемещение сопровождалось переходом господствующего положения в торговле от среднеазиатского купечества к российскому.

Оседание бухарцев в Сибири, начавшееся еще до Кучума, продолжалось при нем и не прекращалось в последующее время. Русское правительство, заинтересованное в развитии торговли с восточными странами, благосклонно относилось к бухарцам, переселявшимся на постоянное жительство в Сибирь. Более того, оно стимулировало это переселение различными льготами. Переселившиеся сюда на постоянное место жительства бухарцы освобождались от тягла и оброков. Грамотой Михаила Федоровича от 3 ноября 1644 г. им было обеспечено содействие властей и неподсудность при торговых поездках «на Русь» [Акты Московского государства, с. 311]. С них была снята ямская повинность. Они не платили выдельного хлеба, не несли повинностей с посадскими людьми. Грамота 1686 г. давала им право проезда по русским городам и слободам вплоть до Архангельска и Астрахани и свободу от суда, кроме уголовных дел.

Борьба России с Кучумом привела к некоторым перебоям в торговле Западной Сибири со Средней Азией, а через нее и с Китаем. Особенно пострадали в этом отношении области, занятые русскими, так как Кучум, не желая усиления своих противников, не пропускал направлявшихся к ним бухарских купцов. Понимая всю важность поступления восточных товаров, в т. ч. и китайских, русское правительство решило способствовать пополнению этими товарами Сибири путем предоставления торговых льгот главным поставщикам этих товаров в то время — среднеазиатским купцам.

И только в 1693 г., в связи с увеличивающейся ролью российского купечества в снабжении Сибири, русское правительство сочло нужным оставить «двадцатую» пошлину лишь для вновь приезжавших в сибирские города торговых бухарцев, а для тех, которые «после первых приездов станут приезжать впредь для торгов же, “пошлину иметь” против русских торговых людей», т. е. «десятую».

Таким образом, правительство, проводя свою восточную торговую политику, ориентировалось не столько на поддержку собственно русского купечества, сколько на опытных бухарских торговцев. Однако нельзя оставить без внимания тот факт, что с 1690-х гг. государство стремится поставить восточную торговлю под свой контроль и передать привилегии отечественным торговцам. В то же время это не означает, что бухарское купечество перестает играть заметную роль в связях России со Средней Азией и Китаем. Бухарцы, хорошо знающие китайские и среднеазиатские рынки, торговые маршруты, языки, обычаи и традиции местных народов, входили практически в каждый торговый караван, отправлявшийся в Китайское государство.

Акты исторические. Т. 4. СПб., 1842. 598 с.

Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1896. 742 с.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1, ч. 21. Иркутск, 1936.

Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // *Очерки по истории торговли и промышленности России в XVII и в начале XVIII столетия.* М., 1928. С. 79–103.

Валеев Ф. Т. Сибирские бухарцы во второй половине XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1965. 16 с.

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVII в. Новосибирск, 1990. 368 с.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. 323 с.

ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. 563 с. ; Т. 4. М. ; Л., 1945. 443 с.

Идес Избрант, Брант Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / пер. с нем. М. И. Казанина. М., 1967. 403 с.

Куриц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI и XVIII вв. Харьков, 1929. 160 с.

Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. 589 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М. ; Л., 1941. 686 с.

РГАДА. Ф. 105 (Сношения России с Бухарой); Ф. 108 (Тобольская приказная изба).

Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. 516 с.

Статья поступила в редакцию 13.05.2011 г.

УДК 94(574)(092) + 316.722 + 316.61

М. В. Шиловский

**ЧОКАН ВАЛИХАНОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЛИЧНОСТИ В ПАРАДИГМАХ ФРОНТИРА**

С использованием концептов теории огораживающего фронта анализируются жизненный путь, научные наработки и взгляды выдающегося казахского ученого и просветителя Ч. Ч. Валиханова на проблему взаимодействия русских и казахов в процессе инкорпорации Степного края в имперское пространство России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фронт; цивилизационный диалог; патриотизм; западничество; просветительство.

Курс на приобщение аборигенных этносов Сибири к западной модели цивилизационного развития во второй половине XIX в. привел к социокультурному расколу внутри формирующихся национальных элит, отстаивавших альтернативные модели национального самосознания, сориентированные не только на западную цивилизацию в лице России, но и на интеграцию народов Центральной Азии, исповедующих буддизм (панмонголизм) или ислам. Однако значительная часть аборигенов делала сознательный выбор в пользу русского образа жизни и культурного развития. Результатом этого стало появление в «инородческой» среде первых выдающихся представителей интеллигенции, ориентирующихся на западную цивилизацию: М. Н. Богданов, Н. Ф. Катанов, С. Д. Майнагашев, Г. Г. Гуркин, Ч. Ч. Валиханов, А. Н. Букейханов, К. Г. Неустроев, В. В. Никифоров и др.

В качестве примера остановимся на деятельности Чокана Чингисовича Валиханова (Мухаммед Канафия) (1835–1865), используя концепцию огораживающего фронта. Начиная с декабристов и кончая евразийцами Сибирь трактовалась как место встречи двух цивилизаций — Востока и Запада. Так, Г. С. Батеньков «не просто противопоставляет Европу Азии, а говорит об их синтезе в культуре Сибири» [Канунова, с. 101]. Непосредственно за Уралом в роли буферной социальной группы между русскими и казахами (киргизами) выступали казаки, активно усваивающие элементы культуры сопредельного этноса. Поэтому не случайно выходец из казачьей среды Г. Н. Потанин стал ближайшим другом и сподвижником моего героя.

Именно он первым попытался определить место своего товарища в цивилизационном диалоге русского и казахского этносов. «...В сердце Чокана любовь к своему народу соединялась с русским патриотизмом, — писал Григорий Николаевич, — в шестидесятых годах общерусский патриотизм не отрицал местных, областных и инородческих, и два патриотизма — общий и частный — легко уживались в одном человеке» [Потанин, 1896, с. 78]. Вслед за ним Л. Н. Гумилев отмечал, что «знаменитый ориенталист Чокан Валиханов сам говорил о себе, что он считает себя в равной мере русским и казахом» [Гумилев, с. 55].

В свою очередь, и Ч. Ч. Валиханов был подготовлен к межцивилизационному диалогу на личностном уровне. Начиная с Абылай-хана (1711–1781) род

Валихановых активно контактировал с российскими властями и подвергался воздействию русской культуры. В 1831—1834 гг. в Омске в Войсковом казачьем училище обучался его отец, султан Чингис. Феномен Валиханова состоит в том, что он, окончив военно-учебное заведение, стал кадровым офицером русской армии, активным участником процесса инкорпорации своей родины в имперское пространство России. Одновременно с ним на государственной службе находились многие инородцы, в том числе его родственник Султан-Газы Валиханов, дослужившийся до полковника, или султан Альмухаммед Сейдалин, который в чине штабс-ротмистра в 1860 г. сопровождал казахскую делегацию в Петербург. Чокан Чингисович стал не только первым казахом, органически интегрированным в русскую культуру. Он был человеком высочайшего интеллекта, опровергая досужие измышления о неспособности кочевников к цивилизованному развитию вообще.

Мой герой совершил своеобразный «прорыв» в представлениях многих образованных россиян об уровне интеллектуального развития аборигенов Азиатской России. «Здесь надо заметить, — писал по этому поводу его современник С. Я. Капустин, — что как коренной сибиряк, так приезжий в Сибирь русский человек еще не могли смотреть на киргиза как на равного себе, как он смотрит на немца, француза, еврея, итальянца. Самый гуманный сибиряк и россиянин относятся к инородцу как взрослый к ребенку. Это самое, так сказать, христианнейшее отношение, доступное немногим; большинство русских способно видеть в киргизе человека, отталкивающего от себя, нежели привлекающего. Но Чокан Валиханов своей вежливостью так невольно заставлял считать себя братом, да еще близким, нежели иной русский одного с вами круга, товарищ ваш с детства и по учебному заведению... [У него было много] общечеловеческого» [Капустин, с. 560].

Г. Н. Потанин, как его единомышленник Н. М. Ядринцев, в рамках разработки концептов сибирского областничества по инородческому вопросу отвергал выводы о неизбежности полного вымирания аборигенных этносов Сибири вследствие отставания их экономического и культурного развития. На основе наработок Валиханова Ядринцев, например, характеризовал казахов как «замечательный народ, к которому очень легко может привиться европейская цивилизация» [Ядринцев, 1980, с. 29]. В последней по времени попытке определить мировоззренческие позиции моего героя утверждается, «что, несмотря на весь свой европеизм, Ч. Ч. Валиханов и Г. Н. Потанин так и не смогли окончательно оторваться от берега “традиционализма”. Фактически они всю жизнь шли между двумя берегами — западничеством и традиционалистским» [Селиверстов, Кузгумбаева, с. 122].

Можно согласиться с историками из Казахстана в вопросе о наличии у Валиханова и Потанина некой срединной позиции между упомянутыми концептами цивилизационного развития, обусловленной, на мой взгляд, как раз ситуацией фронта. Оба они мечтали улучшить положение русского и аборигенного (казахского) населения Азиатской России. В письме к Ф. М. Достоевскому от 15 октября 1862 г. Чокан Чингисович сообщал: «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя [работе на] пользу соотечественникам,

защищать их от чиновников и деспотизма богатых киргизов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный — не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили мнение о русском воспитании» [Валиханов, 1968, т. 4, с. 63].

При этом Валиханов четко выстраивал систему мировоззренческих приоритетов, которые Потанин характеризовал следующим образом: «Народ свой он любил, что бесспорно; с прислугой из казахов, с казахами-просителями он обходился не всегда гуманно и теплых чувств, может быть, к казахскому простонародью не питал, но он хотел ему добра, и служить будущему своего народа было его мечтой. Он говорил, что прежде всего любит свой казахский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество; одна любовь заключена была у него в другую, как те кунгурские, один в другой вставленные сундуки, которыми знатные люди в Средней Азии любили одаривать друг друга» [Потанин, 1968а, с. 325]. С этих позиций Валиханов решительно отвергал и опровергал расхожие представления о номадах как «грубых скотоподобных варварах», осуждал чиновничий произвол, грабительские поползновения по отношению к ним казаков и настаивал на проведении таких реформ, которые «способствуют улучшению быта человека»: «в этом заключается так называемый прогресс» [Валиханов, т. 1., с. 98, 495; т. 4. с. 31].

Мой герой был последовательным противником попыток насильственного воздействия с целью изменения религиозных верований аборигенов. Дело в том, что в XVIII — начале XIX в. казахи, при сохранении традиционных верований, подвергались массивной обработке со стороны проповедников ислама. Причем в его насаждении в Степном крае большую роль сыграли российские власти, используя мусульманское духовенство из числа татар. Целью акции являлось стремление способствовать седентаризации и ограждению казахов от влияния миссионеров из Средней Азии. При этом, по справедливому замечанию Г. Султангалиевой, «в течение XVIII века “татарский” мулла выступал в роли связующего звена между российской властью и казахской знатью, а “татарский” язык служил одним из языков дипломатической переписки и устного перевода при сношениях правительства и его региональных структур, с одной стороны, и казахской Степи — с другой» [Султангалиева, с. 26].

Ч. Ч. Валиханов констатировал чисто внешнее распространение ислама в казахском обществе до вступления в русское подданство, «апостолом Магомета в Сибирской степи» образно назвал М. М. Сперанского и негативно оценивал искусственное насаждение этой конфессии русскими властями. «Татарское духовенство, — отмечал он, — которому вверило русское правительство наше нравственное воспитание, занималось до сих пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ» [Валиханов, т. 4, с. 518—519]. В одной из последних своих работ «О мусульманстве в России», продиктованной им незадолго до смерти, он с тревогой обращал внимание на негативное воздействие религиозного фанатизма на цивилизационное взаимодействие русских и казахов: «Киргизы наши теперь более чуждаются русского

просвещения и русского братства, чем прежде» [Там же, с. 526]. Данное обстоятельство позднее констатировал Г. Н. Потанин [см.: Потанин, 1896, с. 81], а хорошо знавший обоих Н. М. Ядринцев в 1866 г. писал: «В то же время в степи с каждым годом усиливается миссионерская деятельность бухарских мулл, которые проповедуют под именем ислама религиозную и национальную нетерпимость, развивают в народе ханжество и, что всего печальней, неприязнь к европейскому просвещению. Благодаря этим учителям, у киргиз начинается мнение, что изучение европейской науки угрожает потере национальности и противорелигиозно» [Ядринцев, с. 30].

Будучи «по своим умственным симпатиям и направлениям» западником [см. об этом: Потанин, 1968б, с. 642], в повседневной жизни Валиханов придерживался обычаев и традиций казахской знати. Показательна в этом отношении форма обращения к родителям. Письмо к ним из кадетского корпуса (1849) начинается словами: «Обладателю уважения и счастья и возвышающемуся великодушием и милосердием любезному батюшке и драгоценнейшей и непорочной матушке, чтимой нами наравне с достоуважаемой Каабой, посылаем многие и премногие салемы (знаки уважения. — *М. Ш.*) наши». Не менее цветасто приветствовали сына в ответном письме родители: «Вам — корочке нашего сердца, зрачку наших глаз, любезному, милому сыну нашему, лучшие наши благословения» [Валиханов, т. 4, с. 43, 88]. И даже первоначальная надпись на надгробной плите моего героя, предложенная туркестанским генерал-губернатором П. М. Кауфманом в 1871 г., выглядела следующим образом: «Султан Большой орды, ротмистр русской службы, Мухаммед Ханафия (Чокан) Чингисович Валиханов, скончался в 1864 г. Он любил Бога, был предан царю и занимался наукою. Господь рано призвал его к себе. Да успокоит аллах его душу вместе с праведными. Этот камень положен по приказанию туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта фон Кауфмана в 1871 году в память покойного, всеми любимого и уважаемого» [цит. по: Валиханов, т. 4, с. 525].

Ученый-востоковед Н. И. Веселовский сравнил Валиханова с блестящим метеором, который «промелькнул над нивой востоковедения, потомок ханов и в то же время офицер русской армии... Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных открытий о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд» [Веселовский, с. 500].

Во многом высочайший интеллектуальный потенциал моего героя был «раскрыт» и начал самореализацию благодаря его окружению. Большое влияние на него оказала бабушка Айганым, вдова хана Валия, сохранившая верность России, «в то время когда остальные ее родичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать, что хан Валий принял русское подданство» [Семенов-Тянь-Шанский, с. 72]. По свидетельству академика А. Х. Маргулана, «это была умная, дальновидная и для того времени образованная женщина. Она знала несколько восточных языков, интересовалась русской культурой, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Сибирским комитетом» [Маргулан, с. 11]. Она привила внуку интерес к казахскому фольклору и любовь к родному краю.

В 1847–1853 гг. Валиханов учился в Сибирском (Омском) кадетском корпусе, очень быстро преодолев языковой и культурологический барьеры («Жизнь в корпусе была соединена для Чокана с большой ломкой его степных привычек» [Потанин, 2005, с. 287]). Потанин отмечал, что «развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей», стал вожаком своего класса, «эскадронные кадеты немало были обязаны этому киргизскому аристократу с демократическими убеждениями». Когда ему «было 14–15 лет, кадетское начальство на него начало смотреть как на будущего исследователя и, может быть ученого. Сам Чокан мечтал о путешествии по Средней Азии» [Там же, с. 288, 292–293; см. также: Потанин, 1983, с. 50]. Большое воздействие на формирование мировоззрения и научного потенциала моего героя оказали преподаватели корпуса и образованные омские чиновники: выпускник восточного факультета Казанского университета Н. Ф. Костылецкий, историк Г. Ф. Гонсевский, переводчик с киргизского языка В. И. Дабшинский, полковник К. К. Гутковский, выпускник Казанского университета востоковед Сотников, учитель рисования Померанцев, а также их семьи.

В декабре 1853 г. выпущенный из кадетского корпуса Чокан производится в корнеты «по армейской кавалерии» и направляется для прохождения службы в Сибирское линейное казачье войско с прикомандированием к 6-му казачьему полку со штаб-квартирой в Семипалатинске. Через год он назначается адъютантом западносибирского генерал-губернатора и командира отдельного Сибирского корпуса Г. Х. Гасфорда. А еще через год, в декабре 1855 г., последний представляет Валиханова к внеочередному званию поручика, аргументируя это тем, что он «хотя и состоит на службе не более 2 лет, но при совершенном знании оной и киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев он, сопровождая меня в киргизскую степь, принес большую пользу. При этом он, султан Валиханов, есть потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из детей киргизских султанов Сибирского ведомства, который получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил на военную службу, а потому и в видах поощрения такого полезного начала и развития в киргизах желания к отдаче детей своих в нашу службу и чрез то большего сближения их с нами я нахожу необходимым поощрение Валиханова всеилостивейшей наградой, тем более что по происхождению своему он пользуется особым между киргизами уважением» [цит. по: Валиханов, т. 4, с. 334]. Как видим, принимались во внимание не только реальные заслуги, но и политические соображения.

И еще об одном знакомстве в Семипалатинске, определившем дальнейшую судьбу моего героя. В 1856 г. по пути в Семиречье город посетил тогда еще малоизвестный путешественник П. П. Семенов. Свои впечатления о молодом офицере он резюмировал следующим образом: «Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии уже в Петербурге, под моим влиянием, слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока, и в особенности народов, соплеменных киргизам... Само собой разумеется, что я почел долгом обратить на этого молодого талантливую

человека особенное внимание генерала Гасфорга и по возвращении моем из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировке Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар» [Семенов-Тянь-Шанский, с. 72–73].

Первые годы службы корнета совпали с активным продвижением русских на юг. В 1847 г. в предгорьях Джунгарского Алатау сооружается укрепление Копал, ставшее центром Алатавского округа и опорным пунктом колонизации Семиречья. В 1854 г. в урочище Алматы закладывается русское военное укрепление Заилийское, вскоре переименованное в Верное. В 1854 г. образуется Семипалатинская область, включающая Внутренний, Аягузский, Кокпектинский, Копальский и Алатавский округа. На сопредельной территории Цинская империя вступила в полосу системного кризиса, связанного с поражением в 1-й Опиумной войне. К тому же в 1847 г. в Кашгаре вспыхнуло восстание уйгуров. Поэтому, несмотря на протесты Пекина относительно строительства Копала и других русских укреплений в Семиречье, ничего конкретного против этого он не предпринял. Активное продвижение в районы, население которых (казахи и киргизы) китайцы считали своими вассалами, противодействия не встретило. В 1850 г. между Россией и Китаем подписывается Кульджинский трактат, согласно которому в Кульдже и Чугучаке открываются российские консульства и облегчается режим приграничной торговли.

В связи с основанием Верного Ч. Ч. Валиханов констатировал: «...С занятием на Сырдарье форта Перовский (Кзыл-Орда. — *М. Ш.*), а в Заилийском крае укрепления Верного Россия стала у самых ворот Средней Азии и положила краеугольные камни или межевые столбы, границы, долженствующие отделить владения империи от ханств, лежащих на юг этих двух пунктов» [Валиханов, т. 1, с. 223]. В 1856 г. по приглашению манапа бугинских киргизов Буромбая на южный берег Иссык-Куля направляется военно-научная экспедиция под командованием полковника М. М. Хоментовского, в которой участвовал Валиханов. В том же году он принимал участие в переговорах с китайскими властями в Кульдже по поводу нормализации российско-китайской торговли. Их результатом стал подробный дневник поездки российской делегации, составленный Валихановым.

Весной 1857 г. власть в Кашгаре захватил Валихан-Тюря. «В Петербурге решили выяснить прочность нового владения и возможность установления с ним торговых отношений. Для сбора информации решено было направить в этот город под видом азиатского купца Ч. Ч. Валиханова. В конце августа 1858 г. военный министр Н. О. Сухожанет предложил «командировать опытного и надежного человека в Кашгар для разузнания о ходе происшедшего там восстания». Предполагалось выяснить степень силы и важность выступления, а если новая власть упрочится и обратится к сибирским властям за помощью, то, «не отвергая их просьбы и приняв благосклонно посланцев новой власти в Кашгаре», испросить «разрешение правительства на дальнейший ход этого дела» [Моисеев, с. 38].

Разведывательная миссия Ч. Ч. Валиханова в Кашгар под видом семипалатинского купца Алимбая (июнь 1858 — апрель 1859), имевшая большое военно-стратегическое и научное значение, подробно описана в литературе. За свой

подвиг («в воздание отлично-усердной и ревностной службы вашей, оказанной при исполнении возложенного на вас осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями») он удостоивается внеочередного производства в чин штабс-ротмистра и премии в 500 руб. серебром. В представлении Г. Х. Гасфорда предлагалось наградить его орденом Св. Анны 3-й степени. В Петербурге сочли возможным пожаловать отличившемуся орден Св. Владимира 4-й степени, награду более высокую по статусу, дающую право на потомственное дворянство, которое его родители и родня безуспешно добивались. Характерно, что у Валиханова не оказалось 15 рублей для внесения в капитул ордена, их пришлось удержать из его жалованья. По представлению Чингиса золотыми медалями «За усердие» на Владимирской ленте были награждены семипалатинский купец Букаш и караван-баши Мусабай, оказавшие ему содействие в путешествии.

Конец 1850-х — начало 1860-х гг. становятся апофеозом известности Ч. Валиханова. Из Кашгара он привез ряд уникальных восточных рукописей. В это время были написаны наиболее важные научные работы: «О состоянии Алтышара или шести городов китайской провинции Нан-Лу», «Очерки Джунгарии», «Аблай», «Из Тарихи-Рашиди» и др. Для доклада о поездке, уточнения географических карт, написания отчетов Валиханова вызывают в Петербург, где его в июне 1860 г. прикомандировывают к Азиатскому департаменту МИД с оставлением по армейской кавалерии. Кроме того, его прикомандировали к Главному штабу для участия в составлении карт. При его участии были подготовлены: «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «План города Кульджи», «Карта Западного края Китайской империи» и др.

Получая значительное жалованье сразу из трех источников, а также переводы от отца, Чокан все средства тратил на богемную жизнь в столице. Как свидетельствовал Потанин, «на восточный факультет Чокан не заглядывал. Вставал он с постели в двенадцать часов, никогда ранее и, может быть, иногда позднее. Понятно, что для него посещение лекций было невозможно. Но на модных тогда лекциях Костомарова и некоторых других профессоров он появлялся. Вел жизнь в Петербурге веселую, участвовал в пикниках, на гуляньях, ездил в театр, водился с гвардейской молодежью и участвовал в ее кутежах. Он обыкновенно не пил, но мотал деньги на увеселения» [Потанин, 1968а, с. 303].

Первоначально все обстояло благополучно, и в письме к родителям от 9 августа 1860 г. он информировал их в духе Хлестакова: «За время пребывания в Петербурге я стал чувствовать себя лучше прежнего. Видимо, его климат не так уж вреден. Об этом знают хорошо все мои приятели, знакомые и большие начальники, с коими я познакомился здесь, в частности военный министр Милютин, барон Ливен, граф Толстой, сенатор Любимов и многие другие. Бываю я у них в гостях» [Валиханов, т. 4, с. 50]. На самом деле сырой петербургский климат обострил болезнь (чахотка), которая впервые проявилась в период обучения в Омске. По настоянию врачей в мае 1861 г. его командировуют на родину, «чтобы предоставить возможность лечения кумысом». Остановился он у отца в ауле Сырымбет Кокчетавского округа и в письме Ф. М. Достоевскому от 14 января 1862 г. сообщал: «...с моим здоровьем в Петербурге жить

постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам» [Там же, с. 62].

Валиханов принял участие в выборах султана Атбасарского округа и победил, но утвержден был другой. Данное обстоятельство свидетельствовало, что «его либеральные взгляды пришлись не ко двору тогдашней власти» [Ермекубаев, с. 19]. Но сохранился приказ западносибирского генерал-губернатора В. О. Дюгамеля, в котором утверждается в должности «по избранию киргизов Атбасарского округа хорунжий Ерден Сандыбаев — старшим султаном того же округа вместо штабс-ротмистра Чокана Валиханова, избранного на эту должность большинством голосов, но отказавшегося от принятия оной за болезнью» [Валиханов, т. 4, с. 444]. Правда, тогда непонятно, почему он решил участвовать в выборах будучи больным? Может быть, уже после избрания произошло обострение болезни?

В апреле 1864 г. Валиханов приехал в Омск, но «по болезни не мог следовать далее в С.-Петербург». По ходатайству начальника Зачуйского отряда полковника М. Г. Черняева он был включен в его состав в качестве драгомана (переводчика). После завершения формирования часть 1 мая 1864 г. выступила из Верного, имея целью взятие кокандской крепости Аулие-Ате. До начала похода в киргизских аулах распространялась написанная Валихановым прокламация, призывающая родоначальником к конструктивному сотрудничеству с командованием. По его же совету Черняев пригласил к участию в экспедиции казахов и киргизских биев, которые должны были разбирать в пути тяжбы и претензии аборигенов. После успешного штурма крепости Валиханов в июне уехал из отряда в Верное. По этому поводу высказываются разные предположения.

Часть современников и исследователей (Г. Н. Потанин, А. Х. Маргулан, К. К. Абуев) считают, что Валиханов поссорился с Черняевым из-за жестоких и бесчеловечных действий чинов отряда по отношению к местным жителям [см.: Потанин, 1968а, с. 305; Маргулан, с. 86—87; Абуев, с. 30]. Хотя еще в 1983 г. И. И. Стрелкова опубликовала документ, из которого явствует, что 7 июня 1864 г. Черняев часть своего отряда, включая штабс-ротмистра Валиханова, приказал отправить обратно в Верное [см.: Стрелкова, с. 270]. О том, что не было ссоры, свидетельствует и представление начальника отряда о награждении отличившихся при штурме, среди которых упомянута фамилия Чокана. И несмотря ни на какие обстоятельства за месяц до смерти 10 марта 1865 г. он был произведен в ротмистры. Наконец, согласно уставам и традициям русского офицерского корпуса, офицер не мог покинуть свою часть из-за ссоры в условиях боевых действий и не получив соответствующего распоряжения.

Не было опалы и преследований в последние месяцы жизни. Валиханов, окончательно отойдя от службы и поселившись в ауле старшего султана рода албан Тезека, переписывается и выполняет поручения генерала Г. А. Колпаковского, отслеживает и оценивает перспективы восстания дунган на китайской территории. Только 17 января 1865 г. его отчислили из Азиатского департамента МИД в распоряжение командующего войсками Западной Сибири, а на

военной службе он находился до самой смерти 10 апреля 1865 г. Тем более абсурдным является утверждение о его убийстве [см.: Абуев, с. 29–30]. Оценивая его служебную карьеру, следует заметить, что за 11 лет офицерской службы Чокан Чингисович трижды получал вне очереди чины, полностью пройдя все ступеньки чинопроизводства обер-офицера.

Подводя итоги жизненному пути Ч. Ч. Валиханова, следует прежде всего отметить его вклад в отечественное востоковедение. «Ему принадлежит приоритет в постановке и разработке ряда узловых проблем истории тюркских народов Азии, — констатируют Р. Б. Сулейманов и В. А. Моисеев, — казахов, киргизов, уйгур и др., таких как проблема этногенеза, социальной структуры и политического положения, национально-освободительной борьбы против чужеземных завоевателей, роли ислама в жизни народов Средней Азии, Восточного Туркестана и Казахстана. Чокан Валиханов не только поставил, но и, несмотря на сравнительно невысокий уровень развития исторической науки вообще и знаний о тюркских народах этого региона Азии в частности, несовершенную методику исследований, узость источниковой базы, сумел дать в целом правильную оценку научным проблемам, гораздо более основательную, чем его современники» [Сулейманов, Моисеев, с. 107].

Территориальную экспансию и освоение Казахстана Россией, на мой взгляд, целесообразно описывать в рамках теории фронта, сформулированной Ф. Тернером применительно к США. По его мнению, американский фронт «резко отличается от европейского, представляющего собой укрепленные пограничные линии, проходящие через густо населенные местности». Он представляет полосу «наиболее эффективной американизации». Колонист «преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, — это не старая Европа». «Сначала фронтом было Атлантическое побережье. Оно было в самом реальном смысле границей Европы. Передвигаясь на запад, фронт все более и более становился американским» [Тернер, с. 14, 15, 16].

Применительно к российской колонизации под фронтом обычно понимается место или момент встречи двух культур разного уровня развития. Кроме того, фронт, на мой взгляд, подразумевает переселения, устанавливающие собственно границу, или *terra nullius* («ничейная земля»), между полноценными подданными — «цивилизованными» представителями метрополии и туземным населением, «иноходцами», которые постепенно становятся подданными, а их земли подлежат освоению (колонизации). Очень многое, а применительно к изучаемому региону фактически все зависело от позиции и участия государства. Российские власти, по справедливому замечанию Т. Г. Лерсаряна, «брали на себя функцию организации и поддержания “русского фронта” — границы геополитического пространства, на котором наиболее интенсивно осуществляется экспансия. Русский фронт значительно отличается от, скажем, фронта американского. Последний напоминает густое закрашивание фломастером того или иного участка; американский фронт — поглощающий. Русский фронт, огораживающее поле русского колониального действия — нечто вроде прочерченной карандашом пограничной полосы» [Лерсарян, с. 15].

Большое значение в организации русского фронта играли «агенты влияния», каковыми в конкретной ситуации выступали Ч. Ч. Валиханов и его русский друг Г. Н. Потанин. Не случайно единомышленник последнего, Н. М. Ядринцев заметил в отношении Чокана Чингисовича: «Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации. Это был новый коран его жизни» [Ядринцев, 1968, с. 576]. А выдающийся российский этнограф А. Н. Пыпин вторил ему: «Люди, близко знавшие Валиханова, прибавляют, что по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником: он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления. Он увлекался движением шестидесятых годов. В религиозном отношении он был свободный мыслитель, но оставался мусульманином, чтобы не порывать связи со своим народом» [цит. по: Там же, с. 620].

-
- Абуев К. К.* Чокан Чингисович Валиханов: неизвестные страницы биографии // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность. Омск, 2005.
- Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата, 1961–1968. с. 63.
- Веселовский Н. И.* Метеор (1904) // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. Алма-Ата, 1968.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.
- Ермекебаев Ж. А.* Народы и культуры Евразии в научном наследии Ч. Ч. Валиханова // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность. Омск, 2005.
- Капунова Ф. З.* Вопросы историко-культурной концепции Сибири у Г. С. Батенькова (Батеньков как человек фронта) // Американский и сибирский фронт. Вып. 3. Томск, 1997.
- Капустин С. Я.* О Чокане Валиханове // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1961–1968.
- Лерсарян Т. Г.* Бескрайняя равнина конца времен // Отеч. зап., 2002. № 3.
- Маргулан А. Х.* Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1961.
- Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003.
- Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1968а.
- Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове // Потанин Г. Н. Избр. соч. в 3 т. Т. 2. Павлодар, 2005.
- Потанин Г. Н.* В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство, 1896, № 8.
- Потанин Г. Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
- Потанин Г. Н.* Чокан Валиханов // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. Алма-Ата, 1968б.
- Селиверстов С. В., Кузгумбаева Ж. С.* Между западничеством и традиционализмом: эволюция общественных взглядов Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII — XX вв.). Омск, 2001.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 2010.
- Стрелкова И. И.* Валиханов. М., 1983.
- Сулейманов Р. Б., Моисеев В. А.* Чокан Валиханов — востоковед. Алма-Ата, 1985.
- Султангалиева Г.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII—XIX вв.) // Вестн. Европы. 2000. № 4.

Ядринцев Н. М. Воспоминания о Чокане Валиханове // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. Алма-Ата, 1968.

Ядринцев Н. М. Чокан Чингисович Валиханов (1866) // Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5.

Статья поступила в редакцию 27.09.2011 г.

УДК 94(574) + 339.1-051 + 27-676(470.5)

А. С. Палкин

УЧАСТИЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ КУПЦОВ-ЕДИНОВЕРЦЕВ В ПРОМЫШЛЕННОМ ОСВОЕНИИ КАЗАХСТАНА XIX в.

Рассматривается процесс проникновения капитала уральских купцов-единоверцев на территорию Казахстана в контексте российской экспансии в Среднюю Азию в VIII—XIX вв. Отмечается, что компания екатеринбургских купцов одной из первых начала промышленную разработку природных ресурсов Казахстана (медные месторождения Джебказгана и Карагандинский угольный бассейн). Особое внимание уделяется религиозному фактору, определяющему действия екатеринбургских купцов, и роли, которую сыграло принятие ими единоверия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Казахстан; капитал; единоверие; старообрядчество; российская экспансия.

В данной статье рассматривается проникновение капитала екатеринбургских купцов-единоверцев¹ А. Т. Рязанова и Т. П. Зотова в Казахстан и участие их в промышленном освоении края.

Аникий Терентьевич Рязанов (ок. 1800—1857) был племянником знаменитого и наиболее уважаемого екатеринбургского купца Якима Меркурьевича Рязанова [см.: Байдин, 2008б, с. 68—77; Агеев, Микитюк, с. 42—99]. Рязановы были богатейшими купцами, сколотившими свое состояние на поставках сельскохозяйственных продуктов и салотопном производстве, а со второй половины 1820-х гг. переориентировавшимися на золотодобычу. Я. М. и А. Т. Рязановы были весьма успешны в делах, компания их процветала, а сами они прославились широкой благотворительностью и неустанными трудами на благо Екатеринбурга [см.: Агеев, Микитюк, с. 63—99].

Тит Поликарпович Зотов (ок. 1793—1857) был управляющим Кыштымскими заводами наследник Л. И. Расторгуева, а затем стал заниматься золотодобычей в Сибири, чем и нажил себе немалое состояние. Однако со второй половины 1840-х гг. он, как и другие уральские предприниматели, столкнувшись с конкуренцией со стороны сибирских купцов, поддерживаемых местными

¹ Единоверие — религиозная форма воссоединения староверов с господствующей церковью. Официально учреждено в 1800 г. Старообрядцы, принявшие единоверие (единоверцы), должны были признавать иерархию РПЦ и получать от нее священников, служащих по старым книгам и обрядам.

чиновниками, вынужден был в значительной степени переориентироваться на Южный Урал. Для этого он пошел на союз с Рязановыми. Во второй половине 1840-х гг. компания Зотова — Рязанова продолжила продвижение на юг и нацелилась на развитие металлургического производства в перспективных, хотя и не слишком спокойных «киргизских степях» [Там же, с. 99; см. об этом: Генеалогические схемы... (схема 26)].

Говоря о действиях екатеринбургских купцов-единоверцев в степях Казахстана, необходимо остановиться не только на их роли в развитии региона, но и на религиозном контексте их деятельности.

Как и большинство знаменитых купеческих фамилий Екатеринбурга, изначально Рязановы и Зотовы были старообрядцами, причем отнюдь не рядовыми членами общины, а настоящими «столпами древлего благочестия» — лидерами огромной уральской беглопоповской организации, фактически признанной властями в конце XVIII — первой четверти XIX в. Об этом говорит и тот факт, что почти все городские головы Екатеринбурга в этот период избирались из среды купцов-старообрядцев [см.: Главы городского самоуправления...]. Такое положение дел, с одной стороны, было следствием того, что большая часть купцов и заводской администрации принадлежала к старообрядчеству, а с другой стороны, способствовало дальнейшему укреплению роли нарождающейся буржуазии в экономике и социально-политическом развитии края, что проявилось в конечном итоге и в экспансии уральского капитала в Сибирь и Среднюю Азию.

Однако ситуация изменилась с конца 20-х гг. XIX в. В это время по инициативе императора Николая I старообрядчеству была объявлена настоящая война. Староверы были поставлены перед выбором или подвергнуться репрессиям, или принять единоверие, т. е. фактически пойти на предательство веры своих отцов. Выбор этот был более тяжел именно для верхушки старообрядчества, которая могла потерять свой бизнес и положение в обществе, но при этом они не хотели менять и свои религиозные убеждения.

Помимо законодательных мер и внедрения института секретных совещательных комитетов, которые, по определению В. И. Байдина, являлись «органами внесудебной расправы с религиозными диссидентами» (Пермский губернский комитет был открыт в 1838, а Екатеринбургский, действовавший на территории горнозаводского Урала, в 1845 г.) [см.: РГИА, д. 43, л. 338—339; д. 44, л. 204—206 об.; Байдин, 1983, с. 142—143], для обращения староверов использовались и меры местного значения. Подробно история внедрения единоверия среди верхушки уральской беглопоповщины рассмотрена в диссертации В. И. Байдина [1983, с. 88—148].

В середине 1830-х гг. староверов перестали записывать в купцы I гильдии, а в 1835 г. им было запрещено занимать должность городского головы. Первым попал под действие этого закона А.Т. Рязанов, переизбранный на очередной срок в 1835 г. [Байдин, 2008, с. 88]

В марте 1838 г староверам фактически запретили заниматься торговлей. Эта мера достигла своей цели: старообрядческая верхушка, крайне стесненная этими постановлениями вынуждена была поступиться своими религиозными

интересами в пользу экономических. Летом 1838 г. группа екатеринбургских купцов I и II гильдии перешла в единоверие. Это были Я. М. Рязанов, И. Харитонов, К. Якушев с сыном Иваном, другими детьми и внуками, М. Егоров и др. Переход в единоверие стал возможен, очевидно, и в связи с переориентацией экономических интересов екатеринбургского купечества на сибирскую золотопромышленность [см.: Байдин, 1983, с. 124–125].

Однако были и примеры более стойкой веры. П. Я. Харитонов и Г. Ф. Зотов [см. о них: Агеев, Микитюк, с. 74–83; Шкерин, с. 80–83] были отправлены в ссылку и наотрез отказались принять единоверие, хотя им предложили прекратить следствие в случае согласия [Агеев, Микитюк, с. 83].

Несмотря на то, что в конце 30-х — начале 50-х гг. XIX в. число обращенных в единоверие старообрядцев достигло, в том числе благодаря архиепископу Пермскому Аркадию (Федорову), рекордных показателей — 40 863 человека [см.: столетию единоверия...], не стоит преувеличивать значение подобных переходов.

Трудно не согласиться с С. С. Агеевым и В. П. Микитюком, которые утверждают, что единоверие можно было привить старообрядцам лишь в случае крайней нужды последних в священниках и исключительно с помощью экономического, политического и полицейского давления со стороны государства. Получается, что единоверие рассматривалось большинством старообрядцев как самое последнее средство, как безысходность [см. об этом: Агеев, Микитюк, с. 33–34], к тому же формальный переход совсем не означал действительной смены веры, о чем свидетельствуют и многочисленные факты пребывания в расколе семей единоверцев из среды купечества.

Исторические реалии были таковы, что присоединение к единоверию открывало широкие перспективы для ведения успешной предпринимательской деятельности и участия в социально-экономической жизни. Видимо, руководствуясь подобными мотивами, А. Т. Рязанов впервые пришел молиться в единоверческую церковь в 1845 г. Этот поступок открыл ему дорогу к должности екатеринбургского городского головы и позволил на абсолютно законных основаниях заниматься предпринимательством, в т. ч. и в казахских степях, привлекавших все большее внимание русских предпринимателей.

Принятие в подданство казахов Младшего и Среднего жуза произошло в 30–40-е гг. XVIII в., однако процесс присоединения территории, на которой кочевали казахские племена, растянулся более чем на 100 лет. До начала XIX в., по справедливому выражению И. В. Зеленовой «российское подданство казахов не было достаточно твердым» [Зеленева, с. 167]. Даже после официального включения земель Среднего и Младшего жуза в российскую систему управления в соответствии с высочайше утвержденным в 1822 г. Указом о сибирских киргизах² [см.: ПСЗ, № 29127; Бекмаханов, с. 116; Зеленева, с. 205] казахи продолжали сохранять достаточно широкую автономию, а ситуация в их землях

² Казахи в то время именовались киргизами, поэтому далее в тексте эти понятия будут употребляться как равнозначные.

слабо контролировалась чиновниками царской администрации. До этого русским появляться в степях было достаточно опасно: они рисковали попасть в рабство [см.: Байдин, 1994, с. 10]. Окончательное распространение административные структуры России получили только в правление Александра II, когда после падения Кокандского ханства Казахстан окончательно вошел в состав империи.

Однако уже с начала XIX в. русские постепенно проникали в земли «сибирских киргизов». Интерес русских к Казахстану, проявившийся в первой половине XIX в., был обусловлен следующими причинами.

Во-первых, в изменившейся геополитической обстановке Казахстан начинает играть роль дальней границы для противостояния извечному сопернику — Англии, а также становится потенциальным плацдармом для продолжения дальнейшей экспансии в Среднюю Азию³ [см.: Зеленева, с. 205].

Во-вторых, земли казахов привлекали внимание растущего русского капитализма. Казахстан был интересен предпринимателям как источник полезных ископаемых, дешевого сырья, а также как огромный рынок сбыта, суливший немалые деньги [см.: Бекмаханов, с. 116–117]. Проникновение России на среднеазиатские рынки было важнейшей задачей, поскольку ее товары не могли конкурировать на Ближнем и Среднем Востоке с продукцией Англии и Франции [см.: Зеленева, с. 200].

Одним из направлений экономической экспансии российской буржуазии были поиск и добыча полезных ископаемых. Первооткрывателем месторождений в степях Казахстана был сибирский купец С. И. Попов, проводивший геологические изыскания в Казахстане, результатом которых стало обнаружение в 1810-х гг. залежей серебра, меди и каменного угля в верховьях р. Тюндык. В 1830-е гг. его старшим сыном в юго-восточных районах Казахстана были обнаружены золотые россыпи. На предприятиях Попова производилась также выплавка свинца. Для обеспечения экономических интересов расширяющегося бизнеса С. И. Попов и его последователи скупали у казахов земли и лоббировали создание «заграничных» округов Омской области. Своими действиями С. И. Попов немало поспособствовал включению земель Среднего жуза в состав России [см.: Байдин, 1994, с. 8–12].

В конце 1846–1847 г. другим достаточно интересным персонажем, петропавловским купцом II гильдии Н и к о н о м А б р а м о в и ч е м У ш а к о в ы м⁴ [см.: Агеев, Микитюк, с. 98], в «киргизских урочищах» было обнаружено 16 месторождений медной и свинцовой руды, а также каменного угля. Шесть из них — месторождения меди (урочище Ак-Бюрат между сопок Сарана и Байдавлета, урочище Нельды с содержанием серебра и свинца, урочище Искулы, гора Джанай, урочище Джез-Казган) и каменного угля по речке Сокур — были выкуплены в конце 1847 — начале 1851 г. По еще четырем было получено

³ В официальных российских документах понятие «Средняя Азия» распространялось не только на собственно среднеазиатские государства, но и на Казахстан.

⁴ Н. А. Ушаков был человеком незаурядным, из новой генерации предпринимателей (*self-made-man*). В купечестве он числился с 1842 г., а до этого был крепостным помещицы Тучковой.

принципиальное согласие на выкуп от владельцев-казахов: это медные месторождения — урочища Казан-Санган Юсалы, Там-Куралы, где также был открыт свинец, Карабюрат, Мунглу-Куглу. В разрешении на выкуп территории по другим четырем месторождениям (каменный уголь по р. Джиланчик при урочище Акчатау, при урочище Кызыл-черчь по речке Терс-нутах; по речке Каратургай при урочище Кургашин была открыта свинцовая руда; при урочище горы Куяндов открыта медная руда) было отказано, поскольку данные территории состояли «в заведовывании Министерства иностранных дел» (т. е. еще считались за пределами территории России). Отказ должен был продлиться «впредь до устройства этого края». Наконец, еще два месторождения (при урочище Кайракты месторождение свинцовой руды с содержанием серебра и меди, при урочище Кызыл-Эспе открыта «свинцовая руда с частью серебра») стали предметом спора между Н. А. Ушаковым, которому казахи были согласны «уступить» эти земли, и вышеупомянутым С. И. Поповым, также претендовавшим на них [см.: ГАСО, ф. 97, оп. 1, д. 10, л. 5 об.—9; ф. 643, оп. 2, д. 367, л. 1—4].

Относительно недавно разбогатевший Ушаков был финансово не в состоянии самостоятельно проводить крупномасштабные разыскания и тем более осваивать месторождения и налаживать металлургическое производство, а потому был вынужден прибегнуть к помощи и капиталам других предпринимателей.

Так, в 1847 г. была предпринята попытка сформировать компанию на паях для совместной разработки месторождений Казахстана. В нее вошли: А.Т. Рязанов (30 паев), Т. П. Зотов (30 паев), Н. А. Ушаков (20 паев), А. Д. Красильников (20 паев) и Ф. А. Хвоцинский (10 паев) [см.: Там же, л. 20—25]. Впоследствии соотношение количества паев изменилось, поскольку Хвоцинский и Красильников по разным причинам выбыли из компании. Позднее Хвоцинский участвовал в организации Святочудовского медеплавильного завода неподалеку от Каменского [см.: Неклюдов, с. 438—439]. Красильников же, внося часть капитала (6 тыс. руб.), разорился и показал себя ненадежным партнером, а потому в состав основного договора включен не был. Впоследствии его кредиторы безуспешно пытались взыскать часть его долга с прочих компаньонов [см.: Там же].

Таким образом, в компании остались А. Т. Рязанов, Т. П. Зотов и Н. А. Ушаков, которые 16 февраля 1852 г. заключили «компанейское условие» [см.: Там же, л. 1—4 об., 50—53 об.; ф. 643, оп. 2, д. 367, л. 4 об.—8 об.], состоявшее в следующем.

Купец Н. А. Ушаков получал «дозволительное свидетельство» от Главного начальника Алтайских заводов (от 29 августа 1846 г. за № 352) «на право разыскания золотосодержащих россыпей и разных руд и металлов в Западной Сибири и Киргизских округах». Компания разделялась на 120 равных «паев». Рязанову и Зотову отходило по 35, Ушаков получал 20, остальные 30 были

⁵ Ш п л е й з о ф е н — горн для окончательной очистки и переплавки меди и разлива ее в штыки.

⁶ Г е р м а х е р с к и й (гармахерский) — разделительный горн для очистки черной меди от примесей.

оставлены на продажу. Все впредь открытые месторождения должны были принадлежать учредителям компании в вышеуказанных пропорциях, убытки и прибыль компании также делились пропорционально. Продавать паи разрешалось, но не менее 5 (очевидно для того, чтобы не допустить бесконечного дробления компании. — А. П.). Паи могли быть беспрепятственно наследованы родственниками компаньонов. Можно было выходить из компании, предварительно рассчитавшись с другими компаньонами. Компаньонам позволялся самостоятельный или совместно с третьими лицами поиск и разработка полезных ископаемых. Таким образом, представители нарождавшейся русской буржуазии старались сохранить максимальную свободу предпринимательства.

Для заведения производства прописывались следующие условия: Н. А. Ушаков «за понесенные при розысках и впредь продолжаемые труды вознаграждается единовременно десятью тысячами рублей серебром и освобождается от взноса капитала и производства поисковых и дальнейших обследований угля и руды и на устройство плавильного завода расходов, а по устройстве... завода в течение двух годов, мы, Рязанов и Зотов, предоставляем Ушакову право пользования льготой (т. е. отсрочкой по внесению паевого капитала. — А. П.), по прошествии этого льготного времени Ушаков за 10 паев от взноса навсегда остается свободным, а на остальные 10 на равных с прежними компаньонами по числу паев вносит капитал». Так, за понесенные труды по открытию новых месторождений Н. А. Ушаков становился владельцем 16,6 % компании, а затраты нес лишь в 8,3 %. В то же время компаньоны стремились обезопасить себя от несвоевременного внесения капитала. В случае первого нарушения сроков предоставлялась отсрочка, если же пайщик продолжал задерживать платеж, то облагался штрафом в 1 тыс. рублей неустойки, второй — в 2 тыс. руб., а в третий раз исключался из компании. Приход и расход капиталов на устройство завода принадлежал непосредственно Ушакову, который должен был отчитываться перед остальными участниками компании. Затем планировалось учредить по общему согласию должность управляющего.

Все дела в компании в случае споров между компаньонами, «кроме домашнего», должны были решаться не в судебных местах, а «медиаторским судом по совести».

Данный договор положил начало достаточно успешному существованию Спасского медеплавильного завода при урочище Сокур-Сарана, строительство которого было начато в 1857 г., а производство было запущено в начале 1860-х гг. (уже после смерти А. Т. Рязанова и Т. П. Зотова). На постройку ушло 130 тыс. руб. серебром.

Не все месторождения, открытые Н. А. Ушаковым, эксплуатировались вместе с заводом. Реально удалось освоить месторождения лишь в Акмоллинском округе при урочищах Сокур-Саране, Нельды, Джеб-Казган и Караганды.

Вот как описывается уже готовый завод (представлявший собой достаточно передовое по тем временам производство), вероятно, самим Н. А. Ушаковым: «Корпус завода выстроен каменный, покрыт железом, в нем для опытной плавки сложены шахтных 4 печи, корпус шплейзофенной⁵ каменный, покрыт железом, в корпусе сложены два шплейзофенных и три гермагерских⁶ горна,

воздуходувные цилиндры имеют действие от двадцатисильной паровой машины, которая нагревается теряющимся жаром. На опытной плавке в Спасском заводе выплавлено меди 12700 пуд. По пробам добротой превосходит меди Тагильского завода...» Отмечалось также, что на заводе «киргизы охотно работают... за выгодную цену», в отличие от русских мастеров, которым приходилось платить больше. Завод обладал развитой инфраструктурой: склады, магазины, дома для администрации и служащих, казармы для рабочих, погреб, кузница, пекарни, скотный двор.

При урочище Сокур-Сарана были открыты Спасский (при самом заводе) и Воскресенский (в 2 верстах от завода) рудники. При урочище Нельды был открыт Успенский рудник (в 10 верстах). При урочище Джеб-Казган находились такие рудники, как Крестовоздвиженский, Покровский, 2-й Спасский, Никольский, Златоустовский, Петропавловский (примерно в 250 верстах от завода). Запасы меди в них оценивались как «значительные» и «неистощимые».

При урочищах Караганды и Сокур открыли каменный уголь (в 31,5 верстах от завода), использовавшийся для плавки руд и очистки меди. Запасы угля также считались «неистощимыми». Под рудники и каменноугольную копь было «окартомлено» (арендовано) земли площадью 355 квадратных верст [см.: ГАСО, ф. 643, оп. 2, д. 367, л. 79–82 об.].

В 1860-е гг. предприятие перешло в руки вдовы Аникия Терентьевича Анны Семеновны Рязановой, выигравшей тяжбы о разделе имущества у Н. А. Ушакова. Завод был весьма крепким и даже ставился в пример прочим [см.: Агеев, Микитюк, с. 104–105]. Однако наследники А. Т. Рязанова так и не смогли организовать по-настоящему крупное промышленное освоение края. Крупные разработки в районе Джебказгана и Караганды начались лишь после допуска иностранного капитала в начале XX в. и продолжились в советское время. Но необходимо помнить, что начиналось все с компании екатеринбургских купцов-единоверцев, во многом опередивших свое время.

Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы — купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998.
Байдин В. И. Инициатива сибирского купца С. И. Попова по колонизации Казахстана в 1810–1830-х гг. // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994.

Байдин В. И. Рязанов Аника Терентьевич // Главы городского самоуправления Екатеринбурга : ист. очерки. Екатеринбург, 2008а.

Байдин В. И. Рязанов Яким Меркурьевич // Там же, 2008б.

Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII — середина XIX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983.

Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алматы. 1992.

ГАСО. Ф. 97, 643.

Генеалогические схемы к монографии С. С. Агеева и В. П. Микитюка «Рязановы — купцы екатеринбургские». Б. м., 1998.

Главы городского самоуправления Екатеринбурга : ист. очерки. Екатеринбург, 2008.

Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2005.

К столетию единоверия // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 21.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Н. Тагил, 2004.

ПСЗ. Т. 38.

РГИА. Ф. 1473. Оп. 1.

Шкерин В. А. Харитонов Петр Яковлевич // Главы городского самоуправления Екатеринбурга : ист. очерки. Екатеринбург, 2008.

Статья поступила в редакцию 12.09.2011 г.

УДК 94(57)“1917/1918” + 94(574) + 342.395.8(57)

В. И. Шишкин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АЛАШ-ОРДЫ И ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА*

Анализируются взаимоотношения двух областных органов государственной власти — Всекиргизского временного народного совета (Алаш-Орда) и Временного Сибирского правительства, возникших в условиях распада российской государственности в конце 1917 — начале 1918 г. Делается вывод о существовании объективных предпосылок для их солидарного политического поведения, обусловленных общностью стратегической цели — достижением автономии в составе демократической федеративной республики Россия. Рассматриваются разногласия по вопросам о том, как, когда и в каких формах можно было достичь этой цели в условиях начавшейся широкомасштабной гражданской войны, которые привели к тому, что потенциальный союз этих правительств не состоялся.

Ключевые слова: гражданская война; Алаш-Орда; Временное Сибирское правительство; Сибирская областная дума; автономия; национальная независимость.

Всекиргизский временный народный совет Алаш-Орда, позиционировавший себя в качестве правительства проживавших на территории бывшей Российской империи казахов и традиционно кратко именуемый Алаш-Ордой, и Временное Сибирское правительство (ВСП) просуществовали недолго. Они возникли после Октябрьского переворота 1917 г. и в значительной мере объяснялись как реакция местной общественности на развал российской государственной власти, на тот системный кризис, который поразил Россию в ходе углубления революционного процесса. В начале ноября 1918 г. Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство сошли с исторической арены, уступив место избранному на Государственном совещании в Уфе Временному всероссийскому правительству.

Однако в истории гражданской войны в России, особенно в истории Казахстана и Сибири, они оставили заметный след. С Алаш-Ордой была связана первая попытка казахской интеллигенции добиться автономии для собственного народа в составе России. Временному Сибирскому правительству принад-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 11-01-00222а).

лежит главная заслуга в свержении летом 1918 г. на востоке России советской власти и в установлении на этой территории режима так называемой демократической контрреволюции. Лето 1918 г. стало тем временем, когда оба правительства, имевшие областной масштаб, искали союзников для решения своих задач. Данным обстоятельством был обусловлен их взаимный интерес друг к другу.

Безусловно, существовало довольно много объективных факторов, благоприятствовавших консолидации усилий и ресурсов этих двух правительств, которые возникли «снизу», по инициативе местной общественности, примерно в одно и то же время с интервалом всего в полтора месяца. Алаш-Орда была избрана на проходившем в Оренбурге 5–13 декабря 1917 г. Втором Всекиргизском съезде. Временное Сибирское правительство выросло из недр Сибирской областной думы, а его персональный состав был утвержден в ночь на 29 января 1918 г. на нелегально проходившей в Томске первой сессии думы. Оба правительства состояли из общественных деятелей, хорошо известных своей приверженностью демократическим идеалам.

Первоначально главной целью своего существования эти правительства провозгласили достижение автономии в составе Российской Федеративной Демократической Республики. Для этого в конце 1917 – начале 1918 г. Алаш-Орда и сибирские областники сделали ставку на Советы, в том числе большевистские. Но насильно захватившие государственную власть большевики в январе 1918 г. разогнали Сибирскую областную думу, а затем отказались принять условия Алаш-Орды. Поэтому оба правительства перешли на антисоветские позиции. Весной 1918 г., в целях борьбы против большевиков, уполномоченные этих правительств приступили к формированию вооруженного подполья и отрядов. В конце мая – начале июня их вооруженные силы открыто выступили против советской власти, причем, как признавало сначала руководство Алаш-Орды, «Сибирь заняла в этом освободительном движении центральное положение» [Алаш-Орда, с. 120].

К тому времени у алашордынцев и сибиряков-областников уже имелся опыт сотрудничества на ниве борьбы за автономные права. Достаточно напомнить, что на состоявшемся 8–17 октября 1917 г. в Томске Первом Сибирском областном съезде участвовало 10 делегатов-казахов, представлявших Акмолинский, Тургайский, Семипалатинский, Семиреченский и Уральский областные, Каркаралинский уездный киргизские комитеты, а также Кустанайский уездный и Тургайский областной Советы крестьянских, киргизских и солдатских депутатов. В числе этих делегатов были лидеры партии Алаш и будущие члены Алаш-Орды А. Н. Букейханов, Х. А. Габбасов, С. Д. Дошанов, А. А. Ермеков, Е. И. Итбаев, Р. М. Марсеков и А. Д. Сеитов [см.: ГАТО, ф. Р-552, оп. 1, д. 11, л. 18, 22, 70, 78, 81, 90, 103, 250, 287]. В то время представители казахского населения не отделяли себя от делегатов других национальностей, проживавших в Сибири, и рассматривали себя в качестве составной органической части сибирского областнического движения, направленного на совместное достижение общей для них автономии. Не случайно на этом съезде А. А. Ермеков был избран сначала в Сибирский областной совет, являвшийся в то время руководящим

органом областнического движения, а затем членом его исполнительного комитета, в котором выполнял функции секретаря [Первый Сибирский..., с. 17].

Значительно слабее было представительство казахского населения на Втором Сибирском областном съезде, получившем название чрезвычайного и проходившем в Томске 6–19 декабря 1917 г. Последнее обстоятельство скорее всего объясняется тем, что по времени работа этого Сибирского областного съезда почти совпала со Вторым Всекиргизским съездом в Оренбурге. Тем не менее в работе Чрезвычайного Сибирского областного съезда приняли участие видные члены партии Алаш К.-Г. Л. Сейдалин, И.-Г. Т. Турмухамедов и председатель Акмолинского областного киргизского исполнительного комитета А. Т. Турлубаев, избранный вскоре в Оренбурге членом Алаш-Орды и даже конкурировавший с А. Н. Букейхановым и Б.-К. Кулмановым за место председателя национального правительства [см.: ГАТО, ф.Р-72, оп. 1, д. 3, л. 11; ф. Р-578, оп. 1, д. 1, л. 122, 138, 139]. 9 декабря возглавляемое Р. М. Марсековым Семипалатинское уездное земское собрание направило Чрезвычайному областному съезду приветственную телеграмму [Восточное отделение..., с. 32]. На этом съезде А. А. Ермаков был заочно избран членом Временного Сибирского областного совета, который рассматривался областниками в качестве «ядра» будущего кабинета министров [Бюллетень..., с. 1].

Сотрудничество алашордынцев и сибирских областников продолжалось и в процессе борьбы против советской власти. Так, уполномоченный ВСП в Семипалатинске И. А. Зубарев-Давыдов, возглавлявший местное антибольшевистское подполье, получил от представителя Алаш-Орды Б.-А. С. Сарсенева 29 тыс. рублей. Три десятка русских офицеров, входивших в семипалатинскую подпольную организацию, в конце весны — начале лета 1918 г. в качестве командиров и инструкторов приняли участие в формировании в степи первых вооруженных отрядов Алаш-Орды. 18 июня 1918 г., уже после бегства большевиков, эти отряды общей численностью примерно в три сотни человек под командованием И. А. Зубарева-Давыдова вошли в Алаш, а на следующий день — в Семипалатинск, ставший резиденцией Алаш-Орды. Их знамена украшали надписи «Да здравствуют верные сыны Родины!» и «Да здравствует Всероссийское и Сибирское учредительное собрание» [РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 15, л. 3–5, 8; Свободная речь...; Заря; Сибирская речь].

В Омске после изгнания большевиков Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства, являвшийся тогда высшим органом управления на освобожденной от Советов территории, 19 июня 1918 г. назначил лидера местных алашордынцев А. Т. Турлубаева членом Акмолинского областного комиссариата [Западно-Сибирский комиссариат..., с. 121–122]¹. В свою очередь, Акмолинский областной комитет партии Алаш планировал выпустить воззвание к казахскому населению с призывом повиноваться ВСП и

¹ Правда, А. Т. Турлубаев служил на этой должности не более месяца. Где-то в середине июля 1918 г. он подал прошение об увольнении, мотивируя свой отказ работать в комиссариате избранием в состав Всекиргизского народного совета Алаш-Орды и необходимостью переезда в связи с этим в Семипалатинск [см.: Шишкин, с. 162–163, 165].

поддерживать его [Заря, 1918, 28 июня]. 14 июля 1918 г. председатель Алаш-Орды А. Н. Букейханов направил из Омска в Томск председателю Сибирской областной думы И. А. Якушеву приветственную телеграмму, в которой говорилось, что «правительство Алаш-Орды видит спасение нашего общего Отечества — России — в федерации автономных областей» [ГАТО, ф.Р-72, оп. 1, д. 39, л. 84].

В то же время существовало немало объективных и субъективных обстоятельств, которые серьезно затрудняли сближение Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. В частности, Алаш-Орда была неоднородна по своему партийно-политическому составу. Ее лидеры и сторонники были едины в определении стратегической цели, под которой понималась автономия Степи. Но они серьезно расходились в вопросе о времени ее провозглашения, в определении тактических средств, при помощи которых можно было достигнуть автономии, а самое главное — в определении ее характера.

Уже на втором Всекиргизском съезде значительная часть его радикально настроенных делегатов потребовала немедленного объявления национально-территориальной автономии, тогда как большинство участников съезда считало необходимым первоначально сформировать собственные вооруженные силы и достигнуть договоренности с представителями других народов, проживавших в Степи и на прилегающей к ней территории. Во избежание раскола большинство делегатов съезда уступило меньшинству и признало необходимым безотлагательно добиваться установления для казахского населения национально-территориальной автономии в полном объеме [см.: Бочагов, с. 42—44].

К тому же разные территориальные фракции Алаш-Орды, именовавшиеся ее отделениями, придерживались различной политической ориентации. В период установления советской власти такие алашордынцы, как М. Чокаев, склонялись к необходимости союза с Туркестаном (Кокандской автономией). Большая же часть руководителей Алаш-Орды, находившихся в Семипалатинской области, взяла курс на сотрудничество с большевиками. Так, Семипалатинское областное земство, которое возглавляли алашордынцы Р. М. Марсеков (председатель управы), Х. А. Габбасов (заместитель) и А. Сатпаев (член управы), 31 января 1918 г. признало советскую власть. В конце марта — начале апреля 1918 г. А. Н. Букейханов, Х. А. Габбасов, братья Д. и Х. Досмухамедовы, А. А. Ермаков пошли еще дальше: они вели переговоры о возможности провозглашения казахской автономии с лидерами большевиков Лениным и Сталиным [см. об этом: Бочагов, с. 16—17; Аманжолова, с. 49; Сушко, с. 134—135; Восточное отделение..., с. 269—270].

Отказ советского руководства удовлетворить требования алашордынцев побудил их к поиску контактов с антибольшевистским подпольем, которое возглавляли представители Временного Сибирского правительства. Но, как считало позднее руководство особого отдела Министерства внутренних дел российского правительства А. В. Колчака, этот «поворот от советской ориентации в сторону правительственной власти явился не результатом искреннего сочувствия последней со стороны деятелей “Алаш-Орды” делу возрождения России, а результатом правильного учета соотношения сил, стремлением

использовать в интересах автономии Киргизии предстоящее столкновение двух стихий...» [Восточное отделение..., с. 271].

После свержения советской власти одни алашордынцы сделали ставку на самарский комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч), другие — на атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова, третьи — на Временное Сибирское правительство. В частности, в конце июня 1918 г. была достигнута договоренность между находившимися в Семипалатинске уполномоченными Временного Сибирского правительства Г. Г. Кафтаном и Б. К. Ляховичем и руководством Алаш-Орды о том, что для установления тесной связи между Алаш-Ордой и ВСП из Семипалатинска в Омск будет делегирован А. А. Ермаков. Затем в сибирской прессе появилась информация о том, что Западно-Сибирский комиссариат вызвал в Омск некоторых членов Алаш-Орды [см.: ГА РФ, ф. Р-151, оп. 1, д. 7, л. 115; Заря, 1918, 26 и 28 июня].

Тем временем руководство Алаш-Орды в составе А. Н. Букейханова, Х. А. Габбасова и М. Тынышпаева обосновалось в Семипалатинске и приступило к работе. 24 июня оно приняло ряд постановлений, в соответствии с которыми на подведомственной Алаш-Орде территории были аннулированы все советские декреты; восстановлены земские учреждения, организованные после Февральской революции; для формирования собственных вооруженных сил был создан военный совет; управление казахскими территориями было возложено на областные и уездные советы, состав которых временно назначался Алаш-Ордой; восстановлены законы российского Временного правительства по вопросам о свободе совести, слова, печати, собраний и союзов; утвержден проект правил о временном землепользовании; все налоги, собираемые с населения территории Алаш, предлагалось передавать в кассу Алаш-Орды [Алаш-Орда, с. 108—112].

В тот же день за подписью А. Н. Букейханова от имени Алаш-Орды во все города и другие населенные пункты Степного края была отправлена телеграмма, в которой говорилось: «...[Алаш-Орда] согласно постановлениям второго Общекиргизского съезда приступила к исполнению своих обязанностей и находится в союзном отношении с сибирской [и] башкирской автономией. Предлагаем организовать местный совет Алаш-Орды, который ведает делами всего киргизского населения, не вмешиваясь в компетенцию местных земских и городских самоуправлений. Немедленно приступить к организации милиции, работая в контакте с местными представителями Сибирского Временного правительства. Согласно постановлению указанного съезда, приступите к сбору денег...». Далее Алаш-Орда предлагала созданным областным и уездным советам немедленно начать сбор податей с казахского населения за 1917—1918 гг. и сдавать их в казначейство на ее счета. Алаш-Орда предписала также немедленно призвать в конную милицию по 30 человек с каждой волости, причем половину наряда ближайšie волости должны были выполнить в недельный срок, а другую половину — в месячный [см.: Приишимье, 1918, 30 июня; Сибирская жизнь, 1918, 5 июля].

По утверждению семипалатинского корреспондента авторитетной томской газеты «Сибирская жизнь» Н. Риддерского, это распоряжение А. Н. Букейханова «внесло путаницу во взаимоотношения властей уездных. <...> Из уездов

начинают поступать запросы, как понимать эту телеграмму и, поскольку она является официальным документом, каково положение земских учреждений, имеющих смешанное [национальное] представительство. <...> По свидетельству одного из земских уездных деятелей, с которым я беседовал на днях, работа земских управ остановлена, ввиду создавшегося положения земские учреждения как бы затушеваны, притока податей нет, да и рассчитывать на них в близком будущем рискованно, ибо деньги пойдут советам Алаш-Орды, а земские кассы будут обречены на голод». В заключение Н. Риддерский выражал надежду на то, что «киргизское правительство Алаш-Орды со свойственной ему энергией рассеет в ближайшее же время все сомнения и поставит точку над і» [Сибирская жизнь, 1918, 17 июля].

Между тем в конце июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат передал верховную власть на территории Сибири Совету министров ВСП. Если комиссариат состоял из четырех эсеров, то насчитывавший сначала пять человек Совет министров был значительно «правее» в политическом отношении. В его составе эсером был только один М. Б. Шатилов, занимавший пост министра туземных дел. Председатель Совета министров и министр иностранных дел П. В. Вологодский, министр внутренних дел В. М. Крутовский и министр финансов И. А. Михайлов являлись беспартийными областниками, а министр юстиции Г. Б. Патушинский — народным социалистом. Причем П. В. Вологодский и И. А. Михайлов, ранее состоявшие в партии эсеров, теперь позиционировали себя как твердые государственники.

Совет министров ВСП не оставил политическое выступление Алаш-Орды без внимания. 4 июля он даже намеревался специально заслушать вопрос «Об объявлении киргизами автономии», но решил отложить его рассмотрение до приезда в Омск А. А. Ермакова. Правда, в тот же день Совет министров утвердил декларацию о государственной самостоятельности Сибири, в которой заявил, что «отныне никакая иная власть помимо Временного Сибирского правительства не может действовать на территории Сибири или обязываться от ее имени» [Собрание узаконений..., с. 1–3; Временное Сибирское правительство, с. 116].

Прибывший вскоре в Омск А. А. Ермаков, наделенный правами уполномоченного Алаш-Орды при ВСП, представил на рассмотрение Совета министров проект соглашения «между Сибирью и Киргизией», датированный 10 июля 1918 г. В нем Алаш-Орда внесла на обсуждение ВСП следующие предложения: 1) признать территорию автономии Алаш в границах тех областей и губерний, которые были указаны в постановлении Второго Всекиргизского съезда²; 2) признать Алаш-Орду центральным государственным органом, которому подчиняются все национальные (т. е. казахские) общественные организации и учреждения;

² Напомним, что в соответствии с постановлением этого съезда в состав автономии Алаш должны были войти следующие административно-территориальные единицы: Букеевская орда, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская и Уральская области, Аму-Дарьинский отдел Закаспийской области, населенные казахами уезды Самаркандской и Ферганской областей, а также смежные волости Алтайской губернии.

3) оказать помощь военными инструкторами, вооружением, снаряжением и снабжением в создании национальной армии при условии подчинения ее на время войны общему командованию, назначенному ВСП; 4) предоставить Алаш-Орде заем.

Со своей стороны Алаш-Орда соглашалась до официального объявления Алаша автономией подчинить существовавшие на его территории государственные учреждения, смешанные (русско-казахские по составу) органы управления и самоуправления Временному Сибирскому правительству при обязательном участии в решении всех этих вопросов представителя Алаш-Орды [см.: Алаш-Орда, с. 121].

Пятнадцатого июля М. Б. Шатилов доложил содержание этого документа Совету министров ВСП. Совет министров, отметив «свое благожелательное отношение к киргизскому народу», тем не менее поручил П. В. Вологодскому и М. Б. Шатилову встретиться с А. А. Ермаковым «для детального выяснения вопросов, интересующих Совет министров». О предстоящем решении Совета министров представителя Алаш-Орды намечалось поставить в известность лично, пригласив его на заседание Совета министров [см.: Временное Сибирское правительство, с. 154–155].

Судя по журналам заседания Совета министров, в течение последующих десяти дней вопрос о соглашении с Алаш-Ордой не обсуждался. Конечно, такая неторопливость в условиях гражданской войны была совершенно непозволительной. Лидеров Алаш-Орды она явно беспокоила, поскольку под угрозу был поставлен их авторитет, и казалась проявлением политического недоверия со стороны сибиряков. Поэтому прибывшие в конце июля 1918 г. в Омск А. Н. Букейханов и заведующий военным отделом Алаш-Орды капитан Х. Тохтамышев предприняли попытку ускорить решение вопроса.

Х. Тохтамышев 26 августа 1918 г. подал записку на имя управляющего военным министерством ВСП, в которой информировал последнего о решении Алаш-Орды создать собственную национальную армию в количестве четырех конных корпусов и одной отдельной дивизии. В записке перечислялись условия, на которых Алаш-Орда намеревалась осуществить решение этой задачи, в том числе указывалось, что назначение на командные должности должно производиться «киргизским военным штабом», что киргизская армия будет подчиняться «во всех отношениях своему штабу», и только «при совместных действиях с войсками Временного Сибирского правительства» допускалось ее подчинение высшему штабу «без разбора национальности».

В записке в очередной раз содержалась просьба к ВСП взять на себя обеспечение Киргизской армии инструкторами, вооружением, снаряжением и всеми видами довольствия, хотя Х. Тохтамышев прекрасно знал, что Сибирская армия сама испытывала в них острую потребность, добывая все это главным образом в боях с Красной армией.

Управляющий военным министерством и командующий Сибирской армией генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов, в тот же день ознакомившийся с запиской Х. Тохтамышева, оставил на полях текста этого документа вполне закономерно напрашивавшуюся резолюцию: «Прошу ясно и категорически отве-

тить: мыслит ли Алаш-Орда свою армию как составную часть всероссийской, что является основным пунктом конституции всякой федерации, или нет».

На этот вопрос глава военного ведомства и командующий Сибирской армией немедленно получил от Х. Тохтамышева совершенно ясный ответ: «Сообщаю, что Алаш-Орда мыслит свою армию как составную часть всероссийской армии, находящейся в распоряжении федеративной власти» [ГАТО, ф. Р-72, оп. 1, д. 5, л. 6–7; Сушко, с. 193–194].

В тот же день (26 июля) А. Н. Букейханов подал в Совет министров ВСП пространную докладную записку. В своей существенной части ее текст в значительной мере повторял содержание докладной записки А. А. Ермакова от 10 июля. Но в ней были и принципиально новые позиции и акценты. В частности, в новой записке содержалось предложение Временному Сибирскому правительству обменяться с автономией Алаш взаимным признанием. Авторы записки посчитали возможным до установления границ Алаша и выявления воли русского населения на территории автономии сохранить существовавшие здесь государственные органы, смешанные городские думы и земские учреждения под контролем комиссаров, назначенных ВСП по соглашению с Алаш-Ордой; временно подчинить государственные структуры и смешанные органы земского и городского самоуправления распоряжениям ВСП при условии участия в принятии решений последним представителя Алаш-Орды; назначения на ответственные государственные должности в автономии Алаш предлагалось осуществлять с согласия Алаш-Орды. В качестве первоочередной задачи формируемой киргизской армии ставилось очищение от большевиков территории Алаша и оказание помощи Семиречью и Туркестану. Наконец, в заключение в записке предлагалось созвать в ближайшее время конгресс депутатов автономных народов и окраин, освобожденных от большевиков, для создания федеральной власти. В частности, предлагалось образовать федерацию автономий Сибири, Алаша, Башкирии и Туркестана.

Наиболее серьезным новшеством в позиции Алаш-Орды, содержавшимся в записке от 26 июля, стало прямое обвинение ВСП в затяжке переговоров, из-за чего, по мнению руководства Алаш-Орды, от Алаша «отложилась» Уральская область. Опасность дальнейшего распада автономии, говорилось в записке, «вынудит Алаш-Орду решиться на крайние меры, отказаться от союза с Сибирью, объявить автономию Алаш и спасти единение казак-киргизского народа, пожертвовав выгодами союза с Сибирью» [Заря, 1918, 2 августа; см. также: Алаш-Орда, с. 122–127].

Другими словами, ради консолидации населенных киргизами земель и обретения ими национально-территориальной автономии лидеры Алаш-Орды были готовы отказаться от совместной с сибиряками борьбы против советской власти. Естественно, такое поведение вызывало у деятелей российской контрреволюции подозрение в политической неустойчивости и даже неразборчивости алашордынцев, порождало недоверие к Алаш-Орде.

На этот раз на записку Алаш-Орды Совет министров ВСП отреагировал оперативно. 27 июля Совет министров принял решение в целях ознакомления членов правительства с вопросом и детального рассмотрения представленного

Алаш-Ордой проекта создать специальную комиссию под председательством М. Б. Шатилова, в которую включил управляющего Министерством народного просвещения профессора В. В. Сапожникова, товарища министра внутренних дел П. Я. Михайлова и помощника управляющего Министерством земледелия и колонизации А. М. Ярмоша. Предусматривалось, что в работе комиссии примет участие также А. Н. Букейханов и представители заинтересованных министерств [Временное Сибирское..., с. 200]. Тогда же в газетах появилась хроникальная заметка за подписью Министерства внутренних дел ВСП, в которой говорилось, что в связи с приездом в Омск представителей Алаш-Орды «Совет министров предполагает в ближайшие дни разрешить вопрос о культурной или территориальной автономии и границах инородческой Сибири» [Заря, 1918, 30 июля; Свободная речь, 1918, 31 июля].

Уже через день (29 июля) созданная Советом министром комиссия приступила к работе. Реально ее деятельность возглавлял В. В. Сапожников, поскольку по непонятным причинам М. Б. Шатилов отсутствовал. Но дополнительно в работе комиссии принял участие представитель военного ведомства генерал-майор В. Л. Попов, а также алашордынцы А. А. Ермаков и Х. Тохтамышев. 29 и 30 июля, 2 и 3 августа 1918 г. состоялось четыре заседания этой комиссии. В ходе ее работы алашордынцы сняли свое требование о взаимном признании автономий Алаш и Сибири. Комиссия посчитала также не имеющим прямого отношения к теме предложение Алаш-Орды о конгрессе депутатов автономных народов и окраин России.

В результате комиссия подготовила следующий проект соглашения между Алаш-Ордой и Временным Сибирским правительством:

1) До выявления воли русского населения на территории Алаш-Орды и установления границ ее, считаясь с требованиями момента, Алаш-Орда находит возможным:

а) сохранение в настоящем виде всех смешанных учреждений, земств, городских дум под контролем комиссаров, назначаемых Временным Сибирским правительством по соглашению с Алаш-Ордой в областях со смешанным населением: Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской;

б) временное подчинение государственных и смешанных учреждений, управлений и самоуправлений распоряжениям Временного Сибирского правительства при участии в этом последнем при решении относящихся к названным областям вопросов представителей Алаш-Орды.

2) До конструирования власти, признаваемой всеми национальностями территории Алаш, Алаш-Орда является органом власти казак-киргизского народа. Все национальные общественные организации и учреждения подчиняются только Алаш-Орде. Она имеет право сбора кибиточной подати и специального обложения в свою казну. Алаш-Орда организует национальные суды, местные советы Алаш-Орды, ведающие на местах всеми национальными делами казак-киргизского населения, оставшимися за пределами компетенции восстановленных земств и городских дум.

Наиболее кардинальной переработке в комиссии подверглись предложения Алаш-Орды по вопросу о формировании киргизской армии. Было решено, что она организуется, управляется, обучается и снабжается на основах, принципах

и по плану Сибирской армии, но с необходимыми дополнениями и изменениями, вызываемыми местными особенностями жизни и быта киргизов и вводимыми Алаш-Ордой по соглашению с военным министерством ВСП; мобилизацию в армию осуществляет Алаш-Орда по соглашению с военным министерством Временного Сибирского правительства, поскольку число мобилизуемых ограничивалось наличием вооружения, обмундирования, довольствия и прочих средств организации, отпускаемых Временным Сибирским правительством; входит нераздельной единицей в сибирскую армию; подчиняется общему командованию в рядах вооруженных сил ВСП; старший начальник киргизской армии и командиры отдельных киргизских частей назначаются командующим сибирской армией с согласия правительства Алаш-Орды; наконец, киргизская армия совместно с вооруженными силами Сибири защищает территорию последней и Алаш и выполняет все оперативные задания, которые ставит командование сибирской армии [ГАТО, ф. Р-72, оп. 1, д. 5, л. 11–12].

Тем не менее член комиссии А. М. Ярмош (кстати, единственный человек в ее составе, имевший высшее юридическое образование: он окончил Демидовский лицей) отказался подписать разработанный проект соглашения, 3 августа он подал заявление, в котором объяснил свою позицию следующими соображениями, не приняты во внимание которые было нельзя:

В проекте соглашения для меня остается невыясненной природа политического устройства киргизского народа и сущность государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономии Сибири. Между тем оставлять этот вопрос открытым или разрешать его в порядке разрешения отдельных вопросов из области взаимоотношения [Временного] Сибирского правительства и Алаш-Орды я считаю неправильным и нецелесообразным. Такая неопределенность взаимоотношений, несмотря на те наилучшие стремления, которыми в данное время воодушевлены обе договаривающиеся стороны, в ближайшем же будущем может создать по самым разнообразным поводам, предусмотреть которые ныне никакими соглашениями нельзя, острое и опасное для обеих сторон положение [Там же, л. 12].

Совет министров 9 августа 1918 г. заслушал доклад М. Б. Шатилова об итогах работы комиссии по вопросу о взаимоотношениях ВСП и Алаш-Орды. Вопреки встречающемуся в литературе мнению, он не утвердил подготовленный проект соглашения, ограничившись предоставлением военному министерству права прийти «в соглашение с представителями Алаш-Орды о формировании отдельных киргизских отрядов» [Временное Сибирское правительство, с. 261]³.

О причинах, по которым Совет министров занял такую позицию, можно только догадываться. Скорее всего, их было несколько.

Естественно, Совет министров не мог проигнорировать компетентное мнение А. М. Ярмоша.

³ Примерно в середине августа 1918 г. М. Б. Шатилов направил проект соглашения между ВСП и Алаш-Ордой для обсуждения в национальную фракцию Сибирской областной думы, которая, в свою очередь, сочла предоставленные ей материалы недостаточными и обратилась к А. Н. Букейханову с просьбой делегировать в Томск представителя Алаш-Орды [см.: ГАТО, ф. Р-72, оп. 1, д. 5, л. 3].

Серьезной преградой для достижения взаимопонимания между Алаш-Ордой и Временным Сибирским правительством являлась позиция последнего по территориальному вопросу. Дело в том, что областники не скрывали, что почти весь Киргизский край они считают неотъемлемой частью Сибири [Первый Сибирский..., с. 2; Временное Сибирское..., с. 151].

Ситуацию усугубило и то обстоятельство, что в конце июля — начале августа 1918 г. в Кустанае и Омске произошло несколько конфликтов на национальной почве между русскими и казахами, инициаторами и участниками которых стали видные алашордынцы, в том числе член Акмолинского областного киргизского исполнительного комитета Е. И. Итбаев и депутат Всероссийского учредительного собрания, член военного совета Алаш-Орды С. К. Кадирбаев [см.: Сибирская речь, 1918, 4 августа; Акмолинские областные ведомости (Омск), 1918, 10 августа; Временное Сибирское правительство, с. 207, 226, 264]. Это инциденты однозначно были расценены Советом министров как ущемление национального достоинства русских и покушение на прерогативы Временного Сибирского правительства.

К тому же за июнь — сентябрь 1918 г. персональный состав руководящих органов сибирской контрреволюции претерпел существенные изменения. Если Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства состоял в основном из эсеров-максималистов, то пришедший ему на смену Совет министров ВСП уже был по сути дела коалиционным органом, в котором преобладали беспартийные областники (особенно после того, как 27 июля приступил к работе И. И. Серебренников). На протяжении июля — сентября 1918 г. Совет министров неуклонно дрейфовал «вправо». В конце сентября 1918 г. в его составе остались только П. В. Вологодский, И. А. Михайлов и И. И. Серебренников, политическим кредо которых являлось возрождение российской государственности, с которым требования Алаш-Орды о предоставлении Киргизскому краю автономии плохо коррелировались.

Серьезное влияние на позицию Временного Сибирского правительства оказывала местная общественность, которая отнюдь не приветствовала стремление алашордынцев добиться автономии до победы над большевиками и до конституционного устройства российской государственности. Скорее наоборот: она этому всячески противодействовала.

Решительной критике подвергла алашордынцев за их требование немедленного предоставления автономии популярная омская газета «Заря», позиционировавшая себя как «орган социалистической мысли». Реагируя на записку Алаш-Орды об автономии, она опубликовала редакционную статью «Увлечение сепаратизмом». «...Приходится с грустью констатировать, — говорилось в статье, — что даже те представители областей, которые хорошо, по-видимому, понимают, что “Россия, освобождающаяся от большевиков, вступает на опасный путь раздробления на множество губернских автономий, не признающих друг друга в момент, когда нужно единение”, сами проявляют явно сепаратис-

⁴ В газете цитируется записка Алаш-Орды об автономии.

тское настроение, то есть становятся на *опасный путь* (здесь курсив редакции газеты. — В. Ш.)» [Заря, 1918, 2 августа]⁴.

Позицию «Зари» поддержала другая авторитетная омская газета — кадетская «Сибирская речь». Она напомнила читателям о том, что претензии алашордынцев на получение национально-территориальной автономии Киргизского края, предъявленные Временному Сибирскому правительству, являются не только несвоевременными, но и некорректными. «Сибирь, — объясняла газета свою позицию, — обособилась от России лишь временно, и самый вопрос о[б] ее автономии будет окончательно решен не Сибирским, а Всероссийским Учредительным собранием. Поэтому Сибирское правительство как временное не имеет права ни обсуждать, ни, тем более, решать вопрос о казахской автономии. Указанный вопрос, как и вопрос о самой сибирской автономии, может решить только Всероссийское Учредительное собрание».

Что касается требований алашордынцев по территориальному вопросу и относительно характера автономии, на которую они претендовали, то «Сибирская речь» оценивала их так: «По существу, при удовлетворении киргизских претензий от России должен быть отделен громадный край, местами густо заселенный русскими переселенцами с целым рядом чисто русских городов. Мы говорим “отделен”, потому что автономия в той форме, в какой ее требуют киргизские представители, равносильна полному отделению от России, равносильна образованию в ее пределах самостоятельного киргизского государства».

«Мы, — транслировала «Сибирская речь» позицию русских либеральных кругов, — готовы широко идти навстречу требованиям инородцев об удовлетворении их культурно-национальных нужд, но полагаем, что только государство, решившееся на самоуничтожение, могло бы добровольно согласиться на подобного рода инородческий сепаратизм».

Угрозу же представителей Алаш-Орды разорвать союз с Сибирью в случае неудовлетворения их требования и самостоятельно провозгласить автономию газета нашла «очень неудачным тактическим приемом». «На таком пути к желательному соглашению прийти трудно» [Сибирская речь, 1918, 5 августа].

Август — сентябрь 1918 г. стали временем дальнейшего снижения взаимопонимания и ослабления взаимодействия Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. ВСП не утвердило положение о киргизских судах, действовавших на основе норм обычного права, и соответственно не признавало их судебные решения. Ссылаясь на объективные трудности, Временное Сибирское правительство лишило Алаш-Орду льготных условий отправки почтовой корреспонденции, прекратило финансировать содержание вооруженных отрядов и милиции, а военное министерство перестало выделять во вновь формируемые Алаш-Ордой воинские части офицеров-инструкторов и оружие. Уже в середине августа из-за отсутствия финансовых средств остро встал вопрос о расформировании дислоцировавшегося в Семипалатинске 1-го Алашского степного конного полка, насчитывавшего около 30 офицеров и 750 рядовых всадников. Вскоре там началось дезертирство [см.: ГАТО, ф. Р-72, оп. 1, д. 5, л. 5, 9, 16; Воля народа, 1918, 13 сентября; Восточное отделение..., с. 134—135].

Более того, на проходившем 22 августа 1918 г. заседании Совета министров ВСП при обсуждении вопроса о составе участников предстоявшего в Уфе государственного совещания по созданию всероссийской власти было принято решение о недопущении на него представителей Алаш-Орды [Временное Сибирское..., с. 284].

В свою очередь, Алаш-Орда все решительнее стала переориентироваться с Временного Сибирского правительства на Самарский комуч. Так, уже в начале сентября 1918 г. хорошо информированный председатель Семипалатинской областной земской управы Р. М. Марсеков в служебном разговоре с местным областным комиссаром Г. Г. Кротом открыто заявил, что Алаш-Орда признает Самарский комуч, а не Временное Сибирское правительство, что «киргизский народ в случае непризнания Алаш-Орды правительственным органом не будет выполнять требования и распоряжения Сибирского правительства» [РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 15, л. 14; см. также: Сушко, с. 200]. Получив эту информацию, Совет министров ВСП поручил министерству юстиции произвести расследование о деятельности Р. М. Марсекова, а военному министерству совместно с Министерством внутренних дел собрать материалы и предоставить доклад по вопросу об отношении Временного Сибирского правительства к Алаш-Орде [Временное Сибирское..., с. 345].

Переориентации Алаш-Орды на Самарский комуч в значительной мере способствовала политика Комуча в национальном вопросе: сначала обнародованное им обращение к тюркско-татарскому народу с обещанием предоставить ему право не только на культурно-национальную, но и на национально-территориальную автономию, затем — декларация, адресованная Алаш-Орде, в которой Комуч временно признал автономию Алаша [Вестник правительства..., 1918, 19 сент.; Вестник комитета членов..., 1918, 25 сент.; Оренбургский вестник комитета..., 1918, 1 окт.]. Вполне естественно, что на проходившем 8—23 сентября 1918 г. в Уфе совещании по организации всероссийской государственной власти делегация Алаш-Орды поддержала не Временное Сибирское правительство, а Самарский комуч [Русский исторический архив, с. 98—99].

Судя по всему, причин, по которым летом 1918 г. не только не произошло дальнейшего укрепления военно-политического союза Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства, каждое из которых ставило своей целью достижение автономии в составе России, но и явно обнаружилось их взаимное дистанцирование, много. Прежде всего в их ряду необходимо видеть различия в системах тех политических ценностей, на которые ориентировались деятели этих двух областных правительств. Для лидеров сибирской контрреволюции, как и для их военно-политических противников — большевиков, национальный вопрос во время гражданской войны в России не являлся главным. Главным был вопрос о государственной власти, тогда как национальный вопрос имел подчиненное значение. Принципиально иначе понимали соотношение этих фундаментальных проблем лидеры Алаш-Орды, для которых вопрос о национальной автономии, трактуемой к тому же как государственная самостоятельность (независимость), всегда являлся приоритетным и для решения которого они готовы были сотрудничать с разными политическими

силами России, в том числе даже находившимися по разные стороны фронтов гражданской войны.

-
- Акмолинские областные ведомости* (Омск). 1918. 10 августа.
- Алаш-Орда* : сб. документов / сост. Н. Мартыненко. Кзыл-Орда, 1929. 189 с.
- Аманжолова Д. А.* Букейханов Алихан Нурмухамедович // Политические деятели России 1917 : биограф. словарь. М., 1993. С. 48–50.
- Бочагов А. К.* Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. Кзыл-Орда, 1927. 57 с.
- Бюллетень* Временного Сибирского областного совета (информационное бюро). Томск. 1917. № 1.
- Вестник* комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 25 сентября.
- Вестник* правительства Башкирии (Оренбург). 1918. 19 сентября.
- Восточное* отделение правительства Алаш-Орды : сб. документов. Семей, 2010. 425 с.
- Временное* Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 818 с. ГАТО. Ф. Р-72, Р-552, Р-578.
- Западно-Сибирский* комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2005. 246 с.
- Заря* (Омск), 1918. 27 июня.
- Оренбургский* вестник комитета уполномоченных от членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 1 окт.
- Первый* Сибирский областной съезд. Постановления съезда. Томск, 1917
- Пришимье* (Петропавловск). 1918. 30 июня.
- РГВА. Ф. 39617.
- Русский* исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929.
- Свободная* речь (Семипалатинск). 1918. 21 и 22 июня.
- Сибирская* жизнь (Томск). 1918. 5 июля.
- Сибирская* речь (Омск), 1918. 30 июня; 4 авг.
- Собрание* узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 2 (18 июля). Ст. 9.
- Сушко А. В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы гражданской войны. Омск, 2009. 336 с.
- Шишкин В. И.* Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918 — декабрь 1919 г.) // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. 2007. № 13. С. 160–171.

Статья поступила в редакцию 14.09.2011 г.

**ЕВРАЗИЙСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

УДК 930(560) + 94(54) + 94(=512.1) + 39(=512.1)

А. Байоглу**ДРЕВНИЕ ТЮРКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ:
ТУРЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIX—XXI вв.**

Рассматриваются исследования турецких ученых-тюркологов по истории, археологии, культуре, языку, обычаям, религии и социально-экономической структуре сообществ древних тюрков. Анализируются периоды развития тюркологии в Турции с конца Османской империи до начала XXI в.

Ключевые слова: турецкая историография; турецкие исследователи; древние тюрки; Центральная Азия; Южная Сибирь.

Древние племена Южной Сибири и Центральной Азии создали значительные культурные ценности и оказали большое влияние на историю соседних регионов. Как известно, в I тыс. н. э. на этой территории возникли, достигли расцвета и погибли ряд крупных раннеклассовых государственных образований: Древнетюркский и Уйгурский каганаты, государства кыргызов на Среднем Енисее и кипчако-кимаков на Иртыше. Среди племен, населявших северные окраины Центральной Азии, ведущее место в эпоху сложения здесь государств в VI—X вв. принадлежало тюркам-тугю (тукюе), создателям могущественного объединения — Тюркского каганата. Уже давно ученых занимает вопрос, связанный с изучением этнокультурной истории древних тюрков Саяно-Алтая. По этому поводу как в отечественной, так и в зарубежной литературе высказывались разные точки зрения. Некоторые ученые выделяют древнетюркскую эпоху как многовековый период в истории народов алтайской языковой семьи, связанный с тюркским этногенезом, игравшим определяющую роль в развитии тюркоязычных обществ, в том числе и непосредственно древних тюрков Саяно-Алтая [см.: Овчинникова]. Не оказались в стороне от этой научной проблемы и ученые Турции.

До 1920 г., конца распада Османской империи, работ, связанных с историей древних тюрков до принятия ими ислама крайне мало. Основной причиной считается идеология османства, которая доминировала на всей территории империи вплоть до эпохи политических реформ Танзимат¹. Начавшее

¹ Танзимат (*Tanzimat*) — политическая реформа, эпоха, связанная с проведением в жизнь реформ. Коренные изменения, которые вынуждена была произвести Османская империя в период правления Махмуда II (1808 — 1839). Реформа проводилась в результате требования западных стран предоставить равные права и безопасность проживающим на территории страны меньшинствам. Началом данного периода считается провозглашение народу Указа под названием «Gülhane Hatt — ı Hümayunu» [см.: Mardin].

свое активное распространение после административных реформ течение тюркизма внесло немалый вклад в развитие «идеологического написания истории», так как впервые появились произведения, выходящие за рамки написания истории только Османской империи. Немалое влияние оказала, получив свое распространение, тюркология, в связи с развитием такой дисциплины, как синология, в результате чего китайские источники получили свою известность. Заметим, однако, что в период до 20-х гг. XX в. исследования по древнетюркской проблематике проходили в большей степени за пределами Османской империи при непосредственном участии европейских ученых, особенно венгерских — Армина Вамбери (1823—1913), Ласло Расоньи (1899—1984), сэра Марка Аурела Стейна (1862—1943), Дюла Немеета (1890—1976) и др.

Известно, что знакомство турецких ученых с одним из венгерских тюркологов конца XIX в. Вамбери стало своеобразным толчком к появлению турецких исследований по истории древних тюрков. Так, Сюлейман Хюсю Паша (1838—1892) в своем труде «История мира» использовал результаты западно-европейских исследований, подробно описав жизнь тюрков до принятия ислама [см.: Syleuman]. Это был первый труд на турецком языке в этой области. В своем труде он сумел привлечь такие источники, как «История Гуннов» [см.: De Guignes], написанная Жозефом де Гинем (1721—1800), а также «История Татар» Раймонда. Сулейман Хюсю описывает содержательную сторону небольшой «брошюры» на орхонском языке, которую использовали тюрки Центральной Азии, и орхонские надписи, обнаруженные российскими археологами на горных массивах, окаймляющих берега р. Енисей. Заметим, что первая часть «Истории мира» была издана в период правления Мурата V (1876), однако во время правления Султана Абдул-Хамида II (1876—1909) книгу объявили запрещенной, и после сбора всего тиража она была передана в хранилище документов при Военной типографии. Таким образом, отстранение Сулеймана Хюсю-Паши от его дел по политическим мотивам и запрет на преподавание по его книгам на определенное время наложили на вопросы, связанные с историей древних тюрков, запрет.

Другой просветитель — писатель, философ, ученый и драматург Шемседдин Сами (1850 — 1904), также под влиянием западных ученых, опубликовал исследования, связанные с историей древних тюрков. Свою известность он получил благодаря составлению первого тюркского толкового словаря («Турецкий словарь» [Sami]), оформленного в соответствии со всеми современными правилами. В 1903 г. Сами заканчивает перевод с комментариями «Рукописи Орхуна». Данный труд не был издан, однако позже именно он лег в основу одноименного труда другого автора, Неджиба Асыма (1861—1935) — последнего известного мыслителя этого периода, который писал свои произведения под влиянием «тюркского движения» (1908), навеянного исследованиями ученых из Венгрии и России [см.: Timurtaş].

В начале XX в. историки Турции все чаще обращаются к исследованиям российских тюркологов, заимствуя и распространяя их идеи и мысли в Османской империи. Среди них Исмаил Гаспыралы, Ахмет Агаоглу и Юсуф Акчура [см.: Levis].

Это не могло не повлиять на творчество и научные исследования тюрколога Неджипа Асыма, который становится преподавателем по истории тюрков и тюркского языка в Стамбульском университете². В дальнейшем именно он будет основателем кафедры тюркологии в вышеупомянутом университете. Он также осуществит перевод труда Леона Джахуна «Введение в историю Азии» [см.: Cahun], дополнив его информацией, полученной из восточных источников. Совместно с Арифом Беем он напишет книгу «История тюрков», благодаря которой заслуженно получит статус «первого в Османской империи, а возможно, и во всем тюркском мире составителя полной истории тюрков» [см.: Akçura]. Первый том его труда был опубликован Историческим обществом. Став автором около 40 книг, состоящих в основном из небольших притчей, а также написав около тысячи статей, Неджип Асым стал одним из редчайших исследователей, который в период правления Абдулхамида II, будучи ярким приверженцем идеалов Османской империи, посвятил себя изучению истории древних тюрков. Его статьи печатались в различных журналах («Türk Yurdu», «Servet-i Fünun», «Türkiyat», «Darulfünun», «Edebiyat Mecmuasi»), однако наиболее ценными трудами Неджипа Асыма по истории и языку древних тюрков считаются три его монографии: «Языки Урала и Алтая» [см.: Necir, 1895], «Очень древняя рукопись тюрков» [см.: Necir, 1911] и «Рукописи Орхуна» [см.: Necir, 1924].

Остановимся на кратком анализе данных трудов. Следуя оценкам европейских тюркологов, в первой книге («Языки Урала и Алтая») автор предлагает классификацию урало-алтайских языков. Здесь же он подробно рассматривает падежи и сочетаемость гласных букв.

В работе «Очень древняя рукопись тюрков» Неджип Асым знакомит читателя с алфавитом гёк-тюрков (кок-тюрков). Несмотря на неверное написание и путаницу букв Z(З), N(Н), Э(И) и P(П), а также написание имен с искажением (он был первопроходцем, составившим алфавит гёк-тюрков), данный труд и по сей день не потерял своей научной значимости. Важно отметить еще и то, что именно эту работу автор использовал в качестве основного источника для своего последнего произведения — «Рукописи Орхуна».

Монография «Рукописи Орхуна» Неджипа Асыма снабжена комментариями к трудам Томсона, Радлова и Бартольда. Она состоит из двух частей. Первая часть называется «Останки Орхуна и древние тюрки». Здесь автор широко использует работы Томсона. Вторая часть произведения носит название самой книги — «Рукописи Орхуна». Неджип Асым в своих работах представляет орхонскую письменность в качестве наиболее яркого примера языка огузов и приводит подробное описание графики букв, грамматики (падежи, числа, наклонения глаголов, повелительного наклонения глаголов) и других языковых особенностей.

² İstanbul Darü'l-Fünun — высшее учебное заведение, основанное в Османской империи в конце XIX в. Заведение было образовано по примеру западных университетов с целью восполнить функциональность медресе, которые последними были утрачены. Первая попытка образования подобного заведения была предпринята в 1846 г, однако обучение было начато только в 1962 г. [см.: Ayni].

С образованием Турецкой Республики (1920) здесь даже в высших учебных и академических учреждениях преподавание и изучение истории было достаточно далеко от научного. Антропология, филология, археология, эпиграфика и подобные сопредельные науки практически не использовались в исторических исследованиях. Так, древнетюркское руническое письмо (орхоно-енисейская письменность), как уже было отмечено выше, изучалось в основном зарубежными учеными, а не турецкими историками. Однако именно с 1920 г. местом исследований турецких ученых и археологов становится территория Турции. Первые археологические работы Турецкой Республики были проведены в районе Аладжахёйюк (1907). За этим последовали раскопки в районах Тракия и Малая Азия. Такая активность в изучении преследовала определенную цель, которая нашла отражение в защите тезиса, выдвинутого турецкими учеными: «Первым народом, населявшим Малую Азию, соответственно первыми ее хозяевами были турки», — вопреки мнению западных историков, утверждавших, что «земли, на которых проживают турки, им не принадлежат» [см.: Berktaş].

Нужно отметить, что работа по исследованию истории тюркской цивилизации заметно оживилась. В частности, живший в Османской империи социолог и историк культуры Зия Гёкальп (1876—1924), опираясь на документы, написал несколько научных работ, которые впоследствии собрал воедино под названием «Обычаи тюрков» [Gökalp, 1923] и «История тюркской цивилизации» [Gökalp, 1926]. В завершённой лишь наполовину книге «Обычаи тюрков» предлагались сюжеты по истории религии и правоведения тюрков до принятия ими ислама. Автор провел сравнительный анализ с обычаями других народов, населявших Дальний Восток. Основной целью «История тюркской цивилизации» было освещение тюркской культуры. По мнению автора, для полноценного написания истории культуры тюрков необходимо исследовать три цивилизации: дальневосточную, восточную и западную, а также проблему кочевничества. В своих произведениях Зия Гёкальп подробно рассматривал не только культуру тюрков, но и вопросы, связанные с их обычаями, родословной, религией до принятия ислама, религиозными церемониями тюрков Алтая и Якутии, исследовал их легенды, мифологию, тюркский календарь, структуру государства, быт и экономику (охота, сельское хозяйство, ремесло) и пр.

В 1923 г. определенный интерес вызвала коллективная работа профессоров Стамбульского университета «Очерки турецкой истории», в которой была обозначена задача «развития... национальной независимости, в том числе и в области науки» [Türk Tarihinin Ana Hatları]. Позже это издание было подвергнуто критике за националистические и политические устремления авторов «Очерков» со стороны последующих историков и даже самого Ататюрка (с чьего личного одобрения труды их критиков публиковались в 1930-е гг.). В «Очерках» авторы попытались дать ответы на кардинальные вопросы о значении понятий «тюрки», «родина тюрков», «миграция тюрков», «личность тюрков». В защиту центральноазиатской теории были выдвинуты тезисы о том, что европейскую цивилизацию составляет население, мигрировавшее в Турцию из Центральной Азии в результате переселения народов, а также о том, что про-

живание тюрков в Малой Азии было замечено задолго до битвы на равнине Малазгирт (1071), а сама Малая Азия является «вот уже на протяжении 7000 лет колыбелью тюрков» [İnan, 1939]. С целью обсуждения данной проблемы 2 ноября 1932 г. в Анкаре был проведен I Тюркский исторический конгресс.

К этой проблеме в первые годы становления государства обращался также и Мехмет Фуад Кёпрюлю (1890–1966) — историк, филолог, политик. Несмотря на то, что он считал своей обязанностью принять участие в становлении новой политической системы, Кёпрюлю был одним из немногих историков, сумевших остаться в стороне от тех, кто стремился подчинить институт исследования турецкой истории определенным политическим целям. Именно по этой причине, на I Тюркском историческом конгрессе он выступал за разделение исторических периодов ввиду крайней недостаточности источников в области истории тюрков [см.: Behar]. Данная критика, учитывая подход официальных властей этого периода, считается довольно смелым шагом. Выпуском в 1925 г. «Журнала тюркологии» («Türkiyat Mecmuası»), Кёпрюлю осуществил неопределимый вклад в изучение истории древних тюрков. Кроме более полутора тысяч изданных публикаций [см.: Köprülü, 1925], самым известным трудом Кёпрюлю считаются «Основные моменты тюркской истории» [Köprülü, 1931]. Однако, наибольший резонанс в области истории как науки вызвало издание его книги «Основание Османской империи» [Köprülü, 1935], в основу которой легли его доклады, озвученные на конференциях в 1935 г. в Исследовательском центре тюрков в Париже.

Значительный вклад в изучение истории древних тюрков внес Хюсеин Намык Оркун (1902–1956). Будучи учеником известного венгерского тюрколога Дьюла Немета (Gyula Nemeth), он написал несколько известных трудов, среди которых «Древнетюркские рукописи» [Orkun, 1936], «Византийские источники истории тюрков» [Orkun, 1938], «Суть тюркского слова» [Orkun, 1940], «История тюрков» [Orkun, 1946], «Музыка древних тюрков» [Orkun, 1953], «Домашние животные у древних тюрков» [Orkun, 1954].

Общей чертой двух других ученых, которые в первые годы образования Турецкой Республики внесли неопределимый вклад в исследования истории древних тюрков, было их место рождения — российский город Казань. Один из них, Садри Максуди Арсал (1879–1957), выпустил в свет труд «Государства тюрков в Средней Азии» [Arsal]. Одним из тех, кто сыграл также важную роль в изучении истории древних тюрков, был это Решит Рахмети Арат (1900 — 1964), приглашенный в Стамбул в 1927 г.

В период с 1929 по 1931 г. в Германии проводится активная работа по расшифровке рукописей, написанных на уйгурском, а также на других языках. На этой волне издаются подготовленные немецкими учеными Бангом и Габэйном первые пять книг из серии «Turkische Turfan-texe» [Bang, 1931]. После издания пятого тома к работе подключается Решит Рахмети Арат, и шестая книга издается уже в соавторстве трех ученых. Кроме того, Банг и Р. Арат начинают работу над книгой «Uigurische Bruchstücke über verschiedene Höllen» [Bang, 1935]. Научные и издательские контакты с таким выдающимся ученым, как Банг, и содействие ему в проектах послужили важным профессиональным

толчком для Рахмети Бея. В 1936 г. Арат издает седьмую книгу из серии «Turkische Turfan-texe» [Arat, 1936c]. В том же году был осуществлен перевод «Легенды об Огузе-кагане» [Arat, 1936b]. В дальнейшем Арат продолжает свою научную деятельность, о чем свидетельствуют изданные им труды, такие как «Уйгуры и уйгурская цивилизация: врачевание у уйгуров» [Arat, 1936d], «Термины и изречения у уйгуров» [Arat, 1942], «Определение времени у тюрков» [Arat, 1948], «Правовые документы древних тюрков» [Arat, 1964], «Уйгурский перевод биографии Хюен Цанга»³.

Известный в Турции мыслитель и языковед Ахмет Джафероглу (1899—1975) родился в г. Гендже. В 1920 г., после присоединения Азербайджана к России, Джафероглу переселился в Турцию. Свою академическую карьеру он начал в качестве ассистента в Институте тюркологии. Одним из важнейших его трудов является «Уйгурский словарь» [Safegorlu], который заслуженно называется первым словарем уйгурской письменности.

С началом Второй мировой войны в Европе практически прекращаются все научные исследования, а кроме того, в результате военных действий оказываются утраченными некоторые результаты научных исследований и архивные материалы. Это коснулось и области тюркологии. В настоящее время в Турции резко активизируется работа по переводческой деятельности, послужившей определенным толчком к новым персональным исследованиям в области тюркологии.

Период 50—70-х гг. XX в. для Турции характеризуется публикацией итоговых работ авторов предыдущего периода и появлением нового поколения историков, изучающих цивилизацию древних тюрков. Кроме того, в основном завершается работа по созданию в стране необходимых в сфере тюркологии научных учреждений. Так, в 1961 г. был основан Институт исследования тюркской культуры, целями которого считались исследование тюркского мира как единого целого, сохранение истинной сути и целостности тюркской культуры. Первым периодическим изданием данного института стал журнал «Тюркская культура» [«Türk Kültürü»], впервые вышедший в ноябре 1962 г. Первый номер ежемесячного журнала пришелся на годовщину смерти Ататюрка. В этом номере подробно описывается сама цель издания данного журнала. Обладателем прав на журнал становится Ахмед Темир (1912—2003), специалист в области тюркологии и монголистики. За свою жизнь он написал более 200 статей, изданных в различных журналах и энциклопедиях. Он был также автором многочисленных переводов. Важнейшими трудами, переведенными Темиром на турецкий язык, явились труды русского ученого В. Радлова «Тюрки и шаманизм», «Тюрки», «Из Сибири (избранное)».

Отметим, что ряд статей журнала «Тюркская культура» был посвящен и урало-алтайской теории в освещении вопросов истории древних тюрков в за-

³ Биография и рассказы о путешествии описывают путешествие периода 630—645 гг. через Туркистан в Индию китайского монаха Буркана Кюенцо, а также его жизнь в Китае. Перевод на уйгурский язык был осуществлен в первой половине X в. Шынку Шелли Тутунгом. Считается значимым трудом, так как предоставляет информацию о тюркских странах времени VII в. В 1935 и 1938 гг. Габэйн издал некоторые разделы из биографии Хюен Цанга и осуществил ее перевод на уйгурский язык [Arat, 1936a].

висимости от языковой группы. По мнению турецких авторов, эта теория о связи тюрков с финно-уграми (маджарами), уйгурами, монголами, корейцами и японцами, несмотря на возникающие время от времени споры и разночтения, и по сей день считается не утратившей свою силу. В этой связи Осман Недим Туна, раскрывая значение теории языков Алтая, приводит многочисленные комментарии с картами и таблицами. Они касаются таких вопросов, как родина алтайского языка, особенности его звуков и родство с другими языками [см.: Tuna, 1960a]. Журнал, будучи далек от политики, был открыт для публикации почти любого материала в области прошлого, настоящего и будущего тюркского мира с научной точки зрения. Основными целями журнала считались публикация материалов по тюркологии.

Институт издает также «Журнал исследований тюркской культуры» [«Türk Kültürünü Araştırmalar Dergisi»] и журнал «Тюркология» [«Turgısca»], выходящие в свет на иностранных языках (английском, немецком и французском). В журналах осуществляется публикация работ в области тюркологии.

В 1970-е гг. одним из важнейших трудов является «Настольная книга по тюркскому миру» [«Türk Dünyası el Kitabı»]. Некоторое время спустя в расширенной версии этой книги, вышедшей в трёх томах, значительное место будет уделено статьям по тюркской проблематике. В первом томе («География. История») описывается история, природные условия и демография тюркских стран, начиная с истории таких народов Средней Азии, как гунны, табгаджи, гектюрки, уйгуры, киргизы, туркиши, карлуки, огузы, кумыки, вплоть до тюркских племен и государств Восточной Европы и Османской империи (скиты, сарматы, гунны, авары, хазары, печенеги, болгары, сельджуки)⁴. Описана также история Турецкого государства и Республики Северный Кипр.

Во втором томе («Язык. Культура. Искусство») подробно описываются диалекты тюркского языка. Раскрывается тема искусства доисламского периода и периода после принятия ислама — такие направления, как архитектура, скульптура, художественное искусство, тканье ковров, музыка, философия. Третья книга («Литература») содержит легенды, стихи, игры. Причем в ней встречаются как древние легенды, так и произведения современной кипрской, болгарской, туркменской, узбекской, крымской, уйгурской литературы.

Для полной характеристики периода 1950—1970-х гг. необходимо отдельно сказать о турецких авторах, изучавших вопросы истории древних тюрков. В первую очередь следует отметить трех авторов, родившихся в России и в дальнейшем эмигрировавших в Турцию. Абдюлькадир Инан (1889—1980) и

⁴ Данная часть книги состоит из раздела под названием «Тюркские племена и государства, существовавшие в IV—XVIII веках на Северном побережье Черного моря», опубликованного в 1972 г., после смерти Акдес Нимет Курат (1903—1971). Получив образование в России (Татарстан), госпожа Курат в 1924 г. переезжает в Стамбул, где поступает на исторический факультет. Позднее (1948), будучи преподавателем на данном факультете, она издает такие книги, как «История России», в 1966 г. — «Турция и протяженность Волги» и, наконец, в 1970 г. — «Турция и Россия». Данные книги, хоть и не связаны непосредственно с темой нашей работы, являются крайне важными трудами исследовательницы.

Зеки Велиди Тоган (1890—1970) родились в Башкирии. С 1923 по 1925 г. совместно посещали различные области проживания тюрков в Азии (Иран, Афганистан, Индия), а в 1925 г. переехали в Стамбул. Тоган в 1950 г. публикует свой основополагающий труд — «Введение в общую историю тюрков» [Togan].

Что же касается Инана, то с самого начала его научные исследования всесторонне поддерживает Фуат Кёпрюлю. Он же рекомендует его в качестве ассистента в Институт изучения тюрков. В 1935 г. Инан получает приглашение из Анкары от Ататюрка и получает должность преподавателя восточных тюркских языков на недавно открытом факультете лингвистики и географии Анкарского университета. Кроме занятий арабского, персидского (фарси) и немецкого языков, а также в совершенстве владея русским, Инан активно пользуется научными трудами, изданными на русском языке. Им написано более 270 статей по истории древних тюрков. По итогам ранее опубликованных статей в 1954 г. была издана его монография «Шаманизм» [İnan, 1954], основанная на тюркских легендах, фольклоре, находках археологии и истории, верованиях, а также в ней дано толкование отдельных тюркских слов и фраз. Статьи, написанные и опубликованные Инаном в течение сорока лет, были собраны в 1968 г. воедино и изданы турецким Институтом истории в двух томах под названием «Статьи и исследования»⁵.

Третьим историком, который родился в России и эмигрировал в Турцию, был Мухаррем Эргин (1923—1995). Он родился в вилайете Ахыска. Однако, в отличие от Инана и Тогана, он уехал в Турцию в детстве: в 1926 г. его семья эмигрировала из России. В 1970 г. он начинает писать свое известное произведение «Рукописи Орхуна» [Ergin, 1973], в котором дает подробный анализ первого турецкого текста, упоминающего название «тюрки». В качестве источников он довольно широко использовал изданную еще в 1936 г. на турецком языке книгу Хюсеина Намыка Оркуна «Древнетюркские рукописи», а также монографию С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности» [Малов]. В своей работе Эргин использовал крайне мало примечаний и комментариев, как и в трудах Малова, которые являются практически дословным переводом. Несомненно, заслуживает внимания еще один труд Эргина — более ранняя работа «Очерки тюркологии (1922—1961)» [Ergin, 1962].

Начиная с 1950-х гг. можно наблюдать рост числа специалистов, занимающихся изучением истории древнетюркских племен, которые уже родились и выросли в Турции. Среди них известны такие имена, как Ибрахим Кафесоглу (1914—1984), Бахаддин Огель (1923—1989), Осман Недим Туна (1923—2001), Шинаси Текин (1933—2004) и др.

Ибрахим Кафесоглу известен своими работами в области истории тюркской политики в Средней Азии. Он прошел обучение и защитил докторскую диссертацию в Венгрии. Большое внимание в своих работах Ибрахим Кафесог-

⁵ См. его статьи: «Тюрки из Якутии (Саха)», «Тюрки Тувы», «Киргизы», «Тюрки Алтай-Енисей», «Легенда Манас», «Общий взгляд на тюркские легенды», «Символы поклонения у древних тюрков», «Церемония погребения», «Курган II. Пазырык», «Древние могилы тюрков, найденные в горах Алтая» и др. [İnan, 1968].

лу уделял истории древних тюрков, о чем свидетельствует цикл его научных работ. Автора особенно интересовали темы по истории культуры и религиозных представлений древних тюрков, которые нашли отражение в двух его монографиях: «Национальная культура тюрков» [Kafesoğlu, 1977] и «Религия древних тюрков» [Kafesoğlu, 1980b]. Кроме того, в своих исследованиях он обращался к трактовке военных и административных званий и титулов у древних тюрков. Он являлся автором около 300 статей [см.: Kafesoğlu, 1966; 1980a].

Бахадин Огель — ученик Шемсеттина Гюналтая и Афета Инана. Он дополнительно обучался на факультете русского языка в г. Анкаре. В 1947 г. под руководством Вольфрама Эдерхарда он защищает докторскую диссертацию на тему «Основание Уйгурского государства» [Ögel, 1947]. Получивший признание в первую очередь благодаря своим трудам по истории тюркской культуры, Огель провел немало научных исследований на бывшей территории СССР (Туркменистан, Таджикистан, Азербайджан). В своих работах Огель обращался к китайским источникам. Определенный интерес представляют опубликованные им лекции в «Учебных заметках», посвященных тюркоязычным народам — гуннам, кок-тюркам, уйгурам [см.: Ögel, 1962b; 1968; 1981]. В процессе исследования привлекая легенды, Огелю удалось раскрыть проблемы, связанные с изучением тюркской мифологии («Тюркская мифология: легенды с указанием источников и комментариями» [Ögel, 1971c]). Он получил признание в первую очередь благодаря своим трудам по истории тюркской культуры: «Веки развития тюркской Культуры» [Ögel, 1971b], «Введение в историю тюркской культуры» [Ögel, 1971a]. В его монографии «История тюркской культуры до принятия ислама» используются как письменные источники, так и материалы археологических раскопок в Средней Азии [Ögel, 1962a]. В предисловии к своему труду по истории тюркской культуры он отмечает важную роль руководства Национальной библиотеки, которое обеспечило в процессе его научных исследований доступ к материалам исследований российских ученых по результатам раскопок и путешествий, а также микрофильмов и современных научных работ из России. Огель довольно часто привлекал научные труды таких российских специалистов-историков, как А. В. Андрианов, А. Н. Бернштам, А. Н. Глухов, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, С. Г. Кляшторный, Л. Р. Кызласов, С. Е. Малов, С. И. Руденко, Н. М. Ядринцев и др.

Одним из наиболее ярких исследователей своего времени по истории языка древних тюрков несомненно является Осман Недим Туна. Он защитил докторскую диссертацию в Америке (университет г. Вашингтона) в области лингвистики по направлению тюркологии, монголистики и алтаистики под руководством Николаса Н. Поппе. В 1960-е гг. им был опубликован ряд статей [см.: Tuna, 1960b, 1990], а в 1983 г. вышел его основной труд — «Теория алтайских языков» [см.: Togan, 1992].

К значимым турецким ученым в области тюркологии периода 1950—1970-х гг. без сомнения можно отнести и Шинаси Текина, который обрел известность благодаря своим работам в области древнетюркского языка. Текин делит древнетюркский язык на две лингвистические группы: кёк-тюркскую (тюркютче) и уйгурскую. Он подробно рассказывает о первых сборниках рукописей в форме

книг, текст которых выбит на металлических пластинах. Именно такие были найдены в Средней Азии (Кара-Хоче) в пещерах Бин-Буда. Текин придерживается мнения, что сбор рукописей тюрками в тома (книги) был освоен раньше китайцев и что тюрки не только в сборе томов, но и в других областях опередили китайцев и были для них примером [см. об этом: Tekin, 1960b].

Благодаря таким трудам Ш. Текина, как «Маитрисимит у уйгуров до принятия ислама», «Рукописи на уйгурском языке I. Куанши Им Пусар (Бог, слышащий звук)»⁶, «Рукописи на уйгурском языке II. Маитрисимит. Встреча с пророком Меитрея, спасителем Бурканджыларов»⁷ и «Письменность, книги и бумажные печати у древних тюрков» [см.: Tekin, 1993a], были заполнены белые пятна в изучении истории древних тюрков, связанных именно с уйгурами. Он издает уйгурскую рукопись «Агабейдарим Кошаварди Шастр» [Tekin, 1970], где текст рукописи приводится в оригинале. Кроме того, в своей статье «Кок-тюрки в китайских источниках» Текин знакомит читателя с письменными источниками, в которых содержатся сведения, описывающие историю кок-тюрков [Tekin, 1961]. Кроме того, Текин занимался переводческой деятельностью, в частности переводом книги В. Б. Каупа «Письма по тюркологии» из Венгерского института в Берлине (1925–1934) [Tekin, 1980].

В плане активности изучения истории древних тюрков в Турции 10-летний период (с начала 1980-х гг.) считается застойным. Основной причиной был военный переворот, произошедший в стране в 1980 г., в результате которого в университетах, являющихся центром всех научных исследований, были проведены коренные изменения. После переворота в числе многочисленных узников тюрем оказались и историки. Несмотря на это, все же можно отметить тех ученых, которые пополняли знания в данной области науки в 1980–1990-е гг. Это тюркологи Тунджер Байкара [Baykara], Осман Фикри Серткая, Талат Текин, Абдюлкадир Донук, Ахмет Биджан Эрджиласун [Ercilasun], Саадеттин Гёмеч, Ахмет Ташагыл и др. Практически все они, занимаясь научной деятельностью в различных университетах Турции, являлись учениками Ибрахима Кафесоглу.

Продолжая свои исследования в области тюркологии, Абдюлкадир Донук создает цикл работ, среди которых определенное место занимает упоминаемая выше работа «Термины и административно-военные звания в государствах древних тюрков» [Donuk, 1989] и соавторство в коллективном труде «Культурный атлас тюркского мира» [Donuk, 1997], а также ряд статей, изданных в различных журналах [Donuk, 1988a; 1984a; 1988b; 1982; 1984b; 1981; 1988c]. Как видно из работ, кроме политической истории, Донука больше интересовали вопросы культурной и социальной жизни древних тюрков.

⁶ Основной темой произведения является помощь ученого Буркана (Куанши Им) живым существам в их тяжелые периоды жизни, подобно помощи Хизира, и указание им на дорогу в Нирвану. Данный труд был переведен с китайского языка неизвестным автором, время перевода также неизвестно [Tekin, 1960a].

⁷ В данном произведении повествуется о легендах, переданных Бурканом Маитре. Произведение состоит из разделов, называющихся «Улюш». И Габэйн и Шинаси Текин предполагали, что это произведение являлось сценическим и, возможно, по нему разыгрывались спектакли [см.: Tekin, 1976].

В отличие от Донука, у Османа Фикрета Серткая диапазон научных интересов в данной области несколько шире. В своих работах он обращается к изучению языка, литературы, истории, искусства, музыки и фольклора в периоды обитания таких народов, как кок-тюрки, уйгуры, караханлы, кыпчаки, чагатаи, ранние османы. Серткая издал более 330 статей в местных и иностранных журналах [см., например: Sertkaya, 1986; 1983; 1990; 1980]. Кроме статей, он опубликовал монографию «Вопросы истории кок-тюрок», в которой привел новые данные, касающиеся их древних надписей [Sertkaya, 1995].

Саадеттин Гёмец, будучи известным историком, благодаря своим трудам по истории гёк-тюрок и уйгуров, принимает активное участие в обсуждении мероприятий, осуществляемых в рамках проекта тюркских памятников в Монголии. Его основополагающие труды представлены такими монографиями, как «История и культура уйгурских тюрок» [Gömeç; 1997b], «История кок-тюрок» [Gömeç; 1997a]. Кроме того, он был автором статей, напечатанных в различных журналах [см., например: Gömeç; 1996a; 1996b; 1992; 2008; 1996c].

Широкую известность в области языкознания получил Талат Текин, о чем свидетельствует защищенная им диссертация по алтайскому языку [Tekin, 2003]. Несмотря на критику значительного числа тюркологов по вопросам использования им термина «тюркские языки» (вместо принятого «диалекты тюркского языка»), научные исследования Текина все же внесли существенный вклад в изучение теории алтайских языков. В его монографии «Японский и алтайские языки» [Tekin, 1993b] показана близость японского алтайским языкам с точки зрения звуков, структуры, сходства слов и построения предложений. Автор защищает тезис о степени родства алтайской группы языков с японским, который ранее считался одним из языков, не имеющих аналогов. Его авторству также принадлежит монография «Язык гуннов» [Tekin, 1993a], где он раскрывает некоторые титулы правителя, основавшего на севере Китая государство. Он иллюстрирует слова на языке гуннов, смысл которых описывается в китайских источниках. Кроме того, Текин обращается к теме, связанной с культурой гаданий древних уйгуров, чему посвящает свою книгу «Ырк Битиг» [Tekin, 2004]. Книга считается единственным произведением, в котором даются сведения о небольшой книге, написанной на древнетюркском языке — языке кок-тюрок (орхонская письменность), сохранившейся до наших дней. Эта книга была найдена в Восточном Туркестане в хранилище рукописей в пещерах Бин-Буда. Она состоит из 104 страниц. К сожалению, время её написания остаётся неизвестным подобно другим рукописям, найденным в этом хранилище. Вместе с тем, учитывая особенности языка и написания этих произведений, можно высказать предположение, что появилась «Ырк Битиг» в начале IX в. Информация по данной книге впервые была опубликована В. Томсоном [Thomsen, 1912].

Привлекает внимание еще одна работа Текина — его книга «Критика тюркологии» [Tekin, 1997]. Повествуя об истории тюркологии, автор пишет, что исследования в области тюркологии в Турции, в современном их понимании, были начаты в начале 1930-х гг., когда в университетах Анкары и Стамбула появились тюркологи, имевшие татарские и азербайджанские корни и получившие образование в Германии. Однако, по его словам, эти шестьдесят лет

существования тюркологии как науки в Турции не смогли уменьшить отставание этой области турецкой науки от западноевропейской. Этими трудами научные исследования Текина не ограничиваются, они нашли отражение еще в ряде его книг и статей [см.: Saferoğlu; Tekin, 1968; 1982; 1989; 1995].

Известный своим научным интересом к истории кок-тюрков тюрколог Ахмет Ташагыл в своей монографии «Народы древних тюрков согласно китайским источникам» [Taşağıl, 2004] и трехтомнике «Гёк-тюрки» [Taşağıl, 1995] напрямую затрагивает интересующую нас тему. В первой из них автор, проводивший свои исследования в Китае, повествует о тюркских народах, существовавших в период III в. до н. э. — X в. н. э. (авары, басмилы, булаки, кимеки и пр.). Интерес представляет и выполненный им анализ письменных источников.

Относительно трехтомника заметим, что в первом томе содержатся сведения о происхождении кок-тюрков. Привлекая легенды и сказания, он показывает связь П'инг-Лианг с гуннами, а также раскрывает их политическую историю периода 542—630 гг. Вторая часть первого тома состоит из китайских текстов: Тунг Тиен, Ц'е-Фу Юан-Уи, Цу-Хих Т'унг-Джиен. В книге дополнительно приведена хронология китайского императорства и некоторые документы.

Во втором томе, анализируя исторические источники, автор описывает период истории кок-тюрков с 630 по 681 г. Завершается том временем падения Восточного и Западного Тюркских каганатов; используются документы Тунг Тиен (Восточный Тюркский каганат — Ту-Джхюе Сханг; Западный Тюркский каганат — Ту-Джхюе Хсиа) и Хсин Т'анг Сху (Сыр-Тардушлар).

Третий том состоит из двух частей: «Кутлуг-каган» и «Гёк-Тюркское государство». В них отражены события 734—742 гг. с описанием судьбы тюркоязычных государств после их падения.

Кроме индивидуальных авторских работ, следует отметить и ряд мероприятий, проходивших на рубеже тысячелетий (XX—XXI вв.) в Турции. В СССР (Алма-Ата) в Академии наук Казахстана в 1990 г. проходила III Советско-тюркская конференция, в которой принимали участие и историки из Турции. С 1990-х гг. начался новый период развития тюркологии в Турции. Турецкие ученые, привлекая достижения российских археологов и историков, вновь обратились к проблеме истоков турецкой истории — к древним тюркам Центральной Азии, но это произошло уже в новых внешнеполитических реалиях современного мира.

Пожалуй, одним из самых значимых мероприятий, проводимых в этот период в области тюркологии в Турции, можно признать совместные с монгольскими учеными археологические раскопки и реставрация памятников по проекту исследования памятников тюрков в Монголии [см.: Gömeç, 2003]. В осуществлении проекта приняло участие сравнительно большое число исследователей из Турции. В процессе раскопок к 2003 г. было найдено большое количество балбал (могил), построек, принадлежащих как Бильге-кагану, так и рядовым членам древнетюркского общества в ближайших окрестностях. По мнению исследователей, ряд артефактов непосредственно могли бы принадлежать Бильге-кагану: трон из золота, украшенный узорами в мотивах птицы Феникс,

а также около 4500 различных предметов, изготовленных из золота, серебра, бронзы и драгоценных камней [см.: Gömeç, 2001; 2004; 2002].

Другим немаловажным мероприятием считается деятельность научного «Тюркского проекта», в работе которого приняли участие 3059 иностранных и 3120 турецких исследователей. В процессе изучения было предложено к публикации 1623 статьи, написанных 589 иностранными учеными из 48 стран и 1731 турецким ученым, а также более 42 тыс. фотографий, рисунков, карт, картин, миниатюр и прочего визуального материала и более 100 тыс. архивных документов. Результаты проекта нашли отражение в издании трех фундаментальных энциклопедических работах по истории тюрков: «Общая история тюрков» [Genel Türk Tarihi], «Тюрки»⁸ — на русском и английском языках [The Turks]. В проекте активное организационное участие принимал «Журнал новая Турция» (периодическое издание, выходящее два раза в месяц), который также публиковал материалы проекта.

Подводя итоги по истории изучения древнетюркской проблемы турецкими исследователями, можно отметить следующее. В первые годы образования Турецкой Республики работа по исследованию истории древних тюрков была незначительной, если не брать в расчет изданные труды на тему орхонской письменности. Не случайно Октай Асланапа, известный своими трудами по искусству гуннов, кок-тюрков и уйгуров, в своей работе «Искусство тюрков» [см.: Diesz] указывает на малое количество научных трудов и в особенности делает акцент на нехватку изданных трудов, в частности по искусству кок-тюрков. В его исследовании, подробно описывающем искусство и архитектуру тюрков, приводятся и результаты раскопок, проведенных в последние годы в Иране, Афганистане, советских республиках (Туркестан и Средняя Азия), Китае (Восточный Туркестан) и Малой Азии (Анатолия).

К тому же очевидным становится и то, что имеющаяся незначительная часть существующих оригинальных работ была написана именно в ранний период. Причем авторами этих трудов в основном были историки-тюркологи, эмигрировавшие из России в Турцию. Несмотря на то, что оживление интереса к проблеме проявилось во второй половине XX в., тем не менее в сфере изучения истории древних тюрков в научной среде ощущался дефицит турецких исследований.

В проведенных изысканиях по истории древних тюрков в Турции после 1980 г. можно выделить несколько факторов, повлиявших на результаты. Во-первых, это фактор наследия, оставленного предыдущим поколением историков-тюркологов. Во-вторых, немаловажным фактором считается военный переворот 1980 г., повлекший за собой коренные изменения в научных институтах и университетах. Сформированное в 1983 г. в результате переворота новое гражданское правительство направило свои усилия на создание новых университетов в стране. Так, в период с 1982 по 1994 г. было открыто 34 новых

⁸ В произведении различные проблемные темы: государства, созданные тюрками за всю историю; культура и цивилизация; политика; структура общества; экономика; философия, наука, язык, литература; культура и искусство, сформировавшиеся в данных государствах [Türkler].

университета. Не случайно данный период получил название «оптового производства университетов» (для сравнения: до 1982 г. в стране было открыто всего 19 университетов). Рост числа высших учебных заведений в стране позволил привлечь к исследованиям в области тюркологии новых молодых ученых.

В-третьих, важным событием стал распад Советского Союза и создание на его основе Содружества Независимых Государств. Несмотря на то, что до распада Союза между государствами осуществлялись определенные академические мероприятия, их количество указывает на крайне незначительный интерес турецких историков к научным исследованиям, проводившимся в России. Мы уже отмечали неоценимый вклад в изучение истории древних тюрков российских историков, а также то, что переехавшие по разным причинам из России в Турцию историки в основном имели татарские или башкирские корни. В результате длительного периода холодной войны среди турецких историков сложилось представление, что в России не может быть большого количества исследований по истории древних тюрков, а те, которые имелись, были пронизаны определенной идеологией. Кроме того, сказывалось и незнание русского языка. Однако после распада Союза и открытия границ России начался новый период в исследованиях турецких тюркологов, важным достижением которого стало активное привлечение в собственных исследованиях результатов российских археологов и историков, возврат к проблеме истоков турецкой истории — истории древних тюрков Центральной Азии и Южной Сибири.

-
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л. 1951.
Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X веках. Свердловск, 1990.
Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1892—1899. Вып. 1—4.
Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
Akçura Y. Yeni Türk Devletinin Öncüleri. Ankara, 2001. P. 106.
Arat R. R. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-Tsang // ТМ. Ankara, 1936a. S. 333—339.
Arat R. R. Oğuz Kağan Destanı İstanbul, 1936 b.
Arat R. R. Türkische Turfan — Texte // ABAW. 1936c. N. 7.
Arat R. R. Uygurlar ve Uygur medeniyeti : Uygurlarda Tababet. Ankara, 1936d.
Arat R. R. Uygurlarda İstilahlara Dair. Ankara, 1942.
Arat R. R. Türklerde zaman ve vakit tesbiti // IV. Türk Tarih Kongresi. Ankara, 1948.
Arat R. R. Eski Türk hukuk vesikaları // ТКА. Ankara, 1964. P. 5—53.
Arsal S. M. Orta Asya Türk Devletleri. Ankara, 1934.
Aynî M. A. Daru'l-Fünûn Tarihi. İstanbul, 1927. P. 80.
Bang W.; *Arat R. R.* Uigurische Bruchstücke über verschiedene Höllen. Berlin, 1935.
Bang W., Gabain A. von. Türkische Turfan — Texte // SBAW. 1929—1931. N. 1—5.
Baykara T. Göktürk yazıtlarının Türk iskan (yerleşme) tarihindeki yeri // TDAY. 1990. P. 17.
Behar B. E. İktidar ve Tarih, Türkiye'de 'Resmi Tarih' Tezinin Oluşumu (1929—1937). İstanbul, 1992.
Berktaş H. Cumhuriyet İdeolojisi ve Fuat Köprülü. İstanbul, 1983.
Caferoplu A. Uygur Sözlüğü. 1934—1938. N. 1—3. (Данная работа в 1968 г. была расширена и повторно издана как «Словарь древнего уйгурского тюркского языка»)
Cahun L. Introduction Générale à l'Histoire de l'Asie. Paris, 1896.

- De Guignes J.* Histoire generale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux. Paris, 1757.
- Diesz E., Aslanapa O.* Türk Sanatı. İstanbul, 1955.
- Donuk A.* Eski Türk Devletlerinde İdari-Askeri Unvan ve Terimler. İstanbul, 1989.
- Donuk A.* Eski Türk Ailesi ve Vasıfları // Türk Yurdu. 1988a. N. 16.
- Donuk A.* Eski Türk Devlet Teşkilatında Tarhan Unvanı ve Tarihi Gelişmesi // Tarih Dergisi. 1984a. N. 34.
- Donuk A.* Eski Türk Dini İüamanizm mi idi? // TDTD. 1988b. N. 14.
- Donuk A.* Eski Türklerde Hükümdarın Vazifeleri ve Vasıfları // Türk Dünyası Araştırmaları. 1982. N. 17.
- Donuk A.* Tarihte Kurulan Türk Devletleri // Türk Kültürü. 1984b. N. 249.
- Donuk A.* Türk Devletinde Hakimiyet Anlayışı // Tarih Enstitüsü Dergisi. 1981. N. 10–11.
- Donuk A.* Türk Dünyası Kültür Atlası. İstanbul, 1997.
- Donuk A.* Türk Kültürünün Çin Kültürüne Tesiri Meselesi // Doğu Türkistanın Sesi. 1988c. N. 54.
- Ercilasun A. B.* Kök Tigin yazıtı bir nutuk metni midir? Ankara, 1990.
- Ergin M.* Türkoloji Tezleri 1922–1961. İstanbul, 1962.
- Ergin M.* Orhun Abideleri. İstanbul, 1973.
- Genel Türk Tarihi // Yeni Türkiye Dergisi. Ankara, 2001. N. 1–10.
- Gökalp Z.* Türk Töresi. İstanbul, 1923.
- Gökalp Z.* Türk Medeniyet Tarihi. İstanbul, 1926.
- Gömeç S.* Bilge Kagan Külliyesi'ndeki Anıt Mezar // TDTD. 2001. N. 178.
- Gömeç S.* Eski Türklerde Siyasi Hakimiyet // Türk Dünyası Araştırmaları. 1996a. N. 100.
- Gömeç S.* Kagan ve Katun // DTCFTAD. 1996b. N. 29.
- Gömeç S.* Kök Türk Tarihi. Ankara, 1997a.
- Gömeç S.* Kök Türkçe Kayıtlarda Geçen Bayırkular // DTCFTAD. 1992. N. 27.
- Gömeç S.* Kök Türkçe Yazıtlarda Geçen Göller ve Nehirler // DTCFTAD. 2008. N. 4.
- Gömeç S.* Moğolistan'daki Türk Anıtları Projesi Çalışmaları // TDTD. 2003. N. 202.
- Gömeç S.* Orkun'daki Büyük Kurgan ve 2003 Yılında Çıkan Tamgalı Balballar // TDTD. 2004. N. 207.
- Gömeç S.* Terhin Yazıtının Tarihi Açından Değerlendirilmesi // DTCFTAD. 1996c. C. 27–28.
- Gömeç S.* Tika Orhun Projesi: 2001 Yılı Bilge Kağan Külliyesi Arkeolojik Kazı Çalışmaları // XIV. Türk Tarih Kongresi. Ankara, 9–13 сентября 2002 г. Ankara, 2002.
- Gömeç S.* Uygur Türkleri Tarihi ve Kültürü. Ankara, 1997b.
- İnan A.* Atatürk'ün Tarih Tezi // Belleten. 1939. Vol. 3, n. 10. P. 245–246.
- İnan A.* İüamanizm. Ankara, 1954.
- İnan A.* Makaleler ve İncelemeler. Ankara, 1968.
- Kafesoğlu İ.* Tarihte 'Türk' adı. Ankara, 1966. C. 306–319.
- Kafesoğlu İ.* Eski Türkler'de Devlet Meclisi – Toy // I. Milli Türkoloji Kongresi. İstanbul, 1980a. P. 205–209.
- Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. Ankara, 1977.
- Kafesoğlu İ.* Eski Türk Dini. Ankara, 1980b.
- Köprülü M. F.* Bahşi // İslam Ansiklopedisi. Vol. 2.
- Köprülü M. F.* Eski Türklerde dini-sihri bir anane-yağmer taşı // EFM. 1925. Vol. 4. P. 233–238.
- Köprülü M. F.* Türk Tarihinin Ana Hatları. İstanbul, 1931.
- Köprülü M. F.* Les Origines de L'Empire Otoman. Paris, 1935.
- Levis B.* Türkiye'de Tarih ve Milli Uyanış // Türk Yurdu. 1960. N. 285. P. 10.
- Mardin Ş.* Türk Modernleşmesi. İstanbul, 1995.
- Necip A.* Ural ve Altay Lisanları. İstanbul, 1895.
- Necip A.* Pek Eski Türk Yazısı. İstanbul, 1911.
- Necip A.* Orhun Abideleri. İstanbul, 1924.

- Orkun H. N.* Eski Türk Yazıtları. İstanbul, 1936. Vol. 1–4.
Orkun H. N. Türk Tarihinin Bizans Kaynakları. Ankara, 1938.
Orkun H. N. Türk Sözü'nün Ashı. İstanbul, 1940.
Orkun H. N. Türk Tarihi. Ankara, 1946. Vol. 1–4.
Orkun H. N. Eski Türklerde Müzik // Müzik Görüşleri IV. 1953. N. 47. C. 4–6.
Orkun H. N. Eski Türklerde Evcil Hayvanların Tarihçesi. Ankara, 1954.
Ögel B. Uygur Devletinin Kuruluşu. Ankara, 1947.
Ögel B. İslamiyet'ten Önceki Türk Kültür Tarihi (Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre). Ankara, 1962a.
Ögel B. Uygurlar ve Uygur Tarihi (Ders Notları). Ankara, 1962b.
Ögel B. Hunlar, Göktürkler, Uygurlar (Ders Notları). Ankara, 1968.
Ögel B. Türk Kültür Tarihine Giriş. Ankara, 1971a. Vol. 1–9.
Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. İstanbul, 1971b. Vol. 1–2.
Ögel B. Türk Mitolojisi : Kaynak ve Açıklamaları İle Destanlar. Ankara, 1971c. Vol. 1–2.
Ögel B. Büyük Hun İmparatorluğu Tarihi, Ankara, 1981.
Özbek N. Zeki Velidi Togan ve Türk Tarih Tezi // Toplumsal Tarih. İstanbul, 1997. N. 8. P. 15–23.
Sami İO. Kamûs-ı Türkî. İstanbul, 1901.
Sertkaya O. F. Göktürk Tarihinin Meseleleri. Ankara, 1995.
Sertkaya O. F. Göktürk Tarihinin Meseleleri : Tonyukuk kitabesinin ikinci taşının Doğu yüzü hakkında bazı yeni görüşler // TDAY. 1986. N. 59.
Sertkaya O. F. Hun-Tuang Metinleri ve Yağılan Yayınları // Türk Kültürü. Ankara, 1983. N. 239. P. 139–144.
Sertkaya O. F. Kâğıda yazılı Göktürk metinleri ve kâğıda yazılı Göktürk alfabeleri // TDAY. 1990. N. 167.
Sertkaya O. F. Turfan Metinleri ve Yağılan Yayınları // TM. İstanbul, 1980. N. 14. P. 309–334.
Süleyman H. Paşa Tarih-i Alem. İstanbul, 1877.
Taşagül A. Çin Kaynaklarına Göre Eski Türk Boyları. Ankara, 2004.
Taşagül A. Gök-Türkler I. Ankara, 1995; Gök-Türkler II. Ankara, 1999; Gök-Türkler III. Ankara, 2004.
Tekin Ş. Ağabeydarım Koşavardı Şastr. N. Y., 1970.
Tekin Ş. Berlindeki Macar Enstitüsünden Türkoloji Mektupları (1925–1934). Erzurum, 1980.
Tekin Ş. Eski Türklerde Yazı, Kitap ve Kâğıt Damgaları. İstanbul, 1993a.
Tekin Ş. Kök-Türklerin tarihi hakkında Çin kaynakları // TDAY. 1961. N. 359.
Tekin Ş. Uygurca Metinler I: Kuansı İm Puser (Ses İşiten İlah). Erzurum, 1960a.
Tekin Ş. Uygurca Metinler II: Maytrisimit: Burkancıların Mehdîsi Maitreya ile Buluşma. Erzurum, 1976.
Tekin Ş. Uygurlarda Kitap ve Cilt Çeşitleri // Bilgi. 1960b. N. 13. C. 16–17.
Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.
Tekin T. Hunların Dili. Ankara, 1993a.
Tekin T. İrk Bitig-Eski Uygurca Fal Kitabı. İstanbul, 2004.
Tekin T. Japonca ve Altay Diller. Ankara, 1993b.
Tekin T. Kuzey Moğolistan'da Yeni Bir Uygur Anıtı: Taryat (Terhin) Kitabesi // Belleten. 1982. N. 44.
Tekin T. Makaleler-I Altayistik. Ankara, 2003.
Tekin T. Orhon Yazıtları: Kul Tigin, Bilge Kagan, Tunyukuk. İstanbul, 1995.
Tekin T. Tes Yazıtı Üzerine Dokuz Not // AKM Dergisi. 1989. N. 14. P. 379–380.
Tekin T. Türkoloji Eleştirileri. Ankara, 1997.
The Turks // Yeni Türkiye Dergisi. Ankara, 2001. Vol. 1–6.
Thomsen V. Dr. M. A. Stein's Manuscripts in Turkish Runic Script from Miran and Tun-Huang // J. of the Royal Asiatic Society. L., 1912.

- Thomsen V.* Inscriptions de L'Orkhon. Helsingfors, 1896.
- Timurtae F. K.* Ölümünün 25.Yıldönümünde Büyük Türkçü Necip Asım Yazıksız // Türk Yurdu. № 9. С. 48.
- Togan Z. V.* Umumi Türk Tarihine Giriş. İstanbul, 1946.
- Tuna O. N.* Köktürk yazılı belgelerinde ve Uygurcada uzun vokaller // Belleten. 1960a. С. 213–282.
- Tuna O. N.* Köktürk Yazıtlarında 'Ölüm' Kavramı ile İlgili Kelimeler ve 'kergek bol-' Deyiminin İzahı // VIII.TDK Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler 1957. Ankara, 1960b. P. 131–148.
- Tuna O. N.* Eski Doğu Türk Yazısında Kullanılan Ligatürler ve Bunlarla İlgili Bazı Meseleler Hakkında // III.Sovyet-Türk Kollokyumu, Göktürk Yazıtları-Tebliğler. Alma-Ata, 8–15 июня 1990 г. Алма-Ата, 1990.
- Tuna O. N.* Altay Dilleri Teorisi // Türk Dünyası El Kitabı. Ankara, 1992. N. 2. P. 7–58.
- Turcica,* Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü. Ankara, 1970.
- Türk Dünyası El Kitabı I–III,* Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü. Ankara, 1976.
- Türk Kültürü,* Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü. Ankara, 1962.
- Türk Kültürünü Araştırmalar Dergisi,* Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü. Ankara, 1971.
- Türk Tarihinin Ana Hatları: Kemalist Yönetimin Resmi Tarih Tezi.* İstanbul, 1930.
- Türkler,* Yeni Türkiye Dergisi. Vol. 1–4. Ankara, 2001.

Статья поступила в редакцию 02.07.2011 г.

УДК 339.924(415):339.137 + 327.2(47 + 57) + 327.2(510)

В. Д. Камынин
А. В. Лямзин

РОССИЯ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Подводятся некоторые итоги десятилетнего существования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – уникальной, по мнению авторов, организации международного взаимодействия. На основе анализа современной научной литературы, экспертных оценок и положений уставных документов проводится оценка военной и отчасти экономической деятельности ШОС; формулируются интересы, роль и место России в интеграционных процессах, заданных форматом организации; определяются позиции и намерения Китая и центральноазиатских государств по отношению к ключевым аспектам сотрудничества в рамках ШОС.

Ключевые слова: ШОС; Россия; Китай; Казахстан; военное сотрудничество; антитеррористическое взаимодействие; военно-политическая стабильность; экономическая конкуренция.

В 2011 г. исполнилось 10 лет Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), играющей важную роль в интеграционных процессах, происходящих в Центральной Азии. В этих процессах принимают участие основные игроки, действующие на международной арене: Россия, США, Европейский союз, Китай. Особенности современных интеграционных процессов на пространстве СНГ можно считать следующие: во-первых, имеющийся потенциал интеграции

использован до сих пор не в полной мере; во-вторых, различные игроки на данном поле по-разному понимают цели и задачи интеграции. Россия обречена играть активную роль в данных процессах, поскольку является одним из важнейших центров притяжения в этом регионе в силу действия целого ряда причин. К. С. Гаджиев пишет: «Все постсоветское пространство составляет зону ее жизненно важных интересов в области экономики, обороны, национальной безопасности и т. д. Для России необходимость сохранения своих позиций на постсоветском пространстве и его интеграции связана прежде всего с геополитическими целями и долгосрочными перспективами развития ее экономики» [Гаджиев, с. 654].

Заметим, что существует целый ряд факторов, которые препятствуют достижению Россией выдвигаемых целей. Историческая память народов, населявших царскую Россию и СССР, заставляет их настороженно относиться к попыткам России создать новое интеграционное пространство, где именно она будет играть главенствующую роль. Не способствует повышению привлекательности России как центра интеграции ее сегодняшняя экономическая и политическая слабость.

Поэтому, по нашему убеждению, России удастся достичь наибольших успехов в продвижении идеи интеграции именно в тех регионах на постсоветском пространстве, где она выступает в качестве одного из ведущих игроков.

Притягательность Центральной Азии для России объясняется, во-первых, той ролью, которую играют государства этого региона в современных международных отношениях вообще и в отношениях с Россией в частности; во-вторых, все возрастающей активностью в этом регионе других держав. Россия не прочь использовать и даже контролировать важные транспортные сети, проходящие через Среднеазиатский регион, имеющиеся здесь богатейшие залежи полезных ископаемых и т. д. Не следует также забывать и об угрозе национальной безопасности России, исходящей из той части Центральной Азии (прежде всего — Афганистан), которая существует за пределами постсоветского пространства; пространство это используется для доставки в Россию, а через нее в Европу наркотиков, контрабанды оружия, нелегальной рабочей силы и пр. Этот же регион для России опасен постоянной угрозой международного терроризма.

Большую роль в Центрально-Азиатском регионе играет ШОС. Она является одной из наиболее крупных региональных структур в Центральной Азии. Территория входящих в нее государств занимает значительную часть Евразийского континента — свыше 30 млн кв. км, обеспечивая им геостратегический выход в Европу на западе и в Азиатско-Тихоокеанский регион — на востоке. При этом общая численность жителей стран ШОС приближается к 1,455 млрд чел. (около 25 % населения планеты). А имеющийся у России и Китая статус постоянных членов Совета Безопасности ООН существенно увеличивает политический потенциал этой организации в решении ключевых проблем международной и региональной безопасности. После того как в 2005 г. был создан институт наблюдателей ШОС, в который вошли Монголия, Индия, Пакистан, Иран, население стран ШОС и стран-наблюдателей составило более 3 млрд человек. Стратегический потенциал организации составляют 4 ядерные держа-

вы (РФ и КНР — де-юре, Индия и Пакистан — де-факто) [см.: Косов, Горопыгин, с. 149].

ШОС представляет собой новую модель региональных организаций, которая существенным образом отличается от других интеграционных объединений. Попытаемся подвести некоторые итоги десятилетнего существования ШОС, сравнив их с теми надеждами, которые на нее возлагала Россия в момент ее создания.

Подписав учредительные и основополагающие документы о деятельности ШОС, Россия ясно обозначила свои приоритеты и озабоченности. В Декларации о создании ШОС, принятой 15 июня 2001 г., участники этой организации договорились, что «целями Шанхайской организации сотрудничества являются: укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поощрение эффективного сотрудничества... в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка».

В то же время Россия, участвуя в деятельности ШОС и ощущая присутствие в этой организации такого сильного игрока, как Китай, стремилась выделить для себя направления, где она может занять наиболее сильные позиции. Основной проблемой, затруднившей определение этих направлений, стало то, что Россия так и не сформулировала четко свою позицию, свидетельством чего являются острые споры среди российских политиков и ученых в отношении того, какой характер должна носить эта организация. Эти дискуссии ведутся на протяжении всех 10 лет существования ШОС.

Остановимся на дискуссиях, которые происходят вокруг вопроса об участии России в развитии военной составляющей ШОС. Следует напомнить, что при создании «шанхайской пятерки», правопреемницей которой является ШОС, предполагалось, что военные вопросы будут занимать важное место в деятельности данной организации. В рамках этой организации существовала совместная контрольная группа, задачей которой являлось проведение взаимных инспекций в рамках 100-километровых «зон предсказуемости и транспарентности военной деятельности», расположенных по обе стороны от бывшей советско-китайской границы. Д. Трофимов подчеркивает, что «совместная контрольная группа сохранила свой первоначальный пятисторонний формат и после образования ШОС» [Трофимов, с. 151]. Известно, что в марте 2000 г. на саммите «пятерки» в Астане была проведена первая встреча министров обороны стран-участниц данной организации. С этого времени контакты по военной линии осуществляются на регулярной плановой основе.

Основные мнения, высказываемые российской политической и научной элитой по вопросу о военной направленности в деятельности ШОС, можно свести к следующему.

Военное лобби России настаивает на том, чтобы наша страна в лице ШОС имела прежде всего организацию, способную решать задачи военно-полити-

ческого характера. М. Ю. Ковтуненко, главный научный сотрудник Центра стратегических исследований Генштаба ВС РФ, предлагал поработать над «созданием предпосылок для усиления военной составляющей ШОС в форме военного и военно-технического сотрудничества, регулярных совместных антитеррористических учений и т. п.» [Ковтуненко, с. 160]. Такого же мнения придерживаются и некоторые российские ученые. Руководитель Центра исследования ШОС и проблем региональной безопасности Института Дальнего Востока РАН А. В. Болятко считает, что «в условиях некоторого дефицита активности ШОС было бы неосмотрительно не использовать в интересах организации багаж, накопленный в области военно-политического взаимодействия России и Китая» [Болятко, с. 61].

В то же время многие российские авторы выступают против создания на базе ШОС военного блока или замкнутого альянса. По мнению Ю. А. Никитиной, «хотя отдельные российские военные и политики выступают за развитие военного измерения ШОС, четкой позиции относительно степени желательного военно-стратегического сотрудничества России с Китаем на официальном уровне пока не сложилось. Россия развивает с Китаем военное и военно-техническое сотрудничество, однако формально не считает Китай военным союзником (о чем свидетельствует отсутствие общеполитического соглашения о военном сотрудничестве и запрет на продажу некоторых видов новой российской военной техники в КНР)» [Никитина, с. 94].

Д. А. Жирнов считает, что шанхайский процесс «представляет собой движение к формированию на Азиатском континенте плюралистического сообщества безопасности, в котором поддержание военно-политической стабильности возлагается на многосторонние переговорные механизмы. В этом его основное отличие от амальгамированной инфраструктуры безопасности, характеризующейся наличием формальных централизованных институтов реагирования». Автор убежден, что «в таком геополитически неоднородном регионе, как АТР, с многочисленными тлеющими там “угольками” межгосударственных и внутренних противоречий идея общерегиональной системы безопасности жесткого типа (например, наподобие НАТО или сети военно-политических союзов) вряд ли могла бы найти эффективное закрепление» [Жирнов, с. 506]. По словам И. Ф. Кефели, «ШОС не представляет собой антизападный или антиамериканский блок, поскольку это противоречит коренным интересам государств-участников, заинтересованных в сотрудничестве с Западом по многим направлениям» [Кефели, с. 57].

Тем не менее С. Г. Лузянин обращает внимание на то, что объективно идеологической основой ШОС становится пока еще официально не декларируемая доктрина сдерживания США и ее союзников [Лузянин, с. 336].

При определении своей политики в данном вопросе России следует принимать во внимание точку зрения наших партнеров по ШОС.

В российской литературе высказывается мнение, что малые страны ШОС выступают против усиления военной составляющей в деятельности ШОС. А. Д. Богатуров и В. В. Аверков считают, что центральноазиатские страны стараются не активизировать сотрудничество, связанное с предупреждением

«исламской угрозы», опасаясь, что это вызовет раздражение исламских организаций, действующих на территориях всех стран ШОС. Малые и средние страны стремятся переключить внимание ШОС на решение экономических вопросов [см.: Богатуров, Аверков, с. 472]. Однако это мнение расходится с риторикой многих среднеазиатских авторов.

На проведенной в 2005 г. в Алматы научной конференции «ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии» всюду звучали призывы к усилению военно-политического сотрудничества в рамках ШОС. Казахский политик Б. К. Султанов в приветственном слове к участникам конференции обратил внимание на то, что даже при определенном дублировании ШОС деятельности других региональных объединений (прежде всего ОДКБ) военно-политическое сотрудничество в рамках ШОС представляется весьма перспективным, ибо позволит привлечь для борьбы с угрозами экстремизма, терроризма, наркотрафика ресурсы не только России, но и Китая [см.: Султанов, с. 6]. Киргизский политолог М. Казакпаев предлагал для организации военно-политической структуры ШОС создать постоянно действующие органы, а также распространить военно-политическое сотрудничество в рамках ШОС на государства соседних регионов с вовлечением их в многосторонний диалог [Казакпаев, с. 64].

Наиболее важно понять позицию КНР в данном вопросе. Учитывая китайские традиции скрывать истинные намерения, о позиции Китая в отношении военной составляющей ШОС существуют противоречивые мнения. А. Д. Богатуров и В. В. Аверков считают, что крупные страны (в т. ч. КНР) предпочитают опережающее сотрудничество в военно-политической сфере по борьбе с исламским экстремизмом, который представляет опасность как для положения китайской провинции Синьцзян, где проживают тюркские исламские меньшинства, так и для других стран (Чечня в РФ) [см.: Богатуров, Аверков, с. 472].

Политики и ученые КНР не ставят напрямую вопрос о превращении ШОС в организацию военно-политического характера, тем более не противопоставляют ее НАТО. В то же время они исходят из того, что угроза международного терроризма, исходящая из Центральной Азии, представляет одинаковую опасность для всех участников ШОС — КНР, РФ, государств Средней Азии, поэтому следует принимать адекватные коллективные усилия для того, чтобы справиться с этой угрозой. Китайский политолог Чан Хуашэн пишет, что контртеррористическая операция в Афганистане, не затронув экономическое сотрудничество между государствами-членами ШОС, оказала значительное влияние на развитие линии безопасности ШОС [Хуашэн, с. 21].

КНР настаивает на том, чтобы превратить ШОС в организацию для поддержания региональной безопасности и стабильности. Син Гуанчэн, доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, генеральный секретарь Китайской ассоциации по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии, пишет: «В совместном заявлении, принятом министрами иностранных дел государств Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 7 января 2002 года, зафиксировано, что “развитие последних событий в Афганистане убедительно свидетельствует

о верности и дальновидности выбранной ШОС линии на приоритетное налаживание сотрудничества между ее государствами-участниками в области поддержания региональной безопасности и стабильности, а также борьбы с тремя угрозами: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом...". Будучи близкими соседями Афганистана, мы в течение продолжительного времени непосредственно подвергались исходившим из его территории террористической и наркотической угрозам задолго до событий 11 сентября и неоднократно предупреждали международное сообщество об опасности этих угроз. Именно поэтому государства ШОС приняли активное участие в антитеррористической коалиции и предприняли меры по дальнейшей интенсификации своей работы на антитеррористическом направлении» [Гуанчэн, с. 13].

Эту точку зрения разделяет профессор, директор Центра международных исследований при Шанхайском институте Европы и Азии, заместитель председателя Шанхайской ассоциации изучения проблем стран Ближнего Востока Пан Гуан. Он подчеркивает: «Террористические акты 11 сентября 2001 года и последовавшая за ними антитеррористическая кампания, возглавляемая США, открыли созданной региональной организации новые возможности и поставили перед ней новые вызовы. Необходимо как можно скорее сформулировать задачи и сделать более эффективным действующий механизм, для того чтобы ШОС осуществила свою миссию в сфере борьбы с терроризмом и активнее способствовала развитию экономического сотрудничества в регионе» [Гуан, с. 16].

При характеристике военной составляющей деятельности ШОС важно проанализировать принятый в 2007 г. на саммите в Бишкеке и подготовленный китайской стороной Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС. Статья 6 этого договора гласит, что в случае возникновения ситуации, ставящей под угрозу безопасность одного из государств-членов ШОС, это государство «может проводить консультации в рамках Организации с другими Договаривающимися Сторонами для адекватного реагирования на возникшую ситуацию». По мнению Ю. А. Никитиной, «речь идет не об автоматических консультациях, не прописан характер возможных угроз (только агрессия другого государства или нападение экстремистов) и потенциальной реакции Организации (совместное заявление, экономическая или военная помощь)» [Никитина, с. 88]. О неготовности ШОС прийти на помощь своим членам, безопасность которых была подвернута угрозе, показывают события 2010 г. в Киргизии. Руководящие органы ШОС признали, что у них нет механизма по использованию вооруженных сил на территории этой страны.

Участие в совместной антитеррористической деятельности интересует все страны-члены ШОС. Уже на саммите в Шанхае (июнь 2001 г.), на котором было конституировано образование ШОС, была принята конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, запланировано создание совместного постоянно действующего органа — антитеррористического центра в Бишкеке (Киргизия). С целью активизации работы в данной области была сформирована группа руководителей правоохранительных органов и спецслужб государств-участников ШОС. Региональная антитеррористическая структура была

создана летом 2002 г. по решению очередного саммита ШОС в Санкт-Петербурге. Основные задачи и функции центра, принципы формирования и финансирования, а также порядок деятельности регулируются отдельным международным договором.

Были проведены совместные антитеррористические учения, наиболее крупными из которых были учения России и Китая «Мирная миссия – 2005», а также учения «Мирная миссия – 2007» всех шести участников ШОС на территории КНР и России.

Хотя в российской литературе бытует мнение о том, что «на Западе исследователи мало знакомы с деятельностью СНГ, ОДКБ, ШОС» [Никитина, с. 132], тем не менее проведение совместных антитеррористических учений привело к тому, что на Западе заговорили о создании «Восточной НАТО» и о превращении ШОС в военный блок. Объясняя причины появления такого мнения на Западе, М. Нургалиев пишет: «Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) вызывает большой интерес международного сообщества. Ведущие акторы системы международных отношений – США, Япония и страны Европы – внимательно следят за тем, что происходит в Организации. Их интерес объясняется главным образом дефицитом информации о фактической деятельности и о сущности ШОС. Лидеры ее государств-членов постоянно уверяют всех и каждого, что Организация имеет самые мирные намерения и не собирается вступать в конфронтацию с Западом. Тем не менее многие шаги и решения стран-участниц вызывают у ведущих мировых держав недоверие. Таким образом, любое важное событие, проводимое в рамках ШОС, часто расценивается как вызов Западу, особенно Соединенным Штатам» [Нургалиев, с. 109].

Учитывая это мнение и беспокойство Запада, генсек ШОС Болат Нургалиев озвучил официальную позицию ШОС в этом вопросе. По его словам, «изначально Организация создавалась для обеспечения безопасности в пространстве 6 государств, для укрепления доверия. В частности, для того, чтобы тот непростой период советско-китайских отношений, который был унаследован от прошлого, в прошлом бы и остался» [цит. по: Арсюхин].

По нашему мнению, различие в оценке роли военно-политической составляющей в деятельности ШОС среди российских авторов во многом определяется тем, как они позиционируют место этой организации среди других региональных организаций, существующих на территории СНГ. Многие авторы полагают, что Россия, участвуя в деятельности ШОС, пытается противопоставить ее другим региональным проектам, созданным на постсоветском пространстве другими мировыми державами. С. Г. Лузянин называет ШОС структурой, альтернативной американским проектам на территории СНГ [Лузянин, с. 340]. К. Сыроежкин, сравнивая ГУАМ и ШОС, пишет, что они являются «своеобразными конкурентами». Хотя специфика их формирования и эволюции, реакция на те или иные события да и многое другое довольно схожи, но за ними отчетливо просматриваются внешние игроки с их геополитическими амбициями. За ГУАМ стоят интересы США, а в последние годы – и Евросоюза. За ШОС – Китай, имеющий собственные виды на постсоветское пространство. Именно эти факторы во многом объясняют специфику деятельности данных

структур, а также их позиционирование в отношении России, претендующей на роль ключевого игрока на постсоветском пространстве [см.: Сыроежкин, с. 14].

Поскольку Россия наряду с Китаем позиционируют ШОС как важный фактор поддержания мира, безопасности и стабильности в регионе, весьма распространенным в российской политической науке является взгляд на ШОС как на «проект многополярного мира», который в критической ситуации может «противодействовать однополярному сообществу в лице США и их геополитических союзников» [Дугин, с. 53]. Н. А. Комлева считает, что ШОС для России должна «стать дополнительной опорой для возвращения ею статуса сверхдержавы» [Комлева, с. 50–51].

С. Г. Лузянин указал на эволюцию в рамках «шанхайского процесса», выделив два этапа, качественно отличающихся друг от друга: 1996–2004 гг. — этап региональной (центральноазиатской) активности, когда на Западе ШОС всерьез не воспринимали; с 2004 г. — этап глобальной геополитической активности. Автор считает, что в основе глобализма ШОС лежит российско-китайское стратегическое партнерство, потенциал которого экстраполируется на всю организацию. Одновременно в структуре организации фактически произошла своеобразная институционализация знаменитого треугольника Россия — Индия — Китай с учетом того, что Индия стала наблюдателем [см.: Лузянин, с. 336]. Адиль Каукенов, заместитель директора Центра по изучению Китая Института мировой экономики и политики при Фонде первого президента Республики Казахстан, пишет: «ШОС стала проявлять амбиции политического актора, чьи интересы простираются за пределы коллективных и узконациональных интересов стран-участниц, а также имеют ярко выраженный геополитический характер» [Каукенов, с. 16].

Нам представляются вполне убедительными мнения данных авторов об усилении геополитических амбиций ШОС. Подтверждение этому можно найти в принятых в середине 2000-х гг. основополагающих документах ШОС, которые впервые нацелили эту организацию на решение как региональных, так и глобальных целей.

Во время визита В. В. Путина в Пекин 14–16 октября 2004 г. была подписана совместная декларация РФ и КНР, в которой, в частности, говорилось: «Развитие ШОС является приоритетным направлением внешней политики России и Китая. Стороны рассматривают ШОС в качестве важнейшего инструмента утверждения на евразийском континенте, прежде всего в Центральной Азии, мира, безопасности и сотрудничества — основных факторов будущего строительства многополярного миропорядка, основанного на международном праве» [цит. по: Меркулов, с. 441].

В принятом во время визита Плана действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2005–2008) говорилось о необходимости «укреплять уникальную роль ШОС в поддержании безопасности и стабильности в Центральной Азии, содействуя экономическому развитию региона» [Там же, с. 465]. Стороны договорились о проведении постоянных консультаций по различным вопросам, включая противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму «в двусторонних форматах и

в рамках ШОС», а также по основным направлениям деятельности ШОС [Меркулов, с. 467].

С другой стороны, Россия и Китай заявили о тесном сотрудничестве с главным координирующим антитеррористическим центром — Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН. В соглашении было подчеркнуто, что «стороны будут способствовать продолжению конструктивного сотрудничества ШОС с указанным Комитетом в вопросах антитеррора» [цит. по: Там же, с. 440].

Разработанность документов в данной области позволила Н. А. Комлевой сделать вывод о том, что для России деятельность ШОС в сфере борьбы с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом является п р и о р и т е т н о й [Комлева, с. 50].

Большая группа авторов обращает внимание на перспективность развития экономической составляющей в деятельности ШОС, учитывая, что на страны ШОС приходится сегодня примерно четверть мировых запасов и объемов добычи нефти, от трети до половины газовых ресурсов и 50 % разведанных в мире месторождений урана. А. В. Хачатуров к тому же замечает, что «экономики стран ШОС во многом взаимодополняемы, что открывает широкое поле для их торгово-экономического сотрудничества» [Хачатуров, с. 74]. И. Ф. Кефели считает, что «будущее ШОС зависит именно от способности наладить эффективное экономическое взаимодействие, в первую очередь на региональном уровне» [Кефели, с. 57]. А. В. Хачатуров даже высказывает сожаление по поводу того, что «товарооборот между странами организации в настоящее время, пожалуй, вряд ли можно назвать сверхзначительным» [Хачатуров, с. 74].

Н. А. Комлева, напротив, убеждена, что подобное положение вполне устраивает Россию, поскольку она боится экономической конкуренции со стороны КНР. По ее словам, «Россия предпочитает договариваться о свободном движении товаров, услуг, капиталов, рабочей силы лишь с отстающими от нее по экономическому развитию странами СНГ». Автор обращает внимание на то, что между Китаем и Россией нет единства во мнениях о том, насколько быстро страны-участники ШОС должны прийти к экономической интеграции. Она пишет: «Москва рассматривает экономическую интеграцию в зоне ШОС как более отдаленную цель, считая, что в настоящее время речь может идти только о субрегиональных интеграционных проектах между двумя или тремя странами с сопоставимыми экономиками. Пекин же стремится к созданию единого интеграционного пространства в рамках ШОС уже в ближайшее время» [Комлева, с. 50].

Для РФ в рамках ШОС приоритетным является развитие энергетических проектов: создание магистральных энергосетей для передачи избыточных мощностей ГЭС Киргизии и Таджикистана в другие страны Центральной и Южной Азии, модернизация и строительство газотранспортных коридоров, создание международного центра по предоставлению услуг ядерно-топливного цикла и проектированию АЭС.

С. Г. Лузянин считает, что Пекин вкладывает в проект ШОС скорее и более всего экономический смысл: «В свое время ему [Пекину] удалось убедить Москву и центральноазиатских участников, что спектр деятельности

организации должен охватывать максимально возможное количество направлений, включая экономическое, гуманитарное, интеграционное, а не только вопросы безопасности» [Лузянин, с. 335].

В связи с этим вполне справедливым представляется мнение многих экспертов о том, что ШОС постепенно эволюционирует в своего рода «энергетический клуб», формирующий энергетическую политику в Центральной Азии. Конкуренция за лидерство идет между КНР, РФ и Казахстаном, они же ведут сражение за первенство во внедрение в энергетические сети менее развитых членов ШОС.

Подводя итоги 10-летней деятельности России в ШОС, следует констатировать, что Россия до сих пор четко не определилась с тем, в каком направлении ей следует использовать потенциал этой организации. Россия своим активным участием в деятельности ШОС укрепляет свое политическое влияние в Центрально-Азиатском регионе. Имеются реальные достижения в области обеспечения национальной безопасности, прежде всего в борьбе с международным терроризмом. В то же время, как показали события, происшедшие летом 2010 г. в Киргизии, у ШОС отсутствует реальный механизм использования сил организации для поддержания порядка в регионе. Россия не форсирует процесс экономической интеграции в Центральной Азии, справедливо опасаясь экономической мощи Китая.

Что касается споров вокруг характера самой организации и основных направлений ее деятельности, то они объясняются, по нашему мнению, с одной стороны, тем, что Россия на протяжении первого десятилетия XXI столетия неоднократно меняла свои приоритеты во внешней политике в целом и в Центрально-Азиатском регионе в частности; во-вторых, тем, что аналогов ШОС как региональной интеграционной организации в мире не существует. Одно ясно, что наработанный за 10 лет существования ШОС опыт интеграции используется Россией в других региональных организациях на постсоветском пространстве.

Арсюхин Е. Без ненужного форсирования // Рос. газ. 2008. 3 марта.

Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений (1945–2008) : конспект лекций. М., 2009. 672 с.

Болятко А. В. Вопросы дальнейшего развития ШОС в области безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М., 2006.

Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М., 2007. 751 с.

Гуан Пан. Шанхайская организация сотрудничества в контексте международной антитеррористической кампании // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 3 (27). С. 16.

Гуанчэн Син. Шанхайская организация сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 4. С. 13.

Дугин А. Г. ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС как инструменты создания нового мироустройства // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3, Обществ. науки. 2010. № 3 (80). С. 53–56.

Жирнов Д. А. Новая архитектура международной стабильности в контексте внешнеполитических инициатив России и Китая // Десять лет внешней политики России : материалы Первого конвента РАМИ. М., 2003. С. 499–506.

- Казакпаев М.* Проблемы и перспективы членства Кыргызстана в ШОС: военно-политический аспект // ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии. Алматы, 2005.
- Каукенов А.* Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51).
- Кефели И. Ф.* Пространство ШОС — пространство содружества // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3, Обществ. науки. 2010. № 3 (80). С. 57–62.
- Ковтуненко М. Ю.* Перспективы сотрудничества России в сфере безопасности в Центрально-Азиатском регионе в рамках международных структур и на двусторонней основе // Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М., 2006.
- Комлева Н. А.* Шанхайская организация сотрудничества — поиск глобального равновесия // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3, Обществ. науки. 2010. № 3 (80). С. 44–53.
- Косов Ю. В., Торопыгин А. В.* Содружество Независимых Государств : институты, интеграционные процессы, конфликты. М., 2009. 224 с.
- Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004 — 2008 гг.). М., 2007. 448 с.
- Меркулов В. И.* Россия — АТР: узел интересов. М., 2005. 496 с.
- Никитина Ю. А.* ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009. 200 с.
- Нургалиев М.* Перспективы Японии в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1 (61). С. 109.
- Султанов Б. К.* [Приветственное слово] // ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии. Алматы, 2005.
- Сыроежкин К.* ГУАМ — ШОС: сравнительный анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3/4 (57/58). С. 14.
- Трофимов Д.* Шанхайский процесс — от «пятерки» к «организации сотрудничества»: итоги 1990-х, проблемы и перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 2 (20). С. 151.
- Хачатуров А. В.* Шанхайская организация сотрудничества: перспективы развития // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3, Обществ. науки. 2010. № 3 (80). С. 71–79.
- Хуашэн Чан.* Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества // Московский Центр Карнеги : рабочие материалы. 2005. № 5. С. 21.

Статья поступила в редакцию 22.06.2011 г.

УДК 342.211(575) + 342.25 + 343.213.3(575)

Е. В. Тиханова

РАЙОНИРОВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Освещаются проблемы формирования административно-территориальных границ на основе экономического районирования, реализуемые в ходе формирования советской федерации в период 1920-х гг. Показаны предпосылки и процессы национально-государственного (этнополитического) размежевания республик Средней Азии, входящие в конфликт с реализуемыми принципами формирования новых административно-территориальных звеньев на основе экономического районирования. Показана логика административных преобразований на территории Средней Азии с 1917 по начало 1930-х гг.

Ключевые слова: национально-государственное строительство; национальная автономия; административно-территориальное деление; административные границы; районирование; территориальные разногласия.

Предпосылки территориальных преобразований в Средней Азии

До событий Февраля 1917 г. сильных сепаратистских движений, имевших массовую поддержку в азиатской части Российской империи, не было. Именно Февральская революция 1917 г. подтолкнула, развязала, в неожиданно высокой мере усилила национальные движения на территории Средней Азии.

В это время региональными политическими группировками были выдвинуты требования национальной автономии. Мусульманское движение, весьма умеренное по своим требованиям, сформировавшись в 1905 г. в основном в виде «ориентированного на концепции пантюркизма Союза мусульман России («Иттифак»)» [см. об этом: Каппелер, с. 266.], в мае 1917 г. на Первом всероссийском конгрессе мусульман высказалось за самоопределение мусульманских народов на основе национально-культурной автономии. Постепенно мусульманские движения радикализировались, требуя национально-территориальной автономии в составе России. В июле 1917 г. I съезд Союзов трудящихся мусульман Ферганской области высказался за автономию Туркестанского края и отметил «необходимость введения в России федеративной республики, построенной на демократических началах, с предоставлением Туркестану культурного и политического самоопределения в составе федерации» [Прилуцкий, с. 23]. После созыва в апреле 1917 г. в Оренбурге съезда казахов была создана политическая партия «Алаш Орда», которая добивалась национальной автономии и в конце 1917 г. продекларировала государственную независимость. Уже после захвата власти большевиками в ноябре — декабре 1917 г. Временное мусульманское правительство и I Чрезвычайный съезд народов Туркестана объявили о создании Кокандской автономии, действующей по законам шариата. Было заявлено о провозглашении национальной независимости Туркестана и выходе из состава России.

Отклоненные Временным правительством автономистские требования, подрывавшие территориальную целостность страны, были поддержаны в октябре 1917 г. большевистским руководством для решения своей тактической политической задачи — установления диктатуры пролетариата.

В отношении мусульман России, киргизов и сартов Сибири и Туркестана «объявлялись свободными и неприкосновенными... верования и обычаи, национальные и культурные учреждения», провозглашалось право на «свободное и беспрепятственное» устройство своей национальной жизни. В обращении к Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбургa, Совнаркому Туркестанского края и другим в апреле 1918 г. предлагалось создавать автономные органы государственной власти и управления, организовывать местные школы, местные суды, местную администрацию, местные органы власти, местные общественные, политические и просветительские учреждения с гарантией полноты прав местного родного для трудящихся масс края языка во всех сферах общественно-политической работы.

В чрезвычайных условиях гражданской войны предоставление права свободного самоопределения народам Средней Азии позволяло подчинить стихию национализма влиянию большевистской партии, обеспечить политическую лояльность со стороны влиятельных местных национальных движений, использовать их революционный потенциал в борьбе с белыми и интервентами. Соединение националистических требований с социально-экономическими интересами регионов, «самоопределившихся» в рамках единой Советской Федерации, должно было нейтрализовать и ликвидировать политические основания сепаратизма, способствовать воссоединению распавшейся страны.

Другим направлением советских административно-территориальных преобразований на территориях Средней Азии было формирование новых границ губерний, уездов и волостей, перемещение их центров, т. е. приспособление прежней системы к новым задачам. Проводимые мероприятия имели целью подавление национал-сепаратизма, установление политического контроля советской власти над обширными территориями.

Национально-политическое и административное деление Средней Азии до 1924 г.

После декларирования советским правительством возможности создания национальных органов государственной власти, управления своими внутренними делами, возможности иметь определенную территорию, будучи в системе единого социалистического государства, в период 1918—1920 гг. были образованы две автономные республики — Туркестанская и Киргизская (Казахская) советские социалистические республики в составе РСФСР.

Туркестанская автономная советская социалистическая республика (ТАССР) была провозглашена в Ташкенте 30 апреля 1918 г. Пятым Всетуркестанским съездом Советов и явилась первым советским государственным образованием Средней Азии (после разгрома Красной армией в феврале 1918 г. войск Кокандской автономии). Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 г. была

образована Киргизская (Казахская) АССР в границах Оренбургского и Западно-Сибирского (Степного) генерал-губернаторств.

Правовое положение и взаимоотношения автономий с РСФСР регулировались конституциями РСФСР и АССР, декретами, постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР об образовании автономных республик, положениями о деятельности наркоматов РСФСР и АССР и другими законодательными актами. По Конституции РСФСР 1918 г. верховная власть во всех автономных республиках как субъектах РСФСР принадлежала Всероссийскому съезду Советов, а в период между съездами — ЦИК РСФСР; СНК поручалось общее управление. На местах органами советской власти были съезды Советов, в период между ними — исполнительные комитеты, Советы, избранные ими исполнительные органы.

В 1920 г. на части территории Средней Азии выделились два национально-государственных формирования — Бухарская и Хорезмская народные советские республики (в границах Бухарского эмирата и Хивинского ханства)¹. До 1924 г. эти республики не являлись социалистическими и не входили в состав РСФСР, но имели с ней договорные отношения. В союзных договорах и экономических соглашениях, заключенных между РСФСР и Хорезмской и Бухарской народными советскими республиками в Москве в 1920—1921 гг., Россия безоговорочно признавала «полную самостоятельность и независимость Хорезмской и Бухарской республик в прежних границах, аннулируя все предыдущие договоры и соглашения между Российской империей и ханствами. Республики обязывались оказывать друг другу взаимную поддержку. Безвозмездно передавались республикам земли, фабрики, заводы и другое недвижимое имущество, принадлежавшие РСФСР; также было заявлено об оказании помощи в восстановлении и развитии их экономики.

Советское руководство подчеркивало, что не препятствует выделению мусульманских племен в отдельные государственные советские формирования», но выступает против их полного отделения от Советской России. Акцент делался на то, что в условиях угрозы западного империализма и стремления мусульманской национальной буржуазии и мусульманских мулл к захвату власти республики советского Востока не могут существовать без тесного военного и экономического объединения с РСФСР.

Административное деление Киргизии и Туркестана

На территориях Киргизии (Казахстана) и Туркестана сохранялось прежнее губернско-областное деление Российской империи, введенное во второй половине XIX в. До середины 1920-х гг. границы автономий оставались подвижными: происходило изменение сети губерний, уездов и волостей путем выделения новых административно-территориальных единиц, перемещения их центров,

¹ До революции Хивинское ханство и Бухарский эмират имели договоры о покровительстве с Российской империей (политика протектората). В обмен на покровительство России передавались права внешних сношений и военной защиты этих территорий. Русские купцы получали права на льготную торговлю. Административно-территориальное деление сохранялось в традиционном виде.

исправления границ. Начальная административно-территориальная реорганизация, проводившаяся после их образования, предполагала установление и уточнение границ входивших в них местностей. Все территориальные вопросы (образование новых автономий, изменения их границ, спорные территории) разрешались верховными органами РСФСР.

Туркестанская АССР была образована как многонациональная советская автономия на территории Западного (Русского) Туркестана (в границах Туркестанского генерал-губернаторства) в составе Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей. В апреле 1921 г. согласно Декрету ВЦИК «Об образовании Туркестанской ССР» республика была объявлена «автономною частью РСФСР» в составе Сырдарьинской, Семиреченской², Ферганской, Самаркандской, Закаспийской областей и Амударьинского отдела.

26 августа 1920 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Автономной Киргизской ССР» была образована Киргизская (Казахская) республика в составе РСФСР. В ее состав были включены в прежних административных границах области Степного генерал-губернаторства³: Семипалатинская (уезды Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменногорский, Зайсанский, Каркаралинский), Акмолинская (Атбасарский, Акмолинский, Кокчетавский, Петропавловский и часть Омского уезда), Тургайская (Кустанайский, Актюбинский, Иргизский и Тургайский), Уральская (Уральский, Лбищенский, Тамирский и Гурьевский уезды). В состав республики вошли также Мангышлакский уезд и две волости Адаевские Красноводского уезда Закаспийской (Туркменской) области Туркестанской АССР. Из Астраханской губернии РСФСР были выделены Букеевская Орда⁴, волость Синеморская и территории бывших казенных оброчных земель, прилегающие к 1-му и 2-му Приморским округам. Береговая полоса и волости Сафроновская, Ганюшкинская и Николаевская оставлены в хозяйственном подчинении Астраханского губисполкома, а во всех остальных отношениях перешли в подчинение Киргизского революционного комитета [Декрет ВЦИК и СНК..., с. 144–145].

В октябре 1920 г. в состав Киргизской (Казахской) АССР были включены г. Оренбург и районы Оренбургской губернии: Оренбургско-Покровский, Орский, Краснохолмский, Илецкий, Шарлыкский, Исаево-Дедовский и Петровский. Оренбург, «являвшийся крупным экономическим центром Южного Урала, населенный преимущественно русскими, был введен в состав Киргизии как опорный центр проведения здесь социалистических преобразований» [Историческая география, с. 268].

² Семиреченская и Сырдарьинская области, образованные в 1867 г., с 90-х гг. XIX в. входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

³ Акмолинская (вместо Омской), Семипалатинская, Тургайская и Уральская области были образованы на территории Киргизской степи в 1868 г. по Временному положению об управлении Степными областями в результате разделения «областей оренбургских киргиз», существовавшей с 1824 г. В 1882 г. эти области вошли в состав учрежденного Степного генерал-губернаторства (вместо Западно-Сибирского). Области отличались от губерний тем, что на их территории находились постоянные и регулярные войска (казаки).

⁴ Киргизская Внутренняя (Букеевская) Орда была выделена из Астраханской губернии в июле 1917 г. на правах отдельной губернии.

Наряду с созданием новых национальных образований в Средней Азии в районах Урала и Сибири, сопредельных национальным казахским территориям, происходил интенсивный процесс разукрупнения старых губерний. Несоответствие старого деления новым политическим и социально-экономическим условиям чувствовалось очень остро.

В сентябре 1920 г. Кустанайский уезд Челябинской губернии был передан в состав вновь образованной Киргизской республики и включен в ноябре 1920 г. в состав Оренбурго-Тургайской губернии КАССР. Еще до образования этой республики, в июле 1920 г., по постановлению Киргизского ревкома и Оренбургского губисполкома территории южноуральской Оренбургской губернии были объединены со степной Тургайской областью в Оренбурго-Тургайскую губернию, просуществовавшую до середины 1921 г. уже в составе Киргизской АССР. Некоторые части Тургайской области вошли в Оренбургскую губернию уже в июне 1920 г.: приказом Киргизского комиссариата внутренних дел от 26 июня 1920 г. Адамовский и Можаровский районы Тургайской области были переведены в подчинение Орского райисполкома Оренбургской губернии.

Образование и уточнение границ Киргизской автономии повлекло за собой территориальные изменения в составе сибирских губерний. В июне 1921 г. часть территории Алтайской губернии «как экономически тяготеющая к Казахстану и в значительной мере населенная казахским населением была передана в состав Семипалатинской губернии КАССР» [Справочник по административно-территориальному делению Казахстана, с. 17]. Бухтарминский край (8 волостей) Змеиногорского уезда Алтайской губернии, переданный в Семипалатинскую губернию, составил Бухтарминский уезд этой губернии. Волости Змеиногорского уезда Алтайской губернии были включены в состав Усть-Каменогорского и Семипалатинского уездов Семипалатинской губернии. В ноябре 1921 г. Угловская, Лаптевская, Локтевская, Алексеевская волости были переданы обратно в состав Змеиногорского уезда Алтайской губернии.

1 октября 1921 г. пятнадцать волостей были переданы из Омского уезда Омской губернии в Киргизскую АССР при установлении границ между Киргизией и Сибирью. В 1921—1922 гг. из Тюменской губернии (до августа 1919 г. — Тобольской) в состав Петропавловского уезда Акмолинской губернии Киргизской республики отошли Бугровская, Сумская, Красноярская, Калобинская, Соколовская и Беловская волости Ишимского уезда⁵.

В августе 1920 г. части Астраханской губернии — Букеевская орда, волость Синеморская и территории бывших казенных оброчных земель, прилегающие к 1-му и 2-му Приморским округам, береговая полоса и волости Сафроновская, Ганюшкинская и Николаевская — образовали Букеевскую губернию КАССР⁶. В конце 1921 г. некоторая часть Волго-Каспийской Киргизии (Крас-

⁵ В апреле 1920 г. Челябинская и Тюменская губернии с Ишимским уездом (входил с 1919 г. в Омскую губернию) были изъяты из ведения Сибирского ревкома. В ноябре 1923 г. Тюменская губерния с Ишимским, Курганским, Тобольским и Тюменским уездами вошла в состав образованной Уральской области.

⁶ Упразднена в июне 1925 г. с включением территорий в состав Уральской губернии КАССР.

ноярский и Енигаевский уезды), экономически тяготеющая к Астраханской губернии, отошла к последней.

Постановлением Киргизского ЦИК от 20 августа 1920 г. из территорий Мангышлакского уезда Закаспийской области, адаевских волостей Красноводского уезда этой же области, двух волостей Гурьевского уезда и десяти волостей Темирского уезда Уральской губернии КАССР был сформирован Адаевский уезд с центром в г. Уил на правах самостоятельной административной единицы с непосредственным подчинением Киргизской республике. В конце 1921 г. небольшая часть Адаевского уезда отошла к Красноводскому уезду Закаспийской области Туркестанской республики. До проведения национально-государственного размежевания Средней Азии 1924 г. граница между КАССР и Туркестанской АССР проходила по Адаевскому уезду.

Национально-государственное размежевание Средней Азии 1924 г.

Вопрос о национально-государственном размежевании Средней Азии начал обсуждаться в партийных и советских организациях Туркестана уже в 1920 г. В конце 1919 г. была выдвинута идея Тюркской республики РСФСР, «призванной отстаивать исторические, экономические и бытовые интересы тюркских народностей края, стать объединительным центром всех тюрков, в том числе проживающих за пределами РСФСР» [Прилуцкий, с. 26]. Проект Туркестанской республики был отвергнут центром; была поддержана линия, проводимая туркестанскими коммунистами при непосредственной помощи Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР.

Осуществить размежевание Средней Азии в рамках только Туркестанской АССР было невозможно: Бухарская и Хорезмская республики социалистическими не являлись; в 1920 г. на территории этих республик была установлена советская власть, но до 1924 г. были сильны националистические настроения, велась борьба с басмачеством. Поэтому Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, которая вела революционную деятельность на территории Бухары и Хорезма, рассмотрев вопрос о национально-государственном размежевании в рамках Туркестанской АССР, признала такую меру преждевременной. Члены комиссии В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе в июне 1920 г. указывали, что «немедленное разделение Туркестана на ряд отдельных национальных республик внесет во всю работу в Туркестане хаос и несомненно будет на руку националистическим элементам, что политическое положение диктует необходимость сохранения на время единой Туркестанской республики» [цит. по: Турсунов, с. 6]. В 1920—1921 гг. союзными договорами РСФСР с Хорезмской и Бухарской республиками предусматривалось создание смешанных комиссий с равным числом представителей с обеих сторон для проведения государственной границы; эти комиссии должны были провести государственную границу между договаривающимися сторонами, установив «пограничные знаки». Подчеркивалось, что при установлении границы комиссии должны руководствоваться национальными и экономическими признаками, придерживаясь по возможности естественных рубежей, причем населенные пунк-

ты должны входить целиком в состав одного государства. В тех случаях, когда граница проходит по озерам, рекам и каналам, она проводится по середине этих водных пространств.

Новые республики Средней Азии являлись многонациональными. Узбеки населяли в Туркестанской АССР Ферганскую и Самаркандскую области, Ташкентский и Мирзачульский уезды Сырдарьинской области. Отдельные группы узбеков проживали в некоторых районах Чимкентского и Туркестанского уездов той же области; в Бухарской республике они жили в Байсунском, Бухарском, Гузарском, Каршинском, Керменинском, Нур-Атинском, Шахрисябском, Ширабадском и Сары-Ассийском вилайетах, в Хорезмской республике — в Новоургенчской области и в районе г. Хива.

Туркмены массово проживали в Туркменской области ТуркАССР, на юге Бухарской республики (Чарджуйская область), в южной и юго-западной частях (Туркменская и Ташаузская области) Хорезмской республики.

Основная масса таджиков была сосредоточена в восточной части Бухарской республики. Они составляли большинство населения в Ходжентском уезде Самаркандской области. Таджиким жили в некоторых районах Самаркандского уезда той же области, а также в ряде районов Ферганской области Туркестанской АССР (Памир, Канибадам, Исфара и др.) и центральной Бухары.

Киргизы занимали в Туркестанской АССР территорию Каракольского (Пржевальского), Пишпекского, Нарынского уездов Семиреченской (Джетысуйской) области, части Аулие-Атинского уезда Сырдарьинской области и некоторые районы Ферганской области (Ошский уезд, Джалалабадская волость Андижанского уезда и др.).

Каракалпаки проживали компактно в Амударьинской области Туркестанской АССР и северо-восточных районах Хорезмской республики. Отдельные группы каракалпаков были расселены также в некоторых районах Ферганской области.

Значительное количество казахов занимало северную, северо-западную и северо-восточную части Туркестанской АССР: Алма-Атинский, Джаркентский, Лепсинский, Талды-Курганский уезды Семиреченской (Джетысуйской) области и Ак-Мечетский, Аулие-Атинский, Казалинский, Туркестанский и Чимкентский уезды Сырдарьинской области. Казахи проживали также в некоторых районах Ташкентского и Мирзачульского уездов.

Еще до национального размежевания 1924 г. были образованы Таджикская и Туркменская области в Бухарской республике, Туркменская область в Туркестанской АССР, было проведено административное разделение Хорезмской республики и созданы области с преобладанием в каждой из них той или другой национальности — туркмен, узбеков, каракалпаков. Проведение размежевания Средней Азии должно было решить задачу объединения узбекских, туркменских, киргизских, каракалпакских, казахских земель в соответствующие советские национальные государственные образования.

Во время предварительного обсуждения проблемы национально-государственного строительства на местах выдвигались различные предложения по поводу проведения национального размежевания. Группой ферганских работ-

ников — делегатами XII съезда Советов Туркестанской АССР — выдвигалась идея о необходимости выделения особой автономной области Ферганы с непосредственным подчинением РСФСР. На объединенном совещании ЦК компартии Туркестана и президиума ТуркЦИК совместно с партийными и советскими работниками Ташкента (10 марта 1924 г.) высказывались различные мнения, в том числе и доказывающие невозможность размежевания Средней Азии на отдельные республики по национальному признаку, поскольку нации еще не сформировались. Некоторые высказывались против объединения казахских районов Туркестана с существовавшей с 1920 г. Киргизской (Казахской) АССР, мотивируя свою позицию тем, что у «последней получится слишком большая территория». Были выступления против национального размежевания с позиций пантюркизма. Руководство Хорезмской республики, сперва одобрив проведение размежевания Хорезма по национальному признаку, в мае 1924 г. высказалось резко против и поставило вопрос о включении в состав республики Амударьинской области Туркестанской АССР.

Политбюро ЦК РКП(б) 5 апреля 1924 г. рассмотрело в предварительном порядке предложения о размежевании Туркестана, Бухары и Хорезма, отложив решение вопроса на конец мая 1924 г. Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) должно было подготовить и представить на рассмотрение членов Политбюро ЦК РКП(б) свои соображения об образовании национальных республик Средней Азии, а также все необходимые материалы, включая карты с предварительными наметками территории и границ национальных республик Средней Азии по плану национального размежевания.

С целью реализации этого плана размежевания по заданию президиума Среднеазиатского экономического совета (образован в 1923 г. в Ташкенте) была создана Комиссия по районированию Средней Азии. Этой комиссией были собраны сведения для административного, экономического и национального районирования вновь образуемых республик Средней Азии и Казахстана. Особенно сложным явилось разрешение территориальных вопросов. Центральной комиссии и национальным подкомиссиям (бюро) по национальному размежеванию приходилось наряду с использованием опубликованных официальных, но далеко не полных статистических, этнографических материалов проводить экспедиционное изучение национального состава ряда районов и с учетом пожеланий местного населения решать вопросы о включении отдельных районов в ту или иную республику. Комиссией по районированию Средней Азии в ходе экспедиций 1924—1925 гг. впервые была составлена и опубликована этнографическая карта бывшей республики Бухары.

11 мая 1924 г. Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) сочло необходимым образовать Узбекскую и Туркменскую республики на правах независимых советских социалистических республик и Каракиргизскую автономную область, оставив открытым вопрос о том, в состав какой республики Каракиргизская автономия войдет. Решено было включить казахов, населявших Туркестанскую республику, в существовавшую Киргизскую (Казахскую) АССР.

12 июня 1924 г., рассмотрев проект Постановления о национальном размежевании, разработанный специально образованной комиссией Средазбюро ЦК

РКП(б), Политбюро ЦК РКП(б) приняло Постановление о национальном размежевании республик Средней Азии.

В октябре 1923 г. Четвертый Всехорезмский курултай провозгласил преобразование Хорезмской республики в социалистическую и заявил о ее желании войти в состав СССР. В сентябре 1924 г. аналогичное решение принял съезд народных представителей Бухарской народной советской республики. 19 сентября 1924 Пятый Всебухарский, а 29 сентября 1924 г. Пятый Всехорезмский курултай Советов выразили «верховную волю народов Бухары — узбек и таджиков — о создании ими совместно с узбеками Туркестана и Хорезма Узбекской ССР, частью которой является автономная область таджиков и братское соглашение на вхождение туркменского народа Бухары в состав Туркменской ССР». Третьей Чрезвычайной сессией ЦИК Туркестанской АССР 15 сентября 1924 г. был принят Закон о проведении национально-государственного размежевания Туркестанской АССР. В соответствии с Конституцией РСФСР это решение было утверждено II сессией ВЦИК 11-го созыва (14 октября 1924). XII Всероссийский съезд Советов специальным постановлением от 11 мая 1925 г. одобрил решение II сессии ВЦИК, подтвердив «объединение частей территории Туркестана, населенных киргизами, с Киргизской автономной социалистической советской республикой» [Собрание узаконений и распоряжений..., № 31, с. 411–412].

В результате на территориях Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской социалистических советских республик были образованы Узбекская и Туркменская советские социалистические республики (27 октября 1924), вошедшие в состав СССР, а также Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, Каракалпакская автономная область в составе Киргизской (Казахской) АССР и Каракиргизская автономная область в составе РСФСР. Позже по решению Президиума ЦИК СССР от 2 января 1925 г. в состав Таджикской АССР была включена территория Памира, на которой в 1929 г. образована Горно-Бадахшанская автономная область.

Несмотря на титаническую работу Комиссии по районированию Средней Азии, разделить этот полиэтничный регион по этническому принципу, «провести какую-либо разграничительную черту было положительно невозможно» [Олимова, с. 17]. Острота проблемы была снята единственно тем, что разделение было «не совсем настоящим»: границы между новыми республиками, вошедшими в СССР, носили административный характер; устанавливались верховными органами государства.

• Узбекская ССР была сформирована из наиболее развитых в социально-экономическом отношении районов Средней Азии: из частей Самаркандской области Туркестанской АССР — четырнадцати волостей Джизакского уезда, Катта-Курганского уезда полностью, двадцати волостей Самаркандского уезда, семи волостей Ходженского уезда; Сырдарьинской области Туркестанской АССР — семнадцати волостей Ташкентского уезда, семи волостей Мирзачульского уезда; Ферганской области Туркестана — тринадцати волостей Андиганского уезда, двадцати одной волости Кокандского уезда, девятнадцати волостей Наманганского уезда, двух волостей Ошского уезда, пятнадцати волостей Ферганского уезда.

Из Бухарской республики в состав УзССР вошли следующие традиционные административные единицы: вилаеты Байсунский, Бухарский, Гузарский, Каршинский, Кермининский, Нур-Атинский, Ширабадский, Сары-Ассиазский, Шахризьябский.

Узбская ССР включила территории Хорезмской республики — шуро (районы) — Ак-Дербент, Астана, Беш-Арык, Газават, Гаджа, Гурлен, Караман, Кинчак, Княш-Кунграт, Кыыч-Бай, Кош-Купыр, Кук-Чага, Кят, Манак, Мангыт, Питняк, Ургенч, Хазарасп, Ханки, Хива, Хтай, Шавад, Янги-Арык.

В результате размежевания в составе Узбекской ССР на правах автономной была образована Таджикская ССР. Она включила в себя территории южной части Бухары, части Самаркандской и Ферганской областей Туркестанской АССР. Из Самаркандской области — семь волостей Самаркандского уезда, пять волостей Ходженского уезда и Памирский район Ферганской области полностью. Из Бухарской республики в состав Таджикской АССР были включены вилаеты Гармский, Дюшамбинский, Кулябский, Курган-Тюбинский, Сары-Ассиазский.

В 1929 г. Таджикская АССР была преобразована в Таджикскую ССР, в ее составе на территории Памира сформирована Горно-Бадахшанская автономная область с центром в г. Хорог.

- В Туркменскую ССР из Туркестанской АССР вошла территория Туркменской (бывшей Закаспийской) области в числе Полторацкого, Мервского, Тедженского и Красноводского уездов. Из Хорезмской республики — Ташаузский округ; из Бухарской республики — Чарджуйский, Керкинский округа и Калифский туман Ширабадского вилаята (постановление Ревкома Туркменской ССР от 4 декабря 1924 г.).

- Кара-Киргизская автономная область РСФСР была образована из частей Семиреченской (Джетысуйской) и Сырдарьинской областей Туркестана (постановление Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г.). Из Семиреченской области в Кара-Киргизскую АО вошли Каракольский (Пржевальский), Нарынский уезды и часть Пишпекского; из Сырдарьинской — горная часть Аулие-Атинского уезда; из Ферганской области Туркестана — части Андижанского, Наманганского, Ферганского, Кокандского и Ошского уездов. В мае 1925 г. Кара-Киргизская автономная область была переименована в Киргизскую автономную область, а в 1926 г. — преобразована в Киргизскую АССР. С 1936 г. Киргизская АССР непосредственно вошла в состав СССР.

- Территория Киргизской (с 15 июня 1925 г. — Казахской) АССР значительно расширилась, существенно изменились ее южные границы. В состав Киргизской (Казахской) АССР были включены новые южные районы: часть Сырдарьинской области Туркестанской АССР в составе Ак-Мечетского, Казалинского, Туркестанского, Чимкентского уездов полностью, части Аулие-Атинского уезда в составе 24 волостей, части Ташкентского уезда в составе девяти волостей, одной волости Мирзачульского уезда. В КАСР вошла часть Джетысуйской (Семиреченской) области в числе Алма-Атинского, Джаркентского, Лепсинского, Талды-Курганского и части Пишпекского уездов, а также часть Самаркандской области (шесть волостей Джизакского уезда).

В 1925 г. в границах КАССР была образована Каракалпакская автономная область с центром в г. Турткуль, которая включила в себя Чимбайский уезд Амударьинской области Туркестанской АССР и часть Хорезмской республики. В 1930 г. Каракалпакская автономная область была выделена из состава Казахской АССР и вошла непосредственно в состав РСФСР. В марте 1932 г. Каракалпакская автономная область была преобразована в Каракалпакскую АССР, а в 1936 г. включена в Узбекскую ССР. В 1936 г. Казахская АССР вошла непосредственно в состав СССР.

При определении территории и границ советских национальных республик и автономных областей Средней Азии национальный признак являлся одним из важнейших исходных моментов. Национальный момент диктовал первоочередное установление этнических рубежей на основе этностатического обследования соответствующих районов с последующим учетом экономического, территориального и иных факторов.

В 1924 г. были установлены внешние административные границы республик Средней Азии; затем начался сложный процесс уточнения республиканских границ и изменения внутреннего районирования. Принципы нового районирования на экономической основе лишь частично учитывались при проведении национально-государственного размежевания.

Работы по оформлению нового районирования и налаживанию советского аппарата были продолжительными и сопровождались большими сложностями в ходе реализации нового административного деления. Например, в Киргизской автономной области на 1925–1926 гг. не было известно число аульных и сельских советов, поскольку не имелось даже списка населенных мест. Все работы по выяснению наличия и оформлению сети административных единиц в национальных республиках проводились комиссиями по районированию экспедиционным путем — выездом на места специально обученных инструкторов.

В результате к 1926 г. был составлен проект выделения русских волостей на территории Киргизской автономной области, предусматривающий объединение расположенных чересполосно русских поселков; предполагалось выделить узбекский Ошский район (г. Ош и его волость). В августе 1925 г. узбекской комиссией по районированию был составлен проект нового административно-хозяйственного деления республики, разосланный для отзыва по областям и вызвавший серьезные возражения.

Территориальные разногласия в ходе районирования Средней Азии

Процесс внутренних территориальных размежеваний национальных республик Средней Азии и Казахстана сопровождался массой разногласий. Руководством Таджикской АССР были предъявлены претензии на земли с преобладанием таджикского населения (Ходжент, Бухара, Самарканд, Денау, Сары-Ассия), вошедшие в состав Узбекской ССР. Использовалось открытое недовольство таджиков Узбекистана политикой тюркизации, проводимой в этой республике. Весной 1929 г. после длительных переговоров было принято решение о передаче Таджикистану Ходжентского округа Узбекской

АССР. В ходе административных преобразований возникли территориальные разногласия между Узбекской ССР и Казахской АССР из-за спорного Ташкентского уезда бывшей Сырдарьинской области Туркестана, который в результате размежевания был разделен между КАССР и Узбекской республикой. В состав УзССР отошло семнадцать волостей; большая же часть уезда досталась КАССР. В процессе урегулирования территориальных разногласий части Зангиатинской и Булатовской волостей, а также целиком Ниязбекская волость Ташкентского уезда в 1925 г. были переданы в состав УзССР (Постановление ЦИК СССР от 5 июня 1925 г.). Узбекской республике были оставлены также пастбищные угодья Уртукай и Бетегалы-койтош; экономические центры — селения Варзык и Заркент, железнодорожная станция Уч-Курган, селение Уч-Курган Аувальской волости; селения Вуадиль и Чимион, волости, расположенные в восточной части Ферганы, а также угольные копи поселения Сулюкты Боксаисфанейской волости Ташкентского уезда. В 1926—1927 гг. проводилось урегулирование территориальных споров Узбекской ССР с Киргизской АССР (бывшей Кара-Киргизской автономной областью). Сельские общества Ак-Курган и Баястан Джалалабадского округа КирАССР, левобережная часть Аимской и Араванская волости этого же округа были выделены из состава РСФСР и присоединены к Узбекской республике.

Экономическая целесообразность размежевания Средней Азии отсутствовала. Напротив, именно попытки изменения «сверху» по этнополитическому принципу территориальной организации разрушали устоявшиеся торгово-экономические взаимосвязи этого региона. Это и являлось причиной территориальных разногласий.

Национальное размежевание и административно-территориальные реформы РСФСР

Размежевание Средней Азии, увеличив территорию Киргизской (Казахской) АССР за счет Сырдарьинской и Жетысуйской областей Туркестана, внесло коррективы в процесс административно-территориальных преобразований на Южном Урале. В июле 1925 г., «в связи с выездом правительства Казахской АССР из города Оренбурга в новую столицу республики — город Кызыл-Орда» (Постановления ЦИК СССР об урегулировании пограничных споров между РСФСР и Узбекской ССР от 10 сентября и 10 декабря 1926 г.; 4 мая 1927 г.; Постановление ВЦИК от 6 декабря 1926 г. [см.: Собрание узаконений..., с. 314]. Оренбургская губерния в прежних границах была выделена из состава Казахской республики и подчинена непосредственно центральным органам РСФСР.

Выделившаяся в 1925 г. обратно в состав РСФСР Оренбургская губерния потребовала изменения своих границ в сторону расширения за счет частей Казахстана. Уральская область, сформированная в 1923 г. в рамках экспериментального экономического районирования, также претендовала на части территорий Казахстана, экономически тяготеющие к Уралу. Это усложняло и замедляло и без того непростую ситуацию с административно-территориальной реформой.

Уральская область с центром в Екатеринбурге, объединившая территории Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний, на юге и

юго-востоке получила внешнюю границу с КАССР в районах Троицкого уезда Челябинской губернии и Ишимского уезда Тюменской губернии. С 1923 г. Уралобласть претендовала на расширение своих территорий путем административного присоединения частей Кустанайской, Оренбургской и Акмолинской губерний КАССР. С 1925 г. Оренбургская губерния вмешалась в спор Уралобласти и КАССР за территории Кустанайской губернии, заявив, кроме того, претензии на части Актюбинской и Уральской губерний КАССР, Троицкого округа Уралобласти, Башкирской АССР и Самарской губернии. Изменений административной границы Уральской области в юго-восточной части, т. е. за счет Казахстана, в ходе районирования области проведено не было.

Территориальные претензии Оренбургской губернии к Казахской автономии были частично удовлетворены путем передачи в ноябре 1926 г. в состав Оренбургского уезда Оренбургской губернии Ташлинской и Илекской (с г. Илеком) волостей Уральской губернии КАССР. Также существовали территориальные вопросы между КАССР и Сибирью, которые были разрешены до образования Сибкрая в 1925 г. путем передачи Коростельской степи и тринадцати селений Рубцовского уезда Алтайской губернии в состав Семипалатинской губернии КАССР.

Центр лавировал между территориальными национально-политическими интересами автономий и требованиями областей, принимая то одну, то другую сторону в приграничных спорах. Это усугубляло запутанную ситуацию в приграничном вопросе, несмотря на то, что в 1926 г. регионы настойчиво требовали ускорения в разрешении спорных ситуаций по границам с Казахстаном. Киргизское (казахское) национальное представительство резко противодействовало урезанию территорий республики, вынуждая центр оттягивать окончательное формирование административно-хозяйственных областей. В итоге к началу 1930-х гг. административно-территориальные границы Казахстана сохранялись без изменений.

В начале 1930-х гг. процесс административно-территориального районирования и территориального оформления республик и областей Средней Азии был ускоренно завершён путем установления жесткого государственного контроля над всей территорией макрорегиона для реализации плана социалистической реконструкции народного хозяйства, предусматривавшего жесткую мобилизацию всех ресурсов в рамках общесоюзного народно-хозяйственного плана. Перспективное народно-хозяйственное планирование потребовало завершения работ по формированию новых районов и приведения к единообразию административно-территориальной системы для организации эффективного взаимодействия восточных районов в рамках курса на форсированное индустриальное развитие (Урало-Кузнецкий проект). Мероприятия по ликвидации округов и разукрупнению областей первой половины 1930-х гг. позволили разрешить в административном порядке существовавшие территориальные проблемы, сделав приоритетными не региональные, а общегосударственные экономические интересы. К середине 1930-х гг. в Средней Азии в основном завершилось формирование административно-территориальных границ.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании автономной Киргизской ССР» от 26 августа 1920 г. // Советское содружество народов : сб. док. (1917–1922). М., 1972.

Историческая география СССР / В. З. Дробижев и др. М., 1973.

Капелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997.

Олимова С. Национальные государства и этнические территории // Многомерные границы Центральной Азии. М., 2000.

Прилуцкий Е. А. Некоторые вопросы формирования советской национальной государственности в Туркестане // *Общественные науки в Узбекистане*, 1990. № 6.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1925. Отд. 1. № 31. Ст. 222; № 49. Ст. 377.

Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 — декабрь 1936). Алма-Ата, 1959.

Турсунов Х. Т. О национально-государственном размежевании Средней Азии. Ташкент, 1957.

Статья поступила в редакцию 01.07.2011 г.

УДК 339.9(57) + 342.1 + 339.564 + 339.562

В. П. Тимошенко

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В ОЦЕНКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭКСПЕРТОВ (1960–1980-е)

Рассматриваются внешнеэкономические факторы освоения Азиатской России в период позднесоветской модернизации. Колоссальные масштабы сибирских проектов, хотя и не принесшие ожидаемых результатов, оказали сильное влияние на социально-экономическую ситуацию в регионе и на его роль в международном разделении труда, программы освоения ресурсов региона, которые оказались в центре внимания деловых кругов Запада, вызвав противоречивые отклики, и стали приобретать международное звучание.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международное разделение труда; компенсационный соглашения; монополия внешней торговли; экспорт; импорт; иностранный капитал; модернизация.

На рубеже 1950–1960-х гг. решающее значение при постановке и разрешении хозяйственных проблем развития имели перспективы включения страны в систему международного разделения труда. В восточных регионах страны планировалось создание новых мощных металлургических и топливно-энергетических баз, крупной комплексной технологической промышленности и машиностроения. Быстрый рост экономики рассматривался в качестве одной из важнейших предпосылок расширения участия огромного региона в международном разделении труда. Речь шла об извлечении максимальных выгод от разработки и экспорта сырьевых ресурсов. Заинтересованность советского правительства в иностранных инвестициях проявилась в трех направлениях: 1) импорт современного оборудования для эффективной разработки ресурсов и

создание мощной экспортной базы в добывающих отраслях; 2) на условиях компенсации сырьем и готовой продукцией создание при помощи промышленно развитых стран современного производства в обрабатывающей промышленности с ориентацией на мировой рынок; 3) использование увеличивающихся в результате растущего экспорта валютных поступлений для решения социально-экономических задач Генеральной перспективы.

Приоритеты этих позиций связывались с предпочтительностью использования современной зарубежной технологии в процессе создания промышленных комплексов и с возможностью быстрых расчетов на принципах компенсации с кредиторами. Минеральные богатства выступали в качестве гарантии платежеспособности. «Доставление в Японию и другие страны с бедными ресурсами земных ископаемых, — писал М. Кларк, — помогут Москве заработать иностранную валюту, которая необходима для оплаты технологического развития» [Times, p. 14].

Масштабные сибирские проекты вызывали интерес деловых кругов и общественности зарубежных стран возможным участием в их реализации.

Обращение к работам зарубежных исследователей позволяет выявить их пристальное внимание к вопросам индустриального развития востока страны в период позднесоветской модернизации. Основательно изучался исторический опыт освоения этого макрорегиона, в том числе и концептуальные основы осуществления ряда крупных народно-хозяйственных программ, их конкретное воплощение в жизнь. Подчеркивалась ведущая роль государства в освоении востока страны как до революции, так и в советское время. Г.-Г. Хёман писал, что отставание в развитии этого региона «преодолевалось с помощью инструментов административного управления экономикой» [Höhman, S. 2]. В работах, как правило, высоко оценивались теоретические и методические разработки советских ученых, легшие в основу политики ускоренного освоения, в особенности концепции создания региональных комбинатов и территориально-производственных комплексов. Пристальное внимание уделялось советской политике промышленного освоения восточных районов, ее этапности. Х. Граматцки, например, отмечал, что в «желании Советов заполнить свои азиатские владения людьми, экономическим потенциалом и военно-политической властью отчетливо прослеживается преемственность с предшествующими эпохами продвижения России на Восток» [см.: Gramatzki, S. 122].

Наращение темпов освоения богатейших ресурсов Сибири и Дальнего Востока и подчеркнутая решимость советского руководства использовать в этом возможности торгово-экономического сотрудничества с зарубежными фирмами получили широкий отклик на Западе. Конечно, причиной выдвижения крупных программ освоения восточных районов были потребности динамичного развития советской экономики. Преимущества участия в международном разделении труда для реализации этих планов были очевидны. И стратегия освоения региона в известной степени опиралась на извлечение выгод от расширения взаимодействия с мировым рынком.

Обсуждение советских предложений, в которое включились политики и бизнесмены, средства массовой информации и солидные исследовательские

учреждения, касалось всего спектра проблем возможного сотрудничества. С самого начала сугубо хозяйственные вопросы взаимодействия в разработке месторождений сырья рассматривались через призму соревнования двух общественно-политических систем. Политические и стратегические следствия предоставления кредитов под освоение Востока страны интересовали на Западе многих. Советские предложения как бы взвешивались на весах сложившейся системы политических и экономических отношений, так как они затрагивали глобальные проблемы конфронтации. Не следует забывать, что первые шаги к сотрудничеству были сделаны в разгар холодной войны. Интерес же деловых кругов к программам разработок ресурсов был достаточно высоким.

После посещения в 1959 г. Японии советской хозяйственной делегацией и обсуждения условий торговли и кредитования сибирских проектов, газета «Хоккайдо симбцы», отражая мнение деловых кругов, писала: «Если Япония, учитывая колоссальные планы Советского Союза по развитию Сибири и Дальнего Востока, сумеет резко увеличить торговлю с СССР, то она сможет сломать стену, препятствующую увеличению японского экспорта и ликвидировать зависимость от односторонней торговли с США» [цит. по: Внешняя торговля, 1961, № 3, с. 4]. Но облечь в конкретные договоренности заинтересованность в сотрудничестве оказалось непросто.

Осторожность в оценке выгоды участия в предлагаемых проектах вызывалась рядом причин. Во-первых, особенности советской модели освоения, вытекающие из накопленного в предшествующие годы опыта, требовали значительных затрат финансовых и материальных ресурсов, тогда как предлагались простейшие формы сотрудничества, ограничивающие эффект иностранного участия. Во-вторых, у возможных партнеров не было полного понимания целей освоения огромного макрорегиона, а в условиях политической конфронтации они склонялись к выделению приоритета их стратегических аспектов. В-третьих, масштабность и беспрецедентность замыслов индустриального развития при относительной ограниченности материальной базы в сочетании с обещаниями скорого эффекта рождали сомнение в реальности планов. В деловых кругах Запада складывалось убеждение в безвыходности положения советского руководства, взявшегося за решение малообоснованной задачи: без западного капитала с планами освоения не справиться, как не справиться и с сохранением темпов развития советского хозяйства. Внутренние трудности виделись основными мотивами изменения политики внешнеэкономического взаимодействия.

Х. Маховски, рассматривая эту ситуацию заинтересованного выжидания, считает, что под давлением экономических трудностей в 60–70-е гг. СССР «окончательно отказывается от принципа автаркии и начинает осуществлять стратегию экономического роста, ориентированную на экспорт» [Bethkenhagen, Machowski, S. 25–31]. От внимания зарубежных наблюдателей не ускользнуло изменение внешнеэкономической политики советского государства. Характерной чертой этой политики был учет производством специфических потребностей мирового рынка, стремление добиваться всемерного повышения рентабельности экспорта и тем самым в максимальной степени содействовать

экономическому росту. В новых условиях импорт рассматривался как инструмент реализации экономической стратегии, заложенной в государственном плане, в то время как ранее он использовался прежде всего для ликвидации дефицита продукции, возникавшего при невыполнении плановых заданий. Это обнадеживало возможных партнеров, как бы гарантируя от политически мотивированного одностороннего ограничения сотрудничества. В советской истории примеров непоследовательного поведения советской стороны с зарубежными фирмами не так уж мало (например, концессионные соглашения 1920–1930-х гг.), и потому осторожность предпринимателей в обсуждении предложений по сотрудничеству была продиктована опытом истории.

Западных предпринимателей также не совсем устраивали принципы организации сотрудничества в освоении восточных районов страны. Стремление взаимодействовать непосредственно с производителями наталкивалось на внешнеторговую монополию. Министр по делам торговли Великобритании Ф. Дж. Эррол в конце 1959 г. так обозначил сдерживающий эффект этого фактора: «...В вопросах торговли слова и дела правительств значат гораздо меньше, чем слова и дела коммерсантов... Правительственные переговоры могут иметь своим результатом торговые соглашения, но именно коммерсанты решают вопрос, быть ли торговле... Добросовестные и постоянные усилия, прилагаемые коммерсантами с обеих сторон к лучшему ознакомлению с рынками друг друга всегда будут иметь самое первостепенное значение» [цит. по: Внешняя торговля, 1960, № 1, с. 22]. Сохранение жесткого централизованного управления внешней торговлей, несмотря на изменение отношения к ней, вызывало опасения, что приоритетом для советского руководства по-прежнему остаются внешнеполитические цели.

Все указанные соображения оказывали влияние на формирование позиций западных финансистов и предпринимателей. Значительное число отзывов, появившихся в изданиях деловых кругов Запада, содержали в себе элемент прогнозирования провалов затеянных в СССР программ освоения, но в то же время проскальзывала заинтересованность в участии. В известных изданиях, отражающих настроения в деловых кругах, появились противоречивые оценки: с одной стороны, планы освоения «нереальны», «обречены на провал», «сомнительны», с другой — представляют собой «грандиозные проекты советских плановиков».

Довольно рельефно стремление западных партнеров взвесить возможные выгоды и издержки участия в сибирских проектах проявилось в поездке японских предпринимателей по Сибири и Дальнему Востоку в августе 1962 г. Им была предоставлена самая широкая возможность ознакомиться с объектами освоения с последующим обсуждением вариантов взаимодействия в Хабаровске, Иркутске, Новосибирске. Результаты оказались более скромными, чем ожидалось. По итогам поездки глава делегации Иосикари Каваи сказал: «В Сибири мы познакомились с грандиозными стройками, увидели ее огромные богатства, широту научно-исследовательских работ и, самое главное, очень хороший трудолюбивый народ. Известно высказывание: “пришел, увидел, победил”. Говоря о Сибири, мне хотелось бы его несколько видоизменить: “увидел, понял, покажи

на деле свое отношение к тому, что увидел» [цит. по: Внешняя торговля, 1962, № 10, прил., с. 7]. Действительно, масштабы замыслов после близкого знакомства с регионом для многих принявших предложение зарубежных предпринимателей были ошеломляющими.

Столь же осторожными на первых порах были экспертные оценки специалистов, отрицавших осуществимость проектов освоения в предложенных советской стороной вариантах. Большинство западных экспертов были убеждены в пропагандистском характере приглашений к сотрудничеству. Политолог Д. Фишер, рассматривая проекты освоения, задавался вопросом, имеются ли достаточные инвестиции и нужное количество рабочей силы, чтобы справиться с планами освоения. И приходил к выводу, что совокупность проектов — строительство нефте- и газопроводов, железных дорог, создание новых производств — осуществима лишь с применением современного высокопроизводительного оборудования. Реалистично оценивая ситуацию 60-х гг., Д. Фишер утверждает: «Проекты дальнейшей индустриализации, заселения Сибири и советского Дальнего Востока являются задачами, где решение во многом зависит от инициативы русских, от их готовности применить для этого собственные силы» [Osteuropa-Wirtschafts, S. 298]. Эксперты указывали на необходимость крупных затрат на социальные нужды и неготовность советского руководства их осуществить в азиатской части страны, а значит, проблема рабочей силы ставила под сомнение выгодность зарубежного участия. Провалившиеся планы могли обернуться для западных кредиторов большими издержками.

Действительно, программы освоения востока страны не могли оказать иного воздействия, ведь предстояло втянуть в ритм современных экономических отношений огромный макрорегион, практически не обжитый, не имеющий достаточной социальной и производственной инфраструктуры. «Из “мертвого дома” писал свои записки Достоевский, — замечал, оценивая планы освоения, А. Вайнгертнер, — теперь же Сибирь должна превратиться в процветающий индустриальный край» [Weltwoche, S. 11]. Труднодоступность природных богатств региона считалась решающим фактором обращения советской стороны к западной помощи после десятилетий абсолютной «закрытости» Сибири для иностранного капитала. После свертывания концессионной политики 20-х гг. в освоении региона делался упор на собственные возможности. И теперь предложения к сотрудничеству западными наблюдателями воспринимались как вынужденные и недолгосрочные. А. Вайнгертнер намерения использовать зарубежную финансовую и материальную поддержку квалифицировал как сомнительные: «Советы привлекают Запад дополнительными рабочими местами через участие в сибирской аванюре и утверждают, что большая часть “сибирского долга” будет покрыта поставками сырья, а позднее — продукцией индустрии».

В деловых кругах Запада складывалось достаточно сдержанное отношение к предполагаемому сотрудничеству. Даже потребность в сырье и энергоносителях, поддерживающая интерес предпринимателей к освоению Азиатской России, не могла, в силу многих обстоятельств, перевесить сомнения. Лишь в единичных случаях убеждение в выгодности партнерства в предложенном варианте

(предоставление кредитов и в их счет необходимого оборудования и материалов) вызывало ответные движения. В. Конолли недвусмысленно отмечала, что в освоении Сибири и Дальнего Востока могут произойти кардинальные сдвиги при крупной финансовой и технической поддержке Запада [Conolly, p. 55–56]. Такая оценка свидетельствует о понимании значения сотрудничества и серьезности намерений советского руководства считаться с интересами партнеров.

В течение 60-х гг. шел процесс медленного втягивания западных фирм в сотрудничество по разработке месторождений сырья и энергоносителей, а также освоению лесных ресурсов. Это сотрудничество, хотя и в малых объемах, охватывало решение проблем транспортировки экспортных грузов до потребителей. Интересы партнеров фокусировались на программах освоения месторождений нефти и строительства нефте- и газопроводов. С меньшей заинтересованностью принимались предложения по участию в создании современных производств в обрабатывающей промышленности. Позднее Ф. Хэнсон будет утверждать, что западные монополии не отдавали себе отчет, насколько выгодно вести совместную переработку сибирского сырья. Он приводит в доказательство несколько аргументов: 1) гарантированный сбыт продукции (в 1955 г. советский импорт машин составлял 2 % капиталовложений в машиностроение, в 1975 г. — 5 %, а могло быть значительно больше); 2) в 1960–1974 гг. производительность техники, импортированной с Запада, в 8–14 раз превышала производительность советского оборудования, а значит, складывались условия для сбыта устаревающей техники, которая не могла быть конкурентоспособной на мировом рынке; 3) импортная технология в 60–70-е гг. концентрировалась в ведущих отраслях сибирской индустрии — химии, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, нефтепереработке, что на длительную перспективу открывало Западу российский рынок [см.: Hanson, p. 84, 87]. Нельзя не согласиться с этими замечаниями. Техническая отсталость отечественного машиностроения приводила к импорту далеко не лучших образцов техники, но и они выгодно отличались от отечественной продукции. По данным Н. П. Шмелева импортное комплектное оборудование в 70-х гг. использовалось при сооружении более 3 тыс. крупных промышленных объектов (в химической, целлюлозно-бумажной промышленности, на транспорте, в металлургии). В 1968–1972 гг. Советский Союз для сибирских проектов закупил на 6,7 млрд долларов машин, оборудования, ноу-хау, в 1979 г. — уже на 12,3 млрд долларов.

Факты крупномасштабных закупок машин и оборудования вызвали действие еще одного фактора, обусловившего настороженное отношение к сотрудничеству: на Западе усматривали в этом одностороннее извлечение выгод советской стороной. Считалось, что таким образом Советский Союз получает возможность осваивать необжитый регион с минимальными издержками, закупая в порядке компенсации передовую технику и технологию. Это стремление М. Голдмэн, например, выводит из исторической традиции технологической отсталости России. Он считает, что русские традиционно до революции обращались к Западу за помощью. Петр Великий был одним из первых, Иван Грозный до некоторой степени делал то же самое; Сталин был самым последним примером феномена такого рода. Подобная ситуация, по мнению М. Голдмэна,

сложилась и к началу 70-х гг. Будущее освоение Азиатской России многие на Западе оценивали в связи с возможностями доступа СССР к зарубежной технологии. Р. Кэмпбелл считал, что при освоении восточных районов Советский Союз сталкивается с совершенно новыми «технологическими вызовами», что необходимость «совладания с новыми окружающими средами и в использовании новых видов ресурсов» заставляет в еще больших масштабах прибегать к импорту западного оборудования [цит. по: Алексеев, Зубков, с. 56.]. Дальнейший экономический рост, по мнению западных наблюдателей, напрямую зависел уже с середины 60-х гг. от повышения технологического уровня всей экономики. Добиться этого, как считал М. Миллер, страна могла, «либо проведя организационные преобразования, направленные на улучшение дел в сфере разработки и внедрения новшеств, либо путем закупки западной передовой технологии» [Miller, p. 542]. Выбор состоялся: правительство страны попыталось на ресурсы Сибири обменять современную технологию. И с конца 60-х гг. этот путь стал едва ли не единственной возможностью укрепления экономики, даже ценой возрастающей технологической зависимости.

В 1950—1960-е гг. угледобыча, черная металлургия, электроэнергетика, нефтедобыча и переработка — наименее наукоемкие отрасли — не зависели от западного оборудования. Постоянно от импорта зависели деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, менялась степень зависимости в химической промышленности, машиностроении и металлообработке. За годы девятой пятилетки резко вырос импорт технологий для создаваемых на Востоке России предприятий горнодобывающей, нефтегазовой и металлообрабатывающей, а также химической и нефтехимической промышленности. В десятой пятилетке к этому списку прибавилась металлургия алюминия. По утверждению А. Уайтинга, советская способность расширять эксплуатацию ресурсов потребует продолжительного доступа к иностранной технологии. Реальность была такова, что требования форсированного развития экспорта привели к складыванию технологической зависимости как в приоритетных отраслях хозяйства, так и в добывающей промышленности.

Наиболее значительные и неоправданные потери страны в этой практике проявились вместе с расширением использования западной техники и технологии в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений и транспортировке продукции. Кстати, учитывая возрастающее значение советского экспорта нефти и газа, противники сотрудничества стремились не допустить увеличения поступления нефтедолларов, и проводить трезвую политику в области экспорта технологии для добычи нефти и газа. То обстоятельство, что не сложилось долгосрочное сотрудничество с западными фирмами, сильно снизило эффект от закупленной техники. Отсутствие ремонтной базы при односторонней ориентации на зарубежную технику привело к огромным дополнительным расходам валюты, не вполне оправданным экономически. По мнению Б. Кнабе, «советское руководство рассчитывало в короткий срок обеспечить создание новых крупных предприятий на базе современного оборудования. Относительно быстрая во времени реализация экспортной продукции давала надежду в короткое время приобрести необходимые для внутрихозяйственных

нужд товары, в первую очередь строительную технику, комплексное оборудование, потребительские товары. Но переход Японии и других промышленных стран на рубеже 70–80-х гг. на сырье- и трудосберегающие технологии резко снизил заинтересованность в участии в дорогостоящих сибирских проектах» [Knabe, S. 12].

Словом, в деловых кругах Запада очень быстро утвердились взгляды о «мессианской» роли зарубежных инвестиций в освоении природных богатств Азиатской России, а также существенной ограниченности возможностей государства осуществить планы собственными силами без усиления «колониальной» эксплуатации громадного региона страны. Ограниченность в средствах, по мнению западных экспертов, неизбежно заставит государство осваивать регион без учета и в ущерб региональным интересам. К. Сталл писала, что восточные регионы СССР развиваются как сырьевые придатки для снабжения исторического ядра страны. А рост затрат на разработку ресурсов собственными силами никоим образом не стимулирует динамичное и сбалансированное региональное развитие.

В 60–70-е гг. концепция колониального развития Сибири имела на Западе широкое распространение. Как правило, возможности развития ограничивались размерами обеспечения сырьем и энергией более развитых западных районов. Д. Хузон, например, доказывал, что в очагах освоения Сибири все ориентировано на быстрейшее истощение ресурсов. Джон К. Дьгонни, анализируя практику освоения, пришел к выводу, что индустрия в основных частях Сибири не разовьется за пределы добывающей стадии и разделение будет сохраняться на эйкумену, содержащую основную часть населения, и на неэйкумену, поставляющую сырьевые материалы в населенную зону. В. Моут замечал, что, путешествуя по восточным районам России, трудно освободиться от мысли о неразвитости региона, 60 лет советской власти в этом районе мало повлияли на пейзажи и ресурсы. Явное отставание в развитии региона, даже в сравнении с европейскими районами страны, вызывало недоумение за рубежом. Председатель Ассоциации японо-советской торговли Тэцуо Сато, хорошо знакомый с проблемами регионального развития, так оценивал роль Сибири и Дальнего Востока: «Это своего рода сырьевой придаток советской экономики, поставляющий золото и алмазы, нефть и газ, древесину и уголь. Что же получают взамен Сибирь и Дальний Восток? С точки зрения социально-экономических благ практически ничего. Я считаю, что это просто неразумная политика. Доходы от использования региональных ресурсов должны идти на развитие исключительно местной инфраструктуры, улучшение условий труда и отдыха людей, создание на востоке страны современных производств и предприятий» [За рубежом, 1989, № 41, с. 9].

Стремление сэкономить финансовые и материальные ресурсы в процессе освоения Азиатской России на Западе объясняли отставанием в социальном развитии и действием принципа, получившего в советской литературе название «остаточного», в решении социально-бытовых проблем. По мнению Б. Кнабе, Д. Фишер, Т. Шабада и других экспертов, чтобы не идти на расходы по социальным нуждам, правительство использовало в восточных районах различные

варианты организованного перемещения рабочей силы и практику комсомольско-молодежных призывов на «великие сибирские стройки». Этому в значительной степени способствовали и традиции советской истории. Разницу со сталинскими методами многие западные авторы видели в том, что труд заключенных обходился минимальными экономическими затратами, стоимость транспорта и охраны исчерпывала издержки, тогда как участники освоения пользовались, наоборот, льготами и могли приобретать закупленные под кредиты на Западе товары потребления. Как в том, так и в другом случае не ставился вопрос о создании благоприятных социальных условий для привлечения и закрепления рабочей силы надолго. Д. Худзон подкреплял эту позицию положением об ориентации освоения на ликвидацию постоянных поселений после выработки соответствующих месторождений сырья.

Отставание социальных аспектов программ освоения региона связано было со стремлением государства извлечь максимум выгод из введения ресурсов в хозяйственный оборот для решения проблем и нарастающих трудностей в функционировании административной экономики.

В известной степени трудности в привлечении к сибирским проектам зарубежных фирм были связаны с отсутствием полной ясности по вопросам целей освоения и мотивов ускоренного решения проблем. Острые дискуссии в западном мире по этой теме разгорелись в начале 70-х гг., после замены долго обсуждавшегося с зарубежными партнерами проекта строительства нефтепровода из Тюмени в Находку на проект создания новой широтной железнодорожной магистрали. Из традиционно выделяемых трех групп мотивов освоения — народно-хозяйственных, внешнеторговых и стратегических — разные группы предпринимателей выделяли разные приоритеты. А в зарубежной историографии даже сложились системы аргументации в выделении приоритетных целей освоения с выходом на варианты политического реагирования на меры советского руководства.

Г. фон Раух, К. Либманн, А. Уайтинг на первый план выдвигали в качестве основных военно-политические или стратегические мотивы. Соответственно освоение региона виделось ими как движение к достижению Советским Союзом стратегических преимуществ в бассейне Тихого океана и в Восточной Азии. Сдвиг производительных сил на восток страны А. Уайтинг воспринимал как перенесение силового форпоста для распространения влияния в Азии. Г. Бернхейт и Р. Фуртмайер усматривали в этом решение проблемы безопасности в противостоянии с Китаем. Упрочению этих взглядов способствовали зафиксированные в материалах XXI—XXIV съездов КПСС задачи улучшения перспектив развития торговых и политических отношений с социалистическими странами Азии «с учетом складывающегося международного социалистического разделения труда». Советское руководство видело в расширении контактов фактор экономической и политической независимости этих стран, ну а западный мир — стремление Советского Союза упрочить свои позиции в этой части мира. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду КПСС по этому поводу содержалась четкая установка: «...Основные потребности социалистических стран во многих видах оборудования и машин, в твердом и жидком

топливе, металлургическом сырье и металлах, лесных и целлюлозобумажных и некоторых других товарах будут обеспечены поставками из Советского Союза» [XXIII съезд Коммунистической партии, с. 58]. Эта установка и использовалась в качестве основного аргумента в доказательстве стремлений СССР консолидировать силы в Азии на основе создаваемого мощного индустриального пояса в Азиатской части страны.

Т. Шабад, В. Моут, Н. Кухнина, В. Конолли, А. Вайнгартнер главным в мотивации освоения выделяли улучшение возможностей экспорта сырья. Называя топливно-энергетические причины основными, они рассматривали их как желание найти дополнительные и надежные каналы получения современной технологии в обмен на сырье и энергоносители, тем более что конъюнктура мирового рынка позволила опереться на благоприятные экспортные возможности и большую готовность к кооперированию бедных сырьем, но финансово сильных государств. По мнению Б. Кнабе, с этим обстоятельством связаны многочисленные предложения иностранным фирмам принять участие в освоении сибирских полезных ископаемых. Возможности увеличения экспорта и более тесного участия восточных районов России в международном разделении труда чаще стали рассматриваться в качестве ведущей мотивации освоения после того, как в мире разразился энергетический кризис 1973 г. и экспортные поставки сибирской нефти выросли в три раза, а цены на нее в 10 раз. Изменившаяся конъюнктура цен даже стимулировала сокращение экспорта готовой продукции и полуфабрикатов в пользу растущего вывоза сырой нефти. Смена стратегических ориентиров продемонстрировала западному миру зависимость советской экономики от импорта продукции по широкой товарной номенклатуре, требующей все больше валютных накоплений.

Народно-хозяйственные или производственные потребности в качестве главной причины формирования темпов освоения региона называли многие. Д. Ласцельс, например, исходит из сокращения притока сырья в промышленные центры европейской части страны, вынудившего обратиться к освоению новых месторождений на востоке. При этом он замечает экономически малообеспеченное сохранение основных принципов территориального размещения промышленности. Вместо того, чтобы приближать производство к источникам сырья, ведомства старались разместить его в обжитых районах, чтобы не нести затраты на создание социальной и производственной инфраструктуры [см.: Lascelles, p. 190—195].

Выяснение мотивов освоения регионов преследовало одну цель — ответить на вопрос, к каким последствиям может привести содействие западных фирм реализации сибирских программ. Ведь практически в течение всего периода на Западе не прекращались споры, в каких пределах возможны поставки современной технологии в СССР и насколько эти поставки подрывают безопасность западного мира.

Пристальное внимание зарубежных наблюдателей приковывала к себе и практика освоения, воздействие гигантского государственного строительства на окружающую среду. В современном мире природоохранные мероприятия

становятся спутниками промышленного развития, особенно в странах, где интенсивно разрабатываются месторождения минерально-сырьевых ресурсов.

В отношении программ освоения восточных районов чаще всего имеет место констатация отсутствия системы мер экологической защиты. В. Моут писал, что это направление началось и кончилось в период между осенью 1917 г. и весной 1919 г., когда были проведены законы против злоупотреблений в отношении использования земли, природы и сохранения лесов. В течение последующих 35 лет практически не действовали ограничения, а законов, направленных на охрану среды, было принято меньше, чем в первые два года советской власти. По мнению зарубежных исследователей, сталинский великий план преобразования природы и хрущевский «рывок к коммунизму» были равнозначны объявлению войны окружающей среде. Удручающее положение сложилось в сфере экспортных лесопоставок, угледобычи, нефте- и коксохимии, целлюлозно-бумажной промышленности.

В. Моут, анализируя последствия вмешательств в природу в процессе освоения региона, приходит к выводу, что это было логичное отношение лидеров развивающейся страны, стремящихся обеспечить эксплуатацию ресурсов в наиболее быстрой, насколько возможно, манере. Все капиталовложения шли в производственный сектор, а проблемы сознательного обеспечения и защиты окружающей среды игнорировались в погоне за достижением сиюминутного эффекта. Впрочем, развивающиеся страны значительно больше внимания уделяют проблеме экологической безопасности. Кстати, символические природоохранные издержки в Сибири в отдельных случаях были решающим толчком к участию западных фирм в проектах освоения, что вкупе с дешевым сырьем значительно увеличивало выгоды инвестиций. Достаточно проследить за процессом смещения химических производств, сокращающихся на Западе под давлением общественности. В России же, в течение 70–80-х гг. создавались гиганты на компенсационной основе, и экспорт химических полуфабрикатов в западные страны неуклонно возрастал и возрастает ныне по широкому спектру товарных позиций: полипропилен, полиэтилен, метанол и др. В погоне за валютной выручкой ведомства обсуждают возможность захоронения на востоке страны остатков ядерного топлива с атомных электростанций Западной Европы. Проблемы сохранения окружающей среды в Азиатской России выдвигаются в ряд первоочередных, требующих незамедлительного решения.

Зарубежные эксперты в рассмотрении перспектив освоения Азиатской России часто прибегали к сравнениям с опытом развивающихся стран, вывоз сырья из которых не решил экономических проблем, но привел к росту финансовой и технологической зависимости.

Итак, западные оценки внешнеэкономической составляющей освоения восточных районов СССР дают весьма нелицеприятную критику практики вовлечения в хозяйственный оборот сырьевых ресурсов региона. Принцип добывания валюты любой ценой имел своим результатом очень серьезные структурные деформации регионального хозяйства, политические, нравственные

и экологические негативные следствия. Цели освоения ресурсов Сибири в рамках Генеральной перспективы были достигнуты с серьезной структурной деформацией. Роль региона в экспорте страны и обеспечении валютной выручки многократно возросла, но структура поставок по-прежнему была смещена в сторону первичных и промежуточных товарных позиций, связанных с добычей и переработкой природного сырья.

Для продолжающихся процессов освоения (например, мегапроект «Урал промышленный — Урал полярный», освоение Удоканского месторождения и др.) сегодня актуально использование накопленного опыта, настоятельно рекомендуемого остановить и сделать экономически необоснованным вывоз природных ресурсов в необработанном виде, особенно относящихся к числу невозобновляемых. Необходима тщательная научная экспертиза ресурсного потенциала территорий, подлежащих освоению, и возможных рисков для социума и окружающей среды. В противном случае новые проекты и инициативы не выйдут за рамки преодоления «недоделок» советского периода.

Алексеев В. В., Зубков К. И. Критика современной буржуазной историографии индустриального освоения Сибири. Новосибирск, 1985.

Внешняя торговля. 1960. № 1; 1961. № 3; 1962. № 10.

За рубежом. 1989. № 41.

XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенограф. отчет. Т. 2. М., 1966.

Bethkenhagen Y. Machowski H. Die Rolle Asiens in der sowjetischen Aussenwirtschaftspolitik // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1986. N. 48.

Conolly V. Siberia today and tomorrow. A study of economic problems and achievements. N. Y., 1975.

Gramatzki H. Raumlische Aspekte der sowjetischen Wirtschaftsplanung. Berlin, 1974. S. 122.

Hanson Ph. Technology transfer to the Soviet Union // Survey. 1977—1978. Vol. 23.

Höhman H.-H. Von Breschnew zu Andropow. Bilanz und Perspektiven der sowjetischen Wirtschaftspolitik. Köln, 1983.

Knabe B. Aktivität im Gebiet der Baikalsee-Amur-Eisenbahn // Berichte... 1977. N. 17—19.

Lascelles D. Siberia: Its wealth and world impact // Asian Affairs. 1975. Vol. 4. Pt. 2.

Miller M. The role of Western technology in Soviet strategy. Philadelphia, 1978. Vol. 22. N. 3.

Osteuropa-Wirtschafts. 1966. N. 4.

Times. 1978. Vol. 3, n. 12.

Weltwoche. 1978. N. 34.

Статья поступила в редакцию 29.09.2011 г.

УДК 930(571.121) + 94(571.121)

В. П. Карпов

ЯМАЛ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С использованием в качестве примера опыта работы над академическим обобщающим изданием «История Ямала» рассматриваются проблемы и перспективы комплексного развития одного из важнейших заполярных регионов России, роль историко-гуманитарных исследований в формировании государственной региональной политики и региональной социокультурной идентичности населения края.

Ключевые слова: Ямал; региональные исторические исследования; культурно-историческое единство; общероссийское самосознание; региональная идентичность; региональное сообщество.

Ведущую роль в преобразовании экономического пространства России играют восточные районы, включая Ямальский регион, занимающий пограничное положение между европейским и азиатским северными ареалами. Задача модернизации Крайнего Севера требует разработки стратегии с учетом его цивилизационной и геополитической динамики в предшествующий период. Актуальность изучения истории Арктического региона, обладающего значительной спецификой и играющего существенную роль в обеспечении прогрессивного развития страны, обусловлена как потребностями осмысления прошлого края, так и особой ролью пространственно-географических аспектов в истории страны, огромной вариативностью развития ее отдельных частей, специфическим характером взаимоотношений между центром и регионами [История Ямала, т. 2, с. 9].

В недавнем прошлом сущность региональной политики государства проявлялась в виде плановых, нормативных действий в рамках территориальных схем размещения и развития производительных сил с учетом природно-климатической, хозяйственной, национально-этнической и иной специфики территории [Агранат, 1996, с. 28]. В постсоветский период изменилась парадигма развития Севера, необходима разработка новой государственной северной политики (попытки ее концептуализации неоднократно предпринимались на протяжении последних 20 лет). Особую актуальность эта задача приобрела в связи с тем, что в 1990 — 2000-е гг. вопросы географии и истории России часто становились предметом спекуляций, высказывалась мысль о том, что именно большие пространства (в частности, Сибирский Север) являются бременем для России. Предлагая «сжимать пространство» и бросить все силы на постиндустриальное развитие европейской части страны, некоторые «специалисты» утверждают: если бы за Уралом плескался океан, Россия бы давно уже жила так же хорошо, как Европа. Подобные суждения можно объяснить либо идеологической заданностью, либо плохим знанием истории.

Что бы ни говорили противники освоения Севера, его уникальных ресурсов, материальное всегда останется тем, без чего не может прожить человек, не может развиваться общество. Природно-сырьевой потенциал (земля, недра,

биологические ресурсы, вода и пр.) в любой стране составляет до 80–90 % национального богатства [Агранат, 2004, с. 21]. По оценке академика Д. С. Львова, до 70 % природного потенциала России приходится на долю Севера [цит. по: Там же]. Поэтому он кормилец, а не бремя. Однако без глубокой научной проработки параметров регионального развития в широком историческом контексте невозможно предложить оптимальную модель развития Севера. Прогрессивная северная стратегия предполагает решение целого спектра задач, выходящих за рамки социально-экономической политики, в том числе — сохранение и упрочение чувства культурно-исторического единства, общности запросов и интересов соотечественников, играющих в любом сообществе цементирующую роль. Они не могут быть эффективно компенсированы материальными благами, экономическими и политическими свободами. Это обстоятельство усиливает значимость региональных исторических исследований, которые призваны синтезировать культурно-исторические ценности и духовно-нравственные ориентиры, «работающие» на упрочение общероссийского самосознания и региональной идентичности.

Первая успешная попытка реконструкции истории регионального развития была предпринята еще в конце 1960-х гг. Фундаментальный пятитомный труд «История Сибири с древнейших времен до наших дней» породил «цепную реакцию» подготовки крупных монографических, преимущественно коллективных, исследований истории регионального развития. Вслед за первым изданием появились инициативы по написанию истории Дальнего Востока, Якутии, Казахстана и других административно-политических, экономических и национальных субъектов бывшего СССР [см.: Беков, Сайфитдинов, Тимошенко, с. 6]. В начале 2010 г. президиум Сибирского отделения РАН (Новосибирск) принял решение о подготовке нового (трехтомного) издания «Истории Сибири», а Институт истории и археологии (ИИиА) Уральского отделения (УрО) РАН (Екатеринбург) готовит трехтомное издание по истории Уральского макрорегиона — «Урал в истории Российского государства и общества» [Артемов, Постников, с. 5].

Во второй половине 2000-х гг. сообщество историков сумело подготовить фундаментальное исследование также и по истории Сибирского Севера — «Историю Ямала». Проект реализован ИИиА УрО РАН при участии исследователей, представляющих научные центры Москвы, Урала и Сибири. Цель издания заключается не только в том, чтобы продемонстрировать традиционные модели устойчивого развития Севера, представить историю Ямала как составную, органичную и неотъемлемую часть России, проанализировать ее сквозь призму российских модернизаций и колебаний мировой экономической конъюнктуры, но и в обобщении практического опыта освоения региона, извлечении из него положительных и отрицательных уроков, которые можно использовать в современной социальной практике [см.: История Ямала, т. 1, с. 8].

Освоение Ямальского Севера отличалось заметной спецификой даже в рамках Сибири, которая для Российского государства стала таким же Новым Светом, каким для европейских держав была Америка. В предисловии к изданию академик В. В. Алексеев объясняет своеобразие Ямальского региона, во-первых,

его положением на стыке европейского и азиатского Севера; во-вторых, удивительной по сравнению с другими регионами циркумполярной зоной, сохранностью традиционной культуры; в-третьих, той важной ролью, которую он играл в процессах освоения восточных территорий России; и, наконец, тем, что сегодня он сохраняет ведущее значение в энергетическом обеспечении экономического развития страны и мира [см.: История Ямала, т. 1, с. 8].

В основе исследования лежит цивилизационный подход, который позволил вскрыть глубинные процессы, происходившие на территории, проследить всю совокупность факторов, определивших ее современное состояние. Каждый из двух томов «Истории» («Ямал традиционный» и «Ямал современный») включает, в свою очередь, по две книги. В первой книге 1-го тома («Древние культуры и коренные народы») авторский коллектив дает комплексную характеристику жизнедеятельности Арктического региона с древнейших времен до позднего Средневековья, включающую такие значимые аспекты, как формирование моделей освоения человеком северных широт, систем хозяйственной и биологической адаптации, взаимовлияние культур в широтном и меридиональном направлениях, механизмы сохранения и передачи этнических традиций. Представлена богатая культура, созданная коренными народами Западной Сибири.

Во второй книге 1-го тома («Российская колонизация») воссоздана цельная картина заселения региона русскими с рубежа XV—XVI вв. до начала XX в. с выделением при этом динамики, направленности и основных этапов процесса. Показана коммуникационная, административно-управленческая, хозяйственно-экономическая, культурно-цивилизационная интеграция края в российское пространство.

Второй том («Ямал современный») посвящен процессам модернизации, развернувшимся в XX столетии. В первой книге («У истоков модернизации») дается представление об очень сложном и неоднозначном периоде в развитии региона: до середины прошлого века модернизация протекала вяло, без создания крупных индустриальных производств. Во второй книге («Индустриальное развитие») предпринята попытка осмысления исторического опыта социально-демографического, экономического, общественно-политического и культурного развития Ямала в условиях интенсивного индустриального развития второй половины XX в.

Волны советской индустриализации, в силу ее очагового характера, долго обходили стороной труднодоступные окраины страны. Тюменская область по объему промышленного производства на душу населения занимала предпоследнее место в Уральском экономическом округе, к которому она была отнесена, а удельный вес северных округов Тюмени — ХМАО и ЯНАО (88,7 % из 1 432,2 тыс. кв. км) — в промышленности области составлял 16 %, на долю Ямала (ЯНАО) приходилось всего 4,6 % промышленной продукции Тюменской области [см.: Тюменский индустриальный..., с. 95]. За два десятилетия (с середины 1960-х до середины 1980-х гг.) на Севере практически с нуля были созданы крупные индустриальные центры, возникли новые сферы хозяйственной деятельности, реализован мегапроект «Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс».

Акцентируя внимание на энергетической значимости Ямала, авторы издания «История Ямала» не склонны преувеличивать нефтегазовую составляющую развития территории. История региона рассмотрена как самостоятельная, обладающая собственной логикой. Вместе с тем долговременные тенденции индустриального развития под воздействием функционирования нефтегазового комплекса привели к формированию отраслевой структуры, значительно гипертрофированной в сторону добывающих отраслей. Сложившаяся на Ямале к середине 1980-х гг. структура промышленного производства без каких-либо заметных изменений сохраняется вплоть до настоящего времени. Соответственно этому строилось и управление социально-экономическим, социально-культурным и экологическим развитием территории. Приоритет сугубо производственного начала над социальным с неизбежностью вел к накоплению острых противоречий в развитии регионального сообщества [см. об этом: Беков, Сайфитдинов, Тимошенко, с. 11].

Сложную социально-политическую обстановку в Ямало-Ненецком автономном округе отразило массовое социологическое исследование общественных позиций и настроений населения Ямала (ЯНАО) на старте рыночных реформ 1993 г. Опрос проводился одновременно в Салехарде, Ноябрьске (представляющем характерный тип молодого города нефтяников и газовиков), районных центрах и промысловых селениях Шурышкарского и Ямальского районов. Одной из самых острых и дискуссионных проблем в то время являлся пересмотр основ государственной политики в отношении коренного населения. Большинство опрошенных (47,2 %) высказалось за то, что возврат к традиционным занятиям и образу жизни был бы для коренного населения округа наилучшим способом решения его проблем, 27,3 % предпочли путь постепенной интеграции в образ жизни населения центральных российских регионов, 18,9 % северян не выразили определенного мнения [см.: Зубков, с. 120–121]. Результаты исследования практически не получили освещения в научной печати. Между тем подобные замеры общественного мнения позволяют судить о возможности достижения политического консенсуса в региональном сообществе по важнейшим социально-экономическим вопросам, без чего трудно представить устойчивое развитие региона и успешное решение стоящих перед ним задач.

Сегодня, как и в прошлом (досоветском, советском и постсоветском), в северной политике государства доминируют соображения геополитического и сырьевого характера. Однако при оценке перспектив развития Севера необходимо исходить не только из долгосрочных интересов государства, но и учитывать интересы регионального сообщества. Налицо растущий интерес к истории «малой родины», стремление к сохранению культурных ценностей, использованию опыта истории в решении современных крупных проблем развития [см.: Беков, Сайфитдинов, Тимошенко, с. 7]. Отказ от нравственной парадигмы интенсивного индустриального освоения, характерными чертами которой были «готовность и способность людей выступить в качестве средства для достижения целей освоения, высокая степень самоотдачи в стремлении принести пользу в сочетании с утилитарным отношением к среде обитания, к природным ресурсам, к истории края, где им предстояло работать»

[Ганопольский, с. 128], требует переосмысления предыдущего опыта индустриализации Сибирского Севера.

Стратегическое проектирование развития северного региона неотделимо от формирования рациональных схем новых (или основательно забытых) концептуальных подходов с учетом современных условий внешнеэкономической, коммуникационной и гуманитарной открытости страны. В этом отношении исторический опыт по разработке и реализации стратегий для регионов Севера способен обрести второе дыхание, по крайней мере в части накопления исчерпывающего материала для лучшего понимания достоинств и издержек принимаемых системных решений [см.: Беков, Сайфитдинов, Тимошенко, с. 12]. Особого внимания заслуживают исследования специфики отношений «центр — периферия» как для выработки оптимальной модели «северной» политики государства, так и для сохранения культурной идентичности коренных народов Севера.

Оптимальная модель развития стратегически важного для России региона предполагает решение широкого спектра задач, координации усилий представителей разных наук, включая гуманитарные. Это обстоятельство усиливает значимость первого академического обобщающего исследования по истории Ямала, его политическую актуальность.

Агранат Г. А. О региональном развитии и региональной политике // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 28.

Агранат Г. А. Жаркие проблемы Севера // ЭКО. 2004. № 1. С. 21.

Артемов Е. Т., Постников С. П. Гуманитарная составляющая арктической стратегии России // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера : материалы Всерос. науч. конф. Тюмень, 2010.

Беков М. Б., Сайфитдинов Ф. Г., Тимошенко В. П. Ямал — Земля для живущих на ней людей : (Итог работы над проектом «История Ямала») // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера.

Ганопольский М. Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень, 1998.

Зубков К. И. Поиск путей развития коренного населения Ямала на старте рыночных реформ // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. С. 120—121.

История Ямала : в 2 т. / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург, 2010. Т. 1. 740 с.; Т. 2. 696 с.

Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова и др. Тюмень, 2011.

Статья поступила в редакцию 29.06.2011 г.

ЕВРАЗИЯ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ
(НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА)

УДК 339.924(57) + 330.101.54 + 351.823

Е. Т. Артёмов

**ВОСТОЧНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ***

Проводится историко-ретроспективный анализ экономической политики России по отношению к своим восточным территориям. Особое внимание уделяется эволюции практических мер, осуществляемых российскими властями в XX в., большая часть которого прошла под знаком советского хозяйственного планирования, когда восточные территории, несмотря на планы и декларации «комплексного хозяйственного освоения», развивались преимущественно как ресурсно-сырьевые. По мнению автора, эта тенденция сохранилась и в наши дни и с небольшими коррективами будет сохраняться в обозримом будущем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вектор регионального развития; восточные территории; макроэкономические зоны СССР; комплексное хозяйственное освоение; стратегический тыл; сырьевая база.

Проблема преемственности в региональном развитии страны активно обсуждается в современной литературе. Наиболее острые дискуссии ведутся о будущем восточных районов, их месте и роли в территориальной структуре экономики. Одни исследователи считают, что опережающее, комплексное развитие Урала, Сибири и Дальнего Востока отвечало и отвечает коренным интересам страны [см., например: Проблемные регионы...; От идеи Ломоносова...; Кулешов, Суслов, Селиверстов]. Другие утверждают, что в советский период установка на интенсивное хозяйственное освоение восточных территорий определялась державными амбициями «тоталитарного государства», а ее практическая реализация имела самые негативные последствия. Достижению этой призрачной цели сознательно приносилось в жертву эффективное развитие экономики и социальной сферы. Следовательно, требуется смена вектора региональной политики с восточного на западный, первоочередное «обустройство» европейской части России при выборочном развитии на Востоке отдельных (преимущественно сырьевых) производств [см.: Трейвиш, Шупер; Пивоваров, 1996; 2002; Gaddy Hill]. Для подтверждения своих выводов и те и другие используют историческую аргументацию, которой не хватает по минимуму двух аргументов. Во-первых, проблемы освоения восточных территорий нужно рассматривать в широком историческом контексте, не ограничиваясь советским

* Публикуется в рамках исследования, выполненного по проекту «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

прошлым. Во-вторых, следует различать декларации и реальность. Отсюда — необходимость ретроспективного анализа самой идеологии восточного сдвига, сопоставление намечавшихся рубежей и достигнутых результатов. Не претендуя на исчерпывающую полноту, выскажем свои соображения по поводу обозначенных вопросов.

Очевидно, что вектор регионального развития определяется многими переменными. Как образно замечает И. Валлерстайн, хотя «изменения бесконечны», тем не менее «ничего не меняется» [Валлерстайн, с. 162—163]. Речь, конечно, идет о долгосрочных тенденциях. Дело в том, что «настоящее и будущее» институционально «связаны с прошлым» [Норт, 1997, с. 12]. Вчерашний выбор создает т. н. «эффект колеи», обеспечивая «принципиальную преемственность исторического процесса» [Норт, 2010, с. 183]. Сказанное имеет прямое отношение к рассматриваемой теме. Оно позволяет объяснить, почему, несмотря на все трансформации институтов власти и собственности, технико-технологические сдвиги в производстве, курс на интенсивное экономическое освоение восточных территорий на протяжении длительного времени считался одним из важнейших приоритетов российской государственности.

Его истоки уходят в далекое прошлое. Еще два с половиной века тому назад известный российский ученый М. В. Ломоносов заявил, что «могущество России будет прирастать Сибирью и Северным Ледовитым океаном». Это был смелый прогноз, но он основывался на объективно существующих реалиях. Начиная со второй половины XVI в. страна активно включала в свой состав огромные пространства, находящиеся к востоку от ее исторического ядра. Всего один век потребовался ей для присоединения территории, заметно превышающей по площади Центральную и Западную Европу. Нечто подобное, хоть и в более ограниченных масштабах, наблюдалось в дальнейшем. Тем не менее главными в пространственной экспансии российского государства являлись западное и южное направления. Успехи в этих направлениях рассматривались как необходимое условие сохранения целостности страны, упрочения существующего политического режима, наращивания экономической мощи. Здесь, однако, Россия сталкивалась с интересами соседних держав и геополитических соперников, что провоцировало перманентные военные конфликты, требовавшие огромного напряжения сил.

В отличие от продвижения в западном и южном направлениях, движение на восток и северо-восток в политическом смысле не создавало таких проблем. Но хозяйственное освоение вновь присоединенных территорий было непростым делом. Прежде всего этому препятствовали факторы естественно-географического и климатического характера. Огромные пространства Урала, Сибири и Дальнего Востока — отнюдь не лучшее место для активной экономической деятельности. Их включение в хозяйственный оборот требовало времени, огромных затрат и целенаправленных усилий в создании системы устойчивых транспортных коммуникаций. Обустройство вновь приобретаемых территорий осуществлялось как посредством самоорганизующейся колонизации выходцами из европейских районов страны, так и государственными структурами. Последние, однако, стремились минимизировать участие в повседневной хозяйственной

практике. Свою главную задачу они видели в организации государственного присвоения природной ренты, получаемой за счет экстенсивной эксплуатации естественных ресурсов. Отсюда и специфическая освоенческая политика восточной периферии, ориентированная на использование относительно легко доступных дефицитных природных богатств. А решающую роль при определении целесообразности их вовлечения в хозяйственный оборот играли военно-стратегические императивы и нужды центральных районов страны. По сути, Азиатская Россия рассматривалась в качестве ресурса развития «метрополии».

Однако на рубеже XIX—XX вв. в стратегии освоения восточных районов произошли важные подвижки. Это было связано со следующими обстоятельствами. Прежде всего явно обозначилось техническое и институциональное отставание страны от западных соседей, что снижало престиж Российской империи как самостоятельного субъекта европейской и, следовательно, мировой политики и могло обернуться утратой ею своих западных окраин. Чтобы блокировать подобную угрозу, необходимо было укрепить экономический потенциал. Это, однако, входило в противоречие с территориальной организацией промышленного производства. В его структуре доминировали немногие центры, расположенные в европейской части страны. Они были встроены в систему хозяйственных связей, в которой тон задавали западные державы. Поэтому сохранение сложившейся конфигурации размещения производства предполагало реализацию зависимого типа экономического развития, что, естественно, снижало военно-политическую самостоятельность государства и требовало перенесения центра тяжести хозяйственных усилий в обширные континентальные районы внутренней России. Подобный маневр, казалось бы, должен был снизить угрозу столкновения с западными соседями и одновременно ослабить зависимость от них в экономическом отношении. Идеологом такой стратегии выступил известный политический деятель С. Ю. Витте. Он утверждал: «...Прошло время, когда Россия военно-административными методами управляла своими обширными территориями. Сейчас необходимо их заселять и экономически осваивать. Причем ориентация должна быть не в сторону запада, как прежде, а в сторону востока, в наиболее богатые ресурсами районы» [цит. по: Тимошенко, с. 8]. Эти идеи легли в основу так называемого «зауральского плана» («восточной программы»). Они предусматривали ускоренное строительство в азиатской части России транспортной инфраструктуры, создание здесь новых топливно-энергетических и металлургических предприятий, а также массовое переселение сюда из европейских районов «избыточного» сельского населения [см.: Гаврилов, с. 498—508]. Помимо ускорения экономического роста, в том числе за счет освоения новых рынков сбыта, новая региональная политика должна была снизить остроту накопившихся социальных противоречий (в частности, решить проблему аграрного перенаселения в европейской России), усилить позиции страны на Дальнем Востоке и в Средней Азии — регионах, испытывавших растущее давление сопредельных и мировых держав.

Реализация этих планов столкнулась с известными трудностями как внутреннего, так и внешнего порядка. Было и принципиальное неприятие самого замысла «искусственного» ускорения хозяйственного роста восточных

территорий. Утверждалось, что такая политика есть проявление державных амбиций, ее осуществление неминуемо обернется неразумным расходом созидательной энергии народа. Тем не менее многое из восточной программы С. Ю. Витте удалось осуществить. Достаточно назвать строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. С учетом социальных, экономических и политических последствий, реализация этого проекта действительно имела историческое значение. Одновременно произошло качественное изменение роли государства в освоительской практике. Оно взяло на себя функции главного хозяйственного субъекта. В условиях России, когда речь шла о выборе долгосрочных приоритетов, частная инициатива, самоорганизация заинтересованных слоев и социальных групп всегда играли подчиненную роль.

Новый импульс планам наращивания производственного потенциала Урала и Сибири дала Первая мировая война. Тогда возникла идея их превращения в «тыловые укрепрайоны», способные составить основу военной промышленности страны [см.: Долголюк, Тимошенко, с. 252–253]. Но времени на реализацию этих замыслов не хватило. Революционные потрясения отодвинули их воплощение в жизнь. Они были реанимированы на рубеже 1920–1930-х гг., когда новая власть взяла курс на форсированное наращивание экономической и военно-политической мощи советского государства. Несмотря на все декларации о решительном разрыве с прошлым, она оказалась весьма восприимчивой к проектам, предусматривающим ускоренное наращивание производственного потенциала районов, богатых сырьевыми ресурсами и удаленных от внешних, особенно западных, рубежей. Специфические особенности советской экономической системы позволяли ей ставить самые амбициозные цели. Монопольное положение государственной собственности, централизованное распределение ресурсов, административные механизмы координации деятельности хозяйствующих субъектов давали возможность осуществлять избранную стратегию, не считаясь ни с какими издержками. И такой подход вполне срабатывал, пока в поле зрения руководящих верхов находилось ограниченное число приоритетных задач, а властная вертикаль не давала сбоев.

Идея масштабного «восточного сдвига» производства и населения как практическая задача оформилась в начале сталинской эпохи индустриализации. Ее решение связывалось с созданием Урало-Кузнецкого комбината — второй угольно-металлургической базы. Это был первый советский региональный мегапроект, который предусматривал формирование мощного индустриального комплекса, включавшего предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности, тяжелого машиностроения, основной химии, электроэнергетики. Охватываемые им территории (Урал, Западная Сибирь и Северный Казахстан), по сути, отождествлялись с востоком страны. При распределении капиталовложений они получили заметное преимущество по сравнению с т. н. старопромышленными районами (Центр, Ленинград, СССР). Одновременно происходило расширение самого понятия «восточные районы». На официальном уровне это зафиксировал XVI съезд партии, отнеся к ним Урал, Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию [см.: Директивы КПСС и советского правительства, т. 2, с. 195]. Тот же подход к макрорайонированию содержался в решениях

XVII съезда ВКП(б) [Там же, с. 401]. В результате во второй и особенно в третьей пятилетке крупные вложения были направлены на наращивание производительных сил и освоение природных ресурсов Дальнего Востока и Восточной Сибири. В эти же годы начинает создаваться крупная промышленность в среднеазиатских республиках. Их индустриализация, помимо прочего, рассматривалась в качестве средства преодоления «экономической и культурной отсталости национальных районов». Последнее отражало стремление повысить социальную однородность страны и тем самым упрочить позиции правящего режима. В целом же в предвоенное десятилетие удалось по приближенным оценкам увеличить долю восточной макрзоны в промышленном производстве СССР с 6—7 до 16 % (по другим данным — до 14,8 %), в т. ч. Урала, Сибири и Дальнего Востока — до 11,4 % [см.: Планирование размещения производительных сил СССР, ч. 1, с. 25; Тенденции экономического развития Сибири, с. 45; РГАЭ, л. 462].

Очевидные успехи в продвижении производительных сил на восток инициировали появление новых амбициозных замыслов. Накануне войны при подготовке генерального хозяйственного плана СССР на 1943—1957 гг. намечалось к концу планируемого периода довести удельный вес восточной макрзоны в общесоюзном промышленном производстве до 29,2 %. Причем долю Урала, Сибири и Дальнего Востока планировалось повысить с 11,4 % до 24 % [см.: РГАЭ, л. 462—463]. Реальность, однако, оказалась иной. В 1965 г. восточные районы давали 16,5 % всей промышленной продукции в СССР, а в 1980 г. — 20 % [см.: Планирование размещения..., ч. 2, с. 75]. Тем не менее это была уже иная территориальная конфигурация промышленного производства, чем накануне сталинской индустриализации.

Накануне войны получило развернутое обоснование еще одно принципиальное направление региональной экономической политики. Оно предусматривало формирование на территории страны относительно самостоятельных районов. Каждый из них в перспективе должен был иметь собственную топливно-энергетическую базу, развитое машиностроение, химическую, деревообрабатывающую, легкую и пищевую промышленность, мощную строительную индустрию, производительное сельское хозяйство. Это называлось «всесторонним комплексным развитием хозяйства», призванным удовлетворять «основные потребности района за счет местного производства». Межрегиональные хозяйственные связи намечалось в конечном счете осуществлять лишь «по строго необходимому минимуму продукции и сырья, производство которых связано с наличием особо благоприятных условий и ресурсов...» [РГАЭ, л. 223—230].

В той или иной форме эта установка фиксировалась во всех долгосрочных народнохозяйственных планах вплоть до развала Советского Союза. Для восточных районов такой подход имел принципиальное значение. Ускоренное наращивание их производственного потенциала и комплексное развитие постоянно объявлялись важнейшим государственным приоритетом. Другое дело, что действительность весьма отличалась от деклараций. Весьма противоречивое воздействие на экономику восточных районов оказала Вторая мировая война.

Эвакуация сотен предприятий из европейской части страны существенно укрепила их промышленный потенциал. Здесь же реализовалась подавляющая часть капитальных вложений военной экономики. В результате произошло заметное увеличение доли восточных районов в выпуске промышленной продукции [см.: Чадаев, с. 166, 180–181]. Однако в первые послевоенные годы они утратили свое преимущество. Все, что возможно, направлялось на восстановление промышленных фондов европейской части страны [см.: История социалистической экономики, т. 6, с. 182–183]. Правда, такие оценки скорее всего не учитывают масштабных затрат, осуществленных в ходе реализации атомного проекта и ракетно-космической программы, оказавших заметное влияние на экономику восточных районов и вносивших существенные коррективы в долгосрочные планы ее развития.

Так, согласно недавно опубликованным документам, капитальные вложения по Первому и Второму главным управлениям при Совете Министров СССР (ответственных за ядерно-оружейный комплекс) превышали аналогичные расходы подавляющего большинства министерств и ведомств [см.: Атомный проект..., т. 2, кн. 5, с. 162–164; Шестаков, с. 162–164]. А если учитывать все затраты на атомную индустрию, то, по всей видимости, в ее развитие в то время вкладывалось больше, чем в любую другую отрасль промышленности. Причем основная часть капитальных вложений в рамках атомного проекта осваивалась в восточных районах. Уже в первые послевоенные года на Урале начинается строительство трех комбинатов по производству делящихся материалов. Затем подобные производства организуются в Западной и Восточной Сибири. А на Урале строятся серийные предприятия по производству ядерных боеприпасов, разворачивается второй научно-исследовательский и опытно-конструкторский ядерно-оружейный центр. Одновременно крупные вложения направлялись на возведение комбинатов по добыче и обогащению урановых руд в Средней Азии. Эти предприятия представляли собой огромные производственные комплексы. К примеру, Уральский электрохимический комбинат (осуществлявший обогащение урана) после ввода его в строй потреблял около 3 % производимой в СССР электроэнергии [см.: Артемов, Бедель, с. 75]. Аналогичный спрос предъявляли и другие подобные предприятия.

Размещение предприятий атомной индустрии в восточных районах вносило существенные коррективы в долгосрочные планы. Так произошло с Ангаро-Енисейской программой — вторым (после Урало-Кузбасса) советским региональным мегапроектом. Его практическая реализация началась в первые послевоенные годы. В соответствии с принятыми проектировками на р. Ангаре намечалось построить каскад крупных гидроэлектростанций. Их мощности предполагалось задействовать для развития вновь создаваемых энергоемких производств: алюминия, магния, ферросплавов, электростали, искусственного волокна и т. д. [см.: Тенденции экономического развития..., с. 174–177]. Но вскоре оказалось, что выпуск «намеченного количества атомных и водородных бомб» не обеспечен обогащенным ураном. Для устранения дефицита было принято решение построить Ангарский электролизный химический комбинат. За ним, в ущерб другим потенциальным потребителям, зарезервировали почти

половину мощностей уже возводимой Иркутской ГЭС [см.: Атомный проект..., с. 803–805]. Однако в полном объеме нужды комбината в электроэнергии она не могла удовлетворить. Поэтому одновременно развернулось строительство крупнейшей в регионе ТЭЦ. Но только с вводом в строй Братской ГЭС и ЛЭП-500 комбинат получил устойчивую базу электроснабжения. В то же время задачу «вовлечения в эксплуатацию громадных лесных ресурсов, рудного, топливного, минерально-химического сырья Восточной Сибири», комплексного развития ее промышленности, связываемых с созданием новых электроэнергетических мощностей, пришлось отодвинуть на второй план. Ситуация стала меняться только в 1970-е гг. Начавшийся переход к центрифужному способу разделения изотопов позволял сократить энергоемкость обогащения урана в 20–30 раз [см.: Ядерная индустрия..., с. 576–579; Оружие и технологии..., с. 310, 334–335]. В результате появились свободные электроэнергетические мощности. Это дало основание говорить о таких просчетах в планировании, как несогласованность ввода в строй Братской ГЭС, алюминиевого завода и т. д. В действительности никакой ошибки здесь не было. Причина несогласованности сроков строительства той же Братской ГЭС и алюминиевого завода заключалась в другом. Правила игры при определении приоритетов задавали нужды оборонно-промышленного комплекса. Остальные отрасли лишь подстраивались под него.

Такая логика отнюдь не способствовала комплексному развитию восточных территорий. Да и сама их конфигурация стала теперь определяться иначе. Если ранее страна делилась на две части — западную и восточную, с включением в последнюю «отсталых национальных районов», то в предшествующие распаду Советского Союза годы в предплановой работе использовалась другая схема, предусматривающая выделение трех макрорайонов: 1) европейские территории и Урал (относимый теперь к «старопромышленным районам»), 2) Сибирь и Дальний Восток, а также 3) Казахстан и Средняя Азия [см.: Особенности и проблемы размещения..., с. 19]. Такая схема, с одной стороны, полней отражала существовавшее разнообразие в условиях хозяйствования, а с другой — более адекватно учитывала сокращающиеся возможности страны по перестройке территориальной структуры производства. В результате Урал оказался исключенным из числа районов, развитие которых предусматривало опережающие темпы. Рост его промышленности (основы региональной экономики) намечалось осуществлять в основном на базе технической перестройки и реконструкции действующих предприятий, улучшения их производственных связей и т. п. Новое капитальное строительство ограничивалось решением задач, связанных со сглаживанием диспропорций в отраслевой структуре производства. На деле это обернулось замедлением инвестиционной активности, более низкими, чем в среднем по Союзу, темпами роста промышленного производства, консервацией его устаревшей структуры [см.: История народного хозяйства..., с. 199–211; Личман, с. 117–122].

Для южной макрорайона реализовывалась своя стратегия. Высокие темпы роста населения и трудовых ресурсов побуждали развивать здесь преимущественно трудоемкие отрасли промышленности, которые трудно было обеспечить

рабочей силой в других местах. Одновременно к числу приоритетных относились отдельные отрасли аграрного сектора, в частности хлопководство, чья продукция имела важное, в том числе военно-промышленное, значение. Заметную роль в социально-экономическом планировании играло приграничное расположение среднеазиатских республик. Их стремились использовать как некий «плацдарм» для расширения политико-идеологического влияния Советского Союза в странах третьего мира. Отсюда и демонстративное внимание к достижениям в социальной сфере, сохранению культурного наследия, расширению системы транспортных коммуникаций и т. д. [см.: Планирование размещения..., ч. 2, с. 223—224].

Что касается Сибири и Дальнего Востока, которые теперь отождествлялись с востоком страны, то они оставались единственными по существу районами «интенсивного хозяйственного освоения». Но если отвлечься от оборонно-промышленной составляющей, то все реализованные здесь во второй половине XX в. освоенческие мегапроекты — включение в хозяйственный оборот электроэнергетических ресурсов и полезных ископаемых Ангаро-Енисейского региона, создание западносибирского нефтегазового комплекса, строительство Байкало-Амурской магистрали — осуществлялись по транспортно-энергетической формуле [см. об этом: Кулешов, Суслов, Селиверстов, с. 5—9]. Для оправдания такой политики использовался тезис о том, что от расширения сырьевой базы выигрывает вся экономика СССР. Преодоление же односторонней специализации восточных территорий относилось в будущее. Утверждалось, что по мере развития производственной инфраструктуры произойдет «быстрое нарастание» их комплексности, что приведет к «более рациональному территориальному распределению общественного труда». Даже на излете советской эпохи это утверждение почти дословно повторяло формулировку перспективных целей, содержащуюся в предвоенных проектировках генерального плана [см.: Экономический строй социализма, с. 454—455]. На практике, однако, отношение к восточным районам как к стратегическому тылу и поставщику дефицитных сырьевых продуктов не менялось. Особенно наглядно это проявлялось в ходе освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Страна получила мощный ресурс развития. Но использовался он нерационально. Приоритетом стало безоглядное наращивание добычи нефти и газа и их экспорт, а полученная валюта направлялась на латание дыр в теряющей эффективность советской экономике (зарубежные закупки продовольствия, оборудования, товаров народного потребления), обеспечение финансовой базы гонки вооружений, избыточную внешнеполитическую активность [см.: Гайдар, с. 179—183]. Другими словами, районы «нового хозяйственного освоения» являлись в позднесоветской экономической системе донорами, а не реципиентами. Они отдавали гораздо больше, чем получали взамен.

Смягчение диспропорций в территориальном перераспределении ресурсов постоянно закладывалось в пятилетние планы. Однако их задания в отношении восточных районов не выполнялись. В качестве виновных назывались отраслевые органы управления. В советской системе они являлись основными регуляторами экономического и социального развития. И на них возлагалась

задача осуществления «планов партии и правительства». Но в данном случае хозяйственные ведомства, как утверждалось, не проявляли должной настойчивости в выполнении директивных указаний. Ссылаясь на недостаток средств, нехватку рабочей силы, просчеты в планировании и т. п., они, по сути, срывали все решения о комплексном, опережающем развитии восточных районов страны [Тенденции экономического развития..., с. 51–52].

В реальности, видимо, так оно и было. Но позицию хозяйственных ведомств можно объяснить. Мерилом оценки их деятельности являлся объем производства определенных видов продукции при соблюдении лимитов на используемые ресурсы. Стратегические цели, общегосударственные нужды и пропаганда успехов коммунистического строительства интересовали их в гораздо меньшей степени. А так как текущие издержки производства, сроки окупаемости капиталовложений и т. д. в восточных районах, судя по многочисленным свидетельствам, превосходили среднесоюзные показатели даже по сопоставимому набору отраслей, то ведомства стремились минимизировать свою активность. И только сильный административный нажим заставлял их действовать иначе. Однако по мере трансформации советской экономики в «экономику согласований» и «бюрократического торга» эти возможности сокращались. Исключений оставалось совсем немного: оборонно-промышленный комплекс, добыча и первичная переработка полезных ископаемых, имеющие для страны стратегическое значение. Именно они вытягивали темпы развития промышленности восточных районов на уровень, близкий к среднесоюзному. Другие же отрасли, обделенные вниманием высшего руководства, оказались обречены на стагнацию. В результате советскую модель комплексного хозяйственного освоения восточных территорий так и не удалось реализовать на практике. Особых подвижек в этом отношении не стоит ожидать и в обозримом будущем. Судя по заявлениям авторитетных представителей власти и бизнеса, первым и основным приоритетом останутся добыча и, в лучшем случае, глубокая переработка сырья, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. Остается надеяться, что современное российское государство окажется способным минимизировать издержки столь односторонней специализации восточных регионов.

Артёмов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999.

Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 2, кн. 5 : Атомная бомба, 1945–1954. М., 2005.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003.

Гаврилов Д. В. Урал, Российский Север, Сибирь и Дальний Восток в «Зауральском плане» С. Ю. Витте // Горнозаводский Урал XVII–XX вв. : избр. тр. Екатеринбург, 2005. С. 498–508.

Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1957 гг. Т. 2 : 1929–1945 гг. М., 1957.

Долголюк А. А., Тимошенко А. И. Проекты комплексного освоения Сибири в XX в. // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения. Новосибирск, 2006. С. 252–253.

История народного хозяйства Урала (1946–1985) : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. М. А. Сергеев. Свердловск, 1990. С. 199–211.

История социалистической экономики. Т. 6. М., 1980.

Кулешов В. В., Сулов В. И., Селиверстов В. Е. Стратегические установки долгосрочного развития Сибири // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 5–9.

Личман Б. В. Уральская индустрия в экономической политике советского государства второй половины 50-х — середины 80-х гг. Екатеринбург, 2008.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.

Особенности и проблемы размещения производительных сил СССР в период развитого социализма / отв. ред. Н. Н. Некрасов. М., 1980.

Оружие и технологии России, XXI век. Т. 14 : ядерный оружейный комплекс / под общ. ред. С. Иванова. М., 2007.

От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / под общ. ред. А. И. Татаркина, В. В. Кулешова, П. А. Минакира. Екатеринбург, 2009.

Пивоваров Ю. Л. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. 1996. № 2.

Пивоваров Ю. Л. Сжатие «экономической ойкумены» России // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4.

Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. 1 / отв. ред. В. В. Кистанов. М., 1985.

Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. 2 / отв. ред. В. В. Кистанов. М., 1986.

Проблемные регионы ресурсного типа : азиатская часть России / под ред. В. А. Ламина, В. Ю. Малова. Новосибирск, 2005.

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 1996.

Тенденции экономического развития Сибири (1961–1975 гг.) / отв. ред. Б. П. Орлов. Новосибирск, 1980.

Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в. : концепции и решения : ист. очерки. Новосибирск, 2007.

Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее // Свободная мысль. 1992. № 12.

Чадаев. Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1985.

Шестаков В. А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006.

Экономический строй социализма. Т. 2 : Социалистическое расширенное воспроизводство (закономерности, интенсификация, эффективность) / рук. авт. колл. Г. М. Сорокин. М., 1984.

Ядерная индустрия России. М., 1999.

Gaddy Hill F. Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, 2003.

Статья поступила в редакцию 13.06.2011 г.

УДК 94(57) + 332.135 + 316.422

И. В. Побережников

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ФРОНТИР, МОДЕРНИЗАЦИЯ*

На материале азиатской России XVIII — начала XX в. разрабатывается концепция фронтирной модернизации, которая представляет особый случай развития, осуществляемого в условиях незавершенного освоения. Анализируются такие атрибуты фронтирной модернизации, как продолжительная незавершенность колониционных процессов, экстенсивный характер экономики, региональные контрасты и диспропорции, повышенная милитаризация, роль транспортного фактора и конгломератный региональный ландшафт.

Ключевые слова: Азиатская Россия; модернизация; рационализация; фронтир; колонизация; интеграция; милитаризация; региональные контрасты.

Применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Во-первых, пограничное месторасположение страны между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Во-вторых, колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, обилие полезных ископаемых имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее секторов в частности. В-третьих, пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. Исторически сформировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения, наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный, регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несут отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация, индустриализация, урбанизация и т. д.), но и места его протекания. Особенности условия для модернизации возникали в странах фронтира, которые продолжали осваиваться в эпоху модернизации. К числу таких стран можно отнести Россию, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. В монографии «Динамика модернизации» известный американский социолог и историк С. Блэк выделил в особый тип модернизации «филиалы» Великобритании и Франции в Новом свете (имелись в виду такие страны, как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия) [см.: Black, p. 110–114]. Исследо-

* Публикуется в рамках проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (разд. 3).

ватель обращал внимание на значение для развития стран данного типа доступных пограничных областей, которые служили не только источником богатства, но также и клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Личности и группы, которые считали себя незаслуженно обиженными, не сумели обеспечить себе удовлетворительные условия существования или мечтали культивировать нетрадиционные представления, отмечал Блэк, имели возможность переселиться в пограничные области вместо того, чтобы пытаться найти компромисс или понести возможное поражение на прежнем месте жительства. Автор указывал и на ряд проблем, создаваемых фронтиром. Наиболее существенную он видел в том, что избыточные ресурсы не могли быть разработаны без дополнительной рабочей силы. Большой же приток иммигрантов, в свою очередь, создавал проблему ассимиляции, которая наиболее критические очертания приобрела в Соединенных Штатах, в то время как в других странах в силу сложившихся обстоятельств иммиграция отличалась более постепенным и гомогенным характером.

Концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тёрнером, стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в истории которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток». При этом последователи концепции Тернера расширили понимание фронта, показав односторонность тёрнеровского представления о пограничных условиях как ключевом факторе формирования национальных особенностей и обратив внимание на несомненную значимость для истории общества традиций, «ввезенных» из метрополии, характера и степени интенсивности взаимоотношений ядра и границы, «запада» и «востока» [см.: Тёрнер; Саймонс; Кук; Кушнер; Шейд; Ефимов; Болховитинов].

Сибирь как восточный регион России (Азиатская Россия) ярко иллюстрирует особенности модернизации в условиях незавершенного освоения — так называемой фронтальной модернизации. Сибирь была присоединена к стране относительно поздно. При этом именно освоение этих обширных территорий в действительности способствовало переломной по своему значению трансформации русского государственного типа — превращению России в империю (данная точка зрения была высказана еще Г. В. Вернадским). Восточные регионы России имели огромное значение для страны в целом в экономическом, социокультурном и институционально-политическом отношении. В XVII в. от одной десятой до одной трети дохода казна получала за счет сибирской пушнины. В XVIII в. весомыми были поступления от таможенных сборов с оборотов русско-китайской торговли (Кяхта). В XVIII в. на Урале и в Сибири были созданы металлургические комплексы, дававшие значительную часть общероссийской добычи черных и цветных металлов, золота и серебра. В то же время необходимо учитывать, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от морских коммуникаций, что способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда [см.: Нольте, с. 593].

Восточные регионы продолжали осваиваться в эпоху модернизации. В XVIII — начале XX в., когда страна в целом проходила прото- и раннеиндустриальную стадии модернизации, продолжался процесс присоединения и закрепления территорий Сибири на юге региона, а также на Дальнем Востоке. Согласно концепции М.В. Шиловского, первый этап геополитического «охвата» (конец XVI в. — 1689) завершился стабилизацией русской границы от Тихого океана до Западных Саян, укреплением присоединенной территории в основном в таежной зоне, созданием инфраструктуры военно-промышленных и торгово-административных поселений (острогов). На втором этапе (1689—1822), который характеризовался противостоянием с Джунгарским (Ойротским) ханством, была «охвачена» территория Южной Сибири и Казахстана, началось укрепление и хозяйственное освоение вновь присоединенных территорий, а также (отчасти) районов более раннего заселения, на Алтае был создан мощный горнометаллургический комплекс Кабинета его императорского величества. Результатом землепроходчества русских промысловиков становится появление Русской Америки, для управления которой в 1799 г. образуется Русско-американская компания. Новый виток территориальной экспансии на юге Западной Сибири и Дальнем Востоке на третьем этапе геополитического «охвата» (1822—1890-е) завершился присоединением Восточного Казахстана (Семиречья), укреплением за Россией левобережья Амура, а также Приморья и Сахалина, а в то же время продажей североамериканских владений Соединенным Штатам. Наконец, на четвертом (незавершенном) этапе геополитического «охвата», начавшемся с 1896 г., имели место попытки экспансии в Маньчжурии (КВЖД), началось массовое крестьянское переселение в Сибирь [см.: Шиловский, с. 648—653].

Таким образом, восточные регионы длительное время сохраняли освоенческий синдром, что выразилось в растянутости колониционных процессов (заселение; аграрное, промышленное освоение), экстенсивном характере аграрной экономики, региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, различной степени заселенности и освоенности территорий. Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Продолжавшаяся колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла на длительное время доминирование добывающих отраслей экономики. При этом освоение новых пространств как ведущий региональный процесс сближало Россию с переселенческими странами, в частности странами Нового Света [см.: Агеев; Супоницкая, 2007, с. 134—143; 2010; Побережников, 2006, с. 34—49].

Хорошо известны сопоставления освоения восточных регионов России, в первую очередь Сибири, и западных территорий США (так называемого североамериканского фронта) [см., например: Фронтир в истории Сибири и Северной Америки, 2001; 2002; 2003; Резун; Резун, Шиловский; Агеев; Зеленева, с. 79—91; Алексеева, с. 204—318; Супоницкая, 2010]. Прозвучали в литературе и мысли о сходстве в развитии России и Канады. В частности, подобные наблюдения высказал известный специалист по проблемам Канады А. Черкасов

в предисловии к замечательной книге американского писателя-натуралиста Г. Бестона «Река Святого Лаврентия»:

Может быть, это что-то очень личное, но мне кажется, что терпимость к людям иной расы и иной культуры, сближение с коренным населением осваиваемых северных территорий — одна из общих черт франкоканадцев и русских. Эти черты, похоже, возникли вследствие сходства природно-климатических условий жизни и отчасти — особенностей исторического развития стран, по крайней мере в XIX веке: с одной стороны, длительное сохранение пережитков феодализма, безысходная нужда и насаждаемое сверху господство церкви, с другой — неукротимое стремление народа к свободе, находившее свой выход и в бегстве вольницы в таежные дебри Севера. Землепроходцы обоих народов сравнительно легко находили общий язык с таежными жителями, смешивались с ними, перенимали их обычаи и опыт и обогащали их своими знаниями.

Г. Бестон отмечает скромность быта франкоканадского сельского жилища — «ничего лишнего». Но ведь такова и традиция русской избы. Те же зимние празднества с катанием на санях... У франкоканадцев такие же, как и у русских, протяжные, грустные народные песни, а есть и искрометные плясовые; мелодия припева одной очень популярной песни гребцов, возвращающихся домой, до удивления напоминает нашу «Светит месяц». Народные игрушки-самоделки — ни дать ни взять деревянные и глиняные лошадки наших умельцев. А самое популярное у франкоканадцев национальное блюдо — блины. Правда, с кленовым сиропом... [Черкасов, с. 20; см. об этом также: Побережников, 2009, с. 25–30].

Показателен также тот интерес к Канаде, который сформировался в России еще в XVIII в. и сохранялся на протяжении всего последующего столетия: идеализированный портрет Канады (первый русский историк Канады П. Г. Мижуев образно охарактеризовал страну как «крестьянское царство»), противопоставляемой США, представлялся многим позитивной моделью общественного развития и модернизации, которой должна последовать и Россия. На рубеже XIX–XX вв. российских экспертов и ученых привлекал канадский опыт освоения в аграрных целях огромных пространств, а также строительства трансконтинентальной железной дороги [см.: Коленеко, 2002, с. 266–294; 2007, с. 274–292; Филимонова, с. 312–313]. Параллели в развитии России и Канады бросались в глаза не только российским наблюдателям: «Россией Нового Света» охарактеризовал Канаду британский государственный деятель Б. Дизраэли.

Существенную роль в процессах модернизации играл административно-управленческий фактор. Значимое организующее воздействие оказывал он и на формирование модели российской модернизации. Важной составляющей системы местного управления является административно-политический механизм взаимоотношений центра и регионов.

Колонизационная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны. В целом, административно-политический фактор играл значимую, опережающую по сравнению с другими факторами, порой решающую (особенно в условиях присоединения новых территорий и их первоначального освоения) роль в освоении восточных регионов России, что подтверждает тезис о ведущей роли государства

в процессе собирания и устройства земель, создания основных отраслей отечественной экономики. С начала XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, в том числе местного. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Востока России практически до начала XX в. несли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. Причем эта особенность возрастала по мере движения на восток и юг [см.: Ремнев, 2004].

Специфика вновь присоединяемых обширных пространств на Востоке страны обусловила учреждение специальных центральных органов управления с региональной компетенцией (первоначально, в 1580—1590-е гг., Сибирь была подчинена Посольскому приказу, затем перешла в ведомство приказа Казанского дворца, наконец, с 1637 г., была подчинена Сибирскому приказу) [см.: Вершинин; Копылов, с. 80—88; Власть в Сибири, с. 8—16, 121—124, 131—134].

Центральные учреждения местного управления вводились для отдельных окраин России и в более поздний период («местные органы верховного управления» — по определению известного историка государственного права В. В. Ивановского) существования министерской системы. Их значение, по мнению В. В. Ивановского, состояло в том, что «носитель верховной власти подчиняет управление в таких местностях своему непосредственному регулированию» [Ивановский, с. 7]. В условиях министерской системы, межведомственной разобщенности территориальные комитеты в определенной степени повышали скоординированность действий ведомств и эффективность региональной политики центрального правительства. К числу подобных учреждений относились, в частности, Кавказский и Сибирские комитеты, Комитет Западных губерний, Комитет по делам Царства Польского. Так, специфика Сибири подчеркивалась регулярным созданием и воссозданием центральных органов регионального управления типа Комитета по делам Сибирского края, I и II Сибирских комитетов, Комитета Сибирской железной дороги (прообразом которых выступал Сибирский приказ), в компетенцию которых входили разработка важнейших законодательных и административных актов, определявших магистральные линии сибирской политики правительства, и координация деятельности различных ведомств.

Длительное сохранение института генерал-губернаторства, утвердившегося в качестве промежуточного звена между губернскими учреждениями и центром, характерно было и для сибирских окраин. Генерал-губернатор как государев наместник выступал в качестве посредника между высшей и местной администрациями. При этом огромная власть генерал-губернатора в значительной степени опиралась на личное доверие монарха, была почти бесконтрольна. Генерал-губернатор являлся «главным блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям местного управления во

вверенном ему крае». Возглавляя высшую администрацию края, генерал-губернаторы в определенном смысле возвышались над существовавшей чиновной иерархией [см. об этом: Рабцевич, с. 32–33; Ремнев, 2001, с. 200–212; 1999, с. 99–115; Матханова, 1998; 2002].

Основные принципы и этапы административной интеграции восточных регионов в единое имперское пространство — своеобразный «административный фронт» — были довольно точно сформулированы, как отмечает историк А. В. Ремнев, в отчете восточно-сибирского генерал-губернатора Д. Г. Анучина за 1879 г.: первоначально на вновь присоединенных территориях вводится сильная и в значительной степени автономная военно-административная система управления в виде генерал-губернаторства или наместничества, сохраняются традиционные институты власти для аборигенного населения, создаются лишь самые необходимые государственные учреждения на местах, прежде всего полицейские и фискальные; со временем, по мере упрочения связей «окраины» с «ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укреплялось вполне и местные условия сглаживались и приближались к общерусским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления и непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям» [цит. по: Ремнев, 1994, с. 63]. С этой точки зрения, резюмирует А. В. Ремнев, существовавшее административное устройство Сибири рассматривалось как «переходная форма».

Признаком фронтности являлась заметная милитаризация восточных регионов, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, оборонительных линий, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войска), установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник; регионально-экономические системы управления) [см.: История казачества; Огурцов; Пузанов; Кауфман, с. 5–11; Пережегин].

Огромные пространства региона затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, поскольку транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение пространства, для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен. Очевидно, что в контексте фронтной модернизации транспортному фактору принадлежит повышенная роль. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. Железные дороги ускорили также освоение Сибири и Дальнего Востока, стимулируя развитие промышленности и рост городов. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога (Транссиб), соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала ликвидации

былой обособленности региона, интенсификации хозяйственного освоения восточных районов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку. Строительство Транссибирской магистрали явилось крупнейшим событием промышленной революции в Сибири: относительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила обеспечение новейшими механизмами, паровыми и электрическими двигателями сибирской промышленности. Вообще, последовательность индустриализации в Сибири и в Европейской России существенно отличалась: если в последней модернизация последовательно охватывала легкую, затем тяжелую промышленность, транспорт и т. д., то в Сибири промышленный переворот, как считают специалисты, начался именно с транспорта — водного, а затем железнодорожного, которые создавали условия индустриализации прочих промышленных секторов [Букин и др., с. 66–73].

Освоение предполагает интенсивную контактность, складывание в регионе многоэтничного по составу населения. В результате миграционных процессов носители разнообразных этнокультур оказывались в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур и менталитетов. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и формирования различных хозяйственно-культурных типов. Нередко новые природно-климатические условия оказывались контрастно несхожими с условиями мест выхода, порой экстремальными для переселенцев. Шанс выжить в подобных ситуациях прямо зависел от потенциальных возможностей культуры мигрантов-колонистов адаптироваться к новым условиям. Этот процесс мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. В целом же этнокультурные взаимодействия способствовали аккумуляции различных культурных традиций, их синтезу, возникновению новых оригинальных культурных импульсов, поиску резервов саморазвития культур, их внутренней переориентации, более эффективному использованию внутренних ресурсов [см.: Крих, с. 151–158; Карих, с. 153–165]. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно западноевропейского, происхождения.

Естественное следствие пограничности восточных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, интерференции диффузий традиционного и современного типов — *к о н г л о м е р а т н о с т ь*, т. е. длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений (согласно концепции А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова, данные пласты образуют внутри общества анклав, эффективная организованность которых дает им возможность выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата) [см.: Богатуров, Виноградов]. Множества социально-сословных, этноконфессиональных, профессиональных групп создавали конгломератный региональный ландшафт. Когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как

вынужденная, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать не нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной) как естественному модернизационному процессу, но, напротив, росту социальной асимметрии. При этом асимметрия могла нарастать и в рамках субстранных регионов. Так, экономическая модернизация в Сибири на протяжении XVIII — начала XX в. вела к возникновению современных или протомодерных экономических форм, имевших анклавную локализацию (преимущественно в западных районах — в Тобольской и Томской губерниях на рубеже XIX—XX вв. или вдоль транссибирского транспортного коридора) [см.: Голикова и др.; Букин и др., с. 66—73; Сибирь в составе Российской империи; Тимошенко], к пространственной дифференциации самой Азиатской России на узкие относительно современные зоны и периферийные территории, лишь в слабой степени испытывавшие импульсы общестрановой модернизации (к ним, в частности, можно отнести обширные тундровые и таежные северные округа, занимавшие 4/5 территории Сибири) [например, см.: Побережников, 2010, с. 114—119]. То же самое можно сказать о результатах социокультурной или административной модернизации.

Что касается северных областей Сибири, то их экономика, как, впрочем, и экономика северных регионов Северной Америки (в частности, канадских) на протяжении фактически XVII—XIX вв. носила ярко выраженный фронтальный характер, который, по мнению А. М. Саймонса, последователя автора фронтальной теории Ф. Д. Тёрнера, применительно к североамериканскому континенту может быть представлен следующим образом:

Эта вечно движущаяся пограничная полоса явилась одной из отличительных черт в развитии американского общества. Ясное понимание ее влияния разрешает многие трудные проблемы в этой истории. ...История Соединенных Штатов представляет собою описание движения могучей армии на Запад, на завоевание лесов и прерий. Эта армия имела своих разведчиков, свой авангард, своих саперов и минеров, свои оккупационные отряды. Эти различные отряды воспроизводили по очереди различные ступени общественного развития, пройденные в свое время всей расой. ...Последовательные ступени заселения Запада надвигающейся армией пионеров Америки вновь воспроизводят перед нами историю социального развития. Авангард охотников, трапперов, рыболовов, разведчиков и борцов с индейцами с замечательной точностью воспроизводит дикое состояние общества. Они жили в примитивных жилищах, выстроенных из бревен, или в землянках, добывали себе пищу и одежду охотой на зверей, группировались вокруг отдельных вождей, часто не знали никаких законов, были грубы и легко возбуждали ссоры, хотя часто обнаруживали еще более характерные черты диких — молчаливость и фаталистическую храбрость. Эти люди заходили на целые сотни миль вглубь пустыни, вдаль от всяких постоянных поселений. Они нередко дружились и жили вместе с индейцами. Таковы были французские бегуны по лесам, которые собирали меха на пространстве от Гудсонова до Мексиканского залива, исследуя реки, нанесенные на карту лишь в течение последних десятилетий. Когда эти разведчики произвели разведку местности, появился первый отряд главной завоевательной армии. Он состоял из небольших групп поселенцев, лепившихся вдоль водяных потоков и главных путей, по которым прошел авангард. <...> Люди этого периода представляли собою бродячий элемент. Едва успевали они расчистить небольшой участок в пустыне, как

снова двигались в путь, чтобы опять взяться за эту же работу, дальше на Запад. Они тоже группировались вокруг отдельных вождей, обыкновенно соединяли охоту и рыболовство с земледелием, и во всех войнах, в которые оказывались втянутыми Соединенные Штаты, кроме последней, они давали самых лучших борцов [Саймонс, с. 87–88].

Данная модель, слишком прямолинейная и гиперболизированная, все же верно схватывает преимущественно торгово-промысловый характер экономики «границы», действительно присущий и канадскому, и сибирскому фронтам, а также присутствие в процессах освоения своеобразной регенерации архаичных общественных отношений.

Тем не менее даже в периферийных регионах Сибири, к числу которых относилась, в частности, Северо-Западная Сибирь, в XIX в. в контексте общероссийской модернизации наблюдалась определенная интенсификация хозяйственно-экономического развития. Основой подобных процессов являлось заметное ускорение темпов освоения Крайнего Севера Западной Сибири. Важная тенденция данного этапа — это необратимый теперь уже процесс формирования постоянного русского населения на Обском Севере [см.: Миненко, с. 262–263]. В экономике районов Крайнего Севера Западной Сибири складывался многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения. При этом традиционное хозяйство аборигенов в значительной степени подвергалось деформации под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала. Проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду вело к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в сферу русского рыбопромышленного предпринимательства, товарного рыболовства. Посредством торговых контактов в быт аборигенного населения постепенно проникали европейская посуда, предметы домашнего обихода; произошло перевооружение охотничьего промысла, распространение получили огнестрельное оружие и усовершенствованные орудия лова. Развитие промышленного рыболовства способствовало росту мобильности обско-угорского населения, которое втягивалось в работу по найму за пределами своих волостей.

В общем, хозяйственные механизмы в XIX в. начинали обеспечивать постепенную интеграцию Крайнего Севера Западной Сибири в экономическое пространство страны. Процессы хозяйственной интеграции отличала динамика ускорения. К рубежу XIX–XX вв. экономика Обского Севера уже прочно подключилась к макроструктуре общероссийского рынка, оказывавшего на нее свое трансформирующее воздействие. Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товаропроизводящей значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственной деятельность.

Модернизационные процессы вызывали рост интереса к окраинам как к источникам разнообразных ресурсов для растущей экономики страны. В этой связи показательна заметная активизация с начала XIX в. географических исследований на севере Евразии, в частности на Обском Севере,

которые носили четко выраженный практический характер. Лейтмотивом этих исследований являлся поиск водного пути между Белым морем и реками Сибири. Географические исследования морей, омывающих северные берега Азии, позволили во второй половине XIX в. организовать торговое судоходство в Карское море [Ямал..., 2000, с. 239–243; Шиловский, 2005, с. 74–80; Манькова, с. 156–167].

Проявлением модернизации можно считать рост миссионерско-просветительской деятельности на Крайнем Севере. Вообще, начало христианского миссионерства и массового распространения православия среди коренных народов Северо-Западной Сибири относится к началу XVIII в. Однако северных волостей данный процесс коснулся тогда поверхностно. Примерно с середины XIX в. миссионерская деятельность на Обском Севере активизируется. Хотя христианизация коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, у отдельных групп населения сложились синкретические формы верований. Трансформировались нормы обычного права; новыми темами и образами обогатилось искусство северных народов. Стало распространяться просвещение. Гораздо более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов: изменения в жилище, летней одежде, системе питания; внедрение покупных вещей вместо традиционных; трансформация производственных технологий.

Итак, на протяжении XIX — начала XX в. Крайний Север Западной Сибири еще оставался во власти традиции. До начала XX в. освоение данного региона так и не вышло за рамки торгово-промысловой колонизации, что обусловило низкие темпы освоения территории, зигзагообразный характер, медленность укоренения русских землепроходцев. История освоения русскими края знала периоды как поступательного развития, так и спадов. Тем не менее общестрановые модернизационные процессы сказывались на темпах и характере освоения региона, которое стало более комплексным и динамичным. К началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции Крайнего Севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Однако процессы интеграции протекали неравномерно и в различной степени захватили компоненты общества. Реальностью края оставались полиморфизм, многоукладность в сфере социальных отношений, в экономической, институционально-политической и социокультурной областях.

Подводя итоги в целом, к числу особенностей развития Азиатской России на протяжении XVIII — начала XX в. следует отнести следующие: 1) фронтирность, 2) большая подвижность населения, 3) сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, 4) особая роль военного элемента. Включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

- Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.
- Богатуров А. Д., Виноградов А. В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транс-системной теории // Восток — Запад — Россия. М., 2002.
- Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
- Букин С. С., Исаев В. И., Тимошенко А. И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX — начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Ч. 1. Барнаул, 2006. С. 66—73.
- Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- Власть в Сибири, XVI — начало XX века* : межархивный справочник. Новосибирск, 2002.
- Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX века). М., 2000.
- Ефимов А. В.* «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера // Из истории общественных движений и международных отношений : сб. памяти в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957. С. 548—560.
- Зеленева И. В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2005.
- Ивановский В. В.* Русское государственное право. Т. 1, ч. 2 : Местные установления. Казань, 1898.
- История казачества Азиатской России.* Екатеринбург, 1995. Т. 1 : XVI — первая половина XIX века. Т. 2 : Вторая половина XIX — начало XX века.
- Карих Е. В.* Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера в XIX — начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 153—165.
- Кауфман А. О.* Артиллерия Кузнецка XVII — первой половины XVIII в. // Кузнецкая старина. Вып. 5. Новокузнецк, 2003. С. 5—11.
- Коленко В. А.* Надежды и иллюзии двух северных цивилизаций: становление русско-канадских отношений (1900—1917) // Американский ежегодник. 2000. М., 2002. С. 266—294.
- Коленко В. А.* Россия и Канада в конце XIX века // Американский ежегодник. 2005. М., 2007. С. 274—292.
- Копылов А. Н.* Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI—XVII в. // Изв. СО АН СССР. 1965. № 9. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 80—88;
- Крих А. А.* Этносоциальные группы сибиряков в имперской практике XVIII—XIX веков // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века : сб. материалов регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 151—158.
- Кук Р.* Граница и метрополия: опыт Канады : (XIII Междунар. конгресс ист. наук, Москва, 16—23 августа 1970 г.). М., 1970.
- Кушнер Г.* Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США : Американ. ежегод. 1992. М., 1993. С. 136—151.
- Манькова И. Л.* Печора — Обь — Енисей: поиски и исследования транспортных путей через Северный Урал, полуостров Ямал и Нижнее Приобье (XIX — начало XX в.) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург ; Салехард, 2006. № 13. С. 156—167.
- Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
- Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.
- Миненко Н. А.* Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопр. истории Сибири досоветского периода : (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 262—263.

Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века. 7 : Глобальная экономика. М., 2003.

Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990.

Освоение Азиатской России в сравнительно-исторической перспективе // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике, XVI—XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2004. С. 204—318.

Пережогин А. А. Военизированная система управления Кольваново-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747—1871 гг.). Барнаул, 2005.

Побережников И. В. Освоение Северо-Западной Сибири и канадского Севера в сравнительной перспективе (XVI — начало XX в.) // Путь на Север: веки истории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение Ямала — 2006». Салехард ; Екатеринбург, 2006. С. 34—49.

Побережников И. В. Канадский и сибирский фронт: общее и особенное (XVI — начало XX в.) // Урал. ист. вестн. 2009. № 2 (23). С. 25—30.

Побережников И. В. Освоение ямальского региона в условиях российской модернизации XIX — начала XX в. // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера : материалы Всерос. науч. конф., 17—18 ноября 2010 г. Тюмень, 2010. С. 114—119.

Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири, конец XVI—XVII в. СПб., 2010.

Рабцевич В. В., Ремнев А. В., Конев А. Ю. Итоги и проблемы изучения административной политики самодержавия в Сибири (XVII — начало XX в.) // Культурное наследие Азиатской России : материалы I Сиб.-Урал. ист. конгресса (г. Тобольск, 25—27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 32—33.

Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005.

Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX века: проблемы регионального управления // Отеч. история. 1994. № 2.

Ремнев А. В. Административное единство Сибири в 19 в. // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII—XX века) : Бахрушинские чтения. 1997 г. Новосибирск, 1999. С. 99—115.

Ремнев А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии : к проблеме организации регионального управления Российской империи // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001. С. 200—212.

Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX века. Омск, 2004.

Саймонс А. М. Социальные силы в американской истории. М., 1925.

Сибирь в составе Российской империи. М., 1997.

Супоницкая И. М. Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность : материалы междунар. конф., посвящ. 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21—22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134—143.

Супоницкая И. М. Равенство и свобода : Россия и США: сравнение систем. М., 2010.

Тёрнер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009.

Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения : ист. очерки. Новосибирск, 2007.

Черкасов А. И. О реке, о стране, о народе // Бестон Г. Река Св. Лаврентия. М., 1985.

- Филимонова М. А.* Периодика как исторический источник: Америка и Россия в XVIII—XX веках // Американ. ежегод. 2003. М., 2005. С. 312—313.
- Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский. Новосибирск, 2001.
- Фронтир* в истории Сибири и Северной Америки в 17—20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002.
- Фронтир* в истории Сибири и Северной Америки в 17—20 вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003.
- Шейд У. Дж.* Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования Ранней республики // Американ. ежегод. 2002. М., 2004. С. 9—31.
- Шиловский М. В.* История введения порто-франко в устьях Оби и Енисея в последней четверти XIX — начале XX в. // Урал. ист. вестн. № 12 (Ямальский выпуск). Екатеринбург ; Салехард, 2005. С. 74—80.
- Шиловский М. В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII — начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 648—653.
- Ямал: грань веков и тысячелетий* : популяр. иллюстрир. очерк истории края с древнейших времен. Салехард ; СПб., 2000.
- Ямал — знакомый и неизвестный.* Тюмень, 1995.
- Black C. E.* The Dynamics of Modernization : a Study in Comparative History. N. Y., 1975.

Статья поступила в редакцию 05.09.2011 г.

ИСТОРИЯ. ФИЛОЛОГИЯ

УДК 94(410) + 39(=111):2 + 821.111

Е. Ю. Чемякин

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. РУШДИ)*

Рассматривается послевоенная иммиграция в Великобританию из бывших колоний, кризис идентичности второго поколения мигрантов и постколониальная теория и литература как способ интеллектуального осмысления своей культурной принадлежности. В качестве исторического источника используются произведения британского писателя индийского происхождения Салмана Рушди.

Ключевые слова: постколониальная теория и литература; иммиграция; творчество Салмана Рушди.

Мигранты в современном европейском обществе — тема, до сих пор не исчерпавшая своей актуальности. Исследователи обращаются к изучению экономического влияния иммиграции, ее политической и социальной активности, правового статуса и т. п. Практически во всех работах отмечается наличие двух культурных миров — восточного и западного, каждый из которых является носителем определенной информации и традиций. Взаимоотношения между ними определяются широким спектром — от диалога до конфликта. Западное общество чаще всего характеризуется как мультикультурное, т. е. подчеркивается ситуация сосуществования двух и более этнорелигиозных общин на одной территории. Возникает вопрос: когда складывается подобное общество в Европе и насколько его появление связано с началом массовой

* Публикуется при поддержке гранта РГНФ 11-31-00329а2 «Идентичность, иммиграция и интеграция в современных полиэтничных государствах: государственная политика и общественные дебаты (на примере Великобритании)».

миграции в страны Запада? Чтобы ответить на него, необходимо обратиться к истории становления культурного самосознания национальных меньшинств. Одним из проявлений этого процесса является *постколониальный дискурс*, возникший в Европе второй половины XX в.

В рамках современной исторической науки, когда междисциплинарный подход является неотъемлемой частью исследований, оправданным является привлечение в качестве исторического источника художественных текстов. Выбор этого источника объясняется как характером самой темы, так и непосредственной вовлеченностью постколониальных писателей в исторический процесс рассматриваемого периода. Кроме того, источниковедческий анализ художественных произведений сегодня является одной из насущных задач современной исторической науки. Эта область гуманитарного знания до сих пор была слабо исследована.

В новой исторической науке все большую актуальность приобретает такое направление, как *интеллектуальная история* (история идей, направлений, а также социокультурного окружения и его влияния на изменения в творческой мысли). Постколониальный дискурс, о котором пойдет речь в данной статье, представляет собой актуальное поле, особенно в отечественной науке, для дискуссий. Понять проблематику этой темы помогает использование ряда теоретических и художественных работ в качестве исторического источника. Для работы с ними применяется классический источниковедческий анализ, первый этап которого предполагает внешнюю критику, т. е. обзор исторической эпохи и условий возникновения источника (в данном случае речь идет о причинах и времени возникновения постколониальной литературы).

Массовая миграция в Великобританию началась практически сразу после Второй мировой войны. Способствовали этому как распад колониальной империи, так и политика правительства, заинтересованного в притоке рабочей силы. Был принят Акт о британском гражданстве 1948 г., по которому облегчался въезд в страну и получение британского гражданства [см.: British Nationality Act]. В период 1951–1964 гг. в среднем 16 тыс. мигрантов из стран Содружества и колоний ежегодно прибывали в Великобританию [см.: Brown, p. 25]. К концу этого периода цифры существенно возросли: в 1959 г. — 21,55 тыс. мигрантов из стран содружества прибыли в страну, в 1960 г. — 58,3 тысячи. Спустя еще год цифра возросла более чем вдвое: 125,4 тыс. мигрантов [см.: Foot, p. 126].

Со временем в обществе возникло недовольство резким ростом иммиграции. Уже в 1960-е гг. вводятся квоты для держателей британских паспортов из стран Содружества. В 1962 г. был обнародован Иммиграционный акт, направленный на мигрантов из стран содружества [см.: Commonwealth...], по которому вводилась квота для держателей британских паспортов из стран Содружества. Об этом периоде еще рано говорить как о времени становления мультикультурного общества. Первое поколение мигрантов выдвигало сугубо политические и социальные требования. Проблемы, затрагиваемые приезжими, не включали культурных и религиозных требований: «Первое поколение черных иммигрантов было обеспокоено не столько сохранением культурных отличий, сколько борьбой за политическое равенство» [Malik, 2002].

Особую роль в культурном и общественном положении сыграло второе поколение мигрантов. Исследователи относят его появление к 1970-м гг. В первую очередь эта миграция связана с детьми первых трудовых мигрантов, прибывшими в Великобританию в малолетнем возрасте или даже родившимися и выросшими на ее территории. «Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное общество потребления, их дети видели всю ограниченность своих возможностей в рамках данного социума в сравнении с западными сверстниками» [Пономарева, с. 63]. Положение мигрантов второго поколения можно охарактеризовать как промежуточное: уже не будучи привязанными к стране своего происхождения, они в то же время оказались не принятыми британским обществом. В этой ситуации возникает вопрос культурной идентичности. Британский исследователь Кенан Малик отмечает, что внимание мигрантов «переключилось с политических проблем на религиозные и культурные» [Malik, 2005]. Ф. О. Плещунов также подчеркивает, что второе поколение британских мусульман было подвержено «массовому кризису самоидентификации, когда юные мусульмане не могли определиться, являются ли они британцами либо... представляют традиционную пакистанскую общину» [Плещунов, 2009, с. 212].

Характерным показателем интереса мусульманских мигрантов к национальной культуре является статистика строительства мечетей в Великобритании. Так, если до 1963 г. было зарегистрировано всего 13 мечетей, то с 1966 г. ежегодно в реестр заносилось около семи. В 1975 г. всего за один год было зарегистрировано 18 мечетей. К середине 1980-х гг. общее число зарегистрированных мечетей достигло 338 [Плещунов, б. г.]. Следует отметить, что мечети стали приобретать все большее значение именно как религиозные, просветительские, духовные центры, которые объединяли мусульманских мигрантов, помогали им сохранить свои культурные ценности. Опасаясь за секуляризацию своих детей, растущих вдали от родины, старшие мусульмане уделяли большое внимание их религиозной практике [см.: Maussen].

С конца 1970-х гг. начинается интеллектуальное осмысление как процессов, происходящих в современном многоэтническом обществе, так и колониального прошлого. Возникает феномен постколониальных исследований, обозначивших «новую межкультурную критику, которая возникла в последнее время, и дискурс, в рамках которого эта критика состоялась» [Ashcroft, p. 28]. Необходимо подчеркнуть, что приставка *post* в данном случае означает не принадлежность к временному промежутку, а создание особого дискурса, противопоставляющего себя классической истории Британской империи. Постколониальные исследования — это изучение социальных, культурных и политических процессов в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Кроме того, постколониальная теория предполагает также интеллектуальное сопротивление одному из главных последствий колонизации — мифологизирующему забвению прошлого: «Возвращение к колониальным переживаниям разоблачает отношения взаимодополнительного антагонизма и взаимного желания, которые в прошлом связывали колонизатора и колонизируемого» [Gandhi, p. 4]. Эти идеи развивали такие основатели

постколониальной теории, как Франц Фанон, Эдвард Саид, Гаятри Спивак, Хоми Бхабха.

Наряду с постколониальной теорией возникает и художественное воплощение этих идей, т. н. *постколониальная литература* — литература, которая, взяв в качестве формы сугубо западный жанр — роман, новеллу, наполнила его качественно новым содержанием. Авторы были выходцами из бывших колониальных владений, но писали на языке метрополии. В их романах появляются образы англичан, взгляд «со стороны», который сильно отличается от привычных представлений самих жителей островов. Писатель и литературовед С. П. Толкачев считает, что разрушение устоявшегося представления об английском в национальных литературах отражает «нарастающую культурную фрагментацию англоговорящего мира» [см.: Толкачев]. Среди представителей британской постколониальной литературы следует отметить такие имена, как В. Найпол, Х. Курейши, Б. Окри, Тимоти Мо.

Происходит культурное переосмысление не только прошлого, но и настоящего — места иммигрантов в современном европейском обществе, столкновения восточных традиций и западных порядков, способности сосуществования различных культур на территории одной страны. Обращение к особой роли иммигрантов в жизни западного общества было первым шагом к формированию мультикультурного общества. Впервые возникает понимание того, что иммигранты не просто стали частью британского общества, но и при этом сохранили свое культурное наследие.

Переломным моментом стало событие, напрямую имеющее отношение к постколониальной литературе, скандал, связанный с одним из наиболее известных британских писателей конца XX в. Салманом Рушди. Историография, посвященная Рушди, чрезвычайно обширна, что связано с активными обсуждениями его произведений среди литературоведов, социологов, культурологов и теологов. К этому следует добавить наличие исследовательских работ и западных, и восточных (мусульманских) авторов. Однако до сих пор в этих работах не рассматривалось значение творчества Рушди в контексте социальных процессов британского общества и становления культурной самоидентичности национальных общин.

Салман Рушди родился 19 июня 1947 г. в образованной мусульманской семье в Бомбее (Индия). В 1961 г., в возрасте 14 лет, его послали в Великобританию учиться в школе Регби. Через год его семья последовала за ним, и они жили два года в Кенсингтоне. В 1964 г., во время индо-пакистанского конфликта, семья Рушди, как и многие другие индийские мусульмане, переехала в Пакистан. Позднее писатель говорил в интервью: «...есть три места, которые оказали на меня большее или меньшее влияние — Индия, Пакистан и Англия. В этих странах я провожу примерно одинаковое время. Англия — страна, где я живу, Индия — страна, где я родился, Пакистан — страна, где живут мои родители» [цит. по: Kaufman].

В 1964 г. он получил британское гражданство, а спустя год, после окончания школы, поступил на исторический факультет Королевского колледжа в Кембридже, как и его отец в свое время. Там он занимался изучением истории,

английской литературы и (на первых курсах) основ ислама. По окончании обучения в 1968 г. Рушди воссоединился с семьей в Пакистане, где начал писать статьи для журналов и газет, затем устроился на телевидение, но столкнулся с цензурой и принял решение вернуться в Лондон. Все это время он постоянно писал статьи, заметки, эссе, наброски к будущему роману. В 1971 г. он закончил свой первый роман «Книга Пира», который был отклонен и никогда не публиковался. В 1975 г. он написал и опубликовал роман «Гримус» [см.: Rushdie, 1975].

В 1980 г. был опубликован роман Рушди «Дети полуночи», который принес ему славу и собрал множество наград, в том числе Букеровскую премию [см.: Rushdie, 1981]. Роман, представляющий собой острую сатиру на историю современной Индии, был хорошо принят не только в Европе, но и в Южной Азии. Однако Индира Ганди, которую Рушди изобразил как жестокую Вдову, стремящуюся удержать власть любой ценой, подала иск за клевету. С литературной точки зрения «Дети полуночи» представляют собой смесь вымысла и магии с политической сатирой в манере, отсылающей к Маркесу («Сто лет одиночества»). Как и Маркес, Рушди помещал фантастические элементы в повседневность, упоминая их как нечто само собой разумеющееся, — черта, которая присуща и его более поздним произведениям. В одном из интервью Рушди говорит также о влиянии на него таких писателей, как Лоренс Штерн, Гюнтер Грасс и Джеймс Джойс [см.: Chaudhuri].

Следующим романом писателя был «Стыд» (1983), в котором проводилась критика режимов Зия уль-Хака и Беназир Бхутто в Пакистане [см.: Rushdie, 1983]. Этого оказалось достаточно, чтобы роман был запрещен в этой стране. В 1986 г. Рушди совершает путешествие в Никарагуа (Латинская Америка), где собирает материал для следующей книги — «Улыбка Ягуара» (1987) [см.: Rushdie, 1987].

Поскольку сам Рушди был мигрантом первой волны, тема иммиграции была ему знакома и понятна как нельзя лучше. Он видел, что в британском обществе постепенно нарастает напряжение между коренными жителями и мигрантами, что положение приезжих становится все более тяжелым. Это было во многом связано с политикой консерваторов (особенно после прихода к власти Маргарет Тэтчер в 1979 г.). Кроме того, в 1980-е гг. начинается становление культурного самосознания этнорелигиозных общин в Великобритании. Мигранты оказались в ситуации поиска своей идентичности: они уже не принадлежали всецело покинутой родине, но при этом не могли стать частью нового западного общества. В этой ситуации Рушди начинает осмысливать внутренние процессы, происходящие в сердцах и умах иммигрантов, обращается к их мотивациям, мыслям и желаниям. Эти мотивы находят отражение в его романе «Сатанинские стихи», увидевшем свет 26 сентября 1988 г.

Название книги взято из Корана, вернее, из той его части, которая до сих пор оспаривается мусульманскими духовными лидерами и историками. По преданию пророк Мухаммед, вернувшись в Мекку из Эфиопии, пошел на сделку с соплеменниками, разрешив признавать, помимо Аллаха, еще три языческих божества. Однако вскоре архангел Джабраил, явившись ему, сказал,

что это «откровение» было надиктовано самим Шайтаном (Сатаной), и пророк отменил свое решение. Кроме того, Рушди в названии делает намек на прозвище арабов (и вообще выходцев с Востока), еще в Средние века данное им европейцами, — «сарацинские дьяволы»: «Вы называете нас дьяволами?.. Отлично, тогда вот вам взгляд дьявола на мир, на ваш мир. Этот взгляд вобрал в себя опыт тех, кого демонизируют в силу их инаковости» [Rushdie, 1990, p. 403].

Сюжет романа делится на две линии: 1) современные события, действие которых происходит преимущественно в Лондоне, и 2) коранические сюжеты. Героями первой линии являются мигранты из Индии Джibriл Фаришта и Саладин Чамча. Первый — успевающий актер в Индии, решивший уехать от своей прошлой жизни, где он жил в совершенном безверии и пороке. Второй — мигрант, который всеми силами пытался избавиться от своего индийского прошлого. Он переехал в Лондон, устроился на работу актером, озвучивающим фильмы, женился на англичанке. Все, что ему было нужно — порвать навсегда со страной своего рождения: «Гребаная Индия... Черт с тобой, я избавился от твоих оков давно, ты не посадишь меня на крючок снова, ты не затанешь меня назад» [Рушди, 2008].

Для романа характерно наличие сильных сюжетных противопоставлений (Лондон — Аравия; XX в. — VI—VIII вв.; развратная жизнь Джibriла Фаришты в Индии — умеренная жизнь Саладина Чамчи в Великобритании; «ангельское» перевоплощение Джibriла — «дьявольское» преобразование Саладина; и т. п.). Кроме того, бросается в глаза сильная внутренняя борьба в жизни каждого из героев: Фаришта проходит путь от порока до архангела, но в результате все равно оказывается убийцей и вступает в конфронтацию с религиозными деятелями, снимая свое кино на мотив Рамааны. Да и как архангел он мечтает только о том, чтобы Махаунд оставил его в покое. В то же время Чамча, обретая черты дьявола, оказывается персонажем, несущим в себе положительные черты.

В целом, роман посвящен проблемам мигрантов, их духовной адаптации, а также культурного различия и многообразия современного западного мира. «Сатанинские стихи, на мой взгляд, это не антирелигиозная книга. Это попытка написать об иммиграции, о ее проблемах и изменениях с точки зрения мигрантов, прибывших в Британию из Индии» [цит. по: Brians].

Важным мотивом романа является отношение героев к прошлому. Так, попытку отречься от него предпринимает Саладин Чамча. Однако длительная борьба, которую Саладин вел практически всю жизнь, оказывается в конечном итоге всего лишь «болезнью». «Сегодня я излечился от прошлого», — говорит он в конце романа, возвращаясь в Индию [Рушди, 2008]). Принятие своего индийского прошлого становится знаковым моментом книги. Саладин примиряется со своим смертельно больным отцом, заново открывает для себя любовь к индийской одежде, языку, еде. Все это воспринимается им как «процесс восстановления, регенерации, ставшей самым удивительным и парадоксальным следствием смертельной болезни его отца» [Там же]). Рушди показывает невозможность отречения от прошлого, которое, как оказывается в конечном итоге,

постоянно находится внутри самого человека и составляет значительную часть его идентичности.

Тема соединения в себе нескольких культур всегда занимала особое место в творчестве Рушди. Еще в 1983 г. он обозначает эту тему как одну из основополагающих для постколониальной литературы: «Я не думаю, что миграция обязательно ведет к потере своих корней. То, к чему она может привести, — это своего рода обретение нескольких корней. Это не традиционный кризис идентичности, когда вы не знаете, откуда именно вы пришли. Проблема как раз в том, что вы пришли из слишком многих мест. Проблема избытка, а не недостатка» [Author From...]. Рушди намеренно использует в своих произведениях колоссальное количество интеллектуально обыгранных текстов (другие романы, притчи, легенды, песни, стихи и т. п.), связывая воедино европейскую и восточную мысль.

Книга сразу же привлекла к себе внимание (следует напомнить, что к этому моменту Рушди уже был знаменитым писателем, получившим общепризнанные награды). Практически сразу же возникла реакция на роман со стороны мусульман: министр парламента Индии осудил «Сатанинские стихи» как книгу, порочащую ислам, и она была быстро запрещена в стране. Страницы с наиболее «оскорбительными» кусками текста распространялись среди исламских организаций и посольств исламских наций в Лондоне. В январе 1989 г. протесты вылились в открытое общественное противостояние. Перед телевизионными камерами демонстративно сожгли тиражи этой книги. В Иране были застрелены пять человек, атаковавших американский культурный центр в Исламабаде в знак протеста. В Кашмире в аналогичной ситуации шесть человек получили травмы и один скончался.

Лидер иранской революции Аятолла Хомейни ответил на книгу изданием религиозного эдикта — фетвы от 14 февраля 1989 г., в которой, в частности, заявил: «Я хочу сообщить неустрасимым мусульманам всего мира, что автор книги, называемой “Сатанинские стихи”, написанной, отпечатанной и выпущенной в свет в качестве вызова исламу, пророку и Корану, равно как и те издатели, которые были осведомлены о ее содержании, приговорены к смерти» [Фетва аятоллы Хомейни].

Хотя многие мусульмане не одобрили фетву и не признали право Хомейни на ее издание, она оказала немедленное и продолжительное влияние на жизнь Рушди, которому пришлось скрываться в рамках программы британского правительства по защите свидетелей. Он пытался найти компромисс со своими врагами, встречаясь с известными мусульманскими духовными лидерами. В своем заявлении 16 февраля 1989 г. он выразил сожаление о том, что мусульмане были оскорблены книгой. Однако все эти меры ни к чему не привели: напряжение между Великобританией и Ираном привело к разрыву дипломатических отношений в марте 1989 г.

В литературном мире Салман Рушди стал своего рода международной знаменитостью, борющейся за свое право на свободу слова. Вскоре после издания фетвы многие известные писатели отправили ему открытое письмо, в котором выражали свою поддержку, среди них Иосиф Бродский, Умберто Эко, Амос

Оз, Жозеф Шкворецкий, Норманн Мейлер, Чеслав Милош и др. [см.: Words for Salman Rushdie].

После издания фетвы Рушди продолжил заниматься писательской деятельностью (его библиография насчитывает более десяти романов, несколько сборников рассказов и эссе, различные статьи, критику и т. п.). Роман «Дети полуночи» дважды признавался по итогам голосования лучшей книгой, получившей Букеровскую премию. В 2007 г. ему был пожалован рыцарский титул, что повлекло за собой новый всплеск волнений и недовольств со стороны исламских фундаменталистов. На сегодняшний день Салман Рушди является президентом американского ПЕН-центра, старейшей международной писательской правозащитной организации, отстаивающей права и свободы человека, а также президентом и основателем Международного парламента писателей.

Жизнь Салмана Рушди является ярким примером биографии постколониального писателя, творчество которого объединяет культурные традиции таких стран, как Индия, Пакистан, Великобритания, что позволило ему практически осмыслить сложности мигрантской жизни и, что еще более важно, внутренние проблемы, связанные с кризисом самоидентичности. В то же время стали более очевидными и проблемы, существующие на его исторической родине. Все это способствовало выработке острого критического взгляда, не подверженно-го старым колониальным стереотипам. Впитав в себя различные культурные коды, Рушди сделал попытку создания мультикультурного мышления, что нашло отражение на страницах его романов. В определенном плане его творчество является своего рода гимном мультикультурализма, бросая вызов тем, кто считает, что смешение различных духовных наследий неизбежно ведет к ослаблению и размыванию коренной культуры [см.: Rushdie, 1990, p. 394].

Рушди стал символом изменений в британском обществе. Критика его творчества со стороны мусульманских духовных лидеров стала лишь одним из первых «камней», брошенных в сторону западной демократии. Вслед за этим последовали и другие культурные требования. Постколониальный дискурс стал показателем формирования культурной идентичности у этнорелигиозных общин в европейском обществе, что, в свою очередь, позволяет говорить о возникновении мультикультурного общества в 80-е гг. XX в.

Кундера М. Нарушенные обещания. СПб., 2004. 288 с.

Плещунов Ф.О. Мусульманские общины Великобритании: проблема адаптации (вторая половина XX — начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Плещунов Ф.О. Роль мечетей в жизни мусульманского сообщества Великобритании [Электронный ресурс] // Институт религии и политики. URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-23140.html> (дата обращения: 14.08.2011).

Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3.

Рушди С. Сатанинские стихи [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://flibusta.net/b/102652/read> (дата обращения: 19.08.2011).

Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа. М., 2003. 381 с.

Фетва аятоллы Хомейни [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/110787/read> (дата обращения: 19.08.2011).

Asians given 90 days to leave Uganda [Electronic resource] // BBC On This Day. 1972. 7 Aug. URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/august/7/newsid_2492000/2492333.stm (дата обращения: 5.07.2011).

Ashcroft B. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. L.; N. Y., 2002. 272 p.

Author From 3 Countries // New York Times. 1983. 13 Nov.

Brians P. Notes for Salman Rushdie [Electronic resource]. The Satanic Verses. URL: http://www.wsu.edu/~brians/anglophone/satanic_verses/svnotes.pdf (дата обращения: 17.07.2011).

Brown R. Racism and Immigration in Britain // International Socialism Journal. 1995. N. 68.

British Nationality Act 1948 [Electronic resource]. URL: http://www.opsi.gov.uk/RevisedStatutes/Acts/ukpga/1948/cukpga_19480056_en_1 (дата обращения: 21.07.2011).

Chaudhuri U. Excerpts from a Conversation with Salman Rushdie (interview with S. Rushdi). [Электронный ресурс]. URL: http://www.subir.com/rushdie/uc_maps.html (дата обращения: 27.07.2011).

Commonwealth Immigration Act 1962. [Electronic resource]. URL: www.britishcitizen.info/CIA1962.pdf.

Foot P. Immigration and Race in British Politics. L., 1965. 272 p.

Gandhi L. Postcolonial Theory : a Critical Introduction. N. Y., 1998. 188 p.

Kaufman M. Author From 3 Countries (interview with S. Rushdi) // New York Times. 1983. 13 Nov.

Malik K. Born in Bradford [Electronic resource] // Prospect. 2005. N. 115, Oct. URL: http://www.kenanmalik.com/essays/bradford_prospect.html (дата обращения: 11.08.2011).

Malik K. The real value of diversity [Electronic resource] // Connections. 2002. Winter. URL: <http://www.kenanmalik.com/essays/diversity.html> (дата обращения: 19.08.2011).

Maussen M. Making Muslim presence meaningful [Electronic resource] : Studies on Islam and Mosques in Western Europe [Electronic resource]. URL: <http://www.setav.org/ups/dosya/17082.pdf> (дата обращения: 10.08.2011).

Rushdie S. Grimus. L., 1975. 253 p.

Rushdie S. In Good Faith. L., 1990. 415 p.

Rushdie S. Midnight's Children. L., 1981. 552 p.

Rushdie S. Shame. L., 1983. 287 p.

Rushdie S. The Jaguar Smile. L., 1987. 176 p.

Words for Salman Rushdi // New York Times. 1989. 12 March.

Статья поступила в редакцию 06.06.2011 г.

УДК 821.512.162-312.1

В. А. Видадова

**ОБРАЗ ПРОРОКА МУХАММЕДА В РОМАНЕ
ЧИНГИЗА ГУСЕЙНОВА «НЕ ДАТЬ ВОДЕ ПРОЛИТЬСЯ
ИЗ ОПРОКИНУТОГО КУВШИНА»**

Анализируется роман видного современного азербайджанского писателя Чингиза Гусейнова «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина». В центре внимания — коранические мотивы. Рассматриваются художественные особенности романа, в первую очередь симбиоз философских размышлений, исторических сентенций и авторского вымысла. В романе выражены идеи писателя относительно проповедей Мухаммеда, отражены вечные концепты и общечеловеческие ценности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная проза; Чингиз Гусейнов; образ пророка Мухаммеда; коранические мотивы; общечеловеческие ценности.

Выдающийся писатель Чингиз Гусейнов относится к тем личностям, которые в наше беспокойное время прежде всего предупреждают о грозящих бедах, рассматривают современные реалии в контексте вечных духовных ценностей. Недаром на одном из своих выступлений в конце 1980-х гг. он подчеркнул: «Индивидуальное желание художников — дать портрет героя наших дней — велико, однако реализация его наталкивается на какие-то трудно поддающиеся теоретическому объяснению внутренние преграды. Художником овладевает прежде всего нестерпимое желание бить тревогу по поводу тех случаев и фактов, когда идеал нарушается. Он стремится как бы предупредить общество, сигнализировать о тех явлениях, которые мешают воплощению идеального и героического» [Гусейнов, 1988, с. 3].

Однако роман «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина», который интересует нас в связи глубоким отражением в нем коранических мотивов [Гусейнов, 2003], стоит несколько особняком в его творчестве. Во-первых, перед нами выдающийся современный русскоязычный писатель, в творчестве которого при внимательном прочтении чувствуются отголоски как русской, так и восточной религиозно-философской мысли. Во-вторых, следует отметить, что в данном произведении перед нами частичное отражение мировоззрения русских философов В. С. Соловьева, П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова и других русских общественных деятелей-просветителей. В-третьих, следует обратить внимание на особенностях архитектоники: три объемные части, две из которых представляют собой свод так называемых мекканских и мединских (йатрибских) сур. В-четвертых, бросается в глаза их наполнение философским содержанием; художественное изложение этих сур переплетается с выстраданными размышлениями писателя о смысле жизни, предназначении человека. Автором воссоздается образ пророка — одновременно сакральной и земной личности, воплощающей в своей судьбе и деятельности реальные коллизии своей эпохи и высокие устремления человечества. Таким образом, смысл бытия постигается через сугубо земные, часто бытовые факты и события.

Перед глазами пророка, а впоследствии и в ассоциативно-умозрительном представлении читателей разворачивается священный свиток (рукопись), в котором причудливая арабская вязь выступает словно «земные тропы, испи- санные крепкими черными чернилами» [Гусейнов, 2003, с. 9]. Действительно, следует воспринимать их как тропы (строки) земные, потому что посланник Аллаха в грешный мир — «лучшее создание всех миров!» [Там же, с. 11] является самым что ни на есть земным существом на планете.

Так как в центре внимания автора коранические мотивы, то необходимо указать на тех людей, кто одним из первых в русской историософии заговорил об историческом значении и необходимости осмысления ислама. Так, В. С. Соловьев писал: «Если признавать в истории внутренний смысл и целесообразность, тогда, без сомнения, такое мировое дело, как создание ислама и основание мусульманской культуры, должно иметь провиденциальное значение, и миссия Мухаммада не может быть отнята у него...» [Соловьев, с. 323]. Причем внутренний смысл исторических деяний, проявляющийся главным образом на эмпирическом уровне, связан с понятием свободы слова и мышления. Это хорошо, на наш взгляд, зафиксировал К. Фараджев в книге «Владимир Соловьев: мифология образа»: в понятие веры, пишет он, входит прежде всего то, как «человек утверждает безусловное существование другого и которая свидетельствует о нашей свободе от всего и в то же время о внутренней связи со всем...» [Фараджев, с. 123]. С таких позиций В. С. Соловьев подходил к Корану. Анализируя в своих работах исторические и духовные истоки ислама, он указывал на то, что Мухаммед подчеркивал единство веры всех пророков и рассматривал свою миссию как восстановление изначальной веры Авраама, Моисея, Иисуса. С таким положением целиком и полностью солидаризовался и Чингиз Гусейнов.

Примечательно, что к этой мысли склонялся в свое время и П. Я. Чаадаев, охарактеризовавший ислам как «одно из наиболее замечательных проявлений Закона», важнейшая роль которого, по его мнению, состоит в искоренении многобожия. П. Я. Чаадаев также не оспаривал тот факт, что Мухаммед — это величайший пророк на земле, человек, который «несравненно более заслуживает уважения со стороны людей, чем вся эта толпа бесполезных мудрецов, которые не сумели ни одного из своих размышлений облечь в плоть и кровь и ни в одно человеческое сердце вселить твердое убеждение; которые лишь внесли разделение в человеческое существо вместо того, чтобы постараться объединить разрозненные элементы его природы» [Чаадаев, с. 196].

«Иудеи и христиане? Но прежде о христианах, — говорит нам повествователь в романе Ч. Гусейнова, естественно, подразумевая мнение по этому вопросу самого Мухаммеда. — С ними, как было запечатлено у мекканцев... надлежит быть в вечном мире, свой род они возводят к царю Соломону... от прежних божков-идолов не вполне отказались, из-за чего их союз с оплотом христианства Византией, или Бизансом, мнящим себя преемником Рима, Новым Римом, неустойчив» [Гусейнов, 2003, с. 41].

Нам представляется, что острота и актуальность этого романа связаны как с нежеланием бежать от действительности, так и с осознанием необходимости

самопостижения («не для каждого, увы, чтение подобных сочинений, тем более читателя сегодняшнего... и моды пошли иные, но не все ведь убежать во внешний мир, гнаться за текущим, придет время, когда уходить будет некуда, кроме как в самого себя» [Гусейнов, 2003, с. 5]). С другой стороны, мы не имеем морального права не отметить вполне естественной скромности пишущего, разворачивающего большое эпическое повествование о пророке со следующим упреждением: «Впрочем, даже я сам порой спотыкаюсь, продираясь сквозь заросли слов, имеющих как будто в отдельности смысл, а в сцеплении становящихся, зачастую независимо от тебя, запутанными, головоломными» [Там же].

Так и напрашивается параллель с известным романом Камала Абдуллы «Неполная рукопись». Нам представляется, что в целом совпадают изначальный информационный материал (свиток Священной книги и заметки старца Деде Горгуда) и главное назначение книг (осветить великие проповеди Мухаммеда, с одной стороны, и исторический путь огузского общества раннего Средневековья на Востоке — с другой). В романе Камала Абдуллы одна тайна повсеместно порождает другую («тайна в тайну включена»); у Ч. Гусейнова пророк, потерявший всех близких в основном по мужской линии, также предполагает наличие цепи тайн, ведомых не многомудрому хану, но лишь одному Аллаху.

Объективно роман Ч. Гусейнова ценен не только тем, что соотносит рождение мусульманского пророка с явлением миру Священной книги, так как многие современные ученые и переводчики сходятся во мнении, что Коран был не написан (создан), но именно ниспослан свыше, но прежде всего подтверждением со слов автора исторической необходимости его появления на земле Аравии в начале VII в.

Наиболее существенным художественным открытием Чингиза Гусейнова в этом романе является, по нашему мнению, смелое и последовательное описание жестоких гонений на Мухаммеда, которым он подвергался всю свою жизнь со стороны арабского духовенства. Вновь подтверждается неписаная истина о том, что нет пророка в отечестве своем. Эта мысль оказывается многоступенчатой и создается как литературными героями, так и общим содержанием всего произведения в целом. Скажем, тот же монах Бахира, узревший свет очей пророка, грозно предрекает: «Именем Бога Единого тебя заклинаю: если приедешь с Мухаммедом в Сирию, иудеи убьют его!.. Я даже знаю, — продолжает чревоушитель, — имена иудеев, которые вознамерятся убить...» [Там же, с. 59].

Это суровое пророчество явилось отправной точкой в цепи беспрестанных гонений. С появлением таинственного монаха, по идее автора, с одной стороны, утверждается его величайшая миссия на Земле («Мухаммед — посланник Всевышнего Аллаха... посланный с тем, чтобы “передать людям его Повеление”» [Там же, с. 178]). С другой стороны, читатели (вероятно, с удивлением) обнаружат, что ставленник Божий по роковому стечению обстоятельств стал вне Закона и, оказавшись выше толпы, ею же был абсолютно не понят, не признан и бит. «Надоел!.. Кто-то кинул в него камень, а следом, когда Мухаммед, пытаясь перекричать толпу, что, мол, выступает перед мекканцами не сам по себе, а лишь как посланник Бога, сын Абу-Лахаба... бросил в Мухаммеда по

наущению отца кровавую баранью кишку: “Вот тебе дары за пророчество!”» [Гусейнов, 2003, с. 142].

Это вознамерились протестовать те мекканцы и жители окрестных городов Аравии, кому Мухаммед своими «пророческими дарами» пытался открыть глаза на бренность земного пути, пронести в толпу с небес свет от Бога, им, кто «не владел и весом песчинки на небе и на земле!» [Там же].

В сущности, мы можем заключить, что суть большинства проповедей мусульманского пророка сводилась не только к почитанию единого Бога, что еще могло быть приемлемо среди «непросвещенных арабов» тех отдаленных веков, но главным образом заключалась в передаче из уст Аллаха незыблемых для всех времен, наций и народностей моральных норм человеческого общежития, законов и заповедей.

Роман Чингиза Гусейнова в данном отношении буквально переполнен этими заповедями, которые становятся, на наш взгляд, такой важной композиционной частью повествования, которая временами вообще перекрывает любые другие идеи и предположения, становится специфической надсюжетной деталью, приобретающей при этом вполне самостоятельное значение. Основная цель и идейное назначение романа Ч. Гусейнова по элементарной логике состоит в апокрифическом жизнеописании великого пророка Мухаммеда. Однако курсивом набранные многочисленные проповеди и заповеди пронизывают это произведение в целом, выступая также в форме вставных эпизодов, в сносках, всевозможных авторских комментариях и иного рода дополнительных пояснениях к основному кораническому тексту, т. е. происходит внедрение в сюжетную канву некоторого количества артефактов, которые опосредованно влияют на эстетический объект, становясь одним из его существенных моментов. Этому помогают и вышеперечисленные элементы сюжета и композиции, включая в свой состав также курсив, разрядку и другие многочисленные шрифтовые и нешрифтовые выделения, акцентирующие главную мысль автора.

А в чем последнее, собственно говоря, заключается? В качестве иллюстративного примера приведем (выборочно) только одну из характерных проповедей, которые объективно вполне пригодны к исполнению и сохранению для современного человечества: «Не почитать другого Бога, кроме Аллаха; Тем, кто принял новую веру, содержать дома свои в опрятности, избавиться от идолов, стремиться к чистоте помыслов, дел и поступков; Быть верным данному слову: сказал — не отказывайся, сказал — не думай иначе, сказал — не поступай противно; Не зариться на чужое добро; Не покушаться ни на чью честь; Не лгать и не лжесвидетельствовать, измышляя клевету; Подавлять в себе гордыню» [Там же, с. 179].

О последней заповеди, согласно Священному свитку, Мухаммед говорил неоднократно и настойчиво, а подтверждение мы находим в классическом примере, взятом писателем из анналов древней истории. Так, речь в романе особо заходит о периоде расцвета Сасанидской Персии, правители которой мнили себя центром Вселенной. В ней, как напутствовал Мухаммед, методом от противного искоренять гордыню вознесшихся. По этому поводу он замечает: «...будто бы семь островных стран, и все семь известных климатов, да столько же сфер

в небе, за которыми неподвижные звезды и горний рай, и посреди всего мироздания, как пуп на теле человечьем, — Персия» [Гусейнов, 2003, с. 41]. Ирония в словах проповедника здесь налицо, к тому же зримые ассоциации могут возникнуть в умах современных людей, которые хорошо помнят и другое известное изречение, но только из уст Христа: не возгордись именем своим, ибо вознесемуся в гордости своей до небес больно падать.

Но, к сожалению, лишь малое количество людей шли за Учителем. Непонимающие сторонились; недооценившие старались избегать публичных выступлений перед паломниками; духовные лица, вносящие разлад в объединение арабских племен, — побаивались и т. д. С увлечением и пользой для себя читаешь в романе, к примеру, о том, как люди абсолютно несовместимой с нами эпохи по созданию бюрократической машины подкупа и шантажа изыскивали коварные и изощренные приемы отстранения от власти либо ослабления влияния на массы. Глава членов Совета духовных общин в Мекке, словно дьявол Фауста, соблазняет обретением богатства и чести, достижением славы в народе, мнимыми обещаниями ложной свободы для себя лично. «Что еще? — вопрошает льстец. — Власть и деньги — мечта мужчины. Деньги у тебя есть. А власти нет. Если желаешь, изберем наиглавнейшим в совет старейшин Мекки... Может, в тебя вселились шайтаны? Призовем искусных врачей Аравии, Базанса и Абассии, исцелим, на расходы не поскупимся!» [Там же, с. 144–145].

Уважаемый и почитаемый старейшинами в Мекке Абу-Сафьян от имени всех «других родов курайшей — максумов, таймитов, и амавитов, которые, так же как он сам, из рода абд шамса и с давних пор претендуют на власть над Каабой» [Там же, с. 143], беззастенчиво предлагает обменять Мухаммеда на «прилежного и обладающего богатырской силой раба» [Там же, с. 144]. Спрятать, устранить, лишит народной поддержки, обесславить — вот основная цель некоторых предводителей, душивших, по мнению Чингиза Гусейнова, святую и свободную религиозную мысль еще в VII в. Но страшнее всего были стоящие у власти, подобные палачам. Именно в их среде рождалась неприязнь, вскоре переходящая в открытую и ничем не сдерживаемую ненависть.

И, наконец, отметим, что, кроме генеральной линии сюжетного повествования о деятельности пророка Мухаммеда, писатель умеет четко и красочно воспроизводить восточный колорит эпохи, в которой религия и политика для правящих кругов Аравии не только сливались воедино, но и нередко являлись предметом раздора племен. И тогда, глубоко внедряясь в психологию человека своего времени, на политические проблемы с религиозным подтекстом автор смотрит их глазами, говорит их устами.

Таким образом, в романе Чингиза Гусейнова «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» происходит новый виток в о з р о ж д е н и я коранических мотивов и художественного воплощения образа пророка Мухаммеда. Отличается новизной также жанровая структура этого синтетического произведения. По характеру изложения основных событий и идейному содержанию роман азербайджанского писателя — философский и к тому же с некоторыми элементами постмодернистской поэтики.

В композиционном плане этот роман представляет собой причудливый синтез достоверных фактов с художественным вымыслом и с вечными заповедями Священной книги ислама.

Гусейнов Ч. Избранное. М., 1988. 608 с.

Гусейнов Ч. Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина : роман : Кораническое повествование о пророке Мухаммеде. М., 2003. 511 с.

Соловьев В. С. Избранное / сост. А. В. Гулыга, С. Л. Кравец ; вступ. ст. А. В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца. М., 1990. 496 с.

Фараджев К. Владимир Соловьев: мифология образа. М., 2000. 153 с.

Чаадаев П. Я. Философические письма : Статьи. Афоризмы. Письма. М., 2006. 241 с.

Статья поступила в редакцию 21.06.2011 г.

УДК 821.161.1-145

А. Г. Маслова

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЗЕМНОГО БЫТИЯ: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭЗИИ ЖУРНАЛА «ПОЛЕЗНОЕ УВЕСЕЛЕНИЕ»

Рассматриваются поэтические тексты журнала «Полезное увеселение», издававшегося М. М. Херасковым при Московском университете в 1760—1762 гг. Анализируются произведения религиозно-духовного содержания и стихотворные письма, которые до сих пор не были предметом исследовательского внимания. Подчеркивается, что целостное мироощущение авторов журнала отражается не в отдельных поэтических текстах, а в совокупности произведений различных жанров, так как каждый жанр в классицизме был приспособлен для изображения какой-то одной стороны жизни. Направленность журнала на изображение частного человека позволяет поэтам отразить сложность и противоречивость человеческой природы и земного бытия человека.

Ключевые слова: жанры русской поэзии XVIII в.; философская поэзия; образ человека; земное бытие.

Журнал «Полезное увеселение», издававшийся при Московском университете в 1760—1762 гг., по праву считается первым русским литературным журналом, авторы которого связаны единым направлением [Гуковский, 2003, с. 154], а публикуемый материал свидетельствует о наличии группы писателей, «стоящих на более или менее одинаковой идейно-художественной платформе» [Федоров, с. 172]. В журнале печатались произведения различных жанров, причем торжественные оды, посвященные царствующим монархам, являвшиеся в этот период ведущим жанром русской литературы, занимали в издании М. М. Хераскова далеко не первое место. Спектр поэтических

текстов, представленных в журнале, свидетельствует о разнообразии русской поэзии конца елизаветинской эпохи и формировании определенных традиций не только в жанре торжественной панегирической и духовной лирики, но и в других лирических жанрах.

Следует отметить, что поэтические тексты «Полезного увеселения» до сих пор не являлись предметом устойчивого исследовательского интереса, несмотря на то, что в журнале представлена альтернативная официально поддерживаемой литературе линия развития русской поэзии, которая впоследствии, в эпоху кризиса абсолютистской идеологии и увлечения сентиментализмом, выйдет на первый план. Более того, в некоторых случаях звучат весьма пренебрежительные отзывы о поэтических опытах авторов журнала, которые следовали литературной позиции А. П. Сумарокова с его отрицательным отношением к «надутости» слога, но не имели свойственного признанному теоретику русского классицизма «сознания общественной важности литературы» и «вкуса к работе над стихом» [см.: Западов, 1979, с. 168].

Особенности поэзии университетских журналов начала 1760-х гг. в той или иной степени рассмотрены в трудах Г. А. Гуковского [2001; 2003, с. 154–155], А. В. Западова [1984, с. 177–185], а также обзорно описаны в учебнике В. И. Федорова [1990, с. 171–181]. Данные работы дают представление о ведущих творческих принципах поэзии, особенностях поэтики и своеобразии мировосприятия авторов «Полезного увеселения», однако это исследования обзорного характера, в задачу которых входит лишь общее ознакомление читателя с русской поэзией XVIII в. или с литературной позицией группы поэтов, близких М. М. Хераскову. Г. А. Гуковский в основном сосредоточил внимание на анализе поэтической техники одного из наиболее плодovitых авторов «Полезного увеселения» — А. А. Ржевского, который к концу 1760-х гг. полностью отказывается от поэтической практики, посвятив свою жизнь чиновнической деятельности. О творческих поисках А. А. Ржевского упоминается также в работах Ю. И. Минералова [2003, с. 107–110] и М. Л. Смусиной [1974]. В. И. Федоров и А. В. Западов анализируют особенности мировосприятия и общественно-политической позиции авторов журнала, однако тот факт, что их работы писались в советский период, накладывает особый отпечаток на исследовательскую интерпретацию, отличающуюся идеологической однобокостью и невниманием к существенным сторонам поэтического мироощущения писателей. А. В. Западов, обращаясь к анализу поэзии «Полезного увеселения», подчеркивает отсутствие интереса поэтов к сатирической тематике и преобладание пессимистических настроений в их творчестве [см.: Западов, 1984, с. 179]. Однако сатирические произведения занимают немалое место среди поэтических публикаций журнала, что замечено В. И. Федоровым, который, анализируя особенности изображения человека и его земной жизни в журналах «Полезное увеселение» и «Свободные часы», так же как и А. В. Западов, отмечает пессимистическое восприятие поэтами окружающей действительности. Исследователь подчеркивает, что, «задумываясь о смысле бытия, писатели прежде всего обращали внимание на непрочность, быстротечность и переменчивость всего сущего. Это относилось и к природе (макрокосму), и к человеческой жизни (микрокосму)»

[Федоров, с. 175]. В данном описании жизненных взглядов поэтов «Полезного увеселения» отсутствует очень важная составляющая — осознание Божественного присутствия в мироздании и роли Творца в жизни каждого человека. Религиозные мотивы занимают существенное место в поэтических текстах журнала, включение их в сферу исследовательского анализа ведет к смещению акцентов в описании художественного мироощущения участников изданий М. М. Хераскова начала 1760-х гг. Безусловно, выводы Г. А. Гуковского, А. В. Западова и В. И. Федорова нуждаются в дополнениях и уточнениях.

Обличение порочной жизни светского человека и отрицательное восприятие земного человеческого бытия не являлось столь глобально пессимистическим, как это предстает в интерпретации А. В. Западова и В. И. Федорова. Действительно, целенаправленно подобранные отдельные цитаты и тексты показывают нам негативное отношение поэтов к «ничтожному» человеку, обреченному на страдания в земной жизни, смерть и забвение. Следствие такого отношения — отрицание действительности и желание покинуть порочный земной мир. Однако стоит рассмотреть хотя бы один пример — знаменитые стансы М. М. Хераскова, в которых каждая строфа завершается рефреном: «Боже мой, Боже! Всякий день то же», подчеркивающим бессмысленность всех действий, которые бы ни совершал человек, и всей его жизни в целом. В то же время в финальной строфе стихотворения рефрен меняется, отражая противоречивость человеческой природы. Лирический субъект, выражающий авторское мироощущение, вовсе не готов отказаться от этого суетного мира:

Сколько ни видим
В мире сует,
Не ненавидим —
Любим мы свет.
Боже, о Боже!
Любим и то же [ПУ, 1761, июнь, с. 188].

Следует иметь в виду, что в эпоху классицизма, в рамки которой вписывается поэтика журнала «Полезное увеселение», отдельный поэтический текст определенного жанра предназначался для выражения определенных и, как правило, заранее заданных поэтической традицией тем и мотивов. Как пишет Г. В. Москвичева, характеризуя особенности жанрового мышления в эпоху классицизма, «каждый жанр в отдельности давал представление лишь об одной стороне жизни: возвышенное или низменное, трагическое и комическое никогда не соединялись в одном произведении. Резко обособленные и противопоставленные друг другу, жанровые формы, однако, были объединены в единую систему. <...> Поэтому полнота художественного отображения жизни достигалась в классицизме лишь совокупностью жанров» [Москвичева, с. 6]. Из этого следует, что анализ произведений, посвященных интерпретации темы «на суету жизни», не может привести к целостному представлению о поэтической картине русской поэзии того или иного этапа, так как эти произведения отражают лишь один, а именно негативный, аспект восприятия земной человеческой жизни. То же самое можно сказать и о произведениях, связанных с темой

обличения человеческих пороков. С другой стороны, высокая поэзия представляет другую сторону человеческой жизни, достойную воспевания.

Исследовательская задача описания своеобразия изображения человека и его земного бытия поэтами начала 1760-х гг., печатавшимися в журнале «Полезное увеселение», предполагает всесторонний и комплексный анализ поэтических текстов разных жанров, посвященных различным темам. Именно такой подход лежит в основе предпринятого исследования.

В журнале «Полезное увеселение» ведущее место отводится проблемам, связанным с частной жизнью человека. Несмотря на то, что значительная часть текстов, печатавшихся в журнале, не представляет для современного читателя значимой художественной ценности, тем не менее именно здесь складываются и разрабатываются приемы поэтического отражения противоречивой человеческой природы, закладываются основы русской психологической лирики, которая достигнет своего расцвета в эпоху романтизма. Все это выявляет важность всестороннего исследования поэзии «Полезного увеселения».

Проблемы самопознания, попытка художественно исследовать неразрешимые жизненные противоречия, открывающиеся перед человеком в его земной жизни, оказываются центральными проблемами поэтических размышлений авторов. Земная жизнь человека становится предметом поэтических размышлений в стихотворных письмах-посланиях А. Ржевского, А. Нарышкина, И. Богдановича, А. Карина, а также присутствует в эпистолах, стансах, сонетах, одах (духовных и философских) и стихотворениях, жанр которых прямо не обозначается авторами.

В стихотворных письмах представлены поэтические размышления, адресованные другу-единомышленнику — как правило, тоже поэту, печатавшему свои произведения в «Полезном увеселении». Письма «Полезного увеселения» и нравоучительные эпистолы в совокупности создают целостную философскую концепцию земной жизни человека. Бог, создавший мир, выделил человека из всех земных тварей, наделив его «разумной душой», «живущим вечно духом», призванным познавать величие своего Создателя. Бог дал человеку все для счастья: желания, которые позволяют ощущать радости жизни, и разум, направляющий эти желания на благие цели. Так, А. Нарышкин в «Письме к А... Р...» пишет:

Бог милостию к нам своею бесконечной
Для счастья нашего в сей жизни скоротечной
Различные нам всем желанья даровал
И разум в нас вложил, чтоб ими управлял,
Чтобы желаньям цель была лишь добродетель,
С тем нас всех сотворил Вселенная содетель.

[ПУ, 1761, январь, с. 4]

Создал Творец и чудесный окружающий мир, который может радовать человека, что отмечается в «Письме к А... Н...» А. А. Ржевского: «Довольно в свете сем утех для человека, / Для нашей брэнности, для временного века. / Везде приятности для наших глаз растут, / Довольно и сердца утех здесь обретут» [Там же, 8].

Но человек сам виновен в своих бедах, так как идет ложными путями, гоняясь за мнимым блаженством, которое на самом деле только тлен, ведущий к еще большему распространению пороков и зла в человеческом мире. Причина неумения человека находить радости в земной жизни — его неумные желания, которые не могут быть удовлетворены, так как всегда хочется большего. Поэтому человек должен ограничивать свои желания разумом, направлять их по истинному, а не по ложному пути. И. Богданович в «Эпистоле» замечает:

Блажен, кто в суете не даст себя в обман,
Владеет разумом, ему Творцом что дан,
Бедою злость грозить тогда ему не смеет,
Владея разумом, и счастьем он владеет.
Один имеем путь к блаженству мы сему:
Желанья чтоб иметь покорными уму.

[Там же, апрель, с. 127]

Авторы стихотворных писем советуют друг другу не уподобляться тем, кто не находит в этом мире радостей и ропщет на Бога. Они вступают в спор с распространившимся в середине XVIII в. учением деизма, основывающемся на убеждении, что Бог, создав Вселенную, пребывает вне мира и не вмешивается в ход событий. Как убежден А. А. Ржевский, Бог, создав человека, не мог бросить его, обрекая на бесконечные страдания:

Недремлющим с небес на нас взирая оком,
Он бдит о твари всей в радении глубоком
<...>
На лучший все конец Бог тварь свою склоняет,
И все то хорошо, что Бог определяет.

[ПУ, 1761, август, с. 50]

В свете такого понимания и смерть человека является благом, так как земной мир хорошо устроен лишь для временного пребывания, земная жизнь человека сродни младенческому состоянию души человеческой, которая в своей земной, телесной жизни должна пройти испытания, испробовать ложные пути блаженств и осознать их мнимость, о чем пишет в своем «Письме о бессмертии души» И. Богданович: «Жилище для того земное нам дано, / Чтоб слабой дух еще, дни проводя младенства, / Готовился к другой здесь жизни совершенства» [Там же, октябрь, с. 138–139].

Концепция оправдания Бога («Во всем мы оправдать днесь Бога попечемся» [Там же, август, с. 50]), выстраиваемая авторами «Полезного увеселения», во многом соотносится с идеями немецкого мыслителя Г. В. Лейбница, изложенными в его знаменитых «Опытах теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла» и в трактате «Оправдание Бога на основании его справедливости, согласованной с прочими его совершенствами и всеми действиями». Делая предметом своих размышлений вопрос о человеческой беде и Божьей справедливости, Г. В. Лейбниц утверждает, что только несовершенство человеческого разума не позволяет человеку понять, что живет он в самом

лучшем из миров, потому что мир этот находится «под управлением благого Господа» [Лейбниц, с. 55]. Та же мысль присутствует в поэтических медитациях авторов «Полезного увеселения»: «Здесь счастье растет, блаженство обитает, / Но твой развратный ум его не постигает» [ПУ, 1761, январь, с. 8].

Отвергая одно за другим метафизические построения теологов и философов, вносящих сомнения в мысль о благодати Творца, Лейбниц оправдывает Бога, допускающего зло в мире из принципа целесообразности, подчеркивая, что Бог сам никогда не совершает зла, основание Божественной воли можно найти только в благе, и «благодаря бесконечной мудрости Всемогущего в соединении с его неизмеримой благодатью не могло быть создано ничего лучшего (если принять во внимание все), чем то, что было создано Богом», и, следовательно, «нет ничего более блаженного, как служить столь благому Господину, и поэтому надлежит любить Бога больше всего и всецело на него полагаться» [Лейбниц, с. 475—476]. Эти же идеи в стихотворной форме повторяются в письме А. А. Ржевского, адресованном А. Нарышкину. Автор, так же как и немецкий философ, подчеркивает, что Бог ведет человека наилучшими путями, но только человек не может постигнуть этих путей:

Он всех нас к лучшему невидимо ведет,
 Но нам в судьбы свои проникнуть не дает.
 Грядущее Он все от смертных сокрывает
 Затем, что чрез сие все в свете исполняет.
 Нередко самым тем, что мы бедою чтим,
 Печалей больших мы и бедства избежим,
 Но только мы сперва того не познаваем,
 Затем, что мы судеб Его не постигаем.

[ПУ, 1761, август, с. 50—51]

Завершается письмо А. А. Ржевского поэтической сентенцией, очень близкой к высказыванию Лейбница, призывающего любить Бога и во всем на него полагаться: «С весельем душу я днесь Богу поручаю, / Которого люблю, боюсь и почитаю» [Там же, с. 53].

Как видим, жанр стихотворного письма используется поэтами для оформления своих философских взглядов. Авторами утверждается благодать Бога, создавшего Вселенную и человека. Слабость человека в его земном бытии объясняется младенческим состоянием души, призванной блуждать в начале своего пути в лабиринте ложных «блаженств», чтобы в результате прийти к осознанию истины. Подчеркивается, что земная жизнь устроена Богом таким образом, чтобы человек мог получать в ней разнообразные радости, для чего даны ему чувства и желания. В то же время эти же желания, если они не управляются разумом, ведут к распространению в мире пороков и зла, заставляющих человека страдать. Но неразумное следование желаниям — вина самого человека, и поэты призывают отказаться от обвинений в адрес Бога, посвятив свою жизнь самопознанию, разумному следованию своим желаниям и чувствам. Все это должно способствовать спокойствию души, которая сможет ощущать блаженство в телесном бытии и подготовиться к иной, более совершенной жизни.

Обращаясь к произведениям других жанров, мы видим, что выстраиваемая исходя из идеальной точки зрения концепция счастливой земной жизни человека, заботящегося о разумном следовании своим желаниям и сохранении душевного покоя, в действительности — лишь идеальная концепция. Достичь такого идеального состояния в реальной частной жизни весьма сложно. В земном мире царствует время, благодаря которому все движется и изменяется, все подвержено смерти и тлению. Многочисленные философские стансы развивают эту тему, причем способность всего живого к движению оценивается амбивалентно. Перемены к лучшему всегда желанны, о чем пишет А. А. Ржевский в Стансе «Судьба все превращает...»: «Настав, преидет ненастья, / Наступит свет опять. / Тот, кто терпел несчастья, / Престал уже вздыхать. / Все с временем согласно / Себе премыны ждет» [ПУ, 1761, июнь, с. 207]. Надежда на изменения к лучшему утешает человека в беде, и этой теме посвящено стихотворение Е. В. Херасковой «Надежда».

С другой стороны, неумолимое движение времени постоянно напоминает человеку о приближающейся старости и смерти, о мнимости всех благ, которыми прельщается человек в своей земной жизни. Стихотворение М. М. Хераскова «Время» рисует картину уничтожающего все на своем пути потока времени. Время все уносит в небытие, теряют смысл любые человеческие свершения, обесмысливается сама жизнь, обреченная на смерть: «время все дела людские пожират», «И титлы, и умы удобно время стерть, / Всех обща в свете часть забвение и смерть» [ПУ, 1761, ноябрь, с. 179—180].

Но в стихотворении «Станс» («Непрестанно человек льстится суетою...») тот же М. М. Херасков, размышляя о том, что «все, как тень, пройдет», и задавая вопрос: «И на то ли всяк живет, что с ним вместе все пройдет», решительно отвечает: «Нет!». Существуют в жизни человеческой ценности, которые не могут восприниматься как суетные — это «непорочные сердца и душевна добродетель»: «Умной, честной человек / Делает бессмертным век» [Там же, октябрь, с. 143].

В «Сонете» Е. В. Херасковой «К чему желаешь ты, о смертный, долгий век?..», помещенном в июньском номере журнала (1761), развивается мысль о непрерывных страданиях человека в его земной жизни, и только в смерти видится спасение от этих страданий. В то же время А. А. Ржевский в «Рондо» («Не лучше ль умереть, ты часто рассуждаешь...») иронически обыгрывает мысль о желанной смерти, считая, что мысль эта приходит к человеку только тогда, когда он не получает желаемого — чинов, сокровищ, любви красавицы. Но мысль о смерти хороша лишь тогда, когда нет реальной угрозы этой смерти: «Охотно умереть ты для того желаешь, / Что скоро смерти ты себе не ожидаешь, / И только говоришь: не лучше ль умереть?» [Там же, март, с. 95]. Противоречивая природа человека раскрывается в тот момент, когда он вдруг достигает желанного конца и видит перед собой смерть, в этот момент ему приходит совершенно иная мысль:

Желанного конца уже ты достигаешь:
Идет желанна смерть, ты на нее зриаешь.

Скажи, желаешь ли теперь ты умереть?
Не лучше ль потерпеть? [Там же].

Поэзия А. А. Ржевского, как отмечали Г. А. Гуковский и М. Л. Смусина, выделяется на фоне других авторов «Полезного увеселения», недаром именно Ржевский удостоился в «Опыте словаря русских писателей» (1772), выпущенном Н. И. Новиковым, особой характеристики [см.: Гуковский, 2001, с. 159]. Следует отметить, что творчество А. А. Ржевского, которое широко представлено на страницах журнала «Полезное увеселение», является очень важным шагом в развитии поэзии, открывающей способы изображения человеческих чувств, внутренних противоречий и сомнений, терзающих человека. Создавая в своих дружеских письмах концепцию идеальной спокойной жизни, возможной в случае разумного следования своим желаниям, направленным на добро, в других произведениях поэт раскрывает всю сложность и даже порой невозможность достижения идеала в действительности.

Главное блаженство человека в земной жизни — «в душах», «спокойствием не превратных», как пишет А. А. Ржевский в «Сонете» («Где смертным обрести на свете сем блаженство?..») [ПУ, 1761, июнь, с. 208]. Но в том-то и беда, что спокойствие души почти недостижимо. Человек разрывается в противоречиях, то мечтая о смерти, которая должна положить конец терзаниям и печали («Пройдет моя тоска, и век драгой настанет. <...> Престань меня терзать, окончись, время слезно, / Приди душе покой, сокровище любезно! / Когда же он придет? Как жизнь окончу я» [Там же, с. 184]), то боясь этой смерти, которая прервет счастье и блаженство: «Все то минется, / Все то пройдет, / Счастье прервется, / Смерть как придет» [Там же, апрель, с. 114].

Особенно сложно обрести спокойствие влюбленному сердцу, которое не может найти утехи: «Не может свободиться / И мучиться престать, / Не может отлюбиться, / Не может не вздыхать» [Там же, июнь, с. 207]. Стихи А. А. Ржевского наполнены невыдуманными душевными терзаниями влюбленного сердца: и радующегося счастью любви, и испытывающего боль сомнений и горе разлуки, потому что: «Любовной в свете страсти / Нельзя приятней быть, / И в свете нет напасти / Жесточей, чем любить» [Там же, октябрь, с. 131].

Человек, оказавшийся в земном мире, в силу своей природы слаб, и достижение истинного спокойствия души для него — идеал, который практически недостижим. Душа человека, облеченная в телесную оболочку, обречена на блуждания в лабиринте страстей и ложных ценностей и требует от своего обладателя постоянной борьбы с земной «суетой». В связи с этим важнейшее место в жизни человека отводится его духовному общению с Богом — помощником, защитником, справедливым судьей, совершенным и благим Творцом, положившим в основу бытия закон истинной любви и добра. Немалое место поэтому среди произведений «Полезного увеселения» занимают переложения псалмов, молитвы, оды, сонеты и стихотворения других жанров, разрабатывающие духовно-религиозные темы. И в этих произведениях проявляется настойчивая необходимость авторов использовать различные художественные средства для выражения своих внутренних сомнений. Наиболее подходящим

для этого оказался жанр переложения псалмов, который уже Ломоносовым избирался исходя из желания «как-то выразить свои чувства и мысли по поводу жизненных обстоятельств» [Западов, 1979, с. 98], передать свое настроение в адекватной художественной форме. И. Богданович в «Оде из псалма» — так он обозначил этот жанр («Как утомленный после бегу...») — изображает измученного страданиями человека, надеющегося на духовную поддержку Бога, но осознающего слабость своего духа:

Почто, мой дух, в бедах слабеешь
И сердце, испускаешь стон?
Защитой Бога ты имеешь,
Твое спасенье будет он.
Душа на Бога уповает,
Но сердце, ах! ослабевает.

[ПУ, 1761, сентябрь, с. 76–77]

Надежда на Бога, благодарность Творцу за поддержку, уверенность в его защите, призывы покарать врагов — таковы традиционные темы религиозно-философской лирики, истоки которой содержатся в Священном Писании, но переживания, становящиеся предметом лирических медитаций поэтов «Полезного увеселения», — глубоко личные, ведь ситуация духовного общения с Богом предполагает исповедальность, откровенное выражение личных сомнений и чувств. Главное, что составляет основу религиозного чувства для авторов журнала, — убеждение в том, что все происходящее с человеком в его земной жизни является благом, даже если человек не может понять этого.

Концепция авторов «Полезного увеселения» близка масонской философии, утверждающей необходимость постоянной духовной работы человека в его земной жизни. По документальным источникам, принадлежащим, правда, более позднему времени, известно, что многие поэты, публиковавшиеся в московских университетских журналах начала 1760-х гг., входили в тайные масонские ложи. Но еще А. В. Западов подчеркивал, что, несмотря на отсутствие документов, свидетельствующих о существовании в Москве в 1760-е гг. масонских лож, однозначно говорить об их отсутствии мы не можем. Известно, что масонская ложа в 1756 г. существовала в Петербурге, в нее входил А. П. Сумароков, чья поэзия служила образцом для авторов журнала М. М. Хераскова. Как справедливо замечает исследователь, «мотивы личного совершенствования, бренности земного, пропаганда образцов добродетели, идеи дружеского братства членов ограниченного кружка людей, думы о загробной жизни, к которой надо готовиться человеку в его земном существовании, — все это типично для масонского умонастроения и заставляет видеть в кружке Хераскова тайную масонскую группу» [Западов, 1984, с. 181]. В. И. Сахаров предлагает рассматривать поэтические образцы журнала «Полезное увеселение» в качестве начального этапа формирования нового литературного течения: «...Организирующей силой и источником творческих идей новых поэтов становится не классицизм (который для стихотворцев-масонов вовсе не отменен,

но отходит в их творчестве на второй план и получает роль чисто служебную), а масонство» [Сахаров, с. 69]. По мнению ученого, русская масонская поэзия (и, шире, масонская литература) должна быть выделена как особое направление русской литературы второй половины XVIII — начала XIX в., имеющее своих предшественников и учителей, истоки и традиции, характеризующееся сознательным уходом от норм классицизма и созданием своего творческого метода.

Таким образом, центральными проблемами поэтических размышлений авторов «Полезного увеселения» оказываются вопросы земного бытия частного человека, который сталкивается в своей жизни с неразрешимыми противоречиями. С одной стороны, согласно разумно выстроенной концепции, в которой признается изначально благое Божественное устройство мира для счастливой жизни человека, в отвлеченных эпистолах создается философия идеального спокойного существования в гармонии с собой и Богом. Эта идеальная концепция во многом схожа с концепцией оправдания Бога Лейбница, а также с масонской философией. С другой стороны, противоречивая природа человека не позволяет достичь идеала, и эта сторона жизни находит отражение в жанрах, открытых для проявления лирических чувств, в частности в любовной лирике. Диалектика любовного чувства в наибольшей степени нашла выражение в лирике А. А. Ржевского, преодолевающего в своем творчестве классицистические жанровые ограничения и ориентирующегося в первую очередь на индивидуальные переживания. Поэты «Полезного увеселения» стремятся художественно изобразить сложность и многогранность человеческой натуры. Классицистическая система жанров не была приспособлена для такой цели, поэтому стихотворения, публикуемые в журнале, группируются в циклы, объединяющие произведения различных жанров, что позволяет связать тексты, выражающие противоположные идеи, и таким образом отразить целостное мироощущение. Создавая идеальную концепцию земного бытия, художники в то же время показывают, что в реальной жизни достичь идеала сложно, а порой и невозможно. Чувства, в особенности любовное, далеко не всегда поддаются разумному ограничению. Человек в земной жизни стремится не к тем благам, которые для него определил Господь, и потому направляет свою жизнь по ложному пути. Истинный же путь к покою неотделим от движения к добру, любви и к Богу, приходящему на зов страждущего, желающего обрести душевный покой.

Гуковский Г. А. Ржевский // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 157–183.

Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века : учебник. М., 2003. 453 с.

Западов А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). М., 1979. 312 с.

Западов А. В. Поэты XVIII века (А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков). М., 1984. 240 с.

Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М., 1989. 554 с.

Минералов Ю. И. История русской словесности XVIII века : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2003. 256 с.

Москвичева Г. В. Жанры русского классицизма: из лекций по спецкурсу. Ч. 2. Горький, 1974. 192 с.

ПУ — Полезное увеселение. 1760 — 1762.

Сахаров В. И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. / под ред. докт. филол. наук В. И. Сахарова. М., 2000. С. 66—118.

Серман И. З. Державин. Л., 1967. 119 с.

Смусина М. Л. Элегии А. А. Ржевского // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Вып. 1. Л., 1974. С. 25—32.

Федоров В. И. Русская литература XVIII века. М., 1990. 351 с.

Статья поступила в редакцию 13.04.2011 г.

УДК 821.161.1-311.2

А. С. Поршнева
А. В. Бороненко

СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ЧТЕНИЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ «РОМАН О ЗОЛУШКЕ»*

Анализируется интерес современных писательниц к популярным зарубежным любовным романам, объединенным общим сюжетом «истории о Золушке». Предлагаются результаты анкетирования, проведенных в рамках исследования, посвященного особенностям восприятия современной зарубежной массовой литературы российскими читательницами.

Ключевые слова: современное женское чтение; зарубежный роман; сюжет о Золушке.

В прошлом году группа исследователей кафедры зарубежной литературы Уральского государственного университета начала заниматься изучением особенностей восприятия современной зарубежной массовой литературы российскими читателями. На начальных этапах исследования были проведены два анкетирования, цель которых заключалась в выявлении основных предпочтений современных российских читателей в области зарубежной литературы. В результате, в частности, был установлен ряд однозначных гендерных «привязок» читательских предпочтений. Так, читательницы чаще предпочитают читать произведения, написанные женщинами, а из жанров наиболее привлекательным для них является любовный роман. На основании подобной информации был сделан вывод о том, что любовный роман — это жанр, ориентированный преимущественно на женскую аудиторию.

* Публикуется в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации № НК-643Р-50.

Интересное наблюдение было сделано в ходе анализа списка авторов, упомянутых респондентами (в ответах на вопросы о любимых авторах и о недавно прочитанных книгах): в «топ-10» зарубежных любовных романов попали произведения не только писательниц, чье творчество имеет устойчивые ассоциации с массовой литературой (С. Ахерн, А. Гавальда, Д. Стил, М. Митчелл), но и английские романы XIX в., традиционно относимые к классической литературе (Д. Остен, Ш. Бронте, Э. Бронте). Эти данные заставили заострить внимание на общих свойствах упомянутых выше. В итоге было выявлено, что ключевым объединяющим для них фактором является история Золушки, лежащая в основе сюжета всех этих романов. Данное наблюдение вполне укладывается в сложившиеся представления о природе и структуре любовных (женских, дамских, розовых) романов, согласно которым именно история Золушки является для них архетипической¹ [см.: Вайнштейн, с. 311].

Е. М. Трофимова отмечает, что российские издатели в настоящее время предпринимают попытку «создать русскую версию “дамского романа”, близкую к тому, что делается на Западе, но основанную на современной российской действительности» [Трофимова, с. 154]. Популярность подобных произведений обусловлена во многом тем, что «они, как правило, основаны на мифе о Золушке — бедной, несчастной девушке, которую встречает, спасает, делает счастливой добрый, благородный и достаточно состоятельный принц. Конечно, этот бродячий сюжет осовременивается, обретает национальную психологическую и бытовую специфику: вместо Золушки — молодая служащая (студентка, работница), вместо принца — новый русский. Однако стержень остается» [Там же]. По сути, обозначенный сюжетный «стержень» является вариацией более общего случая — любовной истории, сопровождаемой многочисленными перипетиями, завершающейся счастливым финалом (хеппи-энд) и показываемой полностью или преимущественно из перспективы героини-женщины.

В большинстве историй, создаваемых авторами любовных романов, сюжет Золушки просматривается достаточно четко; в других случаях авторы заимствуют отдельные его элементы. Есть мнение, что история Золушки — это архетипический сюжет жанра женского любовного романа в целом [см.: Фомина], который «моделирует поиск партнера и описывает препятствия, стоящие на этом пути (появление ложного соперника, тайна рождения, переодевания, внезапный отъезд, похищение, соблазны). При всех отклонениях в эротику основное содержание дамского романа остается пуристским, консервативным, ориентированным на традиционные добродетели. Традиционный хеппи-энд завершает характеристику женского любовного романа как “сказки для взрослых”» [Там же]. В настоящее время любовный роман, в большей или меньшей степени восходящий к истории о Золушке, — «явный лидер женского чтения постреформенной России» [Там же].

¹ Подробнее о результатах данного анкетирования, истории критической и научной рецепции истории Золушки, романах Д. Остен и Ш. Бронте в «зеркале» данного архетипа см. ст.: [Поршнева, Бороненко].

По мнению А. А. Фоминой, «пафос морально-нравственной стороны содержания дамского романа можно свести к нескольким максимам:

- 1) В человеке важна не внешность, а внутреннее достоинство.
- 2) Жди терпеливо, и обязательно дождешься своего суженого.
- 3) Богатство еще не обеспечивает счастья в личной жизни» [Фомина].

Счастливым финалом сказки о Золушке и написанных на основе ее сюжета любовных романов обусловлен тем, что героиня обладает общечеловеческими и специфически женскими добродетелями — добротой, терпением, смирением, хорошими манерами. Еще одна причина популярности данного сюжета заключается в том, что героиня становится образцом вертикально направленной «социальной мобильности», которая представляет собой «переход индивида или социальной группы из одной социальной позиции в другую» [Сорокин, с. 302].

По мнению В. Р. Шмидт и К. В. Шуршина, интерес к взаимосвязи гендерно маркированных ценностей и социального статуса характерен именно для массовой культуры: «В массовой культуре представлены не столько самые распространенные гендер-типы, сколько предписания для большинства. С уверенностью можно заключить, что почти все сюжеты мыльных опер построены на преобразовании социостатуса и/или системы ценностей героев, которое влечет за собой другие изменения. Сексуальный опыт имеет мало значения, поскольку само собой разумеется, что подавляющее большинство персонажей — гетеросексуалы. Можно выдвинуть предположение, что с точки зрения гендерного подхода массовая и элитарная культуры различаются тем, какие характеристики, определяющие гендер, актуализируются: в массовой культуре это социальный статус и его влияние на изменение системы ценностей, а в элитарной — сексуальный опыт и его взаимосвязь с системой ценностей» [Шмидт, Шуршин, с. 62]. Из этого следует, что в контексте предложенной классификации к текстам массовой культуры могут быть отнесены и классические (традиционно причисляемые к элитарной литературе) образцы произведений на сюжет Золушки: «Гордость и предубеждение» Джейн Остен, «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте — романы о преобразовании социостатуса героини-женщины. Однако это дает основания скорее не для причисления упомянутых текстов к массовой литературе, а для констатации факта, что они содержат в себе сюжетный компонент, отвечающий ожиданиям массового читателя. Критерий, по которому то или иное произведение маркируется нами как образец «дамского романа» (или, уже, «романа о Золушке»), не субстанциальный, а рецептивный: мы причисляем к данному жанру тексты, которые могут быть восприняты в качестве любовного романа широкой читательской аудиторией.

Это подтверждается и эмпирическими данными, полученными в ходе нашего исследования: читательницы, предпочитающие жанр любовного романа, в ответе на другой вопрос анкеты указывают в качестве любимого круга чтения как современную, так и классическую зарубежную литературу (рис. 1–2).

Европейская литература усвоила в качестве сюжетного архетипа в первую очередь ту версию сказки о Золушке, которая была предложена французским писателем XVII в. Шарлем Перро и, по мнению некоторых представителей феминистской критики, транслирует характерные для патриархального уклада

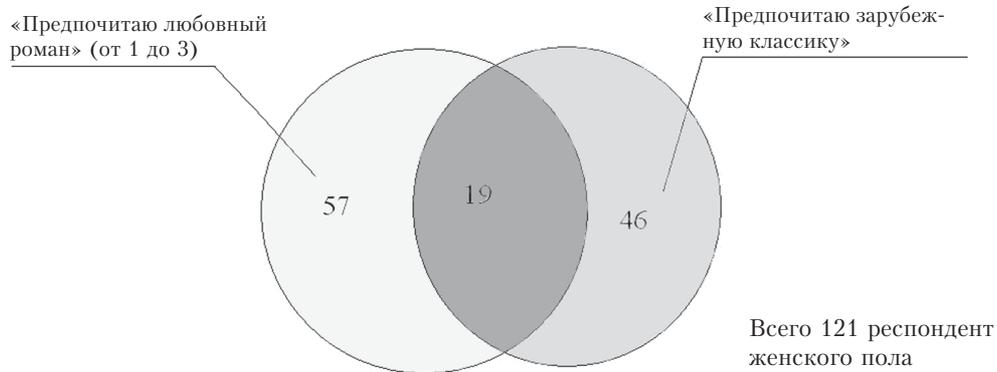


Рис. 1

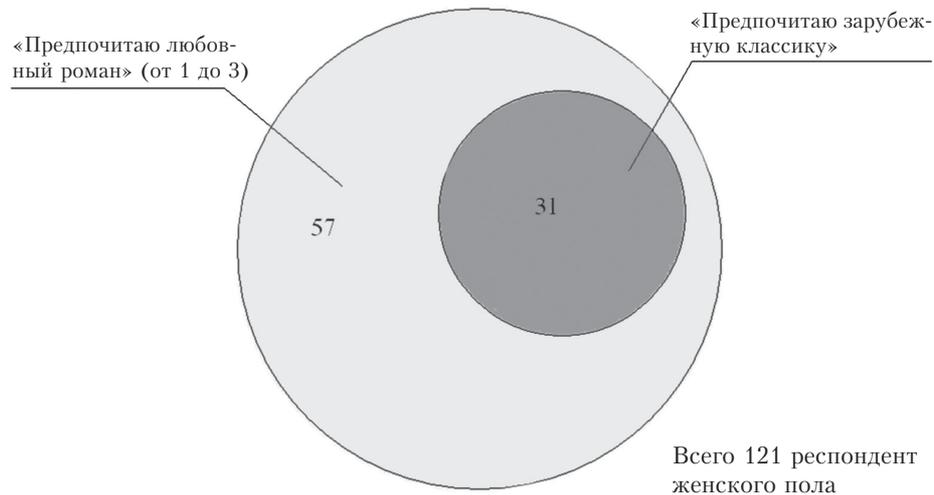


Рис. 2

установки и гендерные поведенческие стереотипы [см.: Waelti-Waters, p. 8]: заглавная героиня добивается высокой социальной мобильности путем выгодного замужества, причем ее роль сводится к пассивному ожиданию принца.

Среди произведений литературы XIX в., отмеченных выбором наших респонденток как любимых и активно читаемых, наиболее очевидно восходят к истории Золушки романы Джейн Остен «Гордость и предубеждение» и Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Уже на данном этапе концепция героини-Золушки претерпевает существенные изменения по сравнению с тем образом, который представлен в сказке Перро. Героини обоих романов (Элизабет Беннет и Джейн Эйр) обязаны своим семейным счастьем и подъемом по социальной лестнице не долготерпению и скромности (которые оценивались у Перро как главные женские добродетели), а таким качествам, как ум, стремление к независимости, умение адекватно оценивать людей. Подчеркнутая фемининность

сказочной героини не нашла своего отражения в женских образах романов XIX в., где ставится акцент на универсальных человеческих добродетелях и даже некоторых качествах, традиционно воспринимавшихся как маскулинные.

Сюжет о Золушке не теряет своей популярности и в дамском романе XX в., однако его центральный женский персонаж наполняется новыми чертами, еще дальше уйдя от своего прообраза XVII в.

В первую очередь следует отметить, что Золушка XX в. зачастую имеет другой источник мучений, нежели ее сказочный прообраз: она страдает не столько физически (от тяжелой работы и жестокого обращения мачехи), сколько психически, хотя пропорции между этими двумя аспектами у разных авторов могут быть разными.

Трагическая смерть родителей делает «золушкой» главную героиню романа Даниэлы Стил «Калейдоскоп» Хилари Уокер. Две ее младшие сестры были отданы в семьи достойных и обеспеченных людей, а она была вынуждена остаться в доме тетки по отцу, которая вела асоциальный образ жизни и, подобно мачехе из сказки, «вовсю использовала Хилари в качестве прислуги. На десятилетнюю девочку свалились все обязанности по дому, включая прополку сорняков во дворе, стирку и глажку вещей тети и дяди, уборку и готовку» [Стил, с. 142]. После смерти тетки Хилари попадает сначала в «дом временного проживания», где тоже вынуждена выполнять тяжелую работу, и неоднократно подвергается насилию, а затем в школу-интернат, где и остается до совершеннолетия. Однако не меньше, чем тяжелые условия жизни, Хилари тяготит вынужденная разлука с сестрами, о местонахождении которых ей ничего не известно и которых она надеется отыскать, как только начнет самостоятельную жизнь.

Героиня романа Анны Гавальды «Просто вместе» Камилла Фок постоянно испытывает физический дискомфорт, вызванный ее аномальной худобой и слабостью: «Она теперь не ест — ну почти не ест, — потому что ее живот набит булыжниками. ...Каждое утро, открыв глаза, она уже боится задохнуться, подавившись гравием» [Гавальда, с. 29]. Как и положено Золушке, героиня занимается тяжелым трудом: работает уборщицей в клининговой компании, а живет в крошечной каморке без удобств на чердаке. Однако причина мучений Камиллы заключается не в этом, ведь «дурацкая работа в Touclean, Бредарша (суровая начальница. — *Авт.*) ...перебранки, перекуры, физическая усталость... — все это помогало ей жить» [Там же, с. 28]. Камилла, обладающая незаурядным талантом художницы, к началу романа не занимается живописью уже больше года, живет одна, а редкие встречи с матерью, заканчивающиеся скандалами, становятся для нее мучением. Физические страдания (ощущение «булыжников в животе») являются проекцией вонне психологических проблем героини, которой некомфортно жить в окружающем ее мире.

У героини романа Сесилии Ахерн «P. S. Я люблю тебя» Холли Кеннеди главным источником страданий становится смерть любимого мужа Джерри, умершего в 30-летнем возрасте от рака мозга. Холли, уволившаяся с работы во время болезни мужа, испытывает и материальные затруднения (через полгода после смерти Джерри у нее остается только 10 евро), однако больше всего ее мучают потеря любимого человека, одиночество и отсутствие желания жить.

В данной ситуации роль феи, которая дает Золушке возможность обрести счастье, берет на себя сам Джерри, который незадолго до смерти оставляет для жены пакет с письмами (по одному на каждый месяц текущего года), содержащих указания, что ей нужно сделать. Как и положено фее, которая дарит Золушке платье для бала, Джерри в своем втором (апрельском) письме просит Холли купить себе новый наряд [Ахерн, с. 49]; в ноябрьском (девятом, предпоследнем) письме он пишет: «Золушка должна в этом месяце пойти на бал. И блистать на нем! Она будет выглядеть лучше всех и веселиться от души, точно так же, как в старые времена» [Там же, с. 462]. У Ахерн, в отличие от других рассматриваемых образцов любовного романа, аналогия со сказочной героиней эксплицирована в тексте; этим выпукло подчеркивается своеобразие авторской обработки сюжета Золушки: «фея» Джерри свою задачу видит не в том, чтобы обеспечить Холли социальную мобильность путем выгодного и счастливого брака, а в том, чтобы спасти ее от отчаяния и научить жить без него.

Для Камиллы Фок «феей» становится ее сосед — чудака-аристократ Филибер. Обнаружив Камиллу больной в ее чердачной каморке, Филибер переносит ее в свою огромную квартиру и окружает заботливым уходом. Выздоровливая, Камилла привязывается к Филиберу и его жилищу. Там она чувствует себя настолько комфортно, что снова может заняться своим любимым делом.

Она снова начала рисовать.

Просто так.

Безо всякой цели и причины. Для самой себя. Для собственного удовольствия.

<...>

Она снова рисовала как дышала. <...> Много лет она не чувствовала себя такой спокойной и такой живой — просто-напросто живой... [Гавальда, с. 146].

Метафорой конфликтных отношений между Камиллой и окружающим ее миром становится ее болезненное нежелание есть: «Камилла разлюбила есть еще в детстве, потому что завтрак, обед и ужин были для нее настоящей пыткой. Для маленькой одинокой чувствительной девочки эта ноша была слишком тяжелой. Один на один с матерью, которая курила, как пожарник, ставя на стол тарелку с едой, приготовленной как попало: “Ешь! Это полезно для здоровья!” — заявляла она, закуривая очередную сигарету» [Там же, с. 249]. Поэтому примирение с миром и постепенное обретение «своего места» в нем сопровождается у Камиллы возвращением давно утраченного интереса к еде благодаря повару-виртуозу Франку Лестафье, также живущему в квартире Филибера. В данном случае вновь обретенное умение наслаждаться едой — такое же внешнее выражение психологических изменений, происходящих с героиней, какими были ее отказ от еды и ощущение «булыжников в животе». Роль «феи» в романе Гавальды, как и у Ахерн, заключается в первую очередь в том, чтобы сделать жизнь Золушки психологически комфортной, а не в том, чтобы одарить ее материальными благами (у Гавальды этот момент присутствует, но переезд Камиллы к Филиберу становится только средством достижения других — нематериальных — целей).

Второе существенное отличие женских образов XX в. состоит, на наш взгляд, в том, что в жизни всех героинь рассматриваемых романов существенное место занимает такая сфера, как работа и самореализация. Это соответствует изменению положения женщин в XX в., когда они активно вовлекаются в трудовую деятельность и зачастую достигают больших карьерных высот. Если в отмеченных читательским выбором романах XIX в. работала только одна Золушка (Джейн Эйр, оставившая работу после замужества), причем работала в первую очередь ради заработка, то для женских персонажей романов XX в. работа значит гораздо больше, чем источник средств к существованию.

Так, Хилари Уокер после окончания школы-интерната едет в Нью-Йорк. Помимо желания найти младших сестер ею движет надежда добиться профессионального роста: «Она ходила в школу, работала и очень много читала — буквально все, что попадало ей в руки. Хилари для себя решила, что, раз хочет начать самостоятельную жизнь, — надо получить образование, а для этого много трудиться. Она понимала, что знания будут ее единственным спасением, по уши погрузилась в учебу и окончила школу с отличием» [Стил, с. 170—171]. Трудолюбие и упорство обеспечивают Хилари быстрый карьерный рост: в 39 лет она становится «третьим лицом в телекомпании, и никто не сомневался, что близок день, когда Хилари займет в ней высший руководящий пост. Ведущие газеты — “Нью-Йорк таймс” и “Уолл-стрит джорнэл” публиковали материалы о ее успехах» [Там же, с. 260].

Героиня Гавальды Камилла Фок, будучи талантливой художницей, работает уборщицей и долгое время не занимается живописью, пока вмешательство «феи» Филибера и переезд к нему не побуждают ее снова заняться любимым делом. Камилла делает много зарисовок интерьера квартиры Филибера, пишет портреты своих друзей и знакомых и в финале романа соглашается на предложение своего покровителя, торговца Пьера, организовать выставку ее работ. Камилла, таким образом, реализует свой творческий потенциал, и работа необходима ей не столько как источник дохода, сколько как гарантия спокойной и счастливой жизни в гармонии с собой.

Героиня С. Ахерн при жизни Джерри относится к работе как к «тоскливой рутине» [Ахерн, с. 364], ее не устраивает ни одно из ее рабочих мест. Во время болезни мужа Холли увольняется с очередной ненавистной работы, чтобы ухаживать за ним, а после его смерти не находит в себе сил искать новую: «Она до сих пор с трудом выбиралась по утрам из постели, от одной мысли о том, что придется с девяти до пяти торчать в тоскливой конторе, у нее сразу падало настроение» [Там же, с. 112]. Свои поиски Холли начинает только в сентябре, когда Джерри в очередном письме дает ей установку «найти работу, которая тебе сейчас нравится» [Там же, с. 305]. И новое рабочее место (рекламный отдел журнала) ее действительно устраивает. Работа приносит Холли гораздо больше, чем просто средства к существованию: «Всю неделю работа у нее спорилась — любо-дорого посмотреть. Кто бы мог подумать, что труд порой доставляет столько удовольствия? Она, не жалуясь, пропускала обеденный перерыв, задерживалась допоздна, и при этом у нее так ни разу и не возникло желания заехать кому-нибудь из коллег по физиономии. <...> Ей приятно было

ощущать себя частью дружного коллектива, она гордилась тем, что результаты ее работы важны для конечного продукта» [Там же, с. 376]. Именно трудовая деятельность обеспечивает Холли вертикальную социальную мобильность: она осознает, что Джерри в своем сентябрьском письме «указал ей путь наверх» [Там же]. И для Хилари, и для Камиллы, и для Холли «путем наверх» становится профессиональная самореализация — новое средство достижения социальной мобильности в романах о Золушке, созданных в XX в.

В современной истории Золушки меняется и роль принца. Так, в биографии Хилари Уокер, несмотря на наличие встречи с «принцем» (в роли которого выступает сыщик Джон Чемпен, занимавшийся поисками ее сестер), причинно-следственной связи между этой встречей и высокой социальной мобильностью героини нет. Взлет карьеры и рост благосостояния Хилари никак не обусловлен тем личным счастьем, которое она обретает в финале романа. Судьбоносная роль «принца» Чемпена заключается не в избавлении ее от бедности и притеснений со стороны родственников, а в возвращении ей душевного мира и гармонии. Все те годы, когда Хилари была занята своей карьерой, ее «окружала аура одиночества, отрешенности и неприступности» [Стил, с. 383]; она «удалила из своей жизни все, что могло о них [сестрах] напоминать; отказалась от мужчин, детей, любви. Остались лишь работа и стремление подняться на вершину карьеры. В движении по выбранному направлению Хилари не считалась ни с кем, не испытывала ни вины, ни сожаления. Она рассчитывала только на себя» [Там же, с. 422]. Появление Джона Чемпена в жизни Хилари никак не влияет на ее социальный статус, но дает ей возможность после нескольких десятилетий вынужденной разлуки увидеться с сестрами и тем самым вносит гармонию в ее эмоциональный мир, ликвидируя последствия травматичного детского опыта: «...И вдруг, впервые за свою жизнь, она почувствовала себя защищенной». Хилари — Золушка XX в. — способна обеспечить себе высокую социальную мобильность самостоятельно; принц нужен ей не для статуса и благополучия, а для эмоционального комфорта.

Принцем для Камиллы Фок становится повар Франк Лестафье, образ которого во многом не соответствует сказочному: в первые месяцы жизни Камиллы в квартире Филибера он грубо с ней обращается и пытается ее оттуда выжить, постоянно водит к себе девушек, ведет себя эгоистично, незадолго до счастливого финала хочет уехать в Англию и оставить Камиллу одну. Но отношения с Франком меняют не только ее, но и его тоже: отказавшись от переезда в Англию, Франк чувствует, что его жизнь обретает смысл: «впервые в жизни он оказался в нужном месте в нужное время» [Гавальда, с. 570]. Однако при всех отклонениях от сказочного образа Франк в конце концов выполняет свою функцию «принца» и делает Золушку Камиллу счастливой.

В романе С. Ахерн «P. S. Я люблю тебя» встреча с «принцем» как таковая отсутствует, однако намечена потенциально. В последнем (декабрьском) письме Джерри советует Холли: «Не бойся снова влюбиться. Открой свое сердце, прислушайся к нему и следуй его зову» [Ахерн, с. 489]. Осмысление этого письма героиней ведется не только в русле возможного появления нового чувства, но и в связи с тем, как должна измениться ее жизнь, после того как она

перестанет следовать указаниям Джерри: «Список действительно стал для нее своего рода Библией. <...> Джерри сумел по-настоящему поддержать ее, и ни в одном поступке, совершенном по его воле, она не раскаивалась. <...> Но вот перед ней последний пункт Списка. Десятая заповедь ...И других не последует. <...> Теперь ей придется все решать самой, выбирать собственный путь, не отступаясь, не оглядываясь... <...> Она осталась одна и отныне думать будет своей головой» [Ахерн, с. 488–489]. После получения последнего письма Холли чувствует себя готовой к встрече с «принцем». Здесь логика развертывания истории Золушки, с которой Ахерн, упоминая сказочную героиню, побуждает сопоставлять сюжет своего романа, выглядит иначе, специфично для XX в.: гарантией счастья и вознаграждения за страдания для Золушки становится не принц, а ее собственная профессиональная реализация и личностная самостоятельность (в случае Холли — способность самостоятельно принимать решения как рационального, так и эмоционального характера — «прислушаться к сердцу»). Появление «принца» — это не причина, а следствие социальной мобильности современной Золушки.

В литературе XX в. этот женский персонаж наследует ряд качеств от своих сказочных и романских предшественниц: трудолюбие (присущее еще Золушке Ш. Перро), стремление ни от кого не зависеть, ум и образованность, — и приобретает новые черты. Золушка XX в. — это трудолюбивая, умная, целеустремленная, самостоятельная *self-made woman*, для которой встреча с «принцем» становится итогом ее профессионального и личностного роста.

Единственное произведение из выявленного с помощью анкетирования списка женских читательских предпочтений в сфере женской любовной прозы, которое не завершается счастливым финалом и даже с оговорками не может быть возведено в сюжетному архетипу Золушки, это роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Его устойчивая популярность была зафиксирована достаточно давно и получала разные обоснования. Востребованность «Унесенных ветром» в США объяснялась, например, соответствием образа главной героини национальному духу: «Скарлетт пошла по стране как триумфатор, повергая ниц всякого, кто справедливо угадывал в ней нечто родное, неотменимо американское» [Палиевский, с. 12]. М. А. Литовская связывает успех романа с тем, что он выполняет в принципе присущую массовой литературе функцию «успокоения» читателя (принято считать, что читатели массовой литературы «интуитивно ищут опору в пошатнувшемся мире» [Загидуллина, с. 191]):

Обращение к «болевному» периоду в истории, в частности, создает предпосылки для разрешения устойчивого комплекса неполноценности, с ним связанного: в случае Митчелл — у южан... <...> Новое проигрывание ситуации... «блуждания в тумане» у Митчелл завершается индивидуальной победой героев при поражении тех социальных групп, к которым они принадлежат. ...Проигрыш всех не означает проигрыш каждого, а победа и поражение неразделимы. <...> Скарлетт к концу романа теряет всех, кого любит, но героям удается найти свой путь в запутанной, страшной истории. <...> Исторические события высвечивают в них нечто такое, что в других обстоятельствах осталось бы невыявленным, но... упрямство и целеустремленность

Скарлетт, доброта и мягкость Мелани, прекраснородушие Эшли, так же как и сущностные качества других героев, остаются нерастраченными в исторических страстях. <...> А это значит, что человек может победить и выйти невредимым из самых страшных исторических катаклизмов. Вместе с героями побеждает историю и читатель. Темная невнятица перепутанных событий, которая предстает героям вначале, постепенно сменяется ясностью видения, когда хаос уступает место упорядоченности и даже систематизации. Период темноты и страха, дезориентации в окружающем мире остается в прошлом, война превращается в связную историю, герои видят ее с дистанции и вспоминают без ужаса, но с «гордостью» и «ностальгией» [Литовская, с. 49–50].

В. Р. Шмидт и К. В. Шуршин отмечают, что проблематика романа «Унесенные ветром» — это «социальный статус и его влияние на изменение системы ценностей», т. е. то, что вызывает повышенный интерес у массового читателя:

Один из культовых романов XX века, «Унесенные ветром» М. Митчелл, построен на перипетиях судьбы женщины, изначально обладавшей рассматриваемым гендер-типом (женская система ценностей + высокий социостатус. — *Авт.*), а затем под действием внешних обстоятельств утратившей свой высокий социостатус. Судьба Скарлетт с точки зрения предложенной типизации гендеров — последовательная смена 4 гендер-типов: от типа с высоким статусом и женской системой ценностей к низкому статусу и тем же ценностям, затем смена ценностей, а под действием этого — преобразования и возвращение высокого социостатуса [Шмидт, Шуршин, с. 61].

Таким образом, роман «Унесенные ветром» по многим параметрам соответствует ожиданиям массового читателя и продолжает оставаться популярным. Однако если в контексте литературного осмысления и преобразования истории из травматичного переживания в связное повествование о ней роман выполняет свою «успокаивающую» функцию, то любовного сюжета со счастливым концом он не содержит. И все же Митчелл, разворачивая свое повествование, неоднократно вводит туда узнаваемые сюжетные ситуации, которые поддерживают читателя в ожидании счастливого финала. Так, например, брак с Реттом Батлером позволяет Скарлетт (подобно Золушке) достичь более высокого социального статуса и значительного богатства, хотя и до брака она была далеко не бедной женщиной; сама она в военные и первые послевоенные годы, как и сказочная героиня, занимается тяжелым физическим трудом; когда Эшли Уилкс после окончания войны приходит в Тару, Скарлетт воспринимает это как возможность оставить тяжелую жизнь и сбежать с ним в Мексику (что функционально соответствует появлению «принца»); чтобы выбраться из нищеты, она начинает работать и успешно ведет свое дело, несмотря на то что это вызывает возмущение окружающих (в этом смысле Скарлетт становится прообразом тех Золушек современной литературы, которые сначала строят свою карьеру и только потом встречаются с принцем, — таких, как Хилари Уокер). Однако во всех этих случаях сюжетные коллизии романа разворачиваются в противоположную (по сравнению со сказочной историей) сторону, брак героини распадается, и счастливого финала роман не имеет (если не считать намеком на его возможность заключительные слова «Завтра я найду способ вернуть Ретта»

[Митчелл, с. 444]). М. Митчелл удается даже при отказе от привычной сюжетной канвы любовного романа поддерживать читательский интерес во многом за счет использования сюжетных элементов данного жанра.

Вполне вероятно, что читателями «Унесенные ветром» воспринимались как незавершенный любовный роман. Во многом соответствуя жанровым канонам любовного романа, произведение Митчелл не содержало утешительного финала — счастливого соединения центральной пары персонажей. Чтобы это восполнить, американская писательница Александра Рипли создала роман-продолжение под названием «Скарлетт», который завершается примирением Скарлетт и Ретта Батлера и рождением у них дочери Кэт. Если Митчелл только поддерживает читателя в ожидании счастливого финала, то Рипли разрабатывает сюжет, эти ожидания удовлетворяющий: героиня обретает семейное счастье в награду за пережитые страдания. Кроме того, роман «Скарлетт» также можно квалифицировать как историю возвращения к более высокому социальному статусу: главная героиня из богатой, но отверженной обществом женщины (какой она была в Атланте и Чарльстоне) становится богатой и всеми уважаемой, живя в Ирландии, на родине предков. Здесь опять же счастливое воссоединение с «принцем» Батлером становится не причиной, а завершением вертикальной социальной мобильности. В этом смысле «Скарлетт» отражает общие закономерности трансформации сюжета о Золушке в литературе XX в.

В рецепции современными читателями «дамских романов» определенную роль играет не только их содержание, но и политика издательств, их выпускающих. В настоящее время издательства идут по пути «жесткого формулирования издательских “форматов” — комплексных характеристик продукции, которую потребитель покупает много и регулярно» [Володихин, с. 227]. Так, издательство «Вагриус» публикует современные «массовые» дамские романы (большинство из них основано на сюжетном архетипе Золушки [см.: Трофимова, с. 154]) в серии с говорящим названием «Подарок Афродиты», что формирует у читателя определенные ожидания еще до покупки и прочтения входящих в нее произведений.

Не менее активно используются ресурсы внешнего оформления книги. В аннотации, помещаемой обычно на задней стороне обложки, во-первых, указывается на факт популярности предлагаемого произведения среди читателей женского пола; во-вторых, прописывается, что перед ними — роман о любви (о наличии в нем других тем, сюжетных линий и мотивов умалчивается). Так, аннотация к роману Э. Бронте «Грозовой Перевал» (издательство «АСТ Москва», 2010 год, серия «Книга на все времена») сообщает: «“Грозным Перевалом” зачитывалось уже много поколений женщин — продолжают зачитываться и сейчас. Эта книга не стареет, как не стареет истинная любовь...» Аннотация к роману «Калейдоскоп» сообщает о его авторе Д. Стил (издательство «Эксмо», 2010) следующее: «Ее увлекательные и полные страстей романы повествуют о радостях любви и материнства, счастливых семьях и несчастных браках. ...Ее книги многократно перечитываются, бережно хранятся миллионами женщин» (разрядка наша. — *Авт.*). Иллюстрации на обложках также призваны

сигнализировать читательницам, что перед ними — любовный роман: на них изображены мужчина и женщина, часто — явно испытывающие друг к другу чувства. Нередко для оформления книги используются кадры из экранизаций публикуемых произведений (рис. 3).



Рис. 3

С помощью описанной стратегии презентации предлагаемой книги читателю/покупателю издатели создают единый ряд имен женщин-авторов любовных романов, в котором произведения классиков и современных массовых писательниц подаются как однотипные, принадлежащие к единой жанровой парадигме. Для сравнения следует отметить, что, например, в рамках иной издательской стратегии классические писательницы могут включаться в другой контекст: так, издатели серии «Золотая классика» (среди публикуемых авторов — Т. Манн, Г. Манн, Д. Остен, Ш. Бронте, Дж. Голсуорси, Ж. Б. Мольер и др.) помещают на обложки своих книг портрет автора, но воздерживаются от каких-либо иллюстраций к их содержанию. В данном случае читателю сигнализируют, что перед ним — творческий продукт уникальной авторской индивидуальности. Однотипное оформление обложек «дамского романа» и приравненных к нему классических произведений транслирует принципиально иную информацию: перед читателем еще одна вариация на уже знакомую (и коммерчески успешную) тему мужчина и женщина, история их любви ожидаемым, как правило, счастливым концом.

Как свидетельствуют полученные нами статистические данные, подобная издательская стратегия является вполне оправданной, поскольку больше половины опрошенных нами читательниц ориентируется при выборе книг на аннотацию и жанр произведения. Распределение ответов респонденток на вопрос анкеты «Чем Вы руководствуетесь при выборе произведений зарубежной художественной литературы» выглядит следующим образом (рис. 4).

Как показывает диаграмма, распределение критериев выбора читаемых произведений у респонденток, предпочитающих любовные романы (в эту группу попали те, кто ранжировал свое пристрастие к обозначенному жанру цифрами

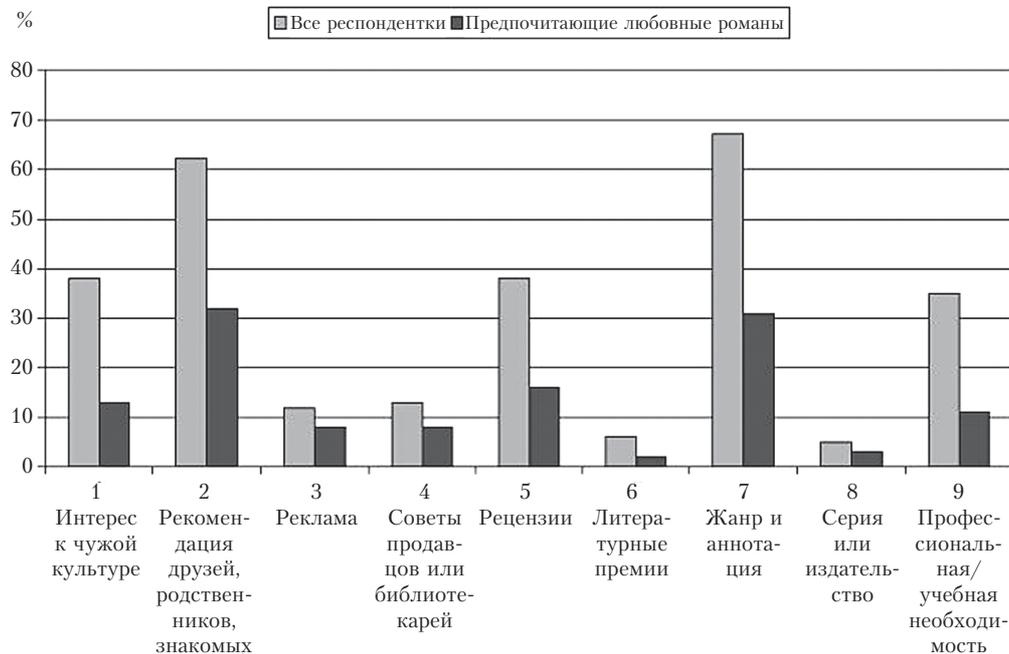


Рис. 4

от 1, обозначающей максимальный интерес к жанру, до 3 из 9 возможных), в целом совпадает с общим для всех анкетированных женщин: лидируют критерии «руководствуюсь рекомендациями друзей, родственников, знакомых» и «ориентируюсь на жанр и аннотацию». Последний пункт выбрали 55 % респонденток (67 из 121), а среди отметивших интерес к любовному роману цифрами от 1 до 3 — 54 % (31 из 57). Этим объясняется эффективность издательских стратегий, ориентированных на включение в единый жанровый «формат» любовного романа как современных массовых, так и признанных классических писательниц.

Резюмируя, можно сказать, что архетип Золушки является популярным и востребованным в науке, искусстве и обществе. Фольклорные первоисточники и более поздние художественные произведения, использующие данную модель, анализируются в рамках различных научных школ и направлений: в психоаналитических штудиях акцент делается на фигуре отца и «комплексе Электры»; феминистская критика говорит о зарождении и развитии женского самосознания; социологические работы рассматривают изменение гендерных ролей в современных обществах; и т. д. Архетип Золушки находит свое воплощение и в «элитарной» литературе (А. Мердок, М. Дрэбл, А. Байетт), и в миддл-литературе и беллетристике, массовой литературе (дамский, или розовый роман). Популярность сюжета о Золушке в обществе нашла недавно яркое подтверждение в восторге, с которым была встречена свадьба принца Уильяма и абсолютно безвестной (до недавних пор) Кейт Миддлтон.

Две другие важнейшие причины популярности архетипа Золушки образуют некий замкнутый круг. Популярность сказочного сюжета среди читательниц объясняемая тем, что он посвящен важнейшему периоду инициации в жизни женщины, а кроме того, утверждает патриархальные ценности, становится причиной его востребованности в массовой литературе, ведь автор, рассчитывающий на коммерческий успех, не может пройти мимо того, что неминуемо вызовет отклик в сердцах целевой аудитории. Популярность любовных романов способствует еще большему утверждению данной модели в культуре.

И поскольку показатели на аксиологической шкале и современной героини, и современной читательницы из рассматриваемой социодемографической группы (женщины в возрасте 17–23 лет, получающие или недавно получившие высшее образование, в большинстве своем не имеющие собственной семьи) смещаются в сторону самореализации, а не успешного брака как самоцели, то и классовые устремления героини/читательницы также смещаются: от условной принцессы — до условной журналистки или работника рекламной сферы.

Сюжетная инверсия социального роста Золушки XX в. и ее встречи с прекрасным принцем является отражением повышения социостатуса женщины, которое проходило в течение XIX–XX вв. Успешность героини/читательницы теперь является не следствием, а причиной встречи с прекрасным принцем, создания семьи.

Социально-демографические характеристики опрошенной нами на втором этапе читательской группы позволяют с достаточной долей уверенности утверждать, что ценностные установки респонденток (значительная часть которых получает образование, связанное с изучением иностранных языков) связаны с западной культурой. Более конкретно: речь идет о современных городских жительницах, ориентированных на англосаксонскую культуру, которая транслирует определенные ценности: стабильность (дохода, семьи, идентичности), самореализация, самостоятельность в достижении собственных целей, активная жизненная позиция, гармонизация и всестороннее развитие нормальной личности. Важно также отметить, что некоторые ценности, транслируемые классической женской прозой XIX в., оказываются востребованными в современном обществе, а некоторые — нет. Осуществляется некий отбор: стремление к финансовой, социальной, семейной стабильности, безусловно, приветствуется, но зависимость от мужчины — нет. Прагматизм становится одной из главных добродетелей нашей героини/читательницы.

Все эти наблюдения можно просуммировать тремя гипотезами.

1. Интерес современной читательницы как к современному непритязательному дамскому роману, так и к классической викторианской женской прозе объясняется совпадением ее аксиологических установок с той ценностной шкалой, которая находит отражение в данных произведениях: речь идет о ценностях и добродетелях среднего класса с его протестантской этикой.

2. Распределение читательских предпочтений между различными образцами жанра любовного романа свидетельствует о том, что респондентки в целом предпочитают качественную литературу. По результатам проведенного опроса

абсолютным лидером по популярности среди читателей-женщин является классический автор — Джейн Остен; часто фигурируют в качестве читаемых и любимых викторианские писательницы Шарлотта и Эмили Бронте. Чуть менее передовые позиции занимают авторы миддл-литературы Сесилия Ахерн и Анна Гавальда. И тем и другим уступает в популярности совершенно непритязательный массовый автор Даниэла Стил.

3. В настоящее время наблюдается «перекосяк» в сторону варианта архетипа Золушки, изложенного братьями Гримм.

Конечно, хотелось бы провести красивую аналогию между дихотомией аполлоническое — дионисийское (Ницше) и дихотомией Золушка Перро — Золушка братьев Гримм. Однако, к сожалению, эта аналогия не работает: модель Перро в массовом сознании господствовала практически безраздельно. Были отдельные проявления влияния модели братьев Гримм («Джейн Эйр»), но во многом благодаря массовым романам, а позднее и массовому кинематографу именно вариант французского писателя стал основополагающим. Что, в общем, оправданно: как уже говорилось, массовая литература не утверждает, а лишь воспроизводит и поддерживает массовые стереотипы. Следовательно, именно эта модель фемининного поведения считалась нормальной и общепринятой.

В настоящее же время очевидны изменения, происходящие на ценностной шкале женщин, особенно молодых девушек, получающих высшее образование, соприкасающихся с западной культурой и ориентирующихся на ее образ жизни. Еще раз подчеркнем, например, повышение значения карьеры в жизни молодых девушек в наше время. Исследователи Л. А. Окольская и М. В. Колмогорцева пишут: «В 2000-е годы работа сделалась более важным элементом женской биографии, следовательно, и карьерные притязания современных девушек должны быть выше, чем у старшей когорты в юности. Идея профессионального успеха, и в частности женского, отпечатались в массовой культуре. В наших журналах опубликовано много материалов о профессиональных достижениях как знаменитостей, так и обычных людей» [Окольская, Колмогорцева, с. 79]. Однако, как уже отмечалось, кардинальная ломка стереотипов и уход к модели братьев Гримм — это излишне радикальная мера, которая проявляется лишь в феминистских переложениях сказок. Следовательно, целью, особенно в массовой литературе, становится поиск компромисса.

Курьезный, но показательный случай рассказывает Ольга Вайнштейн в цитированной ранее статье «Розовый роман как машина желаний». В 1982 г. очередной роман рекордсменки мира по количеству опубликованных романов Барбары Картланд был отмечен призом феминистической редакции «Women in publishing». Однако, пишет Вайнштейн, дело не в том, что Картланд стала феминисткой, а в том, что феминистки стали менее радикальными в своих требованиях и устремлениях: «Современная феминистская концепция “новой женщины”, столь популярная в англоязычном мире, ориентирована на совмещение успешной карьеры с традиционными идеалами семейного счастья» [Вайнштейн, с. 309]. Как мы видим, именно эта концепция находит свой спрос и среди российских девушек, что, впрочем, неудивительно, учитывая их ориентацию на западную культуру.

Тем не менее представляется небезынтересным и небесполезным проведение экспериментального исследования с целью сравнения популярности и релевантности вариантов сказки о Золушке братьев Гримм и Шарля Перро, а также их реализаций в современных массовых текстах.

Ахерн С. Р. S. Я люблю тебя / пер. с англ. М. Визеля, Е. Владимирской, О. Дубицкой. М., 2010. 528 с.

Вайнштейн О. Женское чтение как Машина желаний // Новое лит. обозрение. 1997. № 22. С. 303–331.

Володихин Д. Пути «формата» // Знамя. 2005. № 7. С. 227–229.

Гавальда А. Просто вместе. М., 2010. 573 с.

Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение в России — 2008. Тенденции и проблемы. М., 2008. 80 с.

Загидуллина М. В. «Новое дело» интеллигенции, или Хождение в народ — 2 // Знамя. 2003. № 8. С. 185–194.

Кавелти Дж. Изучение литературных формул // Новое лит. обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.

Литовская М. А. Аристократия в демократические времена: «Хождение по мукам» А. Толстого и «Унесенные ветром» М. Митчелл как «народные романы» // Новое лит. обозрение. 2002. № 57. С. 41–53.

Миронова М. В. Психология и социология чтения : учеб. пособие для студентов 3 курса специальности 021500 «Издательское дело и редактирование». Ульяновск, 2003. 67 с.

Митчелл М. Унесенные ветром. Т. 2. М., 1991. — 445 с.

Окольская Л. А., Колмогорцева М. В. Жизненные проекты и правила для девушек в российских гляцевых журналах // Социол. журн. 2010. № 2. С. 68–91.

Палиевский П. Маргарет Митчелл и ее книга // Митчелл М. Унесенные ветром. Т. 1. М., 1991. С. 5–14.

Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302–373.

Стил Д. Калейдоскоп / пер. с англ. Г. Лепилина. М., 2010. 480 с.

Трофимова Е. М. Женская литература и книгоиздание в современной России // Обществ. науки и современность. 1998. № 5. С. 147–156.

Улыбина Е. Субъект в пространстве женского романа // Пространства жизни субъекта: единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции / отв. ред. Э. В. Сайко. М., 2004. С. 538–555.

Фомина А. А. Феминизм в эпоху информационной глобализации [Электронный ресурс] // Гендерные стереотипы в современной России : материалы интернет-конференции, 1 мая 2006 — 7 июля 2006. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/280407.html> (дата обращения: 05.04.2011).

Шмидт В. Р., Шурушин К. В. Массовая и элитарная культуры в зеркале гендерного подхода // Социология культуры. 2000. С. 58–64.

Waelti-Waters J. Fairy Tales and the Female Imagination. Montreal, 1982. 161 p.

Поршнева А. С., Бороненко А. В. Современное женское чтение: зарубежный «роман о Золушке» // Литература в контексте современности : сб. материалов V Междунар. науч.-метод. конф. (Челябинск, 12–13 мая 2011 г.) / Челяб. гос. пед. ун-т. ; отв. ред. Т. Н. Маркова. Челябинск, 2011. С. 286–290.

Статья поступила в редакцию 19.05.2011 г.

УДК 338.43(470.5) + 94(470.5) + 316.343 + 351.823.1

П. В. Шаравьев

ПОСЛЕВОЕННАЯ УРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ

По материалам архива УФСБ России по Свердловской области

Исследуется история послевоенной уральской деревни. На основе малоизученных архивных материалов реконструируется положение сельского населения с точки зрения органов госбезопасности.

Ключевые слова: послевоенная уральская деревня; положение населения; письма колхозников.

Тема нашего исследования отнюдь не нова в исторической науке в силу крестьянского прошлого нашей страны и по причине близости данной эпохи к родовой истории многих авторов. Ее научная историография начинается с 70-х гг. прошлого столетия, когда в потоке литературы, направленной на изучение истории партии, появились работы, содержавшие данные о материальных и бытовых условиях жизни села. За исключением монографии Р. П. Толмачевой, данные исследования, однако, носили фрагментарный характер и не претендовали на полноту раскрытия темы [см.: Толмачева]. В следующее десятилетие ситуация не изменилась, и только в 1990-е гг. появились предпосылки для более фундаментальных работ, основанных на архивных материалах, ранее не доступных историкам [см.: Денисевич; Мамяченков, 1999]. Подтверждением этой тенденции стали дальнейшие публикации В. Н. Мамяченкова [2002; 2009]. Исследователи послевоенного периода (1945–1953) используют главным образом данные бывших партархивов, так как в силу объективных причин не имеют доступа к массиву информации, содержащейся в архивах органов госбезопасности.

Рассекреченные материалы относятся к делопроизводственным документам двух типов: 1) деловая переписка и 2) информационные документы. К первым относятся докладные записки, направленные в адрес центрального аппарата органов госбезопасности. Вторые — сообщения на специальные темы (спецсообщения). Последние могли составляться как на основе данных, полученных оперативным путем, так и по материалам почтовой военной цензуры, контролировавшей, в частности, переписку населения сельских районов с гражданами, находящимися на военной службе. В последнем случае мы имеем дело с источником, содержащим в себе небольшую аналитическую преамбулу и выписки из писем, иллюстрирующие указанные в ней проблемы. Данный тип документов близок к классическому письму, что дает возможность для исследования истории на микроуровне.

Спецсообщения по материалам военной цензуры нередко дублировались «для принятия решений» областными партийными властями. Характер этих документов отличался от информационных сводок партийных органов. Во-первых, организация информационной работы органов госбезопасности была нацелена на получение полных и достоверных сведений, в том числе содержавших критическую

оценку советской действительности. Специфика их деятельности подразумевала предупреждение, выявление и пресечение преступлений. Поэтому в отчетах содержится много материалов негативного содержания. Во-вторых, спецсообщения носили оперативный характер, т. е. составлялись по актуальным и четко определенным вопросам, интересовавшим руководство страны. В-третьих, письма, зафиксированные военной цензурой, дают возможность «услышать» мнение непосредственных участников происходивших событий.

Из писем колхозников вырисовывается безрадостная картина положения дел в уральской деревне. Имеющиеся материалы за 1947-й г. позволяют установить, что начавшаяся еще зимой подготовка к весеннему севу натолкнулась на такие препятствия, как отсутствие кормов, плохое состояние рабочего скота, неисправность инвентаря и нехватка семенного материала. В результате запоздавший сев по времени накладывался на сенокос и вспашку паров. Непрополотые ввиду дефицита времени посевы зарастали сорняками. С 1 по 18 июля 1947 г. военная цензура города Свердловска отобрала 77 писем с критическими высказываниями. Колхозница М. из Артинского района в своем письме¹ сообщала: «Хлеба не очень веселят, потому что редкие, или мимо семена попали, у нас в колхозе очень много самолюбия, сам ты знаешь какой теперь председатель, я тебе писала: все время пьет, а нам приходится работать голодом...» [Архив УФСБ, д. 301, л. 16]. Ей вторила работавшая в Дектярском совхозе В.: «Уже люди свою картошку окучивают по первому разу, а в совхозе не шьют не порют, все сорняком обросло, рабочих мало, кто болен, а вербованные бегут без конца, с питанием дело не важное обстоит» [Там же].

Не вовремя проведенный сенокос и заготовка кормов для скота усложнились подготовкой к уборке урожая. Для колхозников это была тяжелая пора: прошлогодние запасы хлеба заканчивались, а до жатвы оставался еще месяц. С 1 по 20 августа военной цензурой было зарегистрировано 56 писем с «отрицательными сообщениями». Жительница деревни Малое Сатыково Л. жаловалась в своем письме: «Хлеба не дают уже 3 месяца, все живем на одной траве, варим ее и лепешки из травы печем, много народу уже опухло у нас в деревне. Нонче хлеба ничего, но не знаем, как убирать. Все обессилили, ни как не могут ходить. Сена еще не косили, даже и не выходили с литовкой не пробовали, скопят все в кучу и ни то и ни другое ни сделают...» [Там же, л. 99].

После уборки урожая колхозников ожидало выполнение плана хлебосдачи государству и распределение оставшегося хлеба на трудодни, но его, как правило, не оставалось. С 15 октября по 3 ноября жалобы по вопросам хлебосдачи и распределения хлеба на трудодни были отмечены военной цензурой 75 раз, в том числе в письме колхозника Т. из Серовского района: «Живу все по-старому, в общем, плохо хлебом кормят, плохим овсом, как все равно коней кормят. Урожай сняли плохой, убрали, и измолотили, и сдали весь хлеб, самим остался только зеленый овес. Вот и поживи. Раньше ели булками, а сейчас овсяные алабушки, которые бы и в рот не брал...» [Там же, л. 207].

¹ Сохранены стиль и орфография авторов.

В 1947 г. в европейской части России отмечались продовольственные трудности, последовавшие за неурожаем предыдущего года. На Урале, по свидетельству В. Н. Мамяченкова, в первый послевоенный год продукции земледелия и животноводства в личном подсобном хозяйстве колхозников было произведено больше, чем в 1945 г. Отмечая дальнейший рост потребления продуктов питания, автор делает вывод, что продовольственное положение в уральской деревне было, конечно, не хуже, чем в военное время, и масштабного голода удалось избежать [см.: Мамяченков, 2002, с. 175–180]. Однако стоит отметить, что в письмах колхозников содержатся жалобы на полное изъятие хлеба и на скудность рациона питания, основанного на картофеле. Хлеб приходилось выпекать, отбирая часть кормов у скотины, добавляя дикорастущие травы. В апреле 1948 г. в колхозе «Ильич» Каменского района таким хлебом, отравившись, умерло несколько детей [см.: Архив УФСБ, д. 344, л. 162–164].

Для максимально полного изъятия ресурсов из деревни в условиях неурожая руководство страны 31 мая 1947 г. продлило действие Указа президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1942 г., согласно которому трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней, предавались суду и карались исправительно-трудовыми работами в колхозе сроком до 6 месяцев с удержанием из оплаты до 25 % трудодней в пользу сельхозартели [см.: Указ..., 1942].

Кроме того, их могли лишить личного подсобного хозяйства. Это был способ борьбы государства с «частнособственническими устремлениями деревни», попытка заставить крестьян больше работать в колхозе. По уставу сельхозартели на семью полагалось от 15 до 50 соток. Известно, что за годы войны крестьяне могли прирезать для своих хозяйств с молчаливого согласия местного руководства по 15 и более соток. Все это было отобрано в колхозы в 1946 г.² В 1948 г. началось сокращение уставных приусадебных участков. За отказ «идти в колхоз» отбирали огороды, зачастую уже засеянные, оставляя минимальные 15 соток; лишали пастбищ. В первую очередь это коснулось тех, кто не выработал установленного минимума трудодней. Исключения при этом, как показывают источники, не делались ни семьям бывших фронтовиков, ни многодетным семьям, ни колхозникам, награжденным за доблестный труд. С горькой иронией в мае 1948 г. военному служащему Ш. писала из деревни Колясниково Камышловского района его мать:

У нас опять горе, усадьбу отрезают, прошлый год отрезали лишнее по постановлению — 15 соток, а нынче наказывают колхозников за то, что мало работают в колхозе, за это дают маленький участок усадьбы: кому 25 соток, кому 30 соток, и набрали группу 20 колхозников, и нас с папой тоже записали и постановили отрезать еще 15 соток, дать только 35 соток, а причины нет. Плохой папа работает в колхозе не покладая рук, в 1945 году заработал 650 трудодней, в 1946 году заработал 550 трудодней, а в 1947 году заработал 450 трудодней, и в 1948 году заработал

² В 1946 г., в ходе реализации «мер по ликвидации нарушений колхозного Устава», у крестьян отобрали и передали колхозам около 5 млн га земель, «незаконно присвоенных колхозниками», а с 1947 по 1949 г. — еще 5,9 млн (данные по РСФСР) [см.: Вербицкая, с. 52].

100 трудодней, да еще год впереди, еще надо работать, он все им делает. Ты, Гоша, знаешь, что папа наш на все мастер. <...> На другой день собрания и бочки увезли из ограды. <...> Папы дома не было, когда повезли бочки, а я сидела у окна и сильно заплакала о том, что сыновья мои находились в Красной Армии, и еще при том я мать героиня, награждена орденом «Материнская слава», правительство меня ценит за то, что я воспитала 8 детей, а колхоз обижает, да и папу колхоз наградил медалью «За доблестный труд» за период войны, а нынче обижают [Архив УФСБ, д. 344, л. 198].

2 июня 1948 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, разрешавший выселение в отдаленные районы страны «лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» [Указ..., 1948]. Решение о выселении на срок до 8 лет должно было приниматься общим собранием колхозников. О ходе выполнения данного указа специальным сообщением начальник Управления МГБ по Свердловской области П. Г. Дроздецкий информировал секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В. И. Недосекина. По его данным, к 17 августа 1948 г. в 19 районах Свердловской области было проведено 33 общих собрания колхозников, по решениям которых выселили 69 человек и предупредили о возможном выселении еще 110 человек. Выселяли в основном ранее судимых, нередко нигде официально не работавших. По утверждению автора этого сообщения, многие колхозники поддержали эти меры, заявляя, что «наше правительство за этот закон нужно благодарить, так как лодыри только смазывали наш труд, а теперь этого не будет, все будут трудиться хорошо, и колхозы еще более окрепнут» [Архив УФСБ, д. 345, л. 88].

Социальный статус колхозника переходил по наследству от родителей к детям. Освободиться от него могли студенты, женщины, вышедшие замуж за «городских», мужчины, призванные на службу в армию, перешедшие на работу в промышленность, строительство, на транспорт, и т. д. Следует, однако, отметить, что после войны за «нерадивость» и прочие проступки людей нередко увольняли с предприятий и принудительно направляли в колхозы, даже в тех случаях, когда их стаж работы превышал 10 лет.

Меры по выселению имели соответствующий эффект. Это видно, например, по колхозу «Красное знамя» Краснотурьинского района. До 30 июля 1948 г. из общего числа (198) колхозников на работу выходили 183 человека. Но уже 1 августа вышло на работу 204, а 4 августа — 250 человек, включая несовершеннолетних, чьи родители работали вне колхоза. По сельским районам области поползли слухи о подготавливаемых еще более массовых выселениях [см.: Там же, л. 88—91].

По оперативным данным органов госбезопасности, у некоторых колхозников проводимые мероприятия по «укреплению колхозов»³, «борьбе с лодырями и нарушителями трудовой дисциплины» вызывали отрицательные воспо-

³ Количество колхозов уменьшилось с 2146 в 1948 г. до 707 к 1955 г., число совхозов выросло за тот же период времени с 12 до 27 [БСЭ, т. 38, с. 210].

минания, связанные с коллективизацией. В Арамильском районе было зафиксировано следующее высказывание:

Что творится в Горном Щиту. Живем мы хуже бы надо, но некуда дальше. Идет высылка из Горного Щита, так же как в 30 году. Дали две дороги: или в колхоз, или на производство. У Л. отобрали огород совсем. С. П., М. П. и В. А., Я. К. и А. С. выселили на север на 8 лет колхозным собранием, а В. Б. пошел в колхоз, а то тоже выселяли. Выселяют тех, кто без определенного места занятия, а таких насчитали 402 человека по Горному Щиту. При высылке участвовали из Обкома партии и из Арамили, одних легковых машин 18 штук стояло у Совета, из города НКВД с черным вороном, и остальной массе сказали всем: еще не почувствуете, то такая же судьба вас постигнет, т. е. если не пойдете в колхоз или не выедете на производство... В общем, прижали нас крепко, но люди все же разъезжаются на производство, а в колхоз не идут. Дома свои продают, а их никому не надо, никто не берет... [Архив УФСБ, д. 345, л. 28].

Кроме репрессивных мер против колхозников, не выработавших обязательный минимум трудодней, руководство СССР после войны увеличило обязательную натурально-продуктовую повинность сельских жителей. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1948 г. были внесены изменения в закон о сельхозналоге. Ставки сельхозналога были увеличены впервые с 1939 г. «ввиду роста доходов колхозников от личного приусадебного хозяйства». В большей степени от тяжести налога пострадали маломощные дворы. Отменялись льготы хозяйствам многодетных, престарелых единоличников и наполовину сокращались для престарелых колхозников [см.: Безнин, Димони, 2002]. В среднем сумма, уплаченная по сельхозналогу, выросла по сравнению с 1947 г. в 1,5–1,6 раза [см.: Мамяченков, 2002, с. 93].

Одновременно, по оперативным данным органов госбезопасности, тяжелая ситуация наблюдалась в животноводческой отрасли Свердловской области⁴. Причиной для таких выводов стал массовый падеж скота. В 1948 г. по области пало 7,9 тыс. голов лошадей, 18,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 29,3 тыс. свиней. В целом падеж лошадей составлял 8,4 % от поголовья на конец года, а свиней — 21,1 %. Кроме этого, пало большое количество овец и коз [см.: Архив УФСБ, д. 399, л. 84]. В некоторых районах сложилась критическая ситуация. В Синячихинском районе было забито и продано 48 % общего поголовья. Из 73 колхозов Ирбитского района план развития животноводства выполнил только каждый десятый. В Сажинском районе пало и было продано в среднем по 151 голове скота на колхоз.

В 1949 г., как следует из информации УМГБ по Свердловской области, падеж скота не сократился. По государственному плану область должна была в 1949 году увеличить поголовье лошадей с 94 тыс. до 101,3 тыс. голов, свиней —

⁴ Докладная записка «О неудовлетворительном состоянии животноводства в Свердловской области» в мае 1949 г. была адресована центральному аппарату МГБ. Её актуальность была обусловлена необходимостью проверки хода выполнения постановления Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1949 г. о трехлетнем плане развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства на 1949–1951 гг.

со 139 тыс. до 180 тыс. Однако ввиду эпизоотий и недостатка кормов только за первые четыре месяца пало 1,3 тыс. лошадей и 27,1 тыс. свиней. Прирост поголовья крупного рогатого скота перекрывался падежом, который за тот же период составлял более 4,5 тыс. голов.

Кризис животноводства заставил руководство управления МГБ направить в ряд районов оперативных работников для выяснения причин массового падежа и «установления возможных умышленных действий со стороны враждебного элемента». В первую очередь были проверены руководители колхозов, МТС, ветеринарных учреждений, работники райсельхозотделов.

По мнению сотрудников МГБ, «вскрытые факты показали преступное отношение многих из них [руководителей] к своим служебным обязанностям». Например, в колхозе «Большевик» Коптеловского района еще в 1945 г. был наложен карантин в связи с заболеванием лошадей инфекционной анемией, однако здоровых лошадей от заболевших не изолировали, лечебных мероприятий не провели. К началу 1949 г. все лошади колхоза были выведены в анемичное хозяйство как хронически больные анемией. Подобным же образом в колхозе «Красные орлы» 45 % коров к апрелю 1949 г. болели туберкулезом, а в колхозе «Красная новь» заболевание бруцеллезом перекинулось с овец на людей. Частично ответственность за развал животноводства в области возложили на руководителей колхозов. Так, Ш. председатель колхоза им. ОГПУ, член ВКП[б], «не выдерживал заданный режим корма скоту, в то время как 900 ц кормовой капусты сгнило и было вывезено на свалку». За 5 месяцев 1949 г. пало 69 свиней и 11 овец, доведенных до крайнего истощения. Сам Ш., по полученным сведениям, погряз в пьянстве и разврате. Подобные же факты имелись в других колхозах области.

Нашли оперативные сотрудники и «неблагонадежный элемент»: фельдшером работал сын белогвардейца, заведующим зооветучастком — член семьи кулака, прорабом строительства ветлечебниц — бывший кулак [Архив УФСБ, д. 399, л. 90—91].

В апреле 1949 г. вопрос о животноводстве был рассмотрен на бюро обкома ВКП(б), в результате чего секретари райкомов ВКП(б), председатели райисполкомов и отдельные работники райсельхозотделов и ветучреждений (Билимбаевского, Синячихинского, Сажинского, Зайковского, Ирбитского и других районов) были привлечены к партийной ответственности. В то же время органы безопасности начали проверять ряд лиц, в отношении которых имелись «конкретные данные об их преступной деятельности» [Там же, л. 92].

Но, несмотря на борьбу с «социально чуждым элементом», ситуация с животноводством оставалась на том же уровне, потому что главные причины кризиса не устранялись. Причинами падежа были и неудовлетворительное кормление (в связи с нехваткой сил на заготовку кормов), и вынужденный забой (из-за низкого уровня ветеринарной подготовки), и «разбазаривание» (пришли в негодность фермы и скотные дворы). Не в силах что-либо изменить ответственные за данный участок работы колхозники старались освободиться от этой обязанности. Об этом в декабре 1952 г. сообщал в своем письме в армию Л. из деревни Оружинбардым Манчажского района, говоря о нехватке кормов:

«Хромушка на каждое заседание подает заявление о снятии ее из заведующих» [Архив УФСБ, д. 632, л. 5]. Другие, например Б. из Богдановичского района, жаловались на трудности: «Работаю заведующим ОТФ, работа ответственная. Кормов в колхозе недостаточно, рацион маленький: дают на одну голову в день 1 кг сена и один кг соломы — и все, скот худеет и худеет» [Там же, л. 102].

По свидетельству Л. Н. Мазур, в Свердловской области за первые восемь месяцев 1950 г. падеж крупного рогатого скота составил 18,6 тыс., овец — 33,6 тыс., свиней — 38,3 тыс. голов [см.: Мазур, с. 76]. Эти данные схожи с уровнем 1948–1949 гг. И далее, вплоть до 1950-х гг., проблема необеспеченности кормами общественного скота и его падежа оставалась актуальной. Например, за время с 10 по 28 декабря 1952 г. об этом говорилось в 49 зарегистрированных военной цензурой письмах колхозников [Архив УФСБ, д. 632, л. 3].

Личный скот колхозников в докладных записках органов безопасности не упоминается, однако по материалам военной цензуры ситуация в целом видна. Из-за непомерных натуральных и денежных налогов в большинстве крестьянских семей рано или поздно вставал вопрос о продаже скота. Так, в июле 1948 г. в области было отмечено 55 критических высказываний о размере сельхозналога, непомерность которого могла заставить людей избавляться от личного скота: «С коровой придется расстаться, т. к. в текущем году налога добавили на один кг масла и 25 л молока, а в будущем году обещают не добавить, а удвоить количество масла и наложить 46 кг мяса, и это значит, нам нет возможности держать. <...> В общем, корова будет государственная на нашем иждивении» [Там же, д. 360, л. 156]. А в период со 2 по 26 декабря 1949 г. военной цензурой было зарегистрировано 109 писем с жалобами на тяжесть выплат. Жительница Режевского района П. сообщала: «Мы продали корову и живем без коровы. Без коровы плохо жить, налоги большие, а на будущий год еще больше будет сдавать молока...» [Там же, д. 383, л. 126]. По подсчетам В. Н. Мамяченкова, количество скота на 100 наличных душ колхозников сократилось с 1946 по 1953 г. в 1,7 раза — крупного рогатого скота, почти в 2 раза — коз и овец и в 1,3 раза — свиней. В то же время в 1,7 раз выросло количество птицы, что, по-видимому, связано с меньшими затратами на содержание [Мамяченков, 2002, с. 276–278]. Ведь в результате засухи или большой загруженности в общественном хозяйстве колхозники в массовом порядке не успевали заготовить корма и не имели средств на их покупку. С 3 по 31 октября 1949 г. жалобы на это содержались в 177 письмах колхозников в Советскую армию. При этом спецсообщение имело подзаголовок «По высказываниям среди колхозников о массовом убое и продаже скота в отдельных колхозах области по материалам Военной цензуры» [Архив УФСБ, д. 379, л. 230].

Кроме того, в своих письмах жители деревни выказывали намерение переезда в город. Обратного пути не желал никто. Когда поселки Верхний Ис и Лабавка Исковского района, заселенные старателями и рабочими, в апреле 1949 г. были отнесены к сельской местности и лишились льгот по сельхозналогу, их жители провели митинги, на которых выдвинули требование включить их в состав рабочих поселков [Там же, д. 402, л. 190–192].

Несмотря на наличие внеэкономического прикрепления людей к колхозам (отсутствие паспортов, запрет на выход из артели), существовал вариант с «временным отпуском» из колхоза на производство и лесозаготовки. Многие из этих «отпусков» не возвращались. В отчетах органов безопасности это явление характеризовалось как *отходничество* — временный уход крестьян из деревни для работы в промышленности [Уральская историческая энциклопедия, с. 395]. В спецсообщении от 1 сентября 1951 г. на имя секретаря Свердловского обкома ВКП(б) А. М. Кутырева приведены полные данные по трем районам области (Верхотурскому, Ленскому и Красноуфимскому), а также указываются наиболее пострадавшие колхозы в других районах (табл.).

*Отходничество в некоторых районах Свердловской области
(первая половина 1951г.)**

Район	Количество колхозов	Количество колхозников	Выбыло колхозников (в т. ч. самовольно)	Выбыло по отношению к общей численности колхозников, %	Самовольно выбыло по отношению к общему числу выбывших, %
Верхотурский	22	2680	199 (183)	7,4	91,9
Ленский**	15	3478	254 (202)	7,3	79,5
Красноуфимский	21	6741	428 (346)	6,4	80,8

* Источник: [Архив УФСБ, д. 504. л. 70–77].

** В настоящее время часть Туринского района Свердловской области

Выбор этих трех районов, судя по всему, обусловлен их географическим расположением и производными от этого характеристиками. Верхотурский район находится в центре области, севернее двух других. Среднее число колхозников в его укрупненных колхозах составляло 122 человека. Именно здесь, где условия хозяйствования были наиболее тяжелыми, наблюдался наибольший процент самовольно выбывших. Имеющиеся далее в сообщении данные о двух колхозах еще более северного Красноуральского района подтверждают наблюдение о малочисленности населения и масштабах его убытия: в колхозе имени Калинина этого района из 55 человек ушли 11, а в колхозе «Памяти Чапаева» из 19 выбыло 4 (практически каждый пятый).

Более благоприятны были природные условия в Красноуфимском районе на юго-западе области и Ленском районе — на ее востоке. Отсюда и большее число трудящихся в колхозах (по 321 и 232 на колхоз соответственно) и меньший процент самовольно выбывших.

В том же сообщении указано, что по совокупным данным из этих трех районов в наиболее трудоспособном возрасте (20–40 лет) ушло 53 % всех отходников. Среди более молодых на службу в Советскую армию было призвано 46 человек, отпущено по решению общих собраний (в том числе на учебу) — 51 человек. В обоих случаях возвращение выбывших колхозников могло оказаться под вопросом.

По сведениям органов госбезопасности, неблагополучное положение с отходничеством сложилось также в колхозах Ачитского, Сажинского и некоторых других районов области.

На государственных предприятиях промышленности, строительства и транспорта требовались квалифицированные кадры, готовые к труду. Поэтому уходили передовики: кузнец Ч. (667 трудодней в 1950 г.) и механик А. (636 трудодней) из туринского колхоза имени Свердлова, доярка П. (711 трудодней) и колхозница Р. (509 трудодней) из ленского колхоза «Труженик». Значительная часть выбывших в 1950 г. выработала свыше 300–400 трудодней. Особенно отмечено в сообщении, что самовольно оставляли колхозы также члены партии. Будучи вызванными для разъяснений, они категорически отказывались возвращаться или просто скрывались. В целом, можно сделать вывод, что колхозы покидала наиболее трудоспособная часть населения.

Причинами, побудившими колхозников к смене места работы, в спецсообщении указаны слабая политико-разъяснительная и культурно-массовая работа, снижение доходов колхозников из-за плохого руководства со стороны правлений, служебное несоответствие ряда председателей колхозов занимаемой ими должности.

Говоря о слабости культурно-массовой работы в колхозе имени Ворошилова (Нижнесалдинский район) как причине убытия каждого седьмого колхозника, автор спецсообщения указывает на трехлетнее отсутствие киносеансов. Далее приводится пример колхоза «Путь Ленина» (Слободотуринский район), в котором «отходников» не остановили частые демонстрации фильмов. Им не хватило, судя по всему, докладов, лекций и самодеятельности. (Было ли это действительно необходимо 20–40-летним колхозникам?) Ответственные за культурно-массовую работу объективно не могли в условиях значительной территориальной рассредоточенности сельского населения обеспечить доступность культурных мероприятий. Более высокий уровень социальной инфраструктуры (школ, больниц, культурно-бытовых учреждений) в городах был постоянной причиной миграции сельского населения.

Слабая разъяснительная работа иллюстрируется примером двухдневного гуляния на Ивана Купала в колхозе имени Буденного Туринского района. Возглавлявшие его председатель колхоза и секретарь парторганизации, по-видимому, действительно не вели разъяснительную работу, но могло ли это вызвать бегство колхозников?

Снижение доходов колхозников наблюдалось в Верхотурском, Нижнесергинском, Красноуфимском, Ленском, Туринском и других районах области. В Верхотурском районе за 1950 г. на трудодень колхозники получили 0,3–1 кг зерна и 0,55 копеек деньгами; в Нижнесергинском районе — 0,7–1 кг зерна и 9–14 копеек деньгами. Зерно и деньги распределялись после выполнения всех обязательств перед государством. Это должен был знать автор спецсообщения, однако единственной причиной снижения доходов колхозников он называет «плохое руководство со стороны правлений, и в частности председателей колхозов».

Среди председателей действительно были случаи несоответствия занимаемой должности. В основном их обвиняли в пьянстве и растрате. В те годы руководствовались лозунгом: «Не может быть плохих колхозов, а могут быть плохие руководители». Например, председатель колхоза «Труженик» Ленского района Ш. не выходил на работу по причине запоев. До укрупнения этот колхоз считался экономически сильным и дисциплинированным, выдавал крестьянам свыше 2 кг зерна на трудодень. В 1950 г. Ш. обеспечил лишь 1 кг зерна и 30 копеек на трудодень. Однако в сравнении с данными по Верхотурскому и ряду колхозов Нижнесергинского района здесь видно превосходство. Основной причиной слабости колхозов, по нашему мнению, следует считать укрупнение⁵. Руководство страны стремилось уменьшить число слабых колхозов путем их присоединения к крупным и рентабельным, но вместо улучшения работы в укрупненных хозяйствах наблюдалось ухудшение, снижались производственные показатели. Косвенно это подтверждает обвинение автором спецсообщения председателя колхоза «Борьба за мир» того же района, который «вместо укрепления дисциплины» после укрупнения его колхоза также пьянствовал.

Председателей, не справлявшихся с обязанностями в новых условиях, снимали с должности — и снова назначали их же по инициативе районных комитетов партии. Здесь, по всей видимости, следует говорить об определенном постоянстве круга колхозников, выдвигавшихся на руководящие должности. Причинами могли стать отсутствие желающих находиться «между молотом и наковальней», а также крепнущие связи «кланового характера»⁶. Выборность должности председателя под давлением представителей ВКП(б) могла стать фикцией. Так, в колхозе им. Крупской Слободотуринского района за однажды уже отстраненного председателя колхоза проголосовало 56 из 134 присутствовавших на собрании колхозников. Большинство воздержалось. Позже колхоз покинули 14 человек [см.: Архив УФСБ, д. 504, л. 76]. Руководство укрупненных колхозов укрепляли партийными кадрами, присланными из города. Им назначали повышенные оклады, давали кредиты на постройку домов с садами и огородами, предоставляли льготы по налогам. В больших колхозах вводилась должность освобожденного заместителя председателя колхоза.

В спецсообщениях начала 1950-х гг., составленных по материалам военной цензуры, колхозники подтверждают оперативные данные органов госбезопасности о бедственном положении в деревне. В письмах содержатся данные о пьянстве среди руководства колхозов, о его некомпетентности:

⁵ Реализация трехлетнего плана по животноводству была прервана кампанией по укрупнению мелких колхозов. Постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» обязывало партийные комитеты проводить укрупнение мелких колхозов, которые по размерам закрепленных за ними земель не могли успешно развивать общественное хозяйство и принимать современную машинную технику. Объединение следовало считать одним из важнейших мероприятий по подъему сельского хозяйства и организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Как и многие мероприятия того времени, укрупнение было завершено досрочно в 1951 г.

⁶ Косвенно это может свидетельствовать о складывании особой социальной прослойки в деревне, которую некоторые исследователи характеризуют как протобуржуазную [см.: Безнин, Димони, 2010].

Колхоз все слабнет, чужие председатели, да бухгалтера. Народ их не слушает, на работу не выходит (Ч., дер. Бурмаки, Тугулымский район, январь 1953);

Обидно, что мы работаем, а председатель каждый день пьяный. На трудовни нам, наверно, не достанется хлеба... (З., дер. Вехино, Гаринский район, декабрь 1952) [Архив УФСБ, д. 632, л. 199–201];

В колхозе дело плохое, председатель не наш человек, одно только знает пьянствует, в общем, пропивает все колхозное достояние (Б., лесочасток Еманча, Манчажский район, март 1953) [Там же, д. 652, л. 289].

Примечательно, что, жалуясь на своих руководителей, колхозники говорят преимущественно об их личных недостатках. В отличие от органов госбезопасности, они не выделяют «антисоветский элемент» или «социально чуждое происхождение». Однако и те и другие обвиняют в бедах деревни именно состав правлений, не поднимаясь в своих обвинениях выше местного уровня.

В преамбуле сообщений по материалам военной цензуры говорилось «об организационно-хозяйственных неполадках, плохом руководстве, пьянстве со стороны отдельных руководителей колхозов, о плохом ходе уборки хлебов в связи с невыходом колхозников на работу, ослаблении трудовой дисциплины, а также случаях оставления колхозниками колхозов и переезда их в другие колхозы». Все это преподносилось как «отдельные факты», в целом не отражающие реальную ситуацию в стране. Однако повторение из года в год одних и тех же трудностей позволяет сделать вывод о том, что для исправления ситуации ничего не делалось. Иными словами, из рассекреченных материалов органов госбезопасности можно сделать вывод, что значительная часть страдавших от недоедания колхозников в послевоенной деревне была не заинтересована в общественном труде, старалась больше времени уделять личным подсобным хозяйствам и по возможности переезжать в город. Руководители колхозов в таких условиях не могли обеспечить выполнения планов по заготовке сельхозпродукции. Насколько данная оценка соответствовала действительности, может быть выяснено после сравнительных исследований исторических источников различного происхождения. Поэтому введение в научный оборот материалов местных архивов органов безопасности представляется абсолютно необходимым для создания объективной и полной картины нашего недавнего прошлого.

Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1.

Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 30–60-е годы // Отеч. история. 2002. № 2. С. 96–111.

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х гг. // Рос. история. 2010. № 2. С. 25–42.

БСЭ : в 51 т. Т. 38. М., 1956.

Вербницкая О. М. Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. Демографические процессы и семья : дис. ... докт. ист. наук. М., 2002.

Денисевич М. Н. Индивидуальное хозяйство в политике Советского государства в 30-е — первой половине 80-х (на материалах Урала) : дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1993.

Мазур Л. Н. Некоторые проблемы состояния колхозной демократии в первые послевоенные годы (на материалах Свердловской области) // Социальная активность тружеников уральской советской деревни. Свердловск, 1990. С. 72–85.

Мамяченков В. Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1945–1953 гг.) : ист.-эконом. исслед. Екатеринбург, 2009.

Мамяченков В. Н. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999.

Мамяченков В. Н. Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). Екатеринбург, 2002.

Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950). Томск, 1979.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://school19tmn65pobeda.narod.ru/praktikum/documenty.htm>;

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/480602.htm>.

Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000.

Статья поступила в редакцию 05.09.2011 г.

УДК 930(470.5) + 338.26(470.5)

И. Д. Панькин

ИСТОРИКИ О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В 1917–1918 гг.

Анализируются взгляды исследователей различных поколений на реформирование организации промышленного производства на Урале в первый год пролетарской диктатуры. В частности, рассматривается дискуссия, которая была спровоцирована идеей образования «единого общеуральского треста».

Ключевые слова: историография; промышленность Урала; тресты; принцип организации промышленности.

В исторической литературе утвердилось устойчивое мнение о том, что идеи создания трестов и синдикатов начинают реализовываться в промышленности Урала в годы новой экономической политики (НЭП). Это совершенно справедливое утверждение. Однако Уральский регион, в котором в 1920-е гг. эти идеи успешно проводились в жизнь, был подготовлен к их реализации большим историческим опытом комбинирования как принципа организации промышленности. Еще в XIX в. на Урале сложилась система горнозаводских округов (на основе которых в период НЭПа и создавались промышленные тресты). Большевики, придя к власти, попытались сломать окружную систему, высказавшись за реорганизацию уральской горнозаводской промышленности путем образования так называемого **единого общеуральского треста**.

Третий областной съезд Советов Урала в январе 1918 г. принял Инструкцию по организации управления национализированными заводами Урала, в которой предусматривалось, что «все бывшие казенные и национализированные — бывшие частные — заводы образуют один областной трест “как организацию производства” и один синдикат “как организацию продажи и сбыта”» [Большевики Урала..., с. 316].

Практическое осуществление этой идеи было положено решениями второго областного съезда по управлению национализированными предприятиями Урала, проходившего в мае 1918 г. Съезд выдвинул в качестве основной задачи «организацию областного государственного треста, объединяющего все крупные предприятия Урала как одну из производственных ячеек страны, и привлечение в сферу влияния этого треста всех мелких, технических и организационно отсталых и кустарных производств Урала». Съезд поддержал решение третьего областного съезда Советов Урала о создании производственного треста и синдиката всей уральской крупной промышленности. Предлагалось также вовлечь в сферу влияния этого треста все остальные предприятия Урала, в том числе и кустарные [см.: Там же, с. 343–344].

Идея создания «единого общеуральского треста» вызвала большую полемику как среди политической элиты Урала, так и в отечественной историографии. Некоторые итоги изучения советскими и современными российскими историками этой проблемы подведены С. Е. Алексеевым и В. Д. Камыниным. Можно согласиться с мнением данных историографов, что в советской историографии идея «единого общеуральского треста» оценивалась как попытка части уральских руководителей «противостоять центру в его желании придать максимальную централизацию руководству уральской промышленностью» [Алексеев, Камынин, с. 96]. Именно с этих позиций исследователи анализируют не только советскую литературу, но и российскую историографию 1990-х гг.

Нам представляется, что идея экономического сепаратизма, которая охватила часть уральского руководства, была лишь одним из мотивов образования «единого общеуральского треста». Анализируя отечественную историографию данного вопроса, можно заметить, что авторами выдвигались и другие соображения, связанные с реализацией этой идеи, которые остались не замечены в историографической литературе. Особенно это относится к работам современных уральских авторов.

В частности, следует посмотреть на эту проблему с точки зрения острой борьбы, которая велась между различными фракциями внутри большевистской партии по вопросу о необходимости централизованного государственного управления промышленным развитием.

Несомненно, часть политического и хозяйственного руководства Урала поддерживала идею руководства страны о необходимости сильного контроля центра за развитием промышленности региона. Не осталось незамеченным мнение одного из видных экономистов и юристов того времени А. В. Венедиктова, который в 1918 г. высказался за усиление экономической роли государства в руководстве промышленностью путем «принудительного синдицирования и трестирования основных отраслей промышленности» [Венедиктов].

Фракция левых коммунистов придерживалась другой позиции в большевистской партии весной 1918 г. Ее видный представитель Н. Осинский (В. В. Оболенский) выступил против идеи Ленина об усилении руководства промышленностью страны из центра и высказался за предоставление местным органам власти больших прав в управлении промышленным производством [см.: Труды I, с. 316].

Наиболее подробно позиции левых коммунистов в области промышленной политики и их влияние на руководящую элиту Урала проанализировал советский исследователь В. В. Камышлейцев. Критикуя взгляды данной фракции в большевистской партии, он поддерживал представителей ленинского крыла и считал централизацию руководства промышленным производством естественным для того времени принципом [см.: Камышлейцев, с. 27].

Если обратиться к полемике по вопросу о создании «единого общеуральского треста», которая велась на Урале в 1918 г., то можно обнаружить, что среди сторонников этой идеи были большевики, которые в дальнейшем боролись против разного рода фракций и оппозиций внутри партии. На это обстоятельство обращают особое внимание современные исследователи. Историк В. М. Гафурова пишет: «Важная роль в становлении мощного уральского объединения принадлежала региональным партийным и хозяйственным лидерам: Б. Дидковскому, А. Кузьмину, Ф. Сыромолотову, Д. Сулимову и В. Андроникову» [Гафурова, с. 73]. Социолог Л. Б. Логунова выделяет этих представителей большевиков в особую корпоративную группу и подчеркивает, что все они имели огромный авторитет, особую социальную энергию, неистребимую «волю к власти и управлению», а главное, определенные идеи по созданию регионального аппарата управления, что и делало этот фактор очень значимым [см.: Логунова, с. 107]. Добавим к этой группе большевиков А. А. Андреева, долгое время проработавшего на Урале, и укажем на нетерпимость этой группы ко всякого рода инакомыслящим, которых причисляли к прямым врагам социалистического строительства.

А. Кузьмин, выступая на втором областном съезде представителей национализированных заводов Урала в мае 1918 г., утверждал, что идеи уральского областничества, объединившие столь противоречивые политические силы, рассчитаны на то, чтобы, во-первых, затормозить процесс организации социалистического производства, во-вторых, облегчить русским и иностранным капиталистам доступ к эксплуатации природных богатств, что в конечном итоге могло привести к реставрации капитализма в стране [см.: ЦДООСО, л. 114]. А. А. Андреев объяснял, что централизм не «убивает производственную инициативу на местах», а соответствует социалистическому хозяйству, которое «имеет свою особенность в том, что оно планомерно централизует все производство и распределение» [Андреев].

Отметим, что дискуссии по данному вопросу закончились в обстановке начавшейся гражданской войны победой сторонников централизованной системы управления промышленностью. На II Всероссийском съезде совнархозов (декабрь 1918) завершился процесс изъятия прав у регионов и была усилена вертикальная линия управления промышленностью за счет ослабления горизонтальной линии [см.: Труды II, с. 408].

Историки разных поколений давали оценку борьбе, которая велась по вопросам о принципах организации промышленности Урала в 1917—1918 гг.

Советские историки, находясь в жестких идеологических рамках, с одной стороны, приписывали отстаивание идей, противоположных ленинской линии, главным образом представителям мелкобуржуазных партий. По словам В. С. Голубцова, «предложения левых эсеров, буржуазных националистов и некоторых буржуазных специалистов были рассчитаны на то, чтобы затормозить процесс организации социалистического производства» [Голубцов, с. 62]. С другой стороны, Г. Г. Гараев признавал, что сепаратизмом были заражены и некоторые представители большевистской организации Урала. При этом мотивы поведения большевиков исследователь рассматривал как благородные. По его словам, областная организация большевиков стремилась вывести уральские предприятия из-под сильной опеки центра [см.: Гараев, с. 78].

Советские исследователи высказывали различные точки зрения по поводу практических проектов организации региональной промышленности в виде единого уральского треста. Достаточно подробно о содержании этой идеи писал В. В. Адамов:

...Будущая организация уральской промышленности представлялась руководству областного комитета партии и областного Совета в виде единого общеуральского синдиката, объединяющего в себе [как] все отрасли старого горнозаводского хозяйства, так и все вообще промышленные и кустарные предприятия края. Идея трестирования уральской промышленности не являлась новой. Она родилась еще накануне войны в кругах инженерно-технических работников, связанных с Уралом, и пользовалась сочувствием у банковских и промышленных дельцов. Новое, что внесли в эту идею областные уральские организации, состояло в гигантском расширении рамок будущего синдиката. <...> ...как старый, так и новый проекты уральского синдиката были нежизненными именно из-за своих гигантских масштабов и сложнейшей многоотраслевой организации, для которой не было реальных экономических предпосылок [Адамов, с. 22—23].

Оценка создания единого треста в то время, данная В. В. Адамовым, была поддержана В. С. Голубцовым. Он выступил с критикой решения, принятого на третьем областном съезде Советов Урала по этому вопросу, и подчеркивал: «Не все постановления съезда могут быть признаны целесообразными в свете последующих событий (например, решения об образовании областного треста и синдиката)» [Голубцов, с. 34].

Ряд авторов выступил с критикой позиции Адамова о нежизнеспособности единого уральского треста. В. В. Камышлейцев характеризовал предложение о создании общеуральского треста как «большой шаг в деле централизации производства», т. е. как отражение победы ленинского крыла в большевистской партии [см.: Камышлейцев, с. 27]. Г. Г. Гараев считал, что «...вопрос о создании треста, объединяющего всю крупную промышленность, поставлен рано, но сказать, что такой проект никогда не мог быть осуществлен, — значит не учитывать последующую действительность» [Гараев, с. 78]. С. Е. Алексеев и В. Д. Камынин справедливо указали на то, что автор в подтверждении своего

тезиса сослался на примеры, взятые из последующего периода времени, когда существовала совершенно иная экономическая ситуация [см.: Алексеев, Камынин, с. 100].

Острота дискуссии в советской историографии по данному вопросу подогревалась еще и тем, что советские историки много места отводили критике позиции левых коммунистов по различным вопросам хозяйственного строительства. По их мнению, левые коммунисты, чья позиция была сформулирована в выступлениях Н. Осинского [см.: Большевик, с. 8], выступали против политики «государственного капитализма». Поэтому советские историки обязаны были критиковать позицию «левых коммунистов» по этому вопросу.

По мнению В. В. Адамова, «появление из недр уральских областных организаций такого беспочвенного проекта не было случайностью. “Теоретической” основой этого плана были взгляды “левых” коммунистов, имевших хождение в среде уральского областного руководства. Именно для “левых” коммунистов, как неоднократно указывал В. И. Ленин, было характерно стремление к перескакиванию через этапы объективного экономического и социального развития». Взгляды «левых коммунистов» по экономическим вопросам он называл «шляхетскими». По словам автора, «план гигантского синдиката, воплощавший в себе “крайне левую” идею организации “социалистического хозяйства”, так и остался прекраснотумным мечтанием, не получившим никакого реального воплощения» [Адамов, с. 23].

Позиция В. В. Адамова вызвала резкое неприятие среди уральских историков. В. С. Голубцов не согласился с его мнением о том, что возникновение и принятие проекта о создании единого общеуральского треста явилось следствием влияния левых коммунистов [см.: Голубцов, с. 40]. А. Д. Антонов также считал, что «нельзя ставить знак равенства между идеей общеуральского треста и взглядами “левых коммунистов” по вопросам экономической политики партии в переходный период, ибо “трестировщики” вели борьбу против местных, полуанархистских тенденций, обосновывая необходимость организации всего общественного производства и распределения и установления прочной связи уральского объединения с общероссийским центром» [Антонов, с. 45–46]. Г. Г. Гараев также не видел влияния левых коммунистов на возникновение данной идеи и считал, что данная В. В. Адамовым оценка «не отражает всей сложности борьбы и трудностей преобразования капиталистической экономики в социалистическую». По словам историка, «роль “левых коммунистов” в жизни партийной организации области не стоит преувеличивать, так же как и преуменьшать. Их лидеры Преображенский, Сафаров, Тунтул, Воробьев занимали руководящие посты в областной партийной организации. Они прилагали много сил, чтобы навязать свои идеи в области хозяйственного строительства, но под влиянием низовых партийных организаций вынуждены были принимать и правильные положения, отражающие ленинский курс строительства основ социалистической экономики» [Гараев, с. 77]. С. Е. Алексеев и В. Д. Камынин объясняют неприятие позиции В. В. Адамова уральскими исследователями не столько их реальными расхождениями во взглядах, сколько тем, что критика Адамова «велась в русле кампании критики нового направления,

которая широко развернулась в уральской исторической литературе в 1970-е гг.» [см.: Алексеев, Камынин, с. 102].

Таким образом, в советской историографии сложилась идеологизированная точка зрения на вопрос о принципах организации промышленности на Урале в 1917–1918 гг. Историки в большинстве своем оправдывали позицию той части большевиков, которые выступали за централизованное управление промышленностью Урала и критиковали всех оппонентов.

В современной историографии активно занимаются изучением этих проблем А. Л. Филоненко, В. М. Гафурова и др. Исследователи более дифференцированно подходят к позициям различных политических сил по вопросу о принципах организации уральской промышленности, пытаясь понять их аргументы.

В. М. Гафурова в целом положительно оценивает позицию той части уральских большевиков, которая поддерживала идею независимого развития промышленности региона: «Уральские лидеры, в отличие от Центра, имели свои проекты по поводу создания системы управления и организации экономической жизни региона. Уральцы исходили из того, что “Урал есть нечто самостоятельное и целое” и поэтому именно в данный момент “необходимо создать единое уральское хозяйство и отклонить предлагаемую руку из Центра, так как управление из Центра всегда было бюрократическим”» [Гафурова, с. 71].

Современные исследователи по-разному оценивают усилия центра по укреплению своих полномочий в управлении уральской промышленностью. По мнению А. Л. Филоненко, лишение местных совнархозов возможности «не только управлять, но и оказывать какое-либо существенное влияние на деятельность крупнейших промышленных предприятий, означало усиление процесса по стягиванию в центре всех полномочий по управлению промышленностью» [Филоненко, с. 67].

С последним мнением не согласна В. М. Гафурова. Она считает, что «в период национализации производства, создания новой советской экономики необходима была система управления, основанная на жесткой централизованной вертикали власти. Влиятельные региональные органы с неистребимой тягой к местничеству были опасны для Центра» [Гафурова, с. 74–75].

Современные исследователи положительно оценивают аргументы противников «генеральной» линии большевистской партии на укрепление централизованного руководства промышленностью. По мнению Л. Б. Логуновой, левые коммунисты были правы в том, что отстаивали необходимость подчинения промышленных предприятий местным органам хозяйственного управления и выступали за распределение полномочий между ними и центром с целью избегания параллелизма в работе [см.: Логунова, с. 107]. А. Л. Филоненко считает, что эта часть большевиков с тревогой смотрела на усиление позиций ВСНХ в руководстве промышленностью и уже на первом съезде совнархозов предлагала реформировать ВСНХ с учетом интересов регионов [см.: Филоненко, 1998, с. 110].

Как мы видим, позиции современных исследователей по вопросу о борьбе, которая велась между различными партиями и фракциями внутри большевистской партии по вопросу государственного регулирования промышленности на

Урале в 1917–1918 гг., достаточно противоречивы. Однако у них есть все возможности, в отличие от их предшественников, более полно и всесторонне осветить этот вопрос на основании привлечения новых источников, открытых в самое последнее время.

Адамов В. В. Введение // Национализация промышленности на Урале, октябрь 1917 — июль 1918 г. : сб. док. Свердловск, 1958. С. 3–28.

Алексеев С. Е., Камынин В. Д. Управление промышленностью Урала в 1917 — начале 1930-х гг. (очерки историографии проблемы). Екатеринбург ; Салехард, 2005. 304 с.

Андреев А. А. Перспективы регулирования производства на Урале // Урал. рабочий. 1918. 24 февр.

Антонов А. Д. Из опыта работы уральских большевиков по организации управления национализированной промышленностью в первой половине 1918 г. // Уч. зап. Стерлитамак. пед. ин-та. Сер. Обществ. науки. 1964. Вып. 14. С. 3–67.

Большевик. 1918. № 1. С. 3–10.

Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции : сб. док. и материалов. Свердловск, 1957. 487 с.

Венедиктов А. В. Государство, синдикаты и тресты // Торгово-промышленная газета. 1918. 24 апр.

Гараев Г. Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917–1925 гг.). Томск, 1984. 208 с.

Гафурова В. М. Создание и трансформация органов управления социалистической промышленностью Урала (1918–1929 гг.). Екатеринбург, 2008. 257 с.

Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975. 230 с.

Камышлейцев В. В. Управление промышленностью Урала в первые месяцы советской власти и разоблачение большевиками «левых коммунистов» (октябрь 1917 — июнь 1918) // Вестн. Моск. Гос. ун-та. Сер. История. 1973. № 1. С. 25–41.

Логунова Л. Б. Корпорации как тип социальной интеграции // Социол. исследования. 1996. № 12. С. 101–110.

Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленностью. Магнитогорск, 2000. 144 с.

Филоненко А. Л. ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск, 1998. 196 с.

Труды II Всероссийского съезда совнархозов (19–27 декабря 1918 г.) : стеногр. отчет М., 1919. 420 с.

Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, 26 мая — 4 июня 1918 г. : (стеногр. отчет). М., 1918. 356 с.

ЦДООСО. Ф.41. Оп.1. Д. 612.

Статья поступила в редакцию 01.07.2011 г.

УДК 316.343-058.13 + 316.324.8 + 338.22

А. В. Лёгостев

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Рассматривается аналитико-интегральный подход в изучении предпринимательского потенциала. Различные подходы к исследованиям понятия «потенциал», «личностный потенциал», «профессиональный потенциал» своеобразие социально-профессиональной группы предпринимателей, социальные качества предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательский потенциал; социальные качества предпринимателей; социологические исследования.

Трансформация социальной структуры российского общества в последнее двадцатилетие характеризуется появлением такой социальной группы, как предпринимательство. Предприниматель стал неотъемлемой фигурой в общественной стратификации. Поэтому определение профессионального потенциала социального типа российского предпринимателя в пространственно-временных координатах, конкретных ситуациях деятельности позволит лучше понять ресурсность всего современного общества.

Проблема профессионального потенциала предпринимателей является достаточно привлекательной темой для большого количества исследователей в нашей стране. Исследователи, рассматривающие проблему с разных сторон, продолжают делать все новые и новые научные находки. Это объясняется широтой и многоаспектностью такого исследовательского поля, как потенциал предпринимателя.

Потенциальные возможности личности издавна привлекали внимание многих исследователей. Так, в работах Аристотеля начала рассматриваться проблема «акта и потенции человека», а его бытие делилось на «потенциальное» и «актуальное», и личностное развитие представляло собой переход от первого ко второму. В философии потенциальное и актуальное интерпретировалось в контексте возможного и действительного. Возможность как философская категория трактуется как объективная тенденция развития предмета в отличие от действительности — объективно существующего предмета как результата реализации некоторой возможности. В исследованиях, объектом которых является человек, понятие «потенциал» применялось как важнейшая характеристика ресурсности личности, ее скрытых возможностей, которые могут быть включены в деятельность и развитие.

Понимание сущностных характеристик потенциала тесно связано с общенаучным толкованием данного явления. Потенциал (от лат. *potentia* — сила) — это источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения цели; возможности отдельного лица [Большой толковый словарь русского языка, с. 941].

Проблема потенциального рассматривалась в соотношении с актуальным и наиболее последовательно разрабатывалась научной школой С. Л. Рубинштейна

[Рубинштейн]. Констатировалось, что личность развивается в потенциальной и актуальной сферах, причем сфера потенциального выполняет важнейшие детерминирующие функции в данном развитии, она относится к начальным условиям развития, служит источником смыслообразования и временной перспективы. Потенциальное и актуальное находятся в диалектическом единстве, динамически взаимодействуя и изменяясь. Таким образом, потенциальное — это зона, которую личность превращает в актуальную. К сфере потенциального исследователи относят природные особенности индивида, способности и задатки, направленность личности, социальные возможности общества, которые могут быть использованы для развития. К сфере актуального — качественно новое, преобразованное потенциальное, т. е. те возможности, которые в данный момент реально функционируют в деятельности, общении, отношениях и взаимодействиях [Анцыферова].

Потенциальное может стать актуальным при наличии определенных условий, важнейшим из которых является целенаправленная активность самой личности. Определенная роль при этом отводится и социальным факторам, способствующим данному переходу. Исследователи отмечают наличие диалектических связей между потенциальной и актуальной сферами личности, констатируя, что процесс развития осуществляется с переходом от потенциального к актуальному и от актуального к потенциальному на следующем диалектическом витке. Развитие личности будет прогрессивным, если оно осуществляется в обеих сферах, т. е. при соблюдении на диалектической основе принципа единства потенциального и актуального и их взаимосвязей [Артемьева].

Изучение потенциала личности часто осуществлялось как его проявление и реализация в деятельности. В этом направлении важнейшими характеристиками потенциала назывались трудоспособность, работоспособность, сложные специальные способности, высокая мотивация деятельности, направленность активности и опыт (Л. И. Анцыферова, Т. И. Артемьева, Е. М. Борисова, В. Н. Марков, К. Обковский, К. К. Платонов, Е. П. Ходаева и др.).

Общая оценка состояния проблемы позволяет констатировать, что при большом интересе к потенциалу личности исследователи не часто берутся ее решать в силу чрезвычайной сложности.

В изучении потенциала личности можно выделить три подхода. Первый из них основан на неструктурированном обобщении различных проявлений потенциального, на его основе в потенциал личности включают следующие составляющие: природные особенности индивида, сложные способности, силу личности, работоспособность, активность и интенсивность направленности.

Согласно второму подходу потенциал личности обладает свойствами системного качества, что позволяет осуществлять его изучение с опорой на системные модели. Наличие иерархической системы потенциалов человека является основной идеей при изучении потенциального. Так, В. Н. Марков выделяет три основных вида потенциала: биологический, психический и личностный [см.: Марков].

Третий подход базируется на рассмотрении потенциальных возможностей человека в сфере профессиональной деятельности. Согласно данному подходу, именно специфика сложной профессиональной деятельности является своеобразным системообразующим фактором, направляющим не только развитие личностных качеств до уровня профессионально важных, но и интегрирующим различные потенциалы личности в единое целое. Направленность на успех в профессиональной деятельности определяет развитие определенных сложных способностей, черт характера, необходимых для профессиональной деятельности, различных характеристик интеллекта, личностных смыслов и отношений. Поэтому в научных исследованиях часто можно встретить такие понятия, как управленческий потенциал, организаторский потенциал, предпринимательский потенциал и пр. (Л. Б. Уманский, В. Г. Зазыкин, Л. Д. Кудряшова и др.).

Исследования деятельности человека в особых экстремальных условиях дают основание говорить о наличии так называемого дополнительного, или резервного, потенциала, представляющего собой сложную систему резервных возможностей, которые и включаются при действии осложняющих обстоятельств или экстремальных факторов.

Сравнительный анализ данных подходов к исследованию потенциала показывает, что между ними нет принципиальных противоречий, а их использование неизменно будет приводить исследователей к продуцированию новых видов потенциалов или описанию новых видов деятельности. Причем новыми будут лишь эмпирические факты, подтверждающие существующие теоретические положения. Наиболее продуктивно в контексте нашего исследования говорить о строении, а не наборе и выраженности характеристик.

Разработка проблемы потенциала личности ставит и методические вопросы, важнейшим из которых является обоснование методов измерения и оценки. В настоящее время используют психобиографический метод, личностные опросники и известные интеллектуальные тесты, реже — проективные методики. Использование известных стандартизованных методик не вызывает сомнения, но необходимо обратить внимание на два момента: 1) стандартизация проводилась на выборке, в составе которой не было представителей исследуемой группы; 2) интерпретация полученных данных во многом зависит от субъективной позиции исследователя.

При изучении потенциала особое внимание уделяется наличию ограничений, препятствующих его раскрытию (В. Н. Марков, Ю. В. Синягин, Е. Г. Чирковская и др.). К личностным ограничениям относят сильные и неконтролируемые акцентуации характера, критические возрастные периоды, высокий уровень тревожности и напряженности личности, низкий уровень самоконтроля и нормативности поведения.

Реже в исследованиях встречаются описания механизмов раскрытия потенциала, выявления факторов условий и детерминант. Понятие «раскрытие» соответствует таким родственным понятиям, как «высвобождение», «активное включение», имеющим смысловое содержание механизма запуска субъектной активности в отношении всей системы потенциального.

Понятие «раскрытие потенциала личности» является важным условием развития личности. Данная трактовка определяет направление его исследования, т. е. выявление путей, методов, условий технологии, раскрытия потенциала личности в образовательной среде.

Важным является механизм снятия противоречий между реальными возможностями личности и желаемыми, которые являются осознанием ресурсности потенциального. Данное осознание определяется запасом развития, т. е. уже освоенными возможностями, по количеству и динамике которых человек может судить о своем потенциале.

Обобщение полученных данных, характеризующих уровни различных видов потенциала личности, позволяет судить об ее общем потенциале.

Проведенный анализ показал, что с опорой на «профессиональный» подход изучения потенциальных возможностей личности, предпринимательский потенциал можно представить как системообразующий и интегрирующий в себе несколько видов потенциала: управленческий, личностно-характерологический, лидерский и творческий.

В свою очередь, каждый из названных видов имеет свои параметры. Логично предположить, что предпринимательский потенциал, являясь композицией этих разновидностей потенциала, включает в себя также и компоненты управленческого, лидерского и творческого потенциалов. Вероятно, такая композиция может образовывать новые структурные составляющие и связи, но в первом приближении предпринимательский потенциал можно рассматривать как содержащий структурные элементы данных потенциалов.

Наш интерес обусловлен попыткой осмысления феномена предпринимательского потенциала, уточнения его природы, сущности и содержания, выявления отличий от других видов потенциалов.

Ф. Р. Газизуллин рассматривают предпринимательский потенциал как категорию, в основе которой лежат понятия трудовой активности и трудового потенциала. Именно трудовой потенциал является той категорией, с опорой на которую и ведется данное исследование. Опыт научных исследований трудового потенциала, накопленный как зарубежными, так и в особенности отечественными учеными, позволяет развивать основные положения исследования предпринимательского потенциала с применением метода аналогии [Газизуллин].

Е. К. Завьялова к числу основных компонентов предпринимательского потенциала относит следующие: ценностно-мотивационный, интеллектуальный, эмоциональный, поведенческий, коммуникативный, регуляторный [см.: Завьялова].

П. В. Бершаков, обобщив опубликованные аналитические материалы и осуществив эмпирические исследования на ряде предприятий и организаций, пришел к выводу, что все предпринимательские качества интегрируются в три основных компонента предпринимательского потенциала: 1) психофизиологический, 2) квалификационный и 3) ценностно-мотивационный.

Психофизиологический компонент предпринимательского потенциала персонала включает в себя психологическую предрасположенность и

физиологические возможности к предпринимательской деятельности, такие как работоспособность, здоровье и здоровый образ жизни, трудолюбие, семейное благополучие, оптимизм, удовлетворенность результатами работы, сила воли, упорство, стрессоустойчивость и эмоциональная устойчивость, мобилизационные, организаторские способности, личная организованность, коммуникабельность (коммуникативность).

К в а л и ф и к а ц и о н н ы й компонент предпринимательского потенциала состоит из следующих элементов: профессиональная компетентность, опыт индивидуального предпринимательства и руководства в условиях различных форм собственности, знания по основной сфере работы, самостоятельность решений и действий, умение воплощать идеи на практике, стратегическое мышление, умение принимать решения, гибкость (адаптивность), общий интеллект и наличие интеллектуальной собственности, креативность.

Ц е н н о с т н о - м о т и в а ц и о н н ы й компонент предпринимательского потенциала включает в себя предприимчивость, стремление к лидерству, рискованность, способность к инновациям, ориентированность на результат, стремление быть информированным, стремление к самореализации и самоутверждению, целеустремленность, стремление к развитию, нравственные качества и этичность поведения [Бершаков].

Встречается в работах и дифференциация предпринимательского потенциала на применяемый и резервный. П р и м е н я е м ы й п р е д п р и н и м а т е л ь с к и й п о т е н ц и а л — это те способности к предпринимательской деятельности, которые человек реализует в настоящее время. Р е з е р в н ы й (с к р ы т ы й) п р е д п р и н и м а т е л ь с к и й п о т е н ц и а л — потенциал, который в настоящее время еще не реализован, его предстоит выявить, определить. Это способности, которые в данный момент невозможно задействовать, поскольку их актуализация, применение требуют соответствующих образовательных мер или обучения. Он состоит из двух частей: 1) потенциал, который может быть использован в настоящее время, т. е. те способности, которыми субъект в настоящий момент хотя и обладает, но которые не требуются или же используются лишь частично; 2) потенциал, который не может быть использован в настоящее время.

Применяемый предпринимательский потенциал и часть резервного потенциала, которую можно использовать, образуют в о с т р е б о в а н н ы й п р е д п р и н и м а т е л ь с к и й п о т е н ц и а л. Потенциал же, который не может использоваться в настоящее время, представляет собой потенциал перспективного развития. Он может быть актуализирован только при соответствующих условиях (в частности, в образовательной системе).

Ф. Р. Газизуллин выделяет два основных вида предпринимательского потенциала: 1) наличный и 2) перспективный предпринимательский потенциал. Как свидетельствуют данные его исследования, уровень системно-организованной целостности, охватывающий политические, социальные и духовные, управленческие, исполнительские, технологические, квалификационные и иные структуры, выступает основным показателем наличного предпринимательского потенциала. Наличный предпринимательский потенциал включает в себя

индивидуальные силы, реализованные в предпринимательстве и таким образом, выступающие в качестве меры предпринимательской активности во всех ее конкретных формах, а также оставшиеся нераскрытыми из-за различного рода социальных барьеров, созданных недостатками управления и дисгармонией социальных организационных структур. Следствием этого является недостаточное раскрытие индивидуальности субъекта труда [Газизуллин].

Таким образом, систематизация и анализ исследований предпринимательского потенциала позволили сделать следующие выводы.

С точки зрения методологических позиций в исследовании потенциала личности можно выделить три подхода: 1) аддитивный (обобщение различных проявлений), 2) системный, 3) деятельностный.

С точки зрения предметной направленности исследуются различные виды потенциала: управленческий, лидерский, профессиональный творческий, предпринимательский. Вместе с тем при изучении потенциала решаются и частные вопросы: ограничение раскрытия потенциала; проявление потенциала в экстремальных условиях.

Собственно предпринимательский потенциал, являющийся предметом данного исследования, в современной литературе изучается с различным компонентным наполнением в зависимости от представлений авторов и в основном включает такие компоненты, как психофизиологический, квалификационный, ценностно-мотивационный, коммуникативный, регуляторный, а также резервный, наличный, перспективный.

Анализ теоретических и эмпирических подходов позволил определить предпринимательский потенциал как комплексное образование, отличающееся не столько выраженностью его компонентов, сколько своеобразием структуры, которое выступает мерой предпринимательской активности и успешности деятельности.

Наш интерес обусловлен попыткой осмысления феномена предпринимательского потенциала, уточнения его природы, сущности и содержания, выявления отличий от других, а также определения возможностей бизнес-образования в его актуализации.

Серия пилотажных эмпирических исследований, участниками которых выступили слушатели Института управления и предпринимательства Уральского государственного университета им. А. М. Горького, позволила обнаружить достаточные свидетельства в пользу высоких потенциальных возможностей современных бизнесменов и менеджеров Уральского региона. Так, установлено, что характерными особенностями предпринимателей, являющихся собственниками бизнеса, выступают хорошо развитая интуиция, выраженные познавательные потребности и стремление к профессиональному росту, потребность в самоактуализации в сфере бизнеса, выраженный интернальный локус ответственности, проявляющий сензитивность к ситуациям успеха и неудачи, ориентация на результат, а не на процесс, явное доминирование интересов и ценностных установок, связанных с работой, нежели с другими сферами жизни, направленность данных установок в будущее, сформированные рефлексивные способности, выраженная самоидентификация с бизнесом, высокие

самоэффективность и уверенность в себе, развитая и адекватная система психологических защит.

В то же время обнаружены факты проявления тревожности, неконструктивного эмоционального переживания возникающих проблем, повышенной сензитивности отдельных частных самооценок к ситуации неудачи. Установленные особенности свидетельствуют о необходимости ресурсной восполняемости профессионального потенциала предпринимателя, а также о доступности оптимизации и даже раскрытия потенциальных возможностей предпринимателя в формате бизнес-образования.

-
- Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды : в 2 т. М., 1980.
- Анцыферова Л. И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 3–19.
- Артемьева Т. И.* Взаимосвязь потенциального и актуального в развитии личности // Психология формирования и развития личности / под общ. ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1980. С. 67–87.
- Бершаков П. В.* Предпринимательский потенциал персонала: оценка и использование (на примере организаций системы ОАО «Газпром») : дис. ... канд. эконом. наук. М., 2002. 173 с.
- Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.
- Газизуллин Ф. Р.* Основные факторы развития социального потенциала молодого города в новых социально-экономических условиях (на материалах г. Набережные Челны Республики Татарстан) : автореф. дис. ... докт. социол. наук. Уфа, 1998.
- Завьялова Е. К., Посохова С. Т.* Психология предпринимательства. СПб., 1997. 178 с.
- Конохов Н. И., Шакуум М. Л.* Акмеология и тестология. М., 1996. 381 с.
- Лысенко Е. М.* Личностно-ориентированный воспитательный процесс в высшей школе как фактор социализации студентов // *Вопр. социал. психологии личности.* 2002. Вып. 3. С. 117–122.
- Марков В. Н., Ю. В. Сиягин.* Потенциал личности // *Мир психологии.* 2000. № 1. С. 250–262.
- Мерлин В. С.* Психология индивидуальности. М. ; Воронеж, 1996. 389 с.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // *Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии.* М., 1973.

Статья поступила в редакцию 01.07.2011 г.

УДК 821.161.1:37.026 + 378.4(470.5)

Ю. А. Русина

РИФМЫ ЖИЗНИ**История студенческого литературного кружка УрГУ
(середина 1940-х гг.)**

На материале различных исторических источников рассматривается история студенческого литературно-творческого кружка УрГУ середины 1940-х гг. Деятельность кружка проанализирована в контексте введения в действие известного Постановления ЦК ВКП(б) 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Ключевые слова: студенческий самиздат; литературно-творческий кружок; борьба с инакомыслием.

Говорят когда-то в людях
Жили страстные порывы,
Каждый мыслил, каждый спорил,
Каждый сердцем был поэт
Каждый верил всей душою
В мир свободный и счастливый...

В. Рутминский

«Каналим теплоходом проекте могила Есенина явления Христа пока нет Рустемат». Телеграмма с таким текстом, без знаков препинания, была отправлена из Москвы в 1946 г. студентами историко-филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького однокурснице Нине Стариковой. Фамилии студентов зашифрованы в подписи. Их звали: Виктор Рутминский (Фалеев), Маргарита Степанова и Валентин Матвеев. В столице они были по льготным профсоюзным путевкам на экскурсии, в которую входило путешествие по каналу Москва — Волга; очевидно, собирались также сходить на могилу Есенина. Телеграфный стиль и литературные способности авторов позволили сообщить однокурснице также о том, что заказанную ею репродукцию картины В. Иванова «Явление Христа народу» пока не нашли. Тогда, в 1946 г., телеграмма благополучно достигла адресата [Матвеев, с. 263]. Двое из упомянутых студентов, Виктор Рутминский и Маргарита Степанова, были членами студенческого литературного кружка, объединившего в 40-е гг. прошлого века в творческом поиске студентов филологов и журналистов.

Студенческий литературный кружок был создан при университетской газете «Сталинец»¹ в марте 1942 г. Первого руководителя кружка установить не удалось. В 1944—1945 гг. кружком руководила заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Лидия Арсеньевна Гладковская. Членами кружка были не более 10 человек, среди них писатель и публицист Евгений Михайло-

¹ Газета «Сталинец» Уральского государственного университета им. А. М. Горького выходила с 1942 г., в 1956 г. она была переименована в «Уральский университет».

вич Богат и основатель уральской школы социологии Лев Наумович Коган. Выпускница отделения филологии 1945 г. Елена Шпаковская вспоминает, что кружковцы выпускали рукописный журнал, в состав редакции которого входил Л. Н. Коган и где была опубликована его поэма «Леди Гамельтон». Но журнал этот, по словам последнего, «где-то потонул в недрах КГБ» [Шпаковская, с. 124].

Университетские коридоры в первый послевоенный учебный год наполнились парнями и девушками в гимнастерках. Несмотря на молодость, это были ребята с серьезным жизненным опытом и большим желанием самовыражения, в том числе и в литературе. Пришедшие учиться школьники также имели за спиной не только учебную парту, но иногда и заводской станок или чертежную доску. «Студенты набора 1945–1946 годов — племя особое... У каждого в уме и сердце ненаписанная автобиографическая повесть военных лет. Не столько жажда знаний, сколько мечта писать, быть признанным...» [Охупкина, с. 154]. Ида Власьевна Очеретина (секретарь кружка Ида Гвоздева) вспоминает: «Ребята, которые прошли войну, они же столько пережили. Они хотели все это как-то выразить... Все события жизни облекались в стихотворную форму. Мы со Степой Захаровым жили в одном дворе. На занятия всегда шли вместе. Подхожу, он мне уже по пути сует новое четверостишие. По дороге к нам Витя Рутминский присоединяется. Все события жизни, даже самые простые, новое пальто например, и значительные, например женитьба, описывали в стихах. Потом встречались, обсуждали в коридорах на факультете. К концу занятий — уже ответные стихи готовы. Никто в себе не замыкался... Все интересно. Встречаются в коридорах, обсуждают новые книги: “Ты читал?! Ты читал?!”...»²

Были среди студентов и свои поэты-переводчики: Юрий Абызов и Михаил Немченко, в будущем члены Союза писателей СССР. В середине 40-х в студенческой среде УрГУ любили распевать английские солдатские песенки «Кабачок» и «Типперери», читали стихи Юлиана Тувима в переводах Абызова [см.: Матвеев, с. 258; Охупкина, с. 154]. Мастерство Абызова-переводчика отмечал П. П. Бажов после его выступления на одном из литературных четвергов, организованном местным отделением Союза писателей СССР, где начинающий литератор читал свои переводы стихов английского поэта Роберта Сервиса [Захаров, 1995, с. 466]. Серьезную рецензию о польских переводах Юрия Абызова написал его однокашник Виктор Рутминский. Из содержания заметки видно, насколько глубоко сам рецензент разбирается в теме перевода: «“Легкость” переводов с польского — типичный обман зрения. Трудность заключается прежде всего в ритме. ...Что же касается Тувима, то дело усложняется... тем, что его экспрессивный, сложный стиль с трудом находит для себя лексические эквиваленты» [Рутминский, 1945].

В конце 1945 г. параллельно с деятельностью разрешенного кружка функционирует неформальное Общество рыцарей круглого стола, члены которого

² Из беседы с Идой Власьевной Очеретиной, студенткой отделения журналистики 1945–1948 гг. Записано автором статьи в июле 2011 г.

Юрий Абызов и Виктор Рутминский переписывали и распространяли произведения А. Ахматовой, Н. Гумилева, З. Гиппиус, О. Мандельштама [см.: Историческая справка...].

В середине 1940-х гг. легальный литературный кружок становится заметным явлением на факультете. В него влились фронтовики, что внесло изменения в атмосферу кружка, разнообразило его деятельность. Не редкостью стали горячие споры в поисках новых образов, новых героев: «Глеб ругает Кузьмича, / Атмосфера горяча...»³. В коридорах университета начинающие поэты и прозаики читали свои произведения добровольным слушателям и первым ценителям. Обсуждались поэма «Синий ветер» Иосифа Лебензона, повесть «Студенты» Иосифа Герасимова (Гершенбаума), роман «Я твой, Родина!» Вадима Очеретина и др. [см.: Захаров, 2000, с. 166—167]. Появляется интерес к вопросам теории литературы. О прочитанном на заседании кружка Виктором Рутминским докладе «История и теория сонета» университетская газета писала: «...Студент 3-го курса филологического отделения... привлек значительный по объему материал и оригинально его обработал. Начав изложение с общих правил классического сонета, он перешел к истории жанра... За исторической частью следовал раздел, посвященный модификациям сонетной формы в зависимости от системы языка. Это было проиллюстрировано на различии итальянского, французского, немецкого, румынского и русского сонетов... Старший преподаватель М. Л. Мамаева (руководитель кружка) отметила, что доклад В. Рутминского за годы существования кружка — один из лучших» [см.: Интересный доклад...].

Статьи в «Сталинце» и сохранившиеся протоколы заседаний кружка говорят, что кружок назывался *литературно-творческим* [см.: Боголюбов; Тетради для протоколов]. Хотя Стефан Захаров вспоминает, что «для солидности именовали кружок литературно-критическим» [Захаров, 1995, с. 464].

Протоколы заседаний кружка сохранились лишь за апрель — ноябрь 1947 г., самый драматичный периода в его истории. Это две школьные тетрадки в косую линейку, мелко исписанные чернильной ручкой, которые дошли до нас случайно. Ксения Александровна Охупкина, журналист, искусствовед, писатель, передала их в Музей истории УрГУ в 1990-е гг., поведав следующую историю: «Протоколы заседаний творческого кружка хранились в шкафу на кафедре советской печати в корпусе по ул. Куйбышева. После окончания университета я один год работала лаборанткой на этой кафедре. Осенью 1950 г. наш факультет перевели в корпус, который находился на ул. 8-го Марта. При переезде мы с лаборанткой Лидой Плашевской разбирали содержимое шкафов и увидели эти протоколы. «Куда их? — спросила она. — Проще выбросить!». Почти согласившись с ней, я взяла их домой с благой целью — прочитать в свободное время. Так они оказались в моих бумагах на много лет» [Письмо Охупкиной].

В 1946—1947 гг. руководителем кружка была Мария Львовна Мамаева, преподаватель кафедры русской литературы, читавшая филологам и журналистам курс по истории русской литературы XVIII в. Старостой выбрали студента-

³ Из беседы с И. В. Очеретиной; см. об этом также: [Охупкина, с. 155; Захаров, 1995, с. 464].

филолога, бывшего фронтовика Глеба Пиньжакова, а протоколы вели студентки Ида Гвоздева, также прошедшая войну, и Маргарита Степанова — одна журналистка, другая филолог [см.: Захаров, 2000, с. 167]. Интересно отметить, что состав кружка был преимущественно мужским. Кроме названных девушек, можно добавить еще имена поэтессы Марии Ротблют и будущей журналистки Надежды Толмачевой.

Насколько частыми были заседания кружка? В одном из протоколов встречается диалог на эту тему:

Г е р ш е н б а у м. ...У нас очень большие промежутки между заседаниями...
М [а р и я] Л [ь в о в н а]. Нет! Мы собираемся совсем не редко.
Л е б е н з о н. С нового учебного года можно будет проводить заседания кружка раз в неделю [Тетради для протоколов..., 1 апр. 1947 г.].

Поскольку сохранилось всего 7 протоколов за апрель — октябрь 1947 г. и в отчетном докладе староста кружка Глеб Пиньжаков отмечает, что за первое полугодие 1947 г. было проведено 9 заседаний [см.: Там же, 1 окт. 1947 г.], то можно предположить, что кружковцы собирались примерно 2 раза в месяц. Есть, правда, решение, принятое на октябрьском заседании, собираться раз в неделю по средам, но было ли оно выполнено, неизвестно.

На заседаниях кружка ребята обсуждали содержание «толстых» журналов, делали обзоры газет, делились собственным творчеством, сочиняли сценарии юмористических миниатюр для постановки на университетской сцене.

Публиковать свои произведения студенты решили в самодельном альманахе «Наше творчество». До недавнего времени считалось, что всего вышло три номера журнала [см.: Прищепа, с. 41]. Действительно, в Музее истории УрГУ имеется три выпуска: № 2, 3 — за март и ноябрь 1947 г. соответственно и еще один — за 1949 г. Известно также, что первый номер альманаха появился на свет в 1946 г. [см.: Боголюбов], но, к сожалению, он не сохранился. Так что выпусков было по крайней мере четыре, а возможно, и больше. С обложек явствует, что кружок назывался литературно-творческим, так же он именуется и в протоколах, а не критическим, как уже было упомянуто выше. Альманах печатался на машинке. По предположению Иды Власьевны Очеретиной, это могла быть трофейная печатная машинка ее мужа, Вадима Очеретина, в будущем главного редактора журналов «Уральский следопыт» и «Урал» и автора известного романа «Я твой, Родина!», а в середине 40-х гг. студента отделения журналистики, активного члена литературного кружка и редактора альманаха⁴. В одном из протоколов записан разговор о денежных проблемах журнала, который, очевидно, печатался на средства кружковцев. Иногда финансовую поддержку оказывал университет [см.: Тетради для протоколов, 1 апр. 1947 г.].

Небольшой экскурс в прошлое. История рукописных журналов гораздо более богата, чем может показаться на первый, беглый взгляд. Мы привыкли считать, что так называемый самиздат не мог выжить в условиях тоталитарного режима, и

⁴ Из беседы с И. В. Очеретиной.

поэтому отсчитываем его историю в XX в. с 50–60-х гг. — периода «оттепели», имея в виду также 20-е гг. Однако более пристальный взгляд на эту проблему с привлечением методик устного опроса участников событий позволяет увидеть довольно глубокий и малоизученный источниковый пласт.

Одно из направлений — это школьные рукописные журналы и стенгазеты — почти исчезнувшая традиция и прекрасный объект изучения истории повседневности. Так, Вадим Очеретин всю жизнь был благодарен своей школьной преподавательнице литературы Елене Васильевне Знаменской, которая привила ему любовь к фольклору. Под ее руководством ученики 9-й средней школы г. Владивостока выпускали рукописные журналы «Фольклор и литература» и «Школа. Литературно-художественный и критический журнал». На серой бумаге большого формата мы сегодня можем прочесть стихи, эпиграммы, критические заметки школьников предвоенных лет. Кроме того, ребята выпускали красочную стенгазету «Ерш» сатирического содержания. Эти материалы до сих пор бережно хранятся в семье Очеретиных [см.: Очеретина, с. 577], что подтвердила сама Ида Власьева в нашей беседе с ней.

Другая разновидность — литературный самиздат, его след мы находим в судьбе Виктора Рутминского. Он еще школьником полюбил поэтов Серебряного века, собирал их книги, те, что можно было купить в предвоенные и послевоенные годы в букинистических магазинах. А тех авторов, которых удавалось найти лишь в библиотечных журнальных подшивках 1920–1930-х гг., переписывал от руки, сшивал и оформлял как книжечки-миниатюры. Таких книжечек у него было около трех десятков [см.: Рутминский, 2008; «Самоделки...»].

Вернемся к послевоенному студенческому самиздату — альманаху «Наше творчество».

Второй номер, датированный мартом 1947 г., открывается статьей без подписи «Будем дерзать». Об эмоциональном настрое говорят пламенные слова В. Маяковского, приведенные в эпиграфе: «...Дерзать, думать, хотеть, сметь!». Пафос статьи — в стремлении быть первыми, овладевая мастерством литератора, в готовности к любым трудностям для достижения мечты, в сравнении литературной передовой с линией огня. Далее мы видим стихи В. Шустова «Монумент», И. Лебензона «Синий ветер», А. Вяткина «Весна» и «Девушка», Г. Пиньжакова «Правнукам Ахилла»; рассказы Л. Румянцева «Орел», В. Очеретина «Встреча» и «Галя», И. Гершенбаума «Кузнец», очерк Л. Румянцева «Сад-гигант» и зарисовку П. Панова «Николай Терсков». В разделе «Критика» Г. Краснов разбирает стиль рассказов И. Гершенбаума, напечатанных в первом номере альманаха и университетской газете «Сталинец», и делает выводы о необходимости работать над словом, не допускать «неряшливости языка». Примечательна рубрика «Шаржи в рифмах». К сожалению, автор эпиграмм не указан, но по одной из них можно предположить создателя «передовой статьи» альманаха. Видимо, это тот же студент, который наполнил раздел критики:

ПОСЛАНИЕ Г. КРАСНОВУ

Ты литератор, без сомнения.
Дерзать! Дерзать — твои мечты.
Когда ж прочтем твои творенья.
Когда ж писать-то будешь ты.

Содержание второго альманаха отражает духовные и литературные искания молодых авторов, стремление к новым сюжетам, нестандартным аллегориям и символам. Например, в поэме Иосифа Лебензона «Синий ветер», пользовавшейся большим успехом у студенток историко-филологического факультета, образ необычного ветра связан с подвигом, стремлением преодолеть самые невероятные преграды, с первой любовью, с мечтой и творчеством:

Говорят, что синий ветер —
Плод фантазии поэта,
Будто никогда на свете
Не было у ветра цвета,
Будто синий ветер этот,
Голубые ураганы,
Созданы одним поэтом
Из мечтаний полупьяных.

По лесам, морям, равнинам
Ветер тешится игрою.
Но увидеть ветер синий
Удается лишь герою

Сказку время не состарит,
Завтра сказка станет былью.
Кто не слышал об Икаре
И Дедале, что на крыльях,
Легких крылышках гусиных,
Улетели из темницы.
Это гордый ветер синий
Человека сделал птицей....

Финал поэмы, правда, не такой романтичный, но не менее символичен. От любовных страданий ему помог избавиться... подъемный кран:

На меня указавши пальцем,
Кран подъемный спросил в упор:
Разве можно сейчас печалиться?
Надо строить, ведь ты — сапер!...

[Лебензон, с. 6, 11].

Рассказ Льва Румянцева «Орел» описывает фантастический поединок орла с немецким асом над вершинами Динарских гор в Черногории.

Наполнены весной и радостным ожиданием юношеские стихи Анатолия Вяткина «Девушка»:

Она стоит и, вскинув голову,
Задорно смотрит в небо, в высь;
Лучи расплавленного золота
В зрачках затейливо сплелись.
Не сводит с солнца глаз — упрямая,
И свет упрямей бьет в лицо.

Упала варежка к ногам ее,
И распахнулось пальцецо.
А ветер весело, украдкою,
Вокруг да около юлит, —
Волос играет светлой прядкою,
Концы косынки теребит.
Стоит цветущая, пригожая,
Пьянящей радости полна.
Глядят на девушку прохожие
И улыбаются: весна! [Вяткин, с. 17].

Очень хороши и говорят о зрелости автора рассказы Вадима Очеретина «Встреча» и «Гая», что было отмечено и преподавателями, и студентами. В первом говорится о том, как по-разному устроились в новой мирной жизни бывшие фронтовые товарищи. Рассказ «Гая» очень лиричный, трогательный, с непростым подтекстом: любимая главного героя погибла, но ее имя носит девочка, которой она помогла родиться в зимнюю метельную ночь.

Серьезные намерения начинающих литераторов совершенствовать писательское мастерство поддерживались преподавателями факультета. Об этом говорит, например, критическая статья на страницах «Сталинца», где преподаватель кафедры журналистики К. В. Боголюбов анализирует содержание второго альманаха [см.: Боголюбов]. После строгого преподавательского разбора всех опубликованных произведений, их содержания и формы, законченности и осознанности сюжетов делается вывод, что и стихам (в большей степени), и прозе (в меньшей) недостает связи с реальной жизнью, насущными студенческими делами. Например, о светлых весенних стихах Анатолия Вяткина со ссылкой на авторитет Н. Добролюбова говорится, что писать о цветочках может всякий, гораздо важнее обращать внимание на явления общественной жизни. Не понравилось критику и обращение Иосифа Лебензона в финале поэмы «Синий ветер» к подъемному крану как к одушевленному существу. Статья не случайно называется «Первые шаги», и опытные преподаватели сумеют сориентировать творческие порывы начинающих журналистов и филологов в сторону соцреализма.

О внимании к студенческому творчеству со стороны преподавателей говорят и протоколы заседаний кружка. Руководитель всегда присутствовал на заседаниях, информировал студентов о постановлениях в области литературы, старался направить молодежь в русло официальной стилистики. Так, М. Л. Мамаева, разбирая материалы всесоюзного совещания молодых писателей, вслед за А. Фадеевым объясняет, почему не надо идти за Л. Пастернаком, который «заведет в тупик», и как отвечать на западную критику, обвиняющую советскую литературу в однообразии: «Эстетический принцип у нас один — социалистический реализм, а пути к нему — разные» [Тетрадь для протоколов, 1 апр. 1947 г.].

В следующем номере альманаха, датированном ноябрем 1947 г., также есть передовая статья. В ней упоминается, что литературно-творческий кружок существует уже второй год, видимо, связывая его деятельность с выходом альманаха.

На этот раз «передовица» называется «Учиться и творить», в ее стилистике ощущается меньше свободы и больше верноподданнических ноток. Да и 30-летие Великого Октября на пороге. А упоминание о «большевистской критике, которая явилась мощным фактором движения вперед, помогла, своевременно указав на ошибки альманаха» [Учиться и творить, с. 4], прямо отсылает к событиям лета 1947 г. В третьем альманахе уже нет дружеских шаржей, нет критического разбора произведений товарищей по творчеству, но опубликован отрывок из книги К. В. Боголюбова «Мастера».

Весной и летом 1947 г. произошли очень важные события, определившие дальнейшую историю кружка и судьбу некоторых его участников. 28 марта 1947 г. в программе вечера студентов-журналистов, где выступали с воспоминаниями преподаватели и военные журналисты, читали свои стихи и прозу кружковцы, на университетской сцене по сценарию членов литературного кружка и с их непосредственным актерским участием было показано «пародийное ревю» под названием «Машина времени», восторженно принятое зрителями. В этом небольшом спектакле студенты представили в юмористической форме, как они видят свое профессиональное будущее. Предполагалось, что ребята все же станут известными журналистами и литераторами, получают признание, но, пройдя через многие, иногда курьезные, препятствия [см.: У журналистов; Захаров, 2000, с. 164–175].

1 апреля 1947 г. студент Виталий Шuvaгин, который не был литкружковцем и не публиковался в университетских изданиях, вынес на обсуждение членов кружка свои стихи «В бане» и «Песня штрафника». В биографии Шuvaгина действительно был штрафбат. Страницы протокола сохранили резкую критику его творчества за подражательство Пастернаку, за то, что в стихах много субъективизма, а их содержание совершенно не отражает советской эпохи, что времена футуризма миновали, а символизм — явление антисоветское. В результате в кружок Шuvaгина не приняли, хотя были студенты, предлагавшие дать ему время на создание новых стихов (Пиньжаков, Рутминский) [см.: Тетрадь для протоколов, 1 апр. 1947 г.].

В середине апреля 1947 г. студентов начали вызывать на допросы в Управление МГБ Свердловской области, а в их квартирах прошли обыски. По воспоминаниям, допросы всегда проводились ночью [см.: Захаров, 2000, с. 172–175; Очеретина, с. 576]. Трагично сложилась судьба Виктора Рутминского, который был арестован, осужден по ст.58/10 (антисоветская агитация и пропаганда) и смог вернуться в университет только 8 долгих лет спустя.

20 июня 1947 г. в «Комсомольской правде» появилась статья «Идейное убожество. Об одном студенческом альманахе», написанная уральским корреспондентом Михаилом Меньшиковым, с которым многие кружковцы были знакомы и любили за веселый нрав⁵. Досталось всем авторам альманаха № 2 за их «эстетические выкрутасы», «культивирование ложных идей» и одновременно «безыдейность». Особо выделены в статье «Синий ветер» Лебензона, «Орел»

⁵ Из беседы с И. В. Очеретиной.

Румянцева, «Кузнец» Гершенбаума и весенние стихи Вяткина. Надо сказать, что критика Меньшикова далека от литературоведческой, довольно примитивна, ограничена насмешками над содержанием и следует худшим традициям своего времени.

15 августа 1947 г. из местного управления госбезопасности в Москву была отправлена докладная записка, которую стоит процитировать подробно:

...В результате проведения активных агентурно-оперативных мероприятий было установлено, что в Уральском государственном университете в течение 1945–1947 годов существует группа студентов филологического факультета и факультета журналистики, увлекающихся поэзией, являющихся авторами безыдейных и упадочных (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — Ю. Р.) стихов, которые оформляются в рукописно издаваемые и распространяемые среди студенчества сборники.

...Абызов, Захаров и другие в своих «произведениях» воспевали пьянство, кутежи, их «стихи» имеют упаднический, пессимистический характер и являются подражанием Ахматовой и Есенину. Среди этих лиц распространялись и переписывались стихи враждебных советской поэзии поэтов Гумилева, Гиппиус, Ахматовой, Мандельштама и др.

...Так, при обыске в квартире студентки 4-го курса филологического факультета университета Степановой М. И. (беспартийная), являющейся секретарем литературного кружка университета, было изъято большое количество рукописных сборников антиобщественных произведений Абызова, Фалеева (фамилия Рутминского по паспорту. — Ю. Р.), Захарова С. и других, а также переписанные произведения Ахматовой, Мандельштама, Гумилева и др.

В издававшихся этой группой сборниках, посвященных «творчеству» Абызова, Фалеева, Захарова и распространявшихся среди студентов университета, высказывались идеи, явно противоречащие постановлению ЦК ВКП(б)...

Так, в сборнике, посвященном Абызову, составленном в декабре 1946 г., была помещена статья Фалеева, в которой говорилось: «Абызов пишет о том, что поэт в наше время может только повторять, бесталанно повторять то, что уже сказано. Наше время трудновато для пера. Для поэта надо быть прямо-таки ренессансной натурой. Нынче не век хлюпиков, а все интеллигенты — хлюпики.

В стихотворении Пиньжакова из этого же сборника автор пишет:

Я готов орать и выть, не росинки в жадной глотке,

До чего же скучно жить — ни поэзии, ни водки...

В сборнике, посвященном Фалееву-Рутминскому (начало 1947 года), студент 2-го курса факультета журналистики университета Брускин С. Л. в статье «Первая встреча» дошел до того, что антисоветская личность, пошляк и разложившийся человек — Фалеев — сравнивается с А. С. Пушкиным...

...По вине Мамаевой Фалееву была предоставлена возможность «консультировать» начинающих поэтов г. Свердловска по вопросам литературы и искусства.

...Только политической близорукостью со стороны преподавателя Мамаевой объясняется тот факт, что бывшему студенту университета аферисту Шувагину была предоставлена возможность 1 апреля 1947 г. выступить на заседании литературного кружка университета с чтением своих стихов, явно антисоветского содержания...

Не велось достаточной работы по идейно-теоретическому воспитанию студентов со стороны ректора университета, о чем свидетельствует тот факт, что с разрешения ректора т. Чуфарова (член ВКП(б)) и парторганизации... в конце марта 1947 г. была разрешена к постановке пьеса «Машина времени» (авторы: Захаров С.,

Румянцев Л., Лебензон И.), по своему содержанию носящая явно клеветнический на советское студенчество характер.

Постановление ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве на филологическом факультете и факультете журналистики были изучены формально и недостаточно глубоко...

...О недостатках в идейно-теоретическом воспитании студентов университета свидетельствуют и такие факты, когда на семинарских занятиях по основам марксизма-ленинизма зачастую присутствует только по 50 % студентов. Лекция о постановлении ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в последний период», состоявшаяся в марте 1947 г., была сорвана, т. к. на лекции вместо 400 человек студентов присутствовало около 20 человек.

Таким образом, ректорат и парторганизация университета надлежащих выводов из решения бюро обкома ВКП(б) по улучшению постановок дела идейно-творческого воспитания студентов не сделали.

Об изложенном нами информируется Свердловский обком ВКП(б) для принятия соответствующих мер... [Докладная записка].

Сегодня среди некоторых историков бытует мнение, что принадлежность документа к архиву органов госбезопасности является критерием его достоверности. Однако, читая эту докладную записку, достоверно можно утверждать лишь то, что в области литературы ее составители были не очень-то грамотны, а сам этот документ и действия, его породившие, были ответом местных властей на известное постановление оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Не было в студенческих произведениях ничего упадочного и антиобщественного. Не было клеветы на советское студенчество в театральной постановке «Машина времени», где ребята шутили сами над собой. А стихи о штрафбате отражали события советского времени. И Рутминский не был «пошляком и разложившимся человеком», а консультировать начинающих поэтов ему поручали именно по причине его широкой эрудиции в области стихосложения и литературной формы. Доказательством последнего служат планы литкружковцев о создании в альманахе «серьезной критической секции» и назначении ответственными за ее ведение Рутминского, Ольгина, Бусыгина и Краснова. Кроме того, Рутминскому собирались поручить составить список литературы по теории стиха [см.: Тетрадь для протоколов, 1 апр. 1947 г.]. Кстати, еще об «осведомленности» сотрудников госбезопасности: не было в 1947 г. в УрГУ филологического факультета, как это указано в записке, а жил своей трудной послевоенной жизнью историко-филологический факультет с отделениями филологии и истории. Ну, а для того, чтобы установить, как студенты посещают скучные лекции, проведения «активных агентурно-оперативных мероприятий» не требуется. Судя по воспоминаниям студентов УрГУ 1940-х гг., они действительно чувствовали себя достаточно свободно в коридорах этого вуза.

Лексика процитированной докладной записки и известного постановления ЦК о журналах схожи. Сравним:

В журнале «Звезда» за последнее время... появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Предоставление страниц «Звезды»

таким пошлякам и подонкам литературы, как Зошенко... недопустимо... Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой... Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества... <...> ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зошенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. ...Как могло случиться, что журналы «Звезда» и «Ленинград», издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности?.. Руководящие работники журналов... забыли, что наши журналы являются могучим средством советского государства в деле воспитания советских людей, и в особенности молодежи... [Из постановления ЦК ВКП(б)].

25 сентября 1947 г. к «Комсомолке» присоединилась местная газета «Уральский рабочий» опубликовавшая анонимную передовицу «Идейное воспитание учащейся молодежи». Как ясно из названия, все содержание большой, почти на полполосы, статьи сводится к одному — необходимости повысить уровень идейно-воспитательной работы в вузах и техникумах Свердловска. Не на должной высоте, если верить неизвестному автору, упомянутый уровень в Уральском государственном университете им. А. М. Горького, Свердловском горном и Свердловском юридическом институтах, в отличие от Уральского промышленного института им. С. М. Кирова, на который статья призывает равняться.

Описываемые события середины 1940-х гг. драматически повлияли на жизнь лишь одного человека — Виктора Рутминского. Можно сказать, что судьба его была сломана. Возможно, он был выбран следователями на роль жертвы, потому что не воевал, как большинство кружковцев. Кроме того, эстетика его творчества совершенно не вписывалась в рамки соцреализма. В. Рутминский поступил в Уральский госуниверситет в 1944 г., после окончания средней школы. К этому времени уже было известно одно его стихотворение, крамольное с точки зрения официальной идеологии. Это был своеобразный «ответ» К. Симонову на стихотворение «Жди меня». Позднее, при аресте, именно оно будет истолковано следствием как «клевета на советскую действительность и советскую женщину»:

Брось, она не будет ждать!
Истины — грубы.
Не пытайся побеждать
Логике судьбы. ...
С ловкачем, поймавшим бронь,
Будет слушать джаз
И дарить ему огонь
Темно-синих глаз...

«Это была бравада, мальчишество, ему было лет 16», — вспоминает Наталья Брониславовна Толочко, жена (сейчас уже вдова) В. Рутминского,

с которой он познакомился на том же отделении филологии, но уже после лагеря⁶. Вполне возможно также, что он мог быть свидетелем подобных житейских историй.

Поклонник и знаток поэзии Серебряного века, Виктор Рутминский в студенческие годы писал стихи, совсем непохожие на произведения большинства его сверстников:

Катуллу, ей Богу же, было неплохо
В своем офонтаненном светлом палаццо
О шалостях Лесбии ахать и охать,
Стихи сочинять и на ложе валяться.
Во-первых, рабы: не житье, а малина, —
Наверно, в постель ему чай подавали
И утром, чтоб крепок был сон господина,
От физии веером мух отгоняли.
Любимые книги — Гомер и Ювений
Ему Достоевский, конечно, не ведом
И жизнь, безо всяких особых сомнений
Звала его к новым и легким победам
А мне предназначено злою судьбою
Явиться к последнему действию в драме,
Где люди с гортанью, охрипшей от воя,
Колотят о стены огромными лбами.
Где жизненный фарс не смогу досмотреть я
Конец наступил бесконечной дороги...
И брошено все, чем дышали столетья,
Под Хроноса медные грубые ноги.
Стою и смотрю: дотлевают планета
Под сладенький запах гниющего мяса,
А небо, что было лазурного цвета,
Окрасилось пурпуром трубного гласа.
Проиграны миром последние туры,
В ломбарды заложены ржавые души,
Налей-ка мне, братец, стакан политуры.
Она понадежнее всей этой чуши.

1945

Прочитав это стихотворение в 1990-е гг. в радиопередаче «Литературный час», Виктор Сергеевич Рутминский грустно сказал: «Вот такой ранний Рутминский, позднего нет». Далее он рассказал, что политикой никогда не увлекался, а посадили его в 1947 г., после выхода постановления о «Звезде» и «Ленинграде», за «пессимистические стихи» [Рутминский, 2008].

«Юноша Рутминский не был диссидентом, его бунтарство, как позднее у Иосифа Бродского, носило не политический, а скорее эстетический характер. Он смеялся над тем, что чувствовал ненастоящим, вымученным. Уральский

⁶ Из беседы с Натальей Брониславовной Толочко, студенткой историко-филологического факультета 1951–1956 гг. Записано автором статьи 1 августа 2011 г.

классик Павел Бажов предупредил, как в будущее глядел: “Голова у тебя крепкая, да не сносить ее на плечах”» [Романова, с. 74].

Как вспоминает Наталья Брониславовна Толочко, «Виктор Сергеевич был мастером пародии, эпиграммы, поэтического шаржа. Больше всего его интересовала стихотворная форма, законы стихосложения. Он всю жизнь собирал книги по литературоведению»⁷. Эти способности проявились уже в студенческие годы. Если вернуться к протоколам заседаний кружка, то, например, при обсуждении стихов В. Шувагина, содержание которых возмутило многих, но большинство все же признали наличие у автора поэтического таланта. М. Л. Мамаева призывала не отделять форму от содержания, а В. Рутминский заметил, что «никто не сделал попытки дать научный анализ» вынесенных на обсуждение произведений. А затем, связывая творчество с мировоззрением автора, указал на крайний субъективизм, который восходит к философии неокантианства и, говоря об «интуиции как свехреальности», упомянул в коротеньком выступлении И. Канта, А. Бергсона, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого и М. Зощенко [см.: Тетрадь для протоколов, 1 апр. 1947 г.].

Наталья Брониславовна Толочко рассказала:

Сидел В. С. сначала в Березовском, потом в Новоуральске и последние два с половиной года — на Колыме. Ему потом всю жизнь снились вышки и овчарки...

Освободился он в 1953 г. Но жить в Свердловске было нельзя, поэтому два года провел в Нижнем Тагиле, закончил там бухгалтерские курсы. Тайно приезжал в Свердловск. На концерт Вертинского, например, которого очень любил и хорошо пел его репертуар, замечательно подражая известному певцу. В 1955 г. получил реабилитацию, восстановился в УрГУ на историко-филологическом факультете. Имена *Мандельштам, Пастернак, Гумилев* мы, студенты филологического факультета, впервые услышали от него... Я увидела в нем совершенно обугленного человека. После окончания университета было место библиографа в Белинке (Областная библиотека им. В. Г. Белинского. — Ю. Р.). Ему сказали прийти через три дня, а потом на работу не взяли. Пригодились бухгалтерские курсы. Устроился в учебный комбинат при статуправлении, где преподавал бухучет в течение 30 лет. После лагеря писать эпиграммы перестал, как и собственные стихи. У него была феноменальная память, знал наизусть огромное количество стихов. «Стихи так и сыпались из него», — говорил один из наших друзей. Он мог мгновенно сочинить четверостишие как ответ на какое-то событие, ситуацию. Занимался переводами с немецкого, польского, финского. Очень редко печатался в журналах. Все свободное время посвящал изучению творчества поэтов Серебряного века...⁸

Признание пришло к В. С. Рутминскому лишь в 90-е гг. прошлого века. Он наконец-то смог донести до слушателей свои огромные знания о Н. Гумилеве, М. Волошине, В. Иванове, З. Гиппиус, И. Северяnine, О. Мандельштаме и других поэтах этой эпохи, реализовать свой самобытный и редкий лекторский дар. Читал курс в Гуманитарном университете, спецкурс на факультете культуры и искусствоведения в УрГУ, публичные лекции в музеях и библиотеках.

⁷ Из беседы с Н. Б. Толочко.

⁸ Там же.

В 1999 г. В. С. Рутминскому была присуждена губернаторская премия «За достижения в области литературы и искусства».

Возвращаясь к другим участникам кружка, надо сказать, что «отработка» постановления оргбюро ЦК ВКП(б) на местном уровне серьезно в их жизнь не вмешалась, хотя след оставила. Правда, бывшего старосту, Глеба Пиньжакова, перевели на заочное отделение и исключили из районного комитета ВЛКСМ.

Ида Власьевна Очеретина, читая письма тех времен, так вспоминает и оценивает описываемые события:

Нас громили в 47-м. Это был отклик на проставление о «Звезде» и «Ленинграде», когда везде искали безыдейщину. Когда вышла эта статья [в «Комсомольской правде»], все были на практике. У меня [сохранились] письма Краснова и Шустова, они в Ашхабаде на практике были и писали Вадиму [Очеретину]: «Вадим, Меньшикову надо набить морду. Что ты там смотришь!» А Вадим уже в «Уральском» [«Уральский рабочий»] работал... Статья Меньшикова заказная была... Захаров в августе написал мне в письме, я на практике во Владикавказе была и, видимо, ему какой-то сюжет послала: «Не искушай меня без нужды / Я навек позабыл кабаки / И стихи я писать забросил. ...Ну, нет! Больше я не пишу. Крест на этом!» ...Дальше мне Степа [Захаров] пишет: «Вадима, как редактора альманаха, вызывали на пленум горкома ВЛКСМ, там ругали альманах здорово. В “Комсомолке” была еще вторая заметка, где было написано, что наш горком признает статью “Идейное убожество” правильной. Решено сменить всю редакцию альманаха». Но потом все ребята окончили университет и все как-то утвердили себя в жизни. Вообще, непатриотом трудно было кого-нибудь из нас назвать, все воевали, добровольцами шли. Нас это никак не изменило. Ну, может, не стали такими веселыми. Мы не любили об этом вспоминать...⁹

Протоколы ярко отражают то, как изменилась после этих событий атмосфера в кружке. Старый состав бурно спорил с М. Л. Мамаевой. Так, они доказывали своему руководителю, что обсуждение стихов Шувагина не было ошибкой (М. Л. переживала, что допустили штрафбатную тему). Высказывали ей претензии по поводу ведения кружка: чаще проводить заседания, организовать обсуждение стилистических тем и т. п. Горячо отстаивали начинающие авторы свои произведения, раскритикованные К. В. Боголюбовым в «Первых шагах». Очень дружно защищали они символику рассказа Л. Румянцева «Орел», мифологические образы «Правнуков Ахилла» Г. Пиньжакова. Единодушной похвалы удостоились лирические стихи А. Вяткина: «Стихи с душой написаны... лучшие из помещенных в альманахе... очень жизненные... стихи идейные и студенческие, пахнет Щипачевым...»; «Совершенно необоснованный выпад против пейзажной лирики вообще. Стихи проникнуты жизнерадостным, ренессансным мировоззрением» — это слова В. Рутминского о «Весне» и «Девушке» [Тетрадь для протоколов, 7 апр. 1947 г.].

В октябре 1947 г. сменилось руководство кружка: в самом начале на заседаниях присутствовал К. В. Боголюбов, затем руководителем стал Б. Ф. Закс, преподаватель кафедры всеобщей литературы, старостой выбрали Леонида

⁹ Из беседы с И. В. Очеретиной.

Шкавро. В октябре же прошло четыре заседания. Как и планировали кружковцы, они собирались раз в неделю. Записи очень краткие по сравнению с предыдущими протоколами. Возможно, это связано с изменением общей атмосферы, а может быть, со сменой секретаря. И. В. Очеретина осенью «отошла от кружка, тут уже и дипломы пошли...»¹⁰. В протоколах говорится о дисциплине, ответственности авторов за свои произведения, о наборе юбилейного альманаха в честь 30-летия Октября (о его содержании упоминалось выше), об участии в «литературных четвергах» местного отделения Союза писателей, обсуждаются стихи и проза студентов. Интересен небольшой спор о том, надо ли включать в альманах очерки и пародии. Л. Шкавро — против, В. Очеретин и Л. Румянцев — за сохранение всех жанров. Последний из сохранившихся протокол датируется 22 ноября и занимает полстраницы [см.: Тетрадь для протоколов, 1 окт. — 22 нояб. 1947 г.]. Вероятно, в ноябре провели всего одно заседание кружка.

По поручению кружка Л. Шкавро написал ответ на статью «Идейное убожество», в которой отмечена справедливость высказанных в адрес кружковцев замечаний, явившихся «стимулом в... творческой работе» и направивших по «правильному пути в реальном изображении жизненных фактов»; кроме того, сказано, что пересмотрено членство в кружке и описано успешное участие кружковцев в «литературных четвергах» [см.: Шкавро].

Последний из имеющихся в Музее истории УрГУ альманахов отмечен маем 1949 г. В передовой статье ничего не осталось от «свободного дерзания» первых послевоенных лет, она напоминает скорее отчет съезду, где говорится о роли комсомольской организации университета в деятельности кружка и творческом росте его участников. Журнал открывается стихотворением «Коммунист», содержание выпуска переполнено комсомольско-коммунистической тематикой, в стихах с портретов нам улыбаются то Ленин, то Сталин, а проза знакомит с комсоргами и героями, пародий нет и в помине. Примечателен номер разве что переводами. Правда, представлены здесь только поэты-коммунисты, в произведениях которых неизменно присутствуют и Москва — «ведущая в мир коммунизма», и вожди, и «низший, рабочий люд» [см.: Наше творчество]. Литературные достоинства альманаха могут оценить профессиональные филологи, но на взгляд заинтересованного читателя явно чувствуется давление идеологических стереотипов и скатывание в примитивный ура-патриотизм. Опубликованные в этом альманахе стихи и проза вряд ли отражают истинный внутренний мир и переживания молодых авторов.

«Не обошли нас в 1948—1949 гг. и обвинения в космополитизме, — пишет К. А. Охупкина, — Было собрано комсомольское собрание... “Бичевали” Мишу Немченко “за уход от действительности” (к переводам из Байрона и Лонгфелло). За “эстетизм” досталось Лебензону» [Охупкина, с. 162].

Руководству университета пришлось «улучшать постановку дела идейно-творческого воспитания студентов», как того требовалось в приведенной выше

¹⁰ Из беседы с И. В. Очеретиной.

докладной записке «силовиков». Наталья Брониславовна Толочко, поступившая на первый курс отделения филологии в 1951 г., рассказала: «Очень хорошо помню первые три лекции в первый учебный день. Нам читали: П. А. Вовчек “Введение в языкознание”, В. П. Кругляшова “Введение в советскую литературу” и В. А. Плотичкин “Основы марксизма-ленинизма”. И во всех лекциях упоминалось это постановление о “Звезде” и “Ленинграде”, его важность. Я тогда так была удивлена, после моей 13-й школы». Кстати, директором школы, которую окончила Наталья Брониславовна, была родная тетя Виктора Сергеевича Рутминского, Мария Васильевна Бабенко. В этой же школе работала учителем литературы и Мария Львовна Мамаева, ушедшая из университета в 1950 г. (возможно, в связи с кампанией по борьбе с космополитизмом)¹¹.

Кружок продолжал работать еще долгие годы с разными руководителями, в разном составе и с разной активностью. Сюда приходили студенты — журналисты и филологи, пишущий народ, который стремился поведать о себе миру. Имели место и попытки издания самодеятельных журналов. И драматические события, связанные со студенческим самиздатом, еще не раз случались в истории Уральского госуниверситета [см.: Русина].

Творческая и административная судьба большинства членов литературного кружка 1945–1947 гг., кроме Виктора Рутминского, сложилась вполне успешно. Иосиф Гершенбаум (псевдоним *Герасимов*), Вадим Очеретин, Леонид Шкавро, Владимир Шустов стали членами Союза писателей СССР. Георгий Краснов, Вадим Очеретин и Владимир Шустов в разное время возглавляли журналы «Уральский следопыт» и «Урал». Лев Румянцев в течение долгих лет руководил отделом прозы и поэзии в «Уральском следопыте». Заведовал отделом поэзии журнала «Урал» Леонид Шкавро. Ответственным секретарем этого же издания работал поэт и публицист Стефан Захаров. Вышли поэтические сборники и книги у Иосифа Лебензона. Известность поэта-переводчика получил переехавший в Ригу и ставший впоследствии председателем Латвийского общества русской культуры Юрий Абызов. Преподавали школьникам русский язык и литературу староста кружка Глеб Пиньжаков и секретарь Маргарита Степанова. На журналистском поприще трудилась Ида Гвоздева (Очеретина).

На одном из заседаний кружковцы коснулись темы, все ли писатели искренни, следуя в своем творчестве духу партийных постановлений, или это диктуется необходимостью. Тогда тема развития не получила. Но, думаю, на протяжении всей своей жизни эти талантливые люди не раз задавали себе подобный вопрос.

Боголюбов К. В. Первые шаги // Сталинец / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1947. 28 марта.

Вяткин А. Девушка // Наше творчество : альманах литературно-творческого кружка / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1947. № 2. С. 17.

¹¹ Из беседы с Н. Б. Толочко.

Докладная записка и. о. начальника Управления Министерства государственной безопасности Свердловской области полковника Милицына начальнику 5-го Управления Министерства государственной безопасности СССР генерал-лейтенанту Дроздецкому «О фактах идейно-политического и морального разложения среди части преподавательского состава и студентов Уральского государственного университета им Горького» // Фонды Музея истории УрГУ.

Захаров С. А. Машина времени // Урал. гос. ун-т в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 164–175.

Захаров С. А. Первый послевоенный // Версты мужества. Екатеринбург, 1995. С. 461–476.

Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. О журналах «Звезда» и «Ленинград» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.М. 1954. Ч. 3 : 1930–1954. С. 485–487.

Интересный доклад // Сталинец / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1946. 15 мая. Историческая справка заведующей Музеем истории УрГУ В. А. Мазур // Фонды Музея истории УрГУ.

Лебензон И. Синий ветер // Наше творчество : альманах литературно-творческого кружка / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1947. № 2. С. 6–12.

Матвеев В. С. Мгновения минувших дней // Урал. гос. ун-т в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 250–287.

Наше творчество : альманах литературно-творческого кружка / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1949. Май.

Охупкина К. А. Племя особое // Урал. гос. ун-т в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 153–163.

Очеретина И. В. Год за три // Очеретин В. К. Я твой, Родина! Екатеринбург, 2005. С. 575–602.

Письмо К. А. Охупкиной заведующей Музеем истории УрГУ В. А. Мазур // Фонды музея истории УрГУ [декабрь 1998 г.].

Прищепина А. И. Инакомыслие на Урале. Сургут, 1998.

Романова М. И мир его — поэзия // УрФО. 2009. Сентябрь/октябрь. С. 74–75.

Русина Ю. А. «Всходы» инакомыслия в советских вузах (на примере Уральского государственного университета им. А. М. Горького // Урал в зеркале тысячелетий. Кн. 2. Екатеринбург, 2009. С. 236–247.

Рутминский В. Польский поэт Юлиан Тувим в русских переводах // Сталинец / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1945. 22 сент.

Рутминский В. С. Беседы о русской поэзии [Электронный ресурс]. Компакт-диск (DVD). 2008.

«Самodelки» энциклопедиста В.С. [Электронный ресурс]. URL: //http://ekaterinburg.bezformata.ru/listnews/samodelki-entciklopedista-v-s/578579/ (дата обращения: 09.08.2011).

Тетради для протоколов заседаний литературно-творческого кружка УрГУ. 1 апреля 1947 г. — 22 ноября 1947 г. // Фонды Музея истории УрГУ.

У журналистов // Сталинец / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1947. 28 марта.

Учиться и творить // Наше творчество : альманах литературно-творческого кружка / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1947. № 3. С. 4–5.

Шкавро Л. Мысли о литературном кружке и творческих возможностях // Сталинец / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. 1947. 22 окт.

Шпаковская Е. А. Несомненная интеллигентность (Л. А. Гладковская) // Урал. гос. ун-т в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 124.

Статья поступила в редакцию 29.06.2011 г.

УДК 395.7 + 395.83 + 94(4)

Т. В. Куш

ДАРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ЭТИКЕТА*

Дары являются неперенным атрибутом общения византийских интеллектуалов, часто сопровождая письмо. Письма содержат разнообразную информацию о характере даров, отзывы, благодарности и критические высказывания по поводу полученных подарков, описание ситуаций, в которых происходил обмен дарами. Собранные воедино факты, свидетельствующие о характере и содержании такого явления жизни, как дар, дают представление еще об одном аспекте византийской культуры.

Ключевые слова: поздняя Византия; дары; эпистолярный этикет; интеллектуалы.

Дар как тотальный феномен [см.: Мосс, с. 85] присутствует в культурном пространстве любой цивилизации. Подношение дара как форма социальной коммуникации характерно для обществ различных эпох — от архаической до современной. В любое время и в любой части света практика поднесения даров сопровождала человека на протяжении всей его жизни: от первого подарка новорожденному до наследственного дара завещателя. Обмен дарами всегда оставался существенным элементом социализации и межличностной коммуникации, несмотря на меняющиеся исторические декорации и усложнение (или упрощение) соответствующего этикета, сопутствующего процессу обмена дарами. Подарок служил знаком родственных и семейных отношений, являлся подношением вышестоящим (богам, правителям) или актом благодеяния по отношению к нижестоящему, выступал символом пылкой страсти или признанием зависимости, был проявлением дружеского расположения или выражением благодарности и уважения.

Но при всей его вневременной сущности в каждом конкретном случае обмена дарами находили отражение те этико-эстетические стереотипы, поведенческие нормы и ментальные установки, которые были приняты в данном социуме и в данной культуре. В силу этого дар является элементом культурной идентичности, который позволяет маркировать с точки зрения цивилизационного измерения личность дарителя и получателя подарка, поскольку подношение дара, безусловно, имеет свою темпоральную, географическую и социокультурную окраску.

Дар (τὸ δῶρον) и ответный дар (τὸ ἀντίδωρον) многократно присутствуют в византийском культурном пространстве, поэтому тема даров может быть раскрыта в нескольких плоскостях — религиозной, политической, идеологической, социальной и пр. Особое место занимает тема даров в частной жизни

* При финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 02.740.11.0578.

византийцев. Обмен дарами между людьми равного социального статуса демонстрировал взаимную поддержку, укреплял родственные связи, напоминал об обязательствах, утверждал дружеский стиль во взаимоотношениях. В статье рассматривается вопрос о месте даров в эпистолярной практике интеллектуалов — привычной для них сфере общения.

Эпистолы пестрели сообщениями об отправленных или полученных приятных сюрпризах, которые напоминали о дружеском расположении адресата и его заботе. Приложить к письму подарки считалось в кругу эпистолографов хорошим тоном¹. Как отметил Кидонис в письме Георгию Синадину Астре, подарки, сопутствующие письму, являются знаком дружеских отношений корреспондентов: «Другие получают от тебя подарки и письма, и тем самым ты даешь им почувствовать, что ты чтить их дружбу» [Démétrius Cydonès, 1956, ep. 54. 4–5].

С помощью подарка отправитель стремился укрепить дружбу и напомнить о себе, на что и рассчитывал Кидонис, отсылая в качестве дара яблоки: «Поскольку мы хотим, чтобы ты всегда сохранял нас в памяти, мы напоминаем о себе с помощью этой посылки» [Ibid., 1960, ep. 295. 6–7].

П о д а р о к — это не только демонстрация искренности дружеских чувств, но и проявление признательности за содействие, помощь или свершенное благодеяние. Корреспондентами двигало естественное стремление быть благодарным. Кидонис, желая воздать должное за оказанную поддержку, отправил фрукты в подарок с ремаркой: «Примите благосклонно из моей большой симпатии маленький подарок, который я должен вам за многие великие одолжения» [Démétrius Cydonès, 1960, ep. 405. 7–8].

Подарок был также средством, с помощью которого автор пытался принести свои извинения за допущенные промахи и нанесенные обиды. Так, на упреки Кидониса за долгое молчание его друг Мануил Рауль Метохит ответил пространственным письмом, приложив «к прекрасным словам и подарок» [Ibid., ep. 150. 11–12]. Реакция получателя была восторженной: «Ты одолел нас двойным способом: письмом и подарком, и мы теперь осуждаем самих себя, поскольку излишне увлеклись, обвиняя тебя в молчании» [Ibid., ep. 150. 14–16]. Но Кидонис предупредил друга, что если в будущем тот нарушит дружеские договоренности и надолго прервет эпистолярное общение, то напрасно потом «будет дарить подарки» [Ibid., ep. 150. 21], пытаясь восстановить потерянное расположение.

Отправка дара сопровождалась комментарием, призванным придать этому акту достойное риторическое обрамление. Адресат таким способом удовлетворял и интеллектуальные запросы своего корреспондента, не отступая от норм составления писем. Порой подарок и не был столь значительным в сравнении со словами, его сопровождавшими. Но блестящие словесные реверансы делали преподнесенный дар еще более ценным, поскольку интеллектуал прежде всего

¹ Г. Хунгер указывает, что для ранневизантийского времени мы имеем мало свидетельств о такой практике, что, по его мнению, говорит о более позднем появлении такого обычая [см.: Hunger, т. 1, с. 231].

придавал в эпистолярном общении значение грациозности слога и стилистическому совершенству письма. Именно такой комментарий мы встречаем в письме Мануила II Палеолога: «Письмо так изящно составлено, что подарок, упомянутый тобой как маленький и дешевый, был воспринят нами как прекрасный и совершенный, который мы оценили по достоинству» [The Letters of Manuel II Palaeologus, ep. 2. 8–10]. Окутывая подарок шлейфом красивых слов, писатель проявлял свое риторическое мастерство и умение изящно представить дар, отчего возрастала ценность не только самого объекта восхваления, но и отношения дарителя к адресату.

Временами дар имел символическое значение («подарок со смыслом») или вызывал у получателя определенные коннотации². Так, Исидор Киевский сопроводил свой дар (индийские благовония) деспоту Пелопоннеса блестящим комментарием, сравнивая хорошо подобранную смесь пряностей с удачным набором качеств правителя [Ziegler, S. 575, ep. 2. 24–26]. Возможное аллегорическое истолкование подарка — распространенный прием в эпистолярном этикете [см.: Hunger, Bd. 1, S. 232], который придавал определенную изысканность акту дарения, наполняя его дополнительным смыслом, доступным для понимания только образованным человеком.

Тема подарка в письмах — это еще и повод к литературной игре. Ярким примером может служить эпистола Мануила II Палеолога Димитрию Кидонису, имевшая выраженный игровой характер. Мануил II, неоднократно слышавший сетования учителя по поводу смерти коня, который не отличался покладистостью, отправил тому в качестве подарка молодого скакуна, надеясь, что этого коня оценят еще при жизни [The Letters of Manuel II Palaeologus, ep. 26. 4]. Свой дар Мануил сопроводил шутивным комментарием: «Из мертвого коня вышел живой в духе Платонова воскрешения» [Ibid., ep. 26. 8–9]. Использование античных параллелей в риторическом комментарии к подарку — весьма распространенное явление византийской эпистолографии в целом.

Особенностью эпистолярного этикета, который сопровождал обмен дарами, можно считать ссылку автора на исторические или мифологические примеры, побудившие его к таким деяниям. Так, Исидор Киевский напомнил своему корреспонденту о персидском правителе Артаксерксе, который охотно раздавал (пусть и незначительные) подарки в благодарность за проявленную преданность. Исидор рассказывает историю о том, как царь наградил бедного крестьянина за глоток воды. Этот исторический анекдот использован в качестве сравнения, поскольку Исидор решил проявить щедрость, подобно Артаксерксу, чтобы отблагодарить друга за полученное письмо [см.: Ziegler, s. 575, ep. 2. 1–5]. Другой пример можно привести из переписки Кидониса. Вместе с письмом эпистолограф однажды отослал первые плоды из своего сада, подчеркивая особую честь, которую он тем самым оказал [Démétrius Cydonès, 1960, ep. 335.

² Д. А. Черноглазов приводит пример того, как византийский автор XII в. Иоанн Цец, получив в дар три сушеные рыбы, истолковал их как аллегорию на Св. Троицу, что послужило для него знаком благочестия и здоровья отправителя [см.: Черноглазов, с. 158].

8—9]. В данном случае очевидна аллюзия на древний обычай, когда первые плоды с поля предназначались богам и поэтому ценились как особо почетный дар.

За полученный подарок эпистолограф считал своим долгом высказать свою благодарность. Геннадий Схολарий в письме императору Константину Палеологу благодарит за подарки, который тот ему отправил [Γεωργίου τοῦ Σχολαρίου, р. 471]. И дело не ограничивалось словами признательности, с помощью которых автор благодарил за внимание и заботу и выражал свое восхищение подарком. Получение подарка провоцировало ответный дар. Так, Мануил II Палеолог, поблагодарив своего корреспондента, приславшего ему лекарства, в свою очередь преподнес в подарок какие-то теплые вещи (возможно, шкуру): «После того, как ты отправил мне кое-что в помощь в болезни, я, в свою очередь, посылаю тебе то, чем могу помочь старику в борьбе с зимой» [The Letters of Manuel II Palaeologus, ep. 2. 15—17]. Получение подарка побуждало адресата к ответным жестам.

В своих письмах интеллектуалы неоднократно высказывали просьбу об отправке им в качестве подарка того или иного предмета. Иоанн Хортасмен не смущался попросить Мануила II подарить ему одежду, чтобы подобающим образом отпраздновать предстоящие торжества [см.: Johannes Chortasmenos, ep. 26. 9]. Просьба о подарке — один из топосов византийской эпистографии, поскольку византийцы не стеснялись открыто выражать свое желание получить нужную вещь или напомнить об уже обещанном подарке. В письмах можно обнаружить призывы к щедрости, как, например, поступил Иоанн Хортасмен, который, получив сладости, в шуточной форме попросил друга и в будущем отправлять ему подобные подарки [см.: Johannes Chortasmenos, ep. 25].

В корреспонденции Кидониса неоднократно встречаются напоминания адресату выслать давно обещанную или уже подаренную на словах вещь. В одном из писем он просил адресата, приближенного Мануила Палеолога, отправить ему шкуру, которую ему обещал подарить император: «Итак, отправь мне лекарство от зимы, которое мне подарил император, поскольку мы не его благодарим за подарок, а тебя упрекаем, так как ты по неосторожности обесценил благосклонно сделанный дар» [Démétrius Cydonès, 1960, ep. 404. 10—12]. В другом письме он напоминал императору Иоанну V о подарках: «Ты давно обещал мне светильники и книги, император, но до сих пор не дал мне их, что не в твоих правилах. До сего дня я знал, что ты свои обещания опережал в исполнении. Но ныне, по-видимому, ты забыл про этот подарок, так как это ничтожно и недостойно императора. А для меня нет ничего ничтожного в том, что я от тебя получаю. Итак, дай мне обещанное, о чем я тебе напоминаю. Но добавь также шестьсот статов. Ибо это не будет ничтожным ни для тебя, ни для меня; хотя скорее для тебя это тоже ничтожная сумма» [Ibid., ep. 386. 4—10]. В этом требовании Кидониса просматривается и ирония в отношении корреспондента, и умаление своего собственного положения. Заметим, что интонация письма лишена всякого пиетета, и эпистолограф фамильярничал и не смущался в своих претензиях к императорской особе, настойчиво напоминая об обещаниях. В другом послании Кидонис обратился с призывом к Мануилу II:

«Отправь как можно быстрее твоим коллегам неоднократно обещанную шкуру, ибо зима уже требует от нас подготовиться к ней... Заодно это станет ответным подарком за это письмо, о котором ты, возможно, скажешь, что оно меньшую или по крайней мере равную ценность шкуре имеет» [Démétrius Cydonès, ep. 397. 24–31]. Довольно распространенное в письмах проявление настойчивости, с которой интеллектуал требовал себе подарков, свидетельствует о допустимости подобного тона в рамках эпистолярного общения.

Для византийца выказать недовольство полученным подарком было также вполне допустимым. А. Карпозилос констатировал «отсутствие церемонности», которая проявлялась в выражении своих потребностей в подарке или в критике получаемых подношений [см.: Karpozilos, S. 68]. Могли не устроить качество дара, его ценность, величина и количество, несоразмерность сделанному прежде подарку. Иногда смущала и сама необходимость в таком даре, поскольку получатель не испытывал потребности или не высказывал просьбы. Вероятно, выражение неудовлетворенности подношением было нормой в общении друзей, поскольку в письмах часто можно встретить критику даров, которая высказывалась напрямую дарителю, несмотря на его ранг и без опасения тем самым нанести обиду или оскорбление.

Но были и другие реакции на полученный подарок, когда адресат проявлял беспокойство о причиненном отправителю ущербе или о понесенных тем затратах на пересылку дара. Интерес представляет случай, описанный Кидонисом в эпистоле неизвестному адресату, занимавшему высокое положение при дворе. Поблагодарив за подарок (очевидно, деньги), эпистолограф заметил, что его друг подвергался определенному риску, отправляя ему в дар денежную сумму: «Что касается тебя, то ты оказался смелым другом из-за твоего расположения к нам, так как отважился отправить нам подарок, не опасаясь соглядатаев. Я беспокоюсь о тебе и советую остерегаться этих людей, для которых является привычным делом доносить бодрствующим и спящим и тем самым наносить вред благодетелю, чтобы получить с помощью доноса милость императора за свои верноподданнические настроения. Они признают, если увидят подарок, который ты мне отправил из своей личной собственности, в нем не выражение дружеских чувств, а лживое коварство человека, который хочет с его помощью услужить другу, и обвинят в том, что он присваивает императорскую казну. И ты учти, что эти Эринии³ всему верят без проверки. Когда тебе станет это ясно, не пытайся радовать нас посылкой, а лучше как-то иначе. Нам, во всяком случае, будет этого достаточно, чтобы знать о твоей симпатии. Я бы не хотел, чтобы ты стал из-за меня жертвой клеветы и чтобы маленький подарок принес тебе таким образом большое горе» [Démétrius Cydonès, 1960, ep. 300. 6–17].

Если говорить о морфологии даров, то благодаря А. Карпозилосу [см.: Karpozilos, p. 68–84] мы имеем представление о тех вещах, которыми одаривали друг друга византийцы. Реестр подарков включает деньги, животных,

³ Эринии — в древнегреческой мифологии богини мести.

продукты, ткани, платья, шляпы, лекарства, предметы домашнего обихода, предметы культа (иконы) и пр. Иоанн Хортасмен благодарил за сладости [см.: Johannes Chortasmenos, ep. 25] и присланные продукты [Ibid., ep. 37. 17]. Кидонис неоднократно отправлял своим друзьям по переписке фрукты (мушмулу, яблоки) [Démétrius Cydonès, 1960, ep. 143. 8; 186. 14; 295. 4]. Иоанн Евгеник отослал императорской семье в Трапезунд яблоки и персики [см.: Λαϊπρος, т. 1, р. 209, ep. 33. 12]. Михаил Апостол получил от своих корреспондентов зайца [см.: Lettres inédites de Michel Apostolis, ep. 59], а Геннадию Схоларию был предоставлен в пользование Лукой Нотарой конь [Λαϊπρος, т. 2, р. 334, ep. 3. 12]. В качестве подарков могли фигурировать и довольно экзотические вещи. В знак вежливости Мануил Сгуропул отправил своему адресату цветы⁴, Кидонис приложил к письму своему бывшему ученику Мануилу II Палеологу розы [Démétrius Cydonès, 1960, ep. 233. 7], а Иоанн Евгеник переслал Геннадию Схоларию нарциссы [Λαϊπρος, т. 2, р. 302, ep. 12. 19].

В кругу интеллектуалов особо дорогим подарком считалась отправка другу книг, рукописей или собственных сочинений. Димитрий Антиох просил в письме своего друга выслать ему книгу древнего автора, чтобы он «мог вкусить его учености» [Darrouzès, p. 91, ep. 5]. Мануил II подарил Кидонису давно обещанную и долгожданную рукопись Платона⁵. Хортасмен отправил друзьям в дар свою монодию на Феодора Антиохита [Johannes Chortasmenos, ep. 4], а Мануил II переслал Кидонису свой труд, посвященный памяти умершего брата, деспота Морей Феодора I [The Letters of Manuel II Palaeologus, ep. 62].

Но образованные люди не только жаждали получить материальные предметы в качестве дара. Эпистолярное общение сформировало и представление о том, что само письмо есть бесценный подарок, более желанный и дорогой, чем любая иная вещь, которую может преподнести друг. К примеру, Кидонис заметил, обращаясь к деспоту Морей Феодору I: «Я никогда не перестану тебя винить за твоё молчание. <...> Но если ты ищешь прощения, для этого нет ничего более подходящего, чем письмо. Только так ты сможешь сдержать свое обещание и доставить душе того, кто тебе предан, большую радость, чем могут вызвать вино или остальные твои подарки» [Démétrius Cydonès, 1960, ep. 414. 18–23]. Письмо в системе общения интеллектуалов занимало центральное место. Поэтому в литературный этикет, которому следовал эпистолограф, непременно входила по х в а л а за полученное письмо, ценившееся как особый знак щедрости со стороны корреспондента.

Интеллектуал воспринимал подарок еще и как проявление лучших качеств дарителя, демонстрацию его благородства и душевной щедрости. Кидонис, поблагодарив свою бывшую ученицу Елену Палеологину за присланные в качестве дара деньги, выразил особую признательность за ее дружеское расположение и

⁴ Сгуропул удивил своего друга присланным подарком: «Однажды ты меня порадовал своим подарком, но радость возросла, поскольку он был послан в неожиданное время. Было так отраднo, что мы наслаждаемся цветами зимой, в то время как весной мы даже не заметили бы их» [Démétrius Cydonès, 1956, ep. 118. 4–7].

⁵ «У тебя теперь есть то, о чем ты просил, — Платон» [The Letters of Manuel II Palaeologus, ep. 3. 2].

добрую память о нем: «Я принимаю подарок, но не деньги мне важны — хотя это мне полагается, ибо я заслужил их, — а твой прекрасный образ мыслей, о котором ты мне напомнила таким образом, и для меня твоя память обо мне ценнее, чем все золото на земле и под землей» [Démétrius Cydonès, ep. 222. 177—180].

Таким образом, дар обладал объединительной силой, цементируя межличностные связи в кругу образованной элиты. Безусловно, характер подарков, которыми обменивались эпистолографы, определялся особенностью отношений, связывавших образованных людей. Интеллектуальный оттенок этих связей требовал и более рафинированных даров, имевших значение и ценность именно для этой среды. Хотя это общение вовсе не исключало и обмена весьма приземленными вещами.

В чем же заключалась специфика обмена дарами в кругу интеллектуалов? В их эпистолярной практике важен был не столько сам подарок, сколько его риторическое обрамление, ибо дар был прежде всего поводом выразить дружеское расположение и подчеркнуть степень эмоциональной близости, продемонстрировать собственную образованность и эрудицию, блеснуть литературным мастерством и умением владеть словом. Это свидетельствует об утонченности самого эпистолярного общения, а также отражает высокий уровень развития византийской риторики, образной системы и интеллектуальной культуры Византии в целом.

Хотелось бы также отметить, что в письмах авторов первой половины XV в. (Виссарион, Геннадий Схоларий, Марк и Иоанн Евгеники и др.) все реже встречаются упоминания о дарах сравнительно с корреспонденцией предыдущего столетия. Если обратиться к корреспонденции конца XIII — первой половины XIV в. (письма Георгия Кипрского, Никифора Хумна, Михаила Гавры, Максима Плануда или Феодора Иртакина), то мы в изобилии обнаружим сведения о присланных подарках или просьбы о них [см.: Καρποζιλος, S. 68—84]. В письмах второй половины XIV в. (Димитрия Кидониса, Мануила II Палеолога, Иоанна Хортасмена) еще довольно много указаний на то, что авторы получали или сами отправляли подарки своим адресатам, хотя и эти сведения уже не столь многочисленны в сравнении с более ранним временем. Корреспонденция же интеллектуалов следующего столетия содержит еще меньше сообщений такого рода. Трудно определить причину подобной тенденции. Можно лишь предположить, что этому послужило или изменение самого эпистолярного этикета, или сокращение практики обмена дарами, или общее изменение ситуации в стране, когда друзьям уже было не до подарков, или же авторы просто умалчивали о том, что было нормой в их эпистолярном общении.

В целом же дар являлся непременным атрибутом общения византийских интеллектуалов, сопровождая письмо — излюбленную форму интимной риторики. Письма содержат разнообразную информацию о характере даров, преподнесенных адресату, отзывы, благодарности и критические высказывания по поводу полученных подарков, описание ситуаций, в которых происходил обмен дарами. Анализ практики обмена дарами и характера риторических высказываний, его сопровождавших, указывает на особую значимость этого феномена

в функционировании сообщества интеллектуалов. Преподнесение дара, столь распространенное и порой рядовое явление в жизни обычных людей, в контексте интеллектуального общения превращалось в событие, достойное риторического оформления, становясь фактом письменной культуры, уровень которой был необычайно высок в Византии даже в период ее политического упадка.

Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность : тр. по социальной антропологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М., 1996.

Черноглазов А. Д. Пять писем Иоанна Цеца: автопортрет византийского интеллектуала // Византийский временник. 2008. Т. 67 (92). С. 152–164.

Darrouzès J. Lettres de 1453 // Revue des études Byzantines. 1964. Vol. 22. Ep. 5. P. 91
Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 208. Citta del Vaticano, 1956. Vol. 1; 1960. Vol. 2.

Γεωργίου τοῦ Σχολαρίου Ἄπαντα τὰ εὕρισκόμενα / publ. L. Petit. Vol. 4. P., 1928.

Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1–2.

Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften / publ. H. Hunger. Wien, 1969.

Karpozilos A. Realia in Byzantine Epistolography XIII–XV Centuries // Byzantinische Zeitschrift. 1995. Bd. 88, H. 1. P. 68–84.

Λαμπρός Σπ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά. Αθήναι, 1912–1930. Τ. 1–4.

Lettres inédites de Michel Apostolis / ed. H. Noiret. P., 1899.

The Letters of Manuel II Palaeologus / ed. G. Dennis. Washington, 1977

Ziegler A. W. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe Isidors von Kijev // Byzantinische Zeitschrift. 1951. Bd. 44. S. 570–577.

Статья поступила в редакцию 08.06.2011 г.

РЕЦЕНЗИИ

Хартмут Рюсс

СПОР О ВАРЯГАХ

Рец. на кн.: *Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон.* — СПб., 2009. — 400 с.

Заглавие книги восходит к появившейся в 1960 г. рукописи автора, которая тогда ходила в списках среди его студентов и участников семинара кафедры археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета и служила им вспомогательным средством для аргументов в критическом противостоянии постоянным «подтасовкам», «перекручиваниям» и «манипуляциям» (с. 7) в официальной историографии темы происхождения русского государства и связанного с ней варяжского вопроса. Текст этот стал основой созданного автором спецкурса, из которого вырос неформальный «славяно-варяжский семинар», впоследствии — как «очаг оппозиции официальной советской идеологии» (с. 261), работавший под иным руководством и сформировавший археологов, ставших позднее известными стране и всему миру (С. В. Белецкий, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, Ю. М. Лесман, В. А. Назаренко, Н. И. Платонова, Е. А. Рябинин, В. Н. Седых). Их работы по норманнской тематике названы в приложении (с. 210–342). Рукопись 1960 г. наряду с другими материалами по данной теме публикуется в рецензируемой книге впервые (с. 13–88). Лев Самуилович Клейн обосновывает это в предисловии тем, что его убежденность в завершении «спора о варягах» после распада СССР оказалась преждевременной, и содержание данных материалов по-прежнему актуально потому, что в постсоветской России в форме нового «ультрапатриотизма» переживают удивительный ренессанс считавшиеся давно устаревшими антинорманистские позиции, причем не только в лице дилетантствующих «популяризаторов» (с указанием на книгу журналистки Н. И. Васильевой «Русь

и варяги», 1999). Так, с точки зрения В. В. Фомина, ведущего представителя сего возродившегося направления, достаточно признания скандинавского происхождения варягов, чтобы заклеить высказавшего подобное как «норманиста и, безусловно, как антипатриота». Директор Института истории РАН А. Н. Сахаров как признанный антинорманист с помощью «советской фразеологии» («Норманизм, питаемый в основном политическими импульсами и амбициями из-за рубежа», возник «в агрессивных и экспансионистских кругах» Запада — и т. д., 2002) объяснял научный успех противников тем, что те могли рассчитывать на широкую поддержку влиятельных партийных, государственных и научных структур, при том, что, как известно каждому, «партийно-государственные структуры» в советское время протезировали антинорманизму, «как поддерживают его и сейчас». «Другого Сахарова», саркастически добавляет Клейн, и не допустили бы на высокую должность директора Института, — человека, который, впрочем, навязывает тезис, что Рюрик и его люди были не скандинавами, а «нашими», «калининградцами», а значит, «южнобалтийскими славянами», а «варяги — славянами-ваграми».

В 1965 г. на историческом факультете в Ленинграде состоялась привлекавшая внимание публичная дискуссия о норманнском вопросе между Л. С. Клейном и И. П. Шаскольским, у которого только что вышла книга «Норманнская теория в современной буржуазной науке». В этой «дуэли» — третьей после публичного диспута между М. В. Ломоносовым и Герхардом Фридрихом Миллером (1749—1750), а также между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным (1860) Клейн признавал неоспоримым, что, во-первых, варяги были норманнами, во-вторых, что они принесли с собой в Восточную Европу название «Русь» и что, в-третьих, они были основателями киевской княжеской династии. Он точно так же отверг построение Б. Д. Грекова об автохтонном развитии славянской государственности в древности, как и представление об единовременном акте основания государства. Вначале похвалив книгу Шаскольского как «значительный шаг вперед», он раскритиковал весьма различимую в ней тенденцию, будто «западные норманисты — все реакционеры, шовинисты, заклятые враги советского народа». Полный текст выступления Клейна, наброски Шаскольского из его архива, лежавшие в основе доклада последнего, а также его заметки о выступлениях в дискуссии В. А. Назаренко, Г. Ф. Корзухиной, И. Я. Фроянова,

Г. С. Лебедева, А. Л. Щапира и В. В. Мавродина опубликованы здесь впервые и дополняются вступительными замечаниями и послесловием автора 2008 г. (с. 93—142), где он, впрочем, дистанцируется от некоторых своих прежних высказываний. В частности, он неоднократно отмечает, что в политической атмосфере тех дней безусловно был востребован определенный тактический образ действий (с уступками к аргументации оппонентов) и доказательства «марксистского характера» собственной позиции, дабы вообще иметь возможность быть услышанным широкой общественностью. В опубликованных здесь «Воспоминаниях» о «славяно-варяжском семинаре» (с. 273—310) некоторые бывшие тогда юными его участники отчасти с непониманием воспринимали подобное поведение старших и критиковали их как «компромиссное». «Для более молодых в норманизме оставались элементы фронды, но серьезного страха

уже не было» (Ю. М. Лесман). Резюме Клейна по дискуссии 1965 г. гласит: «Победителями были мы. Санкции остались нереализованными, а нас долго называли «декабристами» (дискуссия была в декабре). Мы отстаивали на ряд лет возможность продолжать работу семинара» (с. 141). Плодом этой работы стала совместная статья Л. С. Клейна, Г. С. Лебедева и В. А. Назаренко «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» 1970 г., которая вышла под редакцией Н. Е. Носова и, что Клейн оценивает весьма высоко, И. П. Шаскольского, а ныне была включена в рецензируемую книгу (с. 145 — 170) с послесловием автора 2008 г. В свое время я отметил эту работу и работу ленинградских археологов вообще как нонконформистскую и инновационную [ср.: Rüb, S. 3—16], — не зная, правда, о существовании «Славяно-варяжского семинара», преследуемого партийной бюрократией, и о жестокой, закулисной позиционной войне между ленинградскими и московскими (Д. А. Авдусин!) археологами за верховенство в интерпретации варяжского вопроса. То, о чем тогда можно было лишь подозревать, теперь наглядно документировано Клейном. В этой связи нельзя не упомянуть, что он, будучи явным атеистом, встречал препятствия в своей университетской карьере из-за своего еврейского происхождения, а в 1980 г., в ходе преследований либеральной профессуры, был осужден на полуторагодовой тюремный и лагерный срок якобы за гомосексуализм. Один из участников «славяно-варяжского семинара» вспоминает: «Студенты шепотом рассказывали об этом друг другу в коридорах истфака... Чем-то это напоминало зловещей памяти 1937 г. Говорить об этом вслух было нельзя» (И. Л. Тихонов).

Книга содержит еще три текста Клейна постсоветского времени: 1) впервые публикуемую биографию Герхарда Фридриха Миллера (1705—1783), в России — Федора Ивановича Миллера (с. 237—258), «российского историографа» и противника Ломоносова, дискуссией с которым по поводу «*De origine gentis russicae*» Миллера начался спор о норманнах; его заслуги перед российской наукой Клейн называет «колоссальными»; 2) критические комментарии автора по поводу трех антинорманистских публикаций 1999, 2003 и 2005 гг., авторами или издателями которых являлись А. Г. Кузьмин и В. В. Фомин (с. 205—220); 3) некролог (с. 259—270) о своем замечательном ученике Г. С. Лебедеве (1943—2003), который, по его мнению, «подобно своим героям-викингам жил полной жизнью», сделал для науки и общества больше, «чем многие» другие, занимающие сегодня властные посты, и после кончины не оставил ничего, кроме «своей библиотеки, неопубликованных стихов и доброго имени» (с. 268—269). То, что Е. Н. Носов в своем заслуживающем всяческого внимания послесловии (с. 344—356) признает за В. В. Фоминым (и другими авторами вышедшей в 2003 г. книги «Антинорманизм») «дилетантское» и «безграмотное» обращение с археологическим материалом, удивляет меньше, нежели его довольно позитивное суждение об И. П. Шаскольском, который вообще впервые знакомил «советскую историческую аудиторию» с концепциями западных ученых по варяжской проблеме и истории Древней Руси, знакомил с помощью обильных цитат из их трудов и тем самым, так сказать, «просвещал» ее углубленным знакомством с альтернативными точками зрения на историю (с. 351).

Автора рецензируемой книги Носов (и не только он) характеризует как необыкновенно педагогически талантливого и вдохновляющего исследователя, которому на Славяно-варяжском семинаре удалось «создать подлинную творческую атмосферу научной работы» и пробудить у молодого поколения археологов интерес к варяжской тематике. Составленный Носовым сжатый, но информативный библиографический список по норманнской проблеме, рассматриваемой в археологическом плане, — убедительное доказательство этого факта. Довольно объемный список литературы в конце книги выразительно отражает продолжающуюся 250 лет работу над этой темой.

Книга Л. С. Клейна — увлекательное документирование собственного опыта общения с советской политикой в сфере исторической науки, документация, вызванная современными общественно-политическими тенденциями в России. Не говоря уже о том, что читателю еще раз представлены в сжатом виде главные аргументы и контраргументы в нескончаемом споре о варягах и в немногословной, но увлекательной манере обрисованы наивысшие точки в истории дискуссии, данная публикация — и в этом безусловно выражается главное стремление ее издателя и автора — прежде всего захватывающий, поучительный пример исключения, приспособления и сопротивления науки в тоталитарной системе.

Riß H. Die Varägerfrage. Neue Tendenzen in der sowjetischen archäologischen Forschung // Östliches Europa — Spiegel der Geschichte / hrsg. C. Goehrke, E. Oberländer, D. Wojtecki. Wiesbaden 1977. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa ; [Bd.] 9).

А. В. Федорова

КНИГА ПО ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО ОРУЖИЯ

Рец. на кн.: *Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней* / гл. ред. докт. ист. наук А. В. Сперанский. — Екатеринбург : Раритет, 2008. — 466 с. : ил.

Книга по истории уральского оружия под редакцией доктора исторических наук, профессора А. В. Сперанского является заметным событием в отечественной историографии. Тем более что сегодня, несмотря на обилие литературы, посвященной развитию оружейного дела, в книжных магазинах практически невозможно найти труд, выходящий за рамки справочного издания.

Современные издания, ограничивающиеся в основном перечислением видов вооружений и их тактико-технических характеристик, не дают возможности читателю получить ответ на многие интересующие его вопросы. Порой для него так и остается загадкой, кто являлся конструктором того или иного вооружения, на каком предприятии оно производилось, как было организовано производство, где и когда оно применялось на практике и какую роль играло на полях сражений.

Подготовленная уральскими учеными под руководством А. В. Сперанского монография «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней» выполнена в совершенно ином ключе. На ее страницах в контексте модернизационных процессов, происходивших в России и за ее пределами, всестороннему анализу подверглись проблемы разработки, производства, совершенствования и использования всех основных видов вооружений, производившихся на Урале от эпохи неолита до начала XXI в.

Такая постановка проблемы вне всякого сомнения носит инновационный характер, так как до сегодняшнего дня по обозначенной тематике имелись лишь отдельные исследования узкой области, требующие глубоких обобщений. Таким образом, данная монография стала первым в отечественной историографии трудом, комплексно рассмотревшим эволюцию оружейного дела в регионе, специализировавшемся на производстве вооружений и боеприпасов на протяжении столь длительного исторического времени.

В качестве методологического инструментария авторы монографии, изданной Институтом истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, вполне обоснованно избрали модернизационно-технологический подход. Это позволило рассмотреть военно-техническую историю Урала с точки зрения эволюции технологических процессов, оказывающих определяющее воздействие на развитие всей человеческой цивилизации. В то же время авторский коллектив сумел избежать сугубо «технократического» повествования, показав производство военной техники через призму человеческих судеб. Конструкторы, руководители производства, государственные деятели, просто инженеры и рабочие по праву стали главными героями этого исторического исследования.

Текст монографии структурирован по проблемно-хронологическому принципу, позволившему вполне логично и всесторонне показать основные проблемы, связанные с ритмичным функционированием уральской кузницы оружия от каменного века до настоящего времени.

Все пять глав книги наглядно демонстрируют читателю, что отличные тактико-технические характеристики оружия, произведенного на Урале, позволяли русской армии на протяжении нескольких столетий самым эффективным образом использовать его на театрах военных действий, одерживать замечательные победы, защищая национальную независимость, укрепляя обороноспособность и международный престиж России.

В главе 1 («От каменного века до “сибирского взятия”») показано, что на Урале с V тыс. до н. э. по XVII в. н. э. в результате противоречивой жизнедеятельности различных государственных образований и многочисленных племенных миграций сложился уникальный комплекс вооружения, эффективно использовавшийся местным населением в военных конфликтах разного уровня.

С конца XII в. на основе русской колонизации, связанной с походами новгородских и московских ратей в Югру, в крае начинается утверждение русских воинских традиций.

В главе 2 («Арсенал Российской империи») отражен процесс кардинальных изменений, происходивших в Российском государстве на протяжении

XVIII—XIX столетий. Великие реформы Петра I и буржуазные преобразования 1860—1870-х гг. позволили России не только прорубить «окно в Европу», но и к началу XX в. выйти на передовые позиции в мире. Достигнутые результаты определялись изменениями в экономической и политической сферах государственной жизнедеятельности и серьезной перестройкой военного дела. Мощь русской армии в указанный период не раз становилась самым весомым аргументом в различных международных конфликтах, чему в немалой степени способствовала деятельность созданных на Урале металлургических (Каменский, Невьянский) и специализированных военных (Ижевский, Златоустовский, Пермский) заводов.

В главах 3 («На огневом рубеже»), 4 («Броневая мощь Родины»), 5 («Ракетно-ядерный щит Отечества») продемонстрированы успехи уральской «оружейной палаты» в XX — начале XXI в., наглядно показано, что в условиях Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн и целой серии локальных военных конфликтов второй половины XX в. уральское оружие очень успешно использовалось в боевых действиях.

Благодаря подвижнической деятельности конструкторов стрелкового оружия С. Г. Симонова, М. Т. Калашникова, Е. Ф. Драгунова, Г. Н. Никонова и других армия нашей страны всегда оснащалась первоклассными пистолетами, винтовками, автоматами, пулеметами, ни в чем не уступающими лучшим зарубежным образцам.

Инженерная мысль Ж. Я. Котина, А. А. Морозова, Л. С. Троянова, М. Ф. Балжи, Л. Н. Карцева, А. С. Ермолаева, В. Н. Венедиктова, А. В. Колесникова способствовала созданию великолепных танков, обеспечивших советской стране победу в Великой Отечественной войне и непререкаемый авторитет супердержавы в послевоенный период.

Творчество В. Н. Сидоренко, Ф. Ф. Петрова, Л. И. Горлицкого, Ю. Н. Калачникова, Г. С. Ефимова, Ю. В. Томашова, В. А. Голубева, А. И. Яскина превратило Урал в настоящее «царство пушек», производящее буксируемые и самоходные артиллерийские установки, танковые и зенитные пушки, реактивные системы залпового огня и ракетно-зенитные комплексы. Артиллерия, созданная на уральских предприятиях, всегда отличалась самым высоким качеством, что не раз и не два было доказано в условиях самых сложных военных действий.

Вторая половина XX в. стала временем жесткого противостояния двух социально-политических систем, в основе которого лежало глобальное противоборство СССР и США. Стремление Советского Союза поддерживать военно-стратегический паритет, считавшийся в то время основой мира во всем мире, объективно заставило руководство страны сформировать на Урале целый научно-производственный ракетно-ядерный комплекс, предприятия которого наладили производство расщепляющих материалов и сборку серийных ядерных боеприпасов. Более того, на уральской земле плодотворно заработали конструкторские бюро В. П. Макеева, Н. А. Семихатова, Л. В. Люльева и др., создавшие ракеты, способные нести ядерный заряд на любое расстояние и поражать потенциального противника, где бы он ни укрывался.

Таким образом, авторы монографии доказали, что процесс производства вооружений на Урале осуществлялся на протяжении практически всего исторического времени и активно трансформировался в соответствии как с этногеографической, социально-экономической, институциональной и общественно-политической спецификой регионального развития, так и с объективными требованиями общероссийского и мирового военного искусства.

При написании книги использовались солидная архивная база, современные исторические и научно-технические исследования. Все данные, представленные в тексте в виде анализа производственных процессов и тактико-технических характеристик оружия, не несут в себе составляющую государственной или военной тайны, так как утратили на текущий момент гриф секретности.

Издание снабжено уникальным иллюстративным материалом. 300 рисунков, фотографий, графиков, таблиц и диаграмм отображают внешний вид вооружений, представляют портреты их создателей, демонстрируют динамику производственных процессов. Библиографический указатель дает возможность читателю обратиться к исследованиям, близким к данной проблематике.

Издание такого научно-популярного труда — успех всей уральской исторической науки. Без сомнения, эту книгу, созданную коллективом ученых из Екатеринбурга, Ижевска и Перми, возглавляемым профессором А. В. Сперанским, можно рекомендовать самому широкому кругу читателей: учителям и учащимся школ, студентам и преподавателям высших учебных заведений, ученым-историкам, специалистам в области военной техники, общественным и государственным деятелям, всем интересующимся историей российского оружия. Книга призвана содействовать развитию и эффективному функционированию научного потенциала знаний в области военно-технической истории, совершенствованию военно-патриотического воспитания россиян.

Е. К. Созина

ТЕЛЕОЛОГИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ И СУДЬБЫ*

Рец. на кн.: *Проскурина, Е. Н. Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии ; отв. ред. Е. К. Ромодановская. — М. : Новый хронограф, 2009. — 387 с.*

Творчество Гайто Газданова, вполне состоявшегося писателя из «незамеченного поколения» русских художников-младоземigrants, пожалуй, более всех остальных его сверстников описано и запечатлено в исследованиях последних

* Работа выполнена в рамках комплексного интеграционного проекта УрО — СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (национальный и региональный аспекты)».

десятилетий: можно назвать книги и статьи Л. Диенеша, С. Кабалоти, Ю. Матвеевой, И. Каспэ, С. Семеновы, И. Дьяконовой и др. Вероятно, это связано и с яркостью художественного мира Г. Газданова, и с локальной собранностью произведений (показательной является скорая публикация книг писателя за последние годы, в частности нового собрания его сочинений в 2009 г.), и с романским характером творчества (как в свое время жаловался А. Чехов, литератора у нас до сих пор ценят не по рассказам, а по романам), и с другими, не учтенными здесь обстоятельствами. Однако на фоне всех имеющихся работ о Газданове монография Е. Н. Проскуриной обладает безусловной и тоже яркой индивидуальностью. На первый взгляд книга ее кажется построенной чрезвычайно просто: часть первая — «Автор. Герой. Персонаж», часть вторая — «Повествовательные координаты “русских” романов Газданова», часть третья — «Поздние романы Газданова. Движение к “закрытому” тексту». Однако видимая простота определяет многие ее достоинства. Автору удалось найти свой подход к романному миру Газданова, учитывающий все написанное о нем доселе, но переводящий этот исследовательский «капитал» на некий новый уровень, где просматривается дополнительная перспектива изучения творчества не только Газданова, но и других писателей, причем необязательно его современников. Это подход к романам художника как к единому целому, и не в аспекте их семиотического (языкового или текстового) единства, а в плане сверхповествовательного и поверхтекстового единства-континуума. В качестве объединяющего начала при анализе произведений Газданова для Е. Н. Проскуриной выступает органическая форма — понятие, разработанное еще в немецком романтизме начала XIX в. и неожиданно актуализировавшееся в методологии ученого конца XX в. Не случайно законы органической формы Е. Н. Проскурина «прочитывает», исходя из аналогии с самым «романтическим» искусством — музыкой, искусством, к которому тяготел исследуемый ею автор, к которому очевидно равнодушна сама автор-исследователь и которое как нельзя более органично объединяет «содержание» и «форму», претворяя материю в творческое движение духа.

Творчество Газданова рассматривается в книге как выражение пути внутреннего «я» художника, его духовной и душевной эволюции, во многом обусловленной трагической судьбой поколения и времени, в условиях которого писателю довелось родиться и жить, а также его принадлежностью к ордену¹. Эта позиция диктует изучение романов писателя во взаимодействии с его личностью и принятие за аксиому следующей точки зрения: центральный герой или герои Газданова неминуемо несут отпечаток авторской личности, являются автобиографическими или же лирическими героями, а следовательно, здесь возможна как прямая проекция — из жизни автора в тексты, так и обратная — из текстов в жизнь. Надо сказать, что в отношении Газданова эта позиция представляется мне вполне приемлемой, хотя и достаточно рискованной.

¹ Как известно, Г. Газданов был членом масонской ложи «Северные братья», в связи с чем Е. Н. Проскурина говорит о свойственном ему «специфическом типе внеконфессиональной религиозности».

На основании обозначенной логики и в «тексте» жизни, и в произведениях писателя выделяется некий «парадигмальный археосюжет», который содержательно определяет сцепление его романов в единое целое. Семантическим ядром этого археосюжета является инициальное путешествие героя, направленное на его духовное «довоплощение», но в пределах метароманного целого далеко не всегда достигающее этой цели. Тем самым эволюция творчества Газданова обретает телеологический смысл, который из художественного мира проецируется на личные поиски автора, заставляя увидеть их по-новому, как постоянный поединок с судьбой и смертью: от фазы ухода и пребывания в «царстве мертвых» (Гражданская война и эмиграция) — через стадии искушения и лиминального состояния — к фазе возрождения.

Однако самое, на мой взгляд, продуктивное в исследовании Е. Н. Проскуриной — это все-таки ее музыковедческая ориентированность. Сам тип художественного мышления Газданова, а также органику формально-поэтологического единства его романов она характеризует через категорию «крупной циклической формы» и в таком ключе осуществляет анализ их поэтики. Конечно, аналогии между языком литературы и языком музыки проводились неоднократно, но безусловной заслугой и новацией Е. Н. Проскуриной следует считать разработку методики анализа литературных произведений, относимых к крупным жанрам эпического рода, под обозначенным углом зрения. Исследовательница замечательно показывает, как в творчестве Газданова происходит эволюция от романов «открытого» типа к «закрытым» структурам, а иначе — от произведений с обычной для искусства Нового времени лиро-эпической доминантой к романским формам, сориентированным на жанры традиционной литературы — притчу, миф, житие, сказку и др. Таким образом, исследование художественной онтологии писателя в книге о Г. Газданове естественным образом вырастает из изучения поэтики его произведений и сопрягается с рассмотрением его творческой личности.

На всем протяжении книги анализ особенностей романного мышления Газданова сочетается с тонким, даже деликатным, анализом личной судьбы и позиции биографического автора, так что и экзистенциальность его творчества, и метахарактер его произведений не нуждаются в особом доказательстве. Прекрасно прослежена динамика отношений автора и героя в русле «переписывания воспоминаний», которое постоянно осуществлял Газданов. Пожалуй, впервые именно в работе Е. Н. Проскуриной четко сформулирован особый характер восприятия Газдановым визионерского опыта, отличающий его от людей Серебряного века, да и от многих современников и последователей: «Обращенность “в глубину самого себя”... не воспринимается им как мистическое откровение тайны мира — и в этом, надо сказать, он не является наследником Серебряного века. Чуть приподнявшаяся ему в мечтаниях и снах завеса тайны оборачивается болезнью души в тяжелых галлюцинациях, отнимая остатки жизненных сил» (с. 49). Отсюда можно заключить, что в романах писателя описывается, по сути, долгий путь преодоления этого опыта и избавления от порождаемых им состояний, ценой которых является духовная или собственно физическая смерть. Эти наблюдения и выводы исследовательницы,

рассеянные по всей книге, повторяю, крайне значительны, хотя не могу не заметить, что здесь мне несколько не хватило размышлений исследователя о причинах (факторах) такого негативного отношения Газданова, а точнее, его героя к собственному эзотерическому опыту, оказавшемуся неудачным, о том, как это соотносится с масонской бытностью писателя. В масштабах культурной формации, возможно, это явилось реакцией на увлечения деятелей Серебряного века мистическими идеями и практиками (что прекрасно показано в разных работах, достаточно вспомнить хотя бы книги А. Эткінда), а в плане оценки личного опыта героев писателя, вероятно, более глубокому пониманию этих вещей помогают сочинения русских философов начала XX в., да и не только их (об опыте визионерства написано немало). Но, в сущности, это вопрос, весьма косвенно связанный с филологическим знанием, хотя к нему неминуемо приводит анализ текстов с подобной проблематикой: хотим мы или не хотим, но границы филологии не всегда возможно установить раз и навсегда.

Отмечу, что в книге Е. Н. Проскуриной едва ли не впервые получает полное освещение художественный мир романов Газданова — на уровне не только центрального героя, но и мира «других» и, что немаловажно, женских персонажей. При этом картины парижских нравов, данные русским художником, сопоставляются с «человеческой комедией» Бальзака, и здесь чрезвычайно интересным и новым видится мне анализ романа «Ночные дороги», до сих пор не дававшегося в руки исследователям, по-видимому, именно по причине избытка низкосортного человеческого «материала», описанного Газдановым, а также жанровой неопределенности произведения. Е. Н. Проскурина выделяет эти свойства романа как его особые качества, даже достоинства, и встраивает «Ночные дороги» в линию пути-развития писателя.

Глава о женщинах в мире Газданова читается «взахлеб» (впрочем, как и вся книга), но такова уж тема, что каждый находит в ней свое дополнение и свой неучтенный поворот. Так, Е. Н. Проскурина совершенно верно говорит о красоте души и благородстве женщин и девушек в русской классике, устанавливая их преемственность по отношению к героиням Газданова (которые слишком часто получали однозначное наименование «блудниц»). Факт бесспорный, но куда-то пропали тургеневские «хищницы», бунинские «утробные натуры»; совершенно замечательно описывается «эстетика кабаре», использованная и преодоленная Газдановым, дивно воссоздается связь его героинь с библейским архетипом, но по странной случайности вновь выпадает Серебряный век, активизировавший женскость, а в ней — плотское, эротически-сексуальное начало вместе с утонченной, рафинированной, эстетской духовностью. Без этого образ Клэр да и других героинь ранних романов Газданова, мне кажется, понять сложно. Скажем, «мутные глаза» Клэр, о которых пишет автор, не могут не вызвать ассоциацию с глазами тургеневской Эллис (повесть «Призраки»), и эта параллель может быть подтверждена развитием сюжетики романа. Здесь же, в связи с женщинами Газданова, нельзя не вспомнить разнообразный и очень впечатляющий литературно-культурный контекст 1920–1930-х гг. (от героинь Фицджеральда до женщин Г. Миллера и др.). Хотя очевидно, что ре-

цензент, превышая свои полномочия, исходит скорее из собственного вкуса, нежели из задач и их исполнения в рецензируемой книге.

Вторая глава посвящена «русским романам» Газданова. Налицо самые широкие сопоставительные связи, в которые включается творчество писателя: В. Набоков, П. Верлен, А. Блок, И. Бунин, Л. Толстой, еще раз Бальзак, Данте... Анализируя самый известный роман Газданова, Е. Н. Проскурина осуществляет филигранную работу с текстом, особенно с темпоральной структурой повествования; здесь же к образу Клэр прибавляются те штрихи, которых не хватило ранее: очень верные и тонкие наблюдения о связи письма Газданова с поэтикой И. Бунина и А. Блока, вполне обоснованное заключение об «открытом» типе структуры романа Газданова. А далее по очереди исследуются остальные романы писателя, получившие наименование «русских». К каждому из них автор находит свой «ключ»: «История одного путешествия» — это «роман о романе» и в то же время разновидность «романа о воспитании», «Полет» — «роман с литературой», «Ночные дороги» — достаточно редкое сочетание лирической медитации с очерковостью, «Призрак Александра Вольфа» — «святочный» текст, «Возвращение Будды» — кризисный роман Газданова, эксплицирующий его поединок со смертью и трагический финал. Раскрывается своеобразие до сих пор не оцененных по достоинству романов Газданова «второго плана», объясняется присутствие мелодраматического элемента в его прозе, смущавшее многих критиков, показывается реально происходящее движение не только художественной мысли автора и формы этих произведений, но и экзистенциального мироощущения художника, посредством текстов преодолевающего внутреннюю безысходность и страх небытия. Все бесспорно и чрезвычайно точно. Рискну — в порядке дискуссии — высказать сомнение лишь в одном моменте.

Е. Н. Проскурина стремится доказать, что последний из «русских романов» Газданова «Возвращение Будды» являет собой «рассказ мертвеца», «историю, увиденную за гранью реальности», и цепь ее доказательств выглядит вполне логично и убедительно. Но, на мой взгляд, с которым вольна не соглашаться исследовательница, особенность романа в том и состоит, что здесь нет точного знания, нет и не может быть достоверных свидетельств в пользу того или другого вывода: жив герой или все-таки ушел в смерть, и такова традиция, сложившаяся в русской классике, — **н е п р о п и с а н н о с т ь о к о н ч а т е л ь - н ы х ф и н а л о в**, неоднозначность конца (думаю, примеры приводить нет смысла, все их помнят). Не случайно образы Будды, Центрального государства и прочие видения героя романа поневоле вызывают у нас ассоциации с творчеством современников писателя, и имя Набокова важно здесь в концептуальном ключе (вспомним хотя бы его «Приглашение на казнь»).

Рассказывая далее о поздних («французских») романах Газданова, автор чрезвычайно удачно вводит систему музыковедческих понятий и категорий, подтверждая свою исходную гипотезу о цикличности романов писателя и тяготении поздних произведений к **з а к р ы т ы м м у з ы к а л ь н ы м ф о р м а м**. Впервые дается системный анализ указанных романов с точки зрения их жанровых и повествовательных стратегий, доказана жанровая ориентация позднего Газданова на прототипические модели притчи, жития, мифа, и этот результат

исследования безусловно обогащает представление о развитии жанра романа в мировой литературе XX в. Получает обоснование тяготение Газданова к беллетристике, назидательность, а наряду с тем неожиданность и катастрофичность финалов отдельных произведений («Пилигримы»); обозначенную поэтику финалов позднего Газданова исследовательница объясняет масонскими убеждениями писателя, а равно действием этического императива притчи, по жанровому архетипу которой в контаминации с другими жанрами выстраиваются эти произведения. Количество авторских находок Е. Н. Проскуриной велико, она доказывает, что романы Газданова замыкаются в своеобразный круг, дают нам «художественную автобиографию» писателя, телеологическая устремленность которой прослежена ею на протяжении всей книги.

Работа Е. Н. Проскуриной уже заняла достойное место в отечественной филологической традиции, в изучении творчества Г. Газданова, так что эта рецензия появляется поистине *post factum*, но книга заслуживает того, чтобы говорить о ней не один раз и чтобы новый читатель получил свое удовольствие от блестяще написанного научного текста.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АЗИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ГИПОТЕЗЫ БУДУЩЕГО

О работе международного семинара

В сентябре 2010 г. прошел очередной международный российско-индийский семинар, организованный на базе Института истории СО РАН в рамках координационной программы «Евразия: взаимодействие стран, культур и регионов в глобальном мире». Программа реализуется на основе договора о сотрудничестве, подписанного в ИИ СО РАН в 2007 г. С российской стороны партнером Института истории является Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), с индийской — Институт азиатских исследований им. Азада (Калькутта). В ходе реализации координационной программы с 2007 г. состоялось семь научных форумов (по два — в Новосибирске и Улан-Удэ, три — в Калькутте).

Предыдущие семинары и симпозиумы охватывали широкий круг вопросов, связанных с перспективами партнерства и взаимодействия стран Евразии, поиском альтернативных вариантов развития политической, социально-экономической и культурной ситуации на континенте, проблемами миграций и регионализма, различными аспектами эволюции сообществ и институтов в переходный период, начавшийся после 1991 г.; а также многие другие проблемы. По итогам работы семинаров публиковались сборники статей на русском и английском языках.

Сентябрьский форум был посвящен демографическому развитию Азии, при этом организаторы и участники семинара не только рассматривали исторические проблемы демографии или оценивали современную демографическую ситуацию в тех или иных странах, но также предложили собственные гипотезы и сценарии грядущих изменений демографической картины на континенте. Выбор демографической тематики был обусловлен убежденностью организаторов семинара в том, что колоссальный демографический массив Азии был, есть и будет цивилизационным фактором геополитического масштаба. Кроме того, всестороннее обсуждение проблем, обусловленных громадной величиной демографической массы Азии, контрастами ее территориального распределения, спецификой и многообразием национального, этнического, конфессионального, государственно-политического состава, социально-экономического и миграционного потенциала и т. п., должно способствовать реализации главной цели семинара — подготовке итоговой публикации.

Наряду со специалистами из Института истории СО РАН в работе семинара приняли участие представители других академических учреждений и вузов Новосибирска (Институт филологии, Институт философии и права, экономики и организации промышленного производства СО РАН, НГУ и НГПУ), а также специалисты из академических учреждений и вузов Екатеринбурга, Улан-Удэ, Омска и Красноярска. Международный статус мероприятию обеспечило участие не только исследователей из Индии (сотрудников Университета им. Дж. Неру в г. Нью-Дели, Университета Мумбай и Института азиатских исследований в Калькутте), но и гостей из Казахстана — представителей вузов Усть-Каменогорска и Семипалатинска.

Местом проведения научного мероприятия стал санаторий «Жемчужина», расположенный недалеко от Академгородка в живописном сосновом бору. В один из дней работы семинара для участников была организована культурно-ознакомительная программа, включавшая в себя экскурсию по Новосибирску, посещение музеев Академгородка, в том числе Музея истории СО РАН (Домик Лаврентьева), Историко-архитектурного музея под открытым небом, Музея Института археологии и этнографии СО РАН.

Семинар включал в себя 3 научных секции, последовательно работавших в течение двух дней — 19 и 20 сентября. **Пленарное заседание** открылось приветственным словом директора ИИ СО РАН, члена-корреспондента РАН В. А. Ламина, и директора Института азиатских исследований профессора Х. С. Васудевана. Выступавшие подвели предварительные итоги многолетнего сотрудничества индийских и российских ученых и выразили надежду на плодотворную работу в ходе предстоящего семинара. Следующим участником пленарного заседания стал профессор В. А. Исупов (ИИ СО РАН), который в своем докладе охарактеризовал демографическую ситуацию в различных частях Азиатского континента и подверг критике некоторые пессимистические сценарии ее дальнейшего развития.

Профессор Омского государственного университета, доктор исторических наук А. В. Ремнев посвятил свое выступление характеристике национальных и колониальных аспектов азиатской геополитики Российской империи. Он пришел к выводу, что имперские власти надеялись, что им удастся найти бесконфликтный вариант «слияния» народов в одном государственном сообществе, объединив население чувствами династической преданности, официального патриотизма, русского (российского) национального гражданства и приверженности русской культуре и языку. Между тем внутренние границы конституировали деление имперского пространства, создавая исторические и правовые предпосылки для будущих независимых государств, как только ослабевало воздействие центра как средоточия силы и модернизирующего воздействия.

В докладе проф. Х. С. Васудевана излагался взгляд на международную миграцию в Евразии в конце XX в. на примере деятельности индийских предпринимателей в России. Директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, член-корреспондент РАН Б. В. Базаров проанализировал проблемы взаимодействия стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Внутренней Азии в условиях современного общества. Оценивая взаимодействие России с ближайшими соседями — Монголией и Китаем, Б. В. Базаров отметил, что наша страна имеет вполне реальную возможность встать на перепутье главных торгово-экономических потоков между странами СНГ и тихоокеанскими государствами и в целом между Европой и Азией. Рост потребностей в эффективных трансконтинентальных перевозках между Европой и Азией, а также политические факторы, связанные с появлением в Центральной Азии новых независимых государств, стимулировали процесс разработки концепций формирования новых евро-азиатских транспортных коридоров. Маршруты этих коридоров и проходящие по ним

грузопотоки могут в перспективе оказать большое воздействие на экономические интересы России.

Во второй половине дня под председательством профессора Б. В. Базарова работала **первая секция** («Демографические и миграционные процессы в Евразии»). Секцию открыл доклад проф. *Аджая Патнаика*, сотрудника Университета им. Дж. Неру (Нью-Дели), охарактеризовавшего миграционные потоки в Центральной Азии с точки зрения их социально-экономических причин и последствий. Профессор Патнаик заметил, что Россия и страны Центральной Азии должны выработать политику и заключить соглашения, делающие трудовую миграцию более прозрачной, легальной и свободной от эксплуатации, а также выгодной для всех заинтересованных сторон. Неспособность указанных стран продвигаться в этом направлении может привести к возникновению конфликтных ситуаций в будущем. Кроме того, учитывая демографическую и экономическую ситуацию в России и в Центральной Азии, представляется крайне желательным привлечение квалифицированной рабочей силы из России для восстановления экономики стран Центрально-Азиатского региона.

В докладе доктора исторических наук, профессора из Екатеринбурга *В. П. Тимошенко* отмечалось, что на фоне глобализации мировой экономики и интенсивного развития регионального, особенно пограничного, сотрудничества происходящее взаимное отдаление России и южных стран СНГ кажется неестественным процессом. Но это только на первый взгляд противоречит мировым тенденциям, поскольку прежние формы взаимодействия, сложившиеся в условиях единой страны, неизбежно должны были трансформироваться в нечто новое, более соответствующее современным экономическим и политическим реалиям. Но эта трансформация проходит через отторжение старых форм и крайне медленное создание новых. Для лучшего понимания происходящих изменений важно ответить на несколько вопросов: что сейчас представляют собой социально-экономические отношения в азиатском ареале постсоветского пространства? в какой степени сохранились старые связи и зависимости? в чем проявляются новые противоречия и взаимосвязи? каков уровень взаимодействия регионов России и сопредельных азиатских стран?

В ряде докладов анализировалась демографическая, миграционная и религиозная ситуация в Республике Казахстан. Так, доктор исторических наук *А. Н. Алексеенко*, профессор Восточно-Казахстанского государственного технического университета (Усть-Каменогорск), осветил проблемы, противоречия и перспективы стратегии демографического развития Казахстана. В докладе доктора исторических наук *Б. Ж. Атантаевой* (Семипалатинский государственный университет, Казахстан) обозначены основные социально-демографические проблемы развития миграционных процессов в Казахстане. Государственная политика Республики Казахстан в отношении основных религиозных конфессий получила освещение в докладе кандидата исторических наук *М. К. Каримова* (Семипалатинский государственный педагогический институт, Казахстан).

В следующей группе докладов затрагивались вопросы исторической демографии Азиатской России. Сотрудник ИИ СО РАН и Новосибирского государственного педагогического университета доктор исторических наук, профессор *В. А. Зверев* предложил вниманию аудитории две модели начального этапа демографической модернизации пространства Азиатской России — «старожильческую» и «переселенческую». Исследователь пришел к выводу, что в конце XIX — начале XX столетия процессы, соответствующие обеим моделям, на пространстве Сибири, где переселенцы и старожилы уравнивались по своей численности, накладывались друг на друга. В реальности возникала картина, отличная от теоретического представления о том, как должны выглядеть начальные проявления демографической модернизации. Однако модернизация

уже стартовала: наметились изменения в демографических представлениях и поведении сибиряков, что нашло отражение и в динамике показателей воспроизводства населения

Выступление кандидата исторических наук *Р. Е. Романова* (ИИ СО РАН) было посвящено демографическим характеристикам молодежи Западной Сибири на рубеже 1930–1940-х гг. Р. Е. Романов показал, что накануне войны молодежь играла существенную роль в формировании людского потенциала Западной Сибири, составляя более четверти жителей края и уступая по численности и удельному весу лишь детям до 11 лет. Молодые люди занимали также одно из ведущих мест в естественном воспроизводстве людских ресурсов, отличались самым низким уровнем смертности и наиболее высокой миграционной активностью. Данные характеристики молодежи отражали ее особенности на фоне демографических процессов, протекавших в Западной Сибири накануне Великой Отечественной войны.

В докладе доктора исторических наук, профессора *С. С. Букина* (ИИ СО РАН) показаны социально-демографические последствия рыночных реформ на северо-востоке России в 1990-е гг. Как отметил С. С. Букин, если российские первопроходцы, раздвигая границы державы, двигались «навстречу солнцу», а в советский период даже при огромной текучести кадров на сибирских и дальневосточных новостройках заметно прирастало население, развертывалась широкая урбанизация восточных районов страны, то в 1990-е гг. вектор миграционного движения сместился на западное и южное направления. Особенно большие потери понесли северо-восточные регионы (Магаданская область, Чукотка, Камчатка, Сахалин). Как следствие возникла прямая угроза обезлюдивания громадных азиатских пространств, имеющих большое экономическое и геополитическое значение.

Проблемам, связанным с демографическим кризисом в современной России, уделил внимание профессор Университета Мумбай, сотрудник Центра изучения Центрально-Азиатского региона *Падмалочан Даш*. Отмечая, что Россия столкнулась с угрозой депопуляции, проф. Даш, в частности, указал на необходимость усовершенствования национальной системы здравоохранения, снижения уровня смертности и повышения уровня рождаемости, что невозможно без консолидированных усилий общества и государства, подкрепленных ростом экономики. Демографический аспект политики РПЦ в сфере укрепления духовной безопасности России проанализирован в совместном докладе сотрудников ИМБТ СО РАН доктора исторических наук *Л. В. Кураса* и доктора исторических наук *Э. А. Николаева*.

Второй день работы семинара был посвящен вопросам истории колонизации Евразии, а также современной экономической, геополитической и культурной ситуации на континенте. Участники **второй секции**, работавшей под председательством профессора, доктора исторических наук *В. Г. Дацышена*, затронули в своих выступлениях широкий круг исторических проблем освоения Азии. В докладе доктора исторических наук, профессора *М. В. Шиловского* (ИИ СО РАН) анализировались причины и формы воздействия европейских стран на азиатские народы и государства в XVII–XVIII вв. По наблюдению М. В. Шиловского, в условиях дефицита свободных капиталов у российских предпринимателей государство активно использовало административный ресурс в деле эксплуатации природных ресурсов Азиатской России (ясак, создание горно-металлургического комплекса Кабинета его императорского величества). Западно-европейский опыт колонизации новых территорий получил воплощение в деятельности Российско-американской компании (1799–1867) применительно к территории Русской Америки. В то же время попытка распространить подобную практику на Приамурье и Приморье в 1860-е гг. путем создания Амурской компании закончилась крахом.

Историографической проблематике уделит внимание в своем выступлении кандидат исторических наук *Д. А. Ананьев* (ИИ СО РАН), рассмотревший основные проблемы и подходы к изучению сибирской колонизации в современной западной исторической науке. Сравнительный анализ демографических характеристик коренного населения колонизованных территорий Азии в XVI—XX вв. содержался в докладе кандидата исторических наук *С. Г. Скобелева* (Новосибирский государственный университет). Результаты картографических исследований изложил в своем выступлении доктор исторических наук *О. Н. Катионов* (Новосибирский государственный педагогический университет), рассмотревший в исторической ретроспективе атласы Азиатской России. В частности, О. Н. Катионов отметил, что визуальная конкретизация и обобщение накопленного за столетия историко-картографического материала дает современному читателю, в том числе и исследователю, возможность использовать в своей работе — научной, учебной, методической — тот огромный концентрированный пласт культурного наследия, который ранее просто был недоступен и для широкого читателя, и для специалиста-исследователя.

Предметом исследования доктора исторических наук *А. Х. Элрета* (ИИ СО РАН) стало азиатское направление российских академических экспедиций за Уралом в XVIII в. Несколько докладов были посвящены историческим проблемам столкновения колонизационных и миграционных потоков русских и китайцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Темой доклада доктора исторических наук, профессора *Н. П. Матхановой* (Институт истории СО РАН) стали контакты русских и китайцев как объект внимания создателей сибирской мемуаристики в XIX в. Н. П. Матханова показала, насколько важны нарративные источники для изучения проблемы восприятия носителями определенной культуры иного (незнакомого или малознакомого) этнического сообщества.

Профессор Сибирского федерального университета (Красноярск), доктор исторических наук *В. Г. Дацышен* рассмотрел проблему освоения новых территорий на примере китайской миграции в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. В. Г. Дацышен пришел к выводу, что массовая миграция китайцев на север проходила в условиях глубочайшего политического, экономического и социального кризиса, поразившего все китайское государство и общество. Современные миграционные процессы происходят в принципиально иных условиях мировой экономической и геополитической ситуации, когда Китай находится на подъеме. В целом, исторический опыт «китаизации» Маньчжурии и миграционных потоков в Россию отражает закономерности развития миграционных процессов в Китае в кризисные периоды его истории.

Третья секция, которой руководил профессор *В. Ю. Малов* (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН), была посвящена современным геополитическим проблемам, социально-экономическим и культурным процессам в Евразии. В выступлении доктора *Джатишдер Кханны* (Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели) рассмотрены основные направления колонизационных и миграционных потоков, изменивших облик Северной Азии в течение последних четырех веков. По заключению Дж. Кханны, современные тенденции в сфере демографии и миграций характеризуются оттоком большого количества жителей Сибири в другие регионы страны, где их привлекают более благоприятные условия жизни. Центральным и региональным властям необходимо более эффективно использовать интеллектуальный потенциал сибиряков, в том числе продолжать развивать существующие и создавать новые научные центры и институты.

В совместном докладе, подготовленном доктором исторических наук *М. М. Ефимкиным* (ИИ СО РАН) и доктором экономических наук *В. Ю. Маловым*, дана количественная

оценка опыта истории освоения Северной Азии во второй половине XX в., а также исследована проблема сдвига производительных сил на восток как альтернатива сжатию экономического пространства. Авторы исследования пришли к выводу, что для оценки проектов развития Сибири и всего севера России (включая Арктическое побережье и акваторию) нельзя применять только рыночные критерии. Как показывает опыт истории, окупаемость северных проектов планируется на 20–30 лет. Сжатие экономического (а значит, политического, стратегического и пр.) пространства России ради достижения сиюминутных рыночных эффектов может обернуться в будущем существенными, а может, и невосполнимыми потерями для всей страны

Динамику численности населения Сибири за период конца 1980-х — начала 2002 г. проанализировал в своем выступлении кандидат исторических наук *О. Б. Дашинамжолов* (ИИ СО РАН), который пришел к выводу, что преобразования второй половины 1980-х — 1990-е гг. привели к снижению численности населения в восточных районах страны. По его мнению, в новых условиях необходимо использование специальных и целенаправленных мер государственной поддержки, способных обеспечить экономический рост в Сибири, который позволит улучшить демографическую ситуацию в ее регионах.

Сотрудник Института философии и права СО РАН кандидат философских наук *Е. А. Ерохина* обозначила основные векторы цивилизационной ориентации России в глобальной архитектуре современного мироустройства. Кандидат филологических наук *М. И. Грицко* (Институт филологии СО РАН) дала оценку развития этнолингвистических ситуаций в Азиатском регионе под влиянием современных геополитических факторов. В докладе кандидата исторических наук *О. Н. Шелегиной* (ИИ СО РАН) показана роль музеев в представлении культуры жизнеобеспечения населения Азии. Докладчик отметила, что в современных условиях мирового развития необходима адекватная оценка роли музеев, являющихся уникальными социокультурными точками пересечения прошлого, настоящего и будущего их потенциала в формировании социальной гармонии, трансляции духовных ценностей, адаптированности населения к глобальным трансформациям в экономической, экологической, демографической сферах.

Подводя **итоги семинара**, директор ИИ СО РАН, чл-кор. РАН *В. А. Ламин* и директор Института азиатских исследований проф. *Х. С. Васудеван* отметили высокий научный уровень представленных докладов и заявили о необходимости публикации представленных докладов в виде сборника статей. Кроме того, было подписано соглашение о подготовке коллективного труда, посвященного демографическим и миграционным процессам в Евразии. К работе над книгой наряду с индийскими и российскими специалистами предполагается привлечь исследователей из Монголии и Казахстана. В этой связи было принято решение о проведении следующих семинаров в Улан-Баторе и Семипалатинске, что должно способствовать более тесному сотрудничеству с учеными из стран Центральной Азии.

Д. А. Ананьев

ЮБИЛЕИ

«ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА – САМООТДАЧА»

К юбилею Б. Б. Овчинниковой



В октябре 2011 г. профессор кафедры истории России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик Российской академии гуманитарных наук Бронислава Борисовна Овчинникова отметила свой юбилей, а в грядущем 2012 г. будет отмечать тоже важную для нее дату – пятидесятилетие своей трудовой биографии, неразрывно связанной с УрГУ.

Большую часть своего жизненного и творческого пути Бронислава Борисовна отдала университету и исторической науке. Со всей уверенностью можно сказать, что строчки из стихотворения Б. Л. Пастернака, приведенные в заглавии, целиком и полностью

соответствуют профессиональному кредо юбиляра, человека безупречной репутации, редкостной самоотдачи и высокого мастерства.

Уже в студенческие шестидесятые годы Бронислава Овчинникова проявила активную жизненную позицию, принимая участие в общественной (комсомольской), научной и спортивной жизни Уральского университета. Но особое внимание она всегда уделяла археологии. С первого курса, как и все специализирующиеся по археологии, лето и начало осени проводила в экспедициях на Урале и в Западной Сибири, осваивая многокилометровые маршруты разведками в поисках памятников, с целью разработки и составления археологической карты. Постепенно начались и стационарные раскопки, и уже тогда Бронислава Борисовна возглавляла небольшие отряды Уральской археологической экспедиции.

Для нас, ее учеников, она всегда была и остается Учителем с большой буквы, авторитет которого очень высок как в студенческой, так и преподавательской среде. Возможно, в свое время Брониславе Овчинниковой, так же как и нам, повезло с учителями, среди которых был основатель уральской школы археологии Владимир Федорович Генинг. Именно археология сыграла важную роль в формировании круга научных интересов будущего профессора Б. Б. Овчинниковой.

Кроме Урала и Западной Сибири, она проводила полевые исследования на Саяно-Алтае, в Туве (начальник Тувинской археологической экспедиции Уральского университета в 1971–1981 гг.), на Северо-Западном Кавказе (начальник Лооской археологической экспедиции Уральского университета в 1987–1997 гг.). С 1979 г. по настоящее время в рамках учебной практики студентов исторического факультета она осуществляет руководство уральским отрядом Новгородской археологической экспедиции (г. Великий Новгород).

По материалам Тувинской экспедиции после окончания аспирантуры при кафедре археологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1984 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Тюрки-тугу на Саяно-Алтайском нагорье в VI–X вв.» (научный руководитель проф. Л. Р. Кызласов).

Тувинский период в жизни Брониславы Борисовны занимает особое место. О красотах, величии Тувы она и сегодня может рассказывать с воодушевлением и неподдельным восторгом, заражая собеседников интересом к этому краю. Можно даже сравнить природную стихию бурного Енисея и живую натуру нашего юбиляра, которые имеют много схожих черт, словно между ними проходит незримая, таинственная связь, но, пожалуй, не существует такой «плотины», которая могла бы сдержать бурлящий творческий поток Брониславы Борисовны и в этом, несомненно, только ее заслуга. Археологические раскопки в Туве сделали ее известным в СССР и за его пределами специалистом по раннесредневековой археологии кочевых народов степной зоны Евразии.

После Тувы, будучи уже опытным археологом, Бронислава Борисовна открыла для себя новое неизведанное направление — археологию Кавказа. Цели, которые стояли перед Лооской археологической экспедицией и ее руководителем в то сложное для нашей страны время (1990-е), были практически невыполнимы, но даже в самые трудные периоды работа продолжалась благодаря трудолюбию, усердию, авторитету и стойкости характера Брониславы Борисовны.

На Северо-Западном Кавказе, как и в Туве, посчастливилось работать нескольким поколениям уральских студентов истфака УрГУ. Даже спустя десятилетия они с большим уважением и благодарностью вспоминают об этом времени. Для многих из них археологическая экспедиция с Брониславой Борисовной стала одним из самых ярких впечатлений и по-настоящему первой школой жизни.

Бронислава Борисовна — внимательный и чуткий человек. Благодаря своему таланту и удивительной женской интуиции, о которой многие знают не понаслышке, может быть решительной и предусмотрительной.

В 1979 г. Бронислава Борисовна начала «новгородскую» главу своей жизни, которую она продолжает и сегодня. В 2011 г. Новгородской археологической экспедиции УрГУ (НАЭ УрГУ) исполнилось тридцать два года, и Бронислава Борисовна является ее бессменным руководителем. Для участия в Новгородской экспедиции существует конкурс, поскольку число желающих поехать год от года растет, что свидетельствует о прекрасных организаторских способностях юбиляра. Бронислава Борисовна является тем классическим Учителем, о которых говорят «строгий, но справедливый», потому что ее учебно-воспитательный процесс легким назвать нельзя. Ее «мастер-класс», по мнению многих учеников, своего рода «огонь, вода и медные трубы».

Талантливый человек талантлив во всем. Бронислава Борисовна ведет большую учебно-методическую и организаторскую работу. Она не ограничивается только археологией, открыв для факультета такие новые области научного исследования, как музееведение, уралистика, международный туризм, внешняя политика и дипломатия России, взаимоотношения России и Центральной Азии.

В творчестве Брониславы Борисовны весь этот на первый взгляд разрозненный материал обретает единство, гармонично объединяется и находит отражение в ее книгах и статьях, учебных пособиях и методических разработках, в диссертационных работах ее отечественных и зарубежных учеников. Первым на факультете зарубежным аспирантом, проучившимся три года в аспирантуре и с успехом защитившим кандидатскую диссертацию в УрГУ, является ученик Брониславы Борисовны Габор Дьёни (Венгрия). Их научный союз не прерывался и нашел свое отражение в совместной монографии «Протовергры на Урале». Лекции и выступления Брониславы Борисовны с интересом слушали студенты и коллеги-историки Москвы и Санкт-Петербурга, Сегеда и Варшавы. Ею опубликовано более двухсот работ. Среди них монография «Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X веках» (1990), посвященная материальной культуре создателей некогда могущественных объединений — Тюркских каганатов. Учебное пособие «Из истории русских музеев» (1992) в соавторстве с Л. В. Чижовой было отмечено первой премией на конкурсе научных работ Уральского университета и предложено к переизданию, которое осуществлено под названием «Музеи России. Становление и развитие до начала XX века» и с приложением «Музеи Екатеринбурга» (2002), и др.

Сегодня Бронислава Борисовна делится своим многолетним опытом, обучая молодое поколение мастерству научно-исследовательской работы, и продолжает творческие изыскания. Она является членом ряда научных обществ и проблемных советов, в том числе проблемного совета по музейному источниковедению и методике музейного дела Свердловского областного краеведческого музея, Международной биографической ассоциации (Американский биографический институт, Гарвард). С 1995 г. является почетным членом Консультативного совета Международного биографического центра (Кембридж, Англия), с 2003 г. — почетным членом Исследовательского совета Международного биографического центра в области истории и археологии (Кембридж, Англия). В 2005 г. стала лауреатом премии им. В. П. Бирюкова за книгу «Музеи России. Становление и развитие до начала XX века». Она поддерживает научные связи с учеными Венгрии, Польши, Болгарии, Монголии, Японии, Турции, Китая, где высоко ценятся ее исследования.

Бронислава Борисовна, желаем Вам здоровья, сил, неиссякаемого творчества и успехов! Пусть Ваш оптимизм и энергичность еще долгие годы радуют нас! Спасибо Вам!

Р. Т. Ганиев

MEMORIA

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ЯКУНЦЕВОЙ (1950–2011)



20 ноября 2011 года после тяжелой болезни умерла Татьяна Николаевна Якунцева, доцент кафедры фольклора и древней литературы. Ушла из жизни красивая, совсем недавно полная сил и творческих планов женщина, преданная жена, заботливая мать, отличный товарищ, на которого всегда можно было положиться. Осиротели не только семья, кафедра, факультет, без талантливого преподавателя и эрудированного руководителя остались студенты, а соискатели ученой степени лишились внимательного рецензента.

Смерть нанесла невосполнимый урон и филологической науке. Татьяна Николаевна умерла в зените своей научной карьеры. «Окрыленная романсом» — так называли ее коллеги. Действительно, начиная со студенческой скамьи и всю свою творческую жизнь этот талантливый ученый посвятил казалось бы еще совсем недавно гонимому жанру. Много лет занимаясь полевой фольклористикой, изъездив вдоль и поперек уральский регион, исследовательница не только воочию убедилась в огромной любви жителей уральских городов и заводских поселков к этим мелодраматическим песням, Татьяна Николаевна раскрыла их эстетическую привлекательность и доказала безусловное научное значение изучения романса для объективного представления о современной народной песенной культуре.

К сожалению, почти готовая монография осталась недописанной, а диссертация на соискание ученой степени доктора наук незащищенной. Но есть благодарные ученики, есть светлая память о прекрасном, умном человеке. И пока эта память будет жива, Татьяна Николаевна будет с нами.

Коллеги, ученики, друзья

Писать о Тане, Татьяне Николаевне, очень тяжело, почти невозможно. Но не потому, что она была сложным, неоднозначным человеком. Она — легкая, красивая, женственная, всегда готовая к смеху и шутке, знающая все твои проблемы, всегда готовая прийти на помощь. Она была очень хорошим, светлым и ясным человеком. Трудно писать «была»: это не укладывается ни в душе, ни в сердце, ни в сознании. Она — «была», ее уже нет с нами.

После прощания с Татьяной Николаевной весь факультет будто притих в каком-то недоумении и непонимании. Только 16 ноября на ученом совете звучало ее имя: она была награждена почетной грамотой в связи с присвоением «за многолетний безупречный труд» звания «ветерана Уральского государственного университета им. А. М. Горького». 20 ноября ее не стало. Воистину многолетний (тридцать пять лет!) и абсолютно безупречный бескорыстный труд. Всю жизнь читала бесконечно любимый ею курс фольклора, постоянно переделывая, дополняя, углубляя, делая его все более точным и совершенным. Бывая в Москве или Питере, всегда закупала новую литературу, и бесконечные посылки шли в Екатеринбург. Как ребенок радовалась тому, что смогла найти редкую книгу в интернет-магазине, которую уже найти, казалось, невозможно, тотчас выписывала. При абсолютном владении материалом курса могла перед лекцией не спать ночь: как пойдет, прочитается ли, правильно ли ляжет по-новому структурированный сюжет лекции? Тоже было и со спецкурсами: «Нет, на следующий год буду читать иначе».

У многих поколений студентов филологического факультета первая оценка в зачетной книжке — это за предмет «Устное народное творчество», и Татьяна Николаевна всегда помнила, что «начинает», что от ее оценки зависит немало.

Особая любовь Татьяны Николаевны, ее роскошная научная тема — городской романс, над которой работала всю жизнь непрестанно, всегда волнуясь, ибо очень боялась быть неточной. Думается, что студенты чувствовали это неравнодушие, это внутреннее горение, помноженное на высокую ответственность нашей профессии. Они любили ее, а она возилась с ними бесконечно, входила во все проблемы, склонна была хвалить более, нежели строжить. Будучи доброй, но не «добренькой», очень зорко видела возможности всех «прошедших через ее руки» студентов, давала точные и определенные аттестации, хотя, возможно, ценила более человечность и порядочность, нежели способности, что ныне бывает не так уж часто: с «сильными» работать проще и при этом — «ничего личного».

А «ничего личного» — это уже не про Татьяну Николаевну. За ее собственную человечность, естественность, доброту и щедрость (кому она отказала в помощи?) Таню любил факультет. Возможно, были недоброжелатели. Но, во-первых, об этом никто не знал: не в обычае Татьяны Николаевны было создавать «систему врагов», с которой надо бороться (она ни с кем не боролась). Если ее обижали, и обижали намеренно, старалась просто отходить в сторону от этого человека, плакала, переживала, но никогда не унижала себя ситуацией выяснения отношений.

В ней было что-то неуловимо детское, чистое: смородиновые блестящие глаза, какой-то чуть испуганный и невероятно изящный изгиб шеи, чуть поднятые брови, открытый смех. Защищенность беззащитности, сила слабости, детская мудрость прямого взгляда на мир. Она была вхожа на любую кафедру факультета, и не только факультета: постоять, перекинуться словечком, спросить, как дела у детей (знала всех наших детей по именам, знала, сколько им уже лет, в какую школу ходят или в какой вуз поступили!), справиться о здоровье родителей (стариков любила, и они любили ее за щедрость внимания и терпения). На ходу могла дать новый рецепт или припомнить старый. Хозяйкой была блестящей, «старопрежней», на кафедральные праздники приносила собственноручно испеченные блины, а не салатки из ближайшего супермаркета, как говаривала, «нарезанные незнамо какими руками».

У Татьяны Николаевны было природное, какое-то коренное, извечное чувство семьи, родственности, поэтому факультет, который ею был связан ощущением родственной общности, не может смириться с ее уходом: он осиротел.

Перед курсом лечения она мне написала: «Тата! Я хочу жить и буду жить!» Она хотела жить, чтобы любить этот мир, любить и заботиться о своей семье, друзьях, любить свою работу. Все это она умела как никто другой.

Последний раз она говорила со мной по телефону, когда я была в университете: «Ты все еще в универе? Консультируешь? Передавай привет всем». Передаю всем, кому она не договорила, не успела сказать.

Т. Сизирева

Список сокращений

ПСЗ РИ	Полное собрание законов Российской империи
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
ДАИ	Дополнения к актам историческим
ГАТО	Государственный архив Томской области
РГВА	Российский государственный военный архив
ПУ	Полезное увеселение
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области

Сведения об авторах

Артемов, Евгений Тимофеевич (Istor@uran.ru). Выпускник гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1978). Доктор исторических наук (2008), заместитель директора по науке Института истории и археологии УрО РАН (620026, Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56; (343)2516517; Istor@uran.ru). Сфера научных интересов — экономическая история.

Базаров, Борис Вандович (imbt@burinfo.ru). Выпускник Бурятского государственного педагогического института (1981). Доктор исторических наук (1995), профессор, чл.-корр. РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; (3012)433551; imbt@burinfo.ru). Сфера научных интересов — история и культура монгольских народов.

Байоглу Айхан (a_bayoglu75@mail.ru). Выпускник кафедры общей турецкой истории Памуккаленского университета (Турция). Аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-27-08, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — древние тюрки Саяно-Алтая, турецкая историография.

Балдано, Марина Намжиловна (imbt@burinfo.ru). Выпускница Бурятского государственного педагогического института (1980). Заведующая отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; (3012)433238; imbt@burinfo.ru). Сфера научных интересов — история и культура монгольских народов.

Бороненко, Алексей Владимирович (boronenko.alexey@gmail.com). Выпускник филологического факультета Челябинского государственного университета (2004). Аспирант кафедры зарубежной литературы института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)3505-902; Valery.Goodov@usu.ru). Сфера научных интересов — комическое и юмор; творчество Сэмюэля Беккета; творчество Флэнна О'Брайена; британская литература; зарубежная массовая литература.

Видадова, Вюсала Акиф кызы (asif.hacili@mail.ru). Выпускница филологического факультета Бакинского славянского университета (2001). Преподаватель Бакинского славянского университета (AZ 1014, Баку, ул. С. Рустама, 25, (+99412) 4401579, asif.hacili@mail.ru). Сфера научных интересов — современная русская литература.

Ганиев, Рустам Талгатович (rusthist@gmail.com). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2002). Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-27-08; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история Центральной Азии, восточных тюрков, Тюркских каганатов, политики России в отношении Центральной Азии.

Зубков, Константин Иванович (Istor@uran.ru). Выпускник гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1980). Кандидат исторических наук (1985), ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620026,

Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56; (343)2516517; Istor@uran.ru). Сфера научных интересов — экономическая история, геополитика.

Калинина, Ольга Николаевна (kalinka77@inbox.ru). Выпускница гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (2002). Кандидат исторических наук (2007), научный сотрудник Института истории (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, urdan@history.nsc.ru). Сфера научных интересов — история государственного управления, социально-экономическая и общественно-политическая история Сибири и сопредельных регионов, партийно-государственная номенклатура.

Камынин, Владимир Дмитриевич (kamynin@yandex.ru). Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой евразийских исследований Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-38, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история Европы и Азии.

Капустина, Лариса Михайловна (lakapustina@bk.ru). Выпускница экономического факультета Новосибирского государственного университета (1984). Доктор экономических наук (2001), профессор, зав. кафедрой маркетинга и международного менеджмента, проректор по учебной работе УрГЭУ (lakapustina@usue.ru, 252-14-52, 221-17-75). Сфера научных интересов — международная торговля, мировая экономика, международный маркетинг.

Карпов, Виктор Петрович (7654321.51@mail.ru). Выпускник исторического факультета Тюменского государственного университета (1980). Доктор исторических наук (2007), профессор кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета (625000, Тюмень, ул. Володарского, 38; 256964; history@tsogu.ru). Сфера научных интересов — история Севера, нефтяной и газовой промышленности.

Килин, Виктор Валентинович (kilvic@yandex.ru). Выпускник торгово-экономического факультета Свердловского института народного хозяйства (1988), факультета правоведения Уральской государственной юридической академии (1998). Доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета, заместитель руководителя Управления Министерства промышленности и торговли Российской Федерации по Уральскому району, государственный советник Российской Федерации III класса (620031, Екатеринбург, пл. Октябрьская, дом 1, 8(343)388-13-26, mintorg@r66.ru). Сфера научных интересов — таможенное регулирование внешнеэкономической деятельности, государственное воздействие на внешнюю торговлю, экономическая интеграция, Таможенный союз ЕвразЭС.

Кокшаров, Виктор Анатольевич. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1986). Кандидат исторических наук (1992). Ректор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина с 2010 г. ((343)374-03-62, 375-45-03; rectorat@mail.ustu.ru). Сфера научных интересов — история международных отношений Новейшего времени, геополитика, геоэкономика.

Куш, Татьяна Викторовна (tkushch@yandex.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1995). Кандидат исторических наук (2000), доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков департамента истории Института гуманитарных наук и искусств УрФУ им. Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-36; hist@usu.ru). Сфера научных интересов — история Средних веков.

Легостев, Андрей Викторович (Andrey.Logostev@usu.ru). Выпускник философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1985), психолог-исследователь (аспирантура по психологии — Свердловский инженерно-педагогический институт, 1993), заместитель директора по дополнительному профессиональному

образованию Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620014, Екатеринбург, пр. Ленина 136; (343)358-19-73; imb.usu.ru). Сфера научных интересов — социология, социальная психология.

Лямзин, Андрей Валерьевич (lyamzin@mail.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры евразийских исследований Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-38, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — евразийские исследования.

Маслова, Анна Геннадьевна (ag.maslova@mail.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров, ул. Ленина, 111; 7 (8332) 47-26-44). Сфера научных интересов — русская литература.

Палкин, Александр Сергеевич (alexander.palkin87@gmail.com). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2010). Аспирант кафедры истории России исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-27-08; lai@usu.ru). Сфера научных интересов — история России, история РПЦ, история единоверия, история старообрядчества.

Панькин, Игорь Дмитриевич (igor0303@mail.ru). Выпускник Челябинского государственного педагогического института. Кандидат исторических наук (1988), доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры (454091, Челябинск, ул. Российская, 258; (351)237-54-67). Сфера научных интересов — исследование проблематики государственной промышленной политики на Урале в 1917—1941 гг.

Побережников, Игорь Васильевич (pober1871@mail.ru). Выпускник гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1982). Кандидат исторических наук (1988), зав. сектором Института истории и археологии УрО РАН (620026, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56; 251-65-20; istor@uran.ru). Сфера научных интересов — теория и методология истории, региональное развитие, социальная история.

Полякова, Евгения Олеговна (Lumen065@yandex.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2010). Аспирант департамента истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-36; hist@usu.ru). Сфера научных интересов — русско-китайские торгово-дипломатические отношения в XVII—XVIII вв.

Поршнева, Алиса Сергеевна (alice-porshneva@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2005). Кандидат филологических наук (2010), доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. (620002, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5; (343)375-95-01; fld@mail.ustu.ru). Сфера научных интересов — поэтика художественного пространства, немецкая эмигрантская литература.

Русина, Юлия Анатольевна (Yulia.Rousina@usu.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1985). Кандидат исторических наук (1991). Доцент кафедры документационного и информационного обеспечения управления департамента истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-32; Lmaz@mail.ru). Сфера научных интересов — источниковедение отечественной истории XX в., история диссидентского движения в Советском Союзе.

Рюсс, Хартмут (ruessbockhorst@t-online.de). Выпускник кафедры истории Восточной Европы Гамбургского университета (1962). Доктор исторических наук (1972). Профессор кафедры истории Восточной Европы Университета г. Мюнстера (Schlossplatz 2, 48149 Münster, Deutschland). Сфера научных интересов — история Киевской Руси, Московского государства, российского дворянства (до XVII в.); немецкие военные преступления на территории СССР, немецкий военный плен в СССР.

Созина, Елена Константиновна (sozina@internethome.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1980). Доктор филологических наук (2002), профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и искусств УрФУ им. Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; doc_office@usu.ru), зав. сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН (620026, Екатеринбург, Р. Люксембург, 56; (343)2516518; Office@istor.uran.ru). Сфера научных интересов — история отечественной литературы, литература Урала.

Тимошенко, Владимир Петрович (vpt@k66.ru). Выпускник гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1982). Доктор исторических наук (1998), профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620026, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56; 251-65-20; istor@uran.ru). Сфера научных интересов — экономическая история, историческая регионалистика.

Тиханова, Елена Викторовна (Helenemoo_eka@mail.ru). Выпускница факультета историко-архивоведения Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1999). Кандидат исторических наук (2004), главный специалист ООО «Альфа Нанотех Капитал» (Москва). Сфера научных интересов — региональная экономика, регионалистика, политическая география.

Тривисессорн, Джирпорн (Jiraporn224@gmail.com). Выпускница факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2010). Аспирантка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-38, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история Таиланда, история России, тайско-российские отношения.

Федорова, Алла Владимировна. Выпускница исторического факультета Рязанского государственного педагогического института (1972). Доктор исторических наук (1996), профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (460014, Оренбург, ул. Челюскинцев, 18; (3532)77-52-30; orensau@mail.ru). Сфера научных интересов — проблемы военного строительства и региональная этноистория.

Чемякин, Евгений Юрьевич (johhan@yandex.ru). Аспирант исторического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-38, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — британская империя, постколониализм, мультикультурализм.

Шаравьев, Павел Владимирович (august_11@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2001). Военнослужащий, в/ч 69617. Сфера научных интересов — послевоенный период отечественной истории.

Шиловский, Михаил Викторович (istorik.novosib@gmail.com). Выпускник гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1971). Доктор исторических наук (1992), зав. сектором Института истории СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; (383)330-38-21; kapital@history.nsc.ru). Сфера научных интересов — общественно-политическая жизнь Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

Шишкин, Владимир Иванович (svi007@ Rambler.ru). Выпускник гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1970). Доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, каб. 304; (383)-363-03-08 (служ.), svi007@ Rambler.ru). Сфера научных интересов — история революции и гражданской войны в Сибири.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале за 2011 г.

ИСТОРИЯ

- Белобородова И. Н.* Традиционное лесопользование на Русском Севере по нормам обычного права (середина XIX — начало XX в.) (№ 1)
- Ганиев Р. Т.* Внешняя политика Китая в VI—VIII вв. по отношению к восточным тюркам в Центральной Азии (№ 3)
- Горшков С. В.* Капитальные вложения в легкую промышленность Урала в 1959—1965 гг. (№ 3)
- Игнатова Н. М.* Численность спецпереселенцев — «бывших кулаков», призванных в Красную армию в 1941—1942 гг. (№ 1)
- Каменская Е. В.* Образ социалистического мира в свердловской областной печати (по материалам газеты «Уральский рабочий» в середине 1960-х — 1970-е гг.) (№ 3)
- Камынин В. Д., Шапошников Г. Н.* Из истории государственного регулирования развития средств связи в СССР в 1920-е гг. (№ 2)
- Кокшаров С. Ф.* Об одном сюжете в изобразительном творчестве древнего населения Средней Оби (№ 3)
- Комлева Ю. Е.* Роль позднеримских и византийских традиций в формировании социально-правового статуса профессоров XV—XVIII вв. (№ 3)
- Костякова Ю. Б.* Формирование образа врага в прессе Хакасии в годы Великой Отечественной войны (№ 2)
- Кубанцева И. А.* Роль общественных объединений XIX — начала XX в. В историографии материальной и духовной культуры мордвы (№ 1)
- Куц Т. В.* Дары как элемент поздневизантийского эпистолярного этикета (№ 4)
- Ласкова Н. В.* Пропаганда шотландской колонизации Америки в трактате 1625 г. Роберта Гордона Лохинвара (№ 1)
- Лугинин Л. М.* Влияние внутриполитической обстановки на внешнюю политику Московского государства (1618—1634) (№ 2)
- Морре Х., Безбородов Ю. С., Каримов Д. А., Белозеров М. А.* Формирование интеграционного Индонезийско-нидерландского союза: предложения и преимущества (№ 2)
- Мохов А. С., Боровиков Д. С.* Логофеты стратиотиков в Византии VII — XI вв. (№ 2)
- Панькин И. Д.* Историки о принципах организации промышленности Урала в 1917—1918 гг. (№ 4)
- Постникова А. А.* Русская кампания 1812 г.: по следам Стендаля (№ 3)

- Починская И. В.* Московская типография в первой половине XVIII в.: адаптивные процессы в официальном кириллическом книгопечатании (№ 1)
- Пропт И. А., Черноухов Э. А.* Алексей Иванович Кронеберг: провинциальный неудачник или успешный общественный деятель? (№ 1)
- Русина Ю. А.* Рифмы жизни. История студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) (№ 4)
- Скобелкин О. В.* Иностранные авторы о западноевропейцах в русском войске во 2-й половине XVI века (№ 3)
- Суржикова Н. В.* Богословский плен: статистика и экономика (№ 3)
- Суровень Д. А.* Влияние китайско-корейских переселенцев аябито на государственность и культуру Ямато V в. (№ 2)
- Суровень Д. А.* Китайско-корейские переселенцы *аябито* в Японии начала V в. (№ 1)
- Туликин П. А.* Отношения Москвы и Вашингтона на завершающем этапе Второй мировой войны в восточной Европе (январь — май 1945 гг.) (№ 3)
- Чемякин Е. Ю. С.* Этнокультурная идентичность религиозных общин британского общества в постколониальной литературе (на примере произведений С. Рушди) (№ 4)
- Шаравьев П. В.* Послевоенная уральская деревня. По материалам архива УФСБ России по Свердловской области (№ 4)
- Мангилева А. В.* Письма епископа Пермского и Екатеринбургского Иустина (Вишневого) Ф. Л. Карпинскому (№ 2)

ФИЛОЛОГИЯ

- Архангельская В. В.* Имя Алексей как мотив в романе «Братья Карамазовы» (№ 1)
- Афанасьева Э. М.* Мотив имени в эстетическом комплексе М. Ю. Лермонтова 1830 г. («Дереву» и «Мое завещание») (№ 2)
- Билялова А. А.* Факультативность грамматических категорий числительных (на материале русского и татарского языков) (№ 1)
- Букреева О. М.* Семантика нисходяще-восходящего тона в диалогических текстах на английском языке (№ 1)
- Видадова В. А.* Образ пророка Мухаммеда в романе Чингиза Гусейнова «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» (№ 4)
- Волегов А. В.* «Чайка» А. П. Чехова в контексте художественных исканий эпохи (№ 3)
- Волкова Т. Ф.* Повесть об Акире Премудром в печорской рукописной традиции (№ 2)
- Высоцкая Ю. С.* «Четвертая проза» О. Мандельштама: стилевое своеобразие (№ 3)
- Григоренко О. В.* Новые словообразовательные гнезда с вершиной-неологизмом со значением лица (№ 1)
- Гуменная Г. Л.* «Болтовня» и повествовательная манера в поэме Тимура Кибирова «Сортиры» (№ 2)
- Кабинина Н. В.* Значение русских именных компонентов в исследовании регионального топонимического субстрата (на материале топонимии Архангельского Поморья) (№ 2)
- Кутяева У. С.* Проблема функциональной типологии прецедентных текстов (на материале текстов пьес Н. В. Коляды) (№ 3)
- Кучина Е. А.* Молитва в лирике А. С. Пушкина: дружество как братство (№ 3)
- Кушницир О. Н.* Реэтимологизация заимствованных префиксов как фактор актуализации лингвокультурных концептов (№ 1)
- Леонтьева Т. В.* Семантическое поле «обучение, передача опыта» в русской языковой и фольклорной традиции (№ 3)
- Летова И. А., Гусев А. В.* Языковая справка 1640-х гг. в старопечатной Псалтири (№ 1)

- Макрушина К. А.* Джейн Остен: феминизм и постколониальные исследования (№ 1)
- Маслова А. Г.* Изображение человека и его земного бытия: жанровая специфика поэзии журнала «Полезное увеселение» (№ 4)
- Морженкова Н. В.* Авангардистская антропология Гертруды Стайн (№ 3)
- Налегач Н. В.* Мотив «опустошенного» слова в лирике И. Анненского и его развитие в поэзии постсимволизма (№ 1)
- Пехал З.* «Нос» Н. В. Гоголя как реконструкция пересказа события (№ 2)
- Поршнева А. С., Бороненко А. В.* Современное женское чтение: зарубежный «Роман о Золушке» (№ 4)
- Синегубова К. В.* Ценность мира детства в творчестве Елены Гуро (№ 2)
- Скребова Е. Г.* Характеристика коммуникативно-текстовых функций сложноподчиненных длительно-временных предложений немецкого языка (№ 2)
- Соловар В. Н.* Структура и семантика моделей элементарных простых предложений хантыйского языка с событийными пропозициями (на материале казымского диалекта) (№ 2)
- Тарасова Н. А.* Знак тире в наборной рукописи «Дневника писателя» за 1877 г.: особенности пунктуации Ф. М. Достоевского (№ 1)
- Худенко Е. А.* Жизнетворчество М. М. Пришвина: игровая стратегия (№ 1)
- Царегородцева Н. В.* Антонимические корреляции с семантикой движения в составе английских паремий (№ 2)
- Черепанова Н. Б.* Поэтика вальса в лирике В. В. Гофмана (№ 2)

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Авдеева В. В.* Истоки наивного искусства Германии XX века: специфика художественной традиции (№ 1)
- Береговая О. В.* Украшения костюма: мода и технологии (№ 3)
- Борщ Е. В.* Трансформация русской книжной гравюры в произведениях французских иллюстраторов XVIII в. (№ 2)
- Будрина Л. А.* Русские камнерезы фирмы Картье (№ 1)
- Гадицкий Р. В.* Особенности визуализации религиозных сюжетов в романском искусстве (№ 3)
- Гашева Н. Н.* Н. Гумилев и П. Гоген: жизнетворческий и эстетический синтез (№ 1)
- Гончарик Н. П.* Этнокультура Алтая в графике Г. И. Чорос-Гуркина
- Доронченков И. А.* Матисс в России 1900–1910-х гг. Основные проблемы восприятия (№ 1)
- Мережников А. Н.* Художественный метод М. А. Врубеля: интерпретации и оценки (№ 1)
- Николаев Р. М.* Роль традиционных ценностей в становлении новой культурной идентичности советского народа в довоенный и военный периоды (№ 2)
- Пермякова Е. В.* Образ Вацлава Нижинского во французском искусстве начала XX в. (№ 2)
- Писцова И. Н.* Керамическая пластика Урала XX — начала XXI вв. в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств (№ 3)
- Пичугина О. К.* Колористические особенности живописно-пластической системы итальянских мастеров первой половины XVII в. (№ 2)
- Попова В. Н.* Праздник как форма культурной памяти: проблема «забвения» и реконструкции прошлого (№ 1)
- Рабинович Е. И.* Сновидение как механизм модернизации традиционной культуры Тибета (№ 1)
- Субботина В. А.* Типологические и стилистические особенности и жанрово-тематическая структура тобольской резьбы по кости с 1869-х по 1917 г. (№ 3)

СОЦИОЛОГИЯ

- Баразгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С.* Социализационный потенциал каникул подростков (№ 1)
Легостев А. В. Профессиональный потенциал предпринимателей (№ 4)
Савченко И. А. Культурная идентичность как индикатор маргинальных тенденций (№ 2)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ

Социокультурное пространство Урала

- Алексеев Е. П.* Лидер в художественной жизни Урала 1900–1930-х гг. (№ 1)
Анисимов К. В., Созина Е. К. История литературы Урала в контексте региональных исследований (№ 1)
Сафронова А. М. Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735–1750-е) (№ 1)
Соболева Л. С. Проблемы возрождения культурной памяти в материалах региональных научных конференций (№ 1)

Поэтика сакрального слова

- Истомина И. А.* Реалии современного бытия в церковной проповеди (№ 2)
Ицкович Т. В. Категория времени в тексте православной проповеди (№ 2)
Красильникова А. А. Современная гимнография в зеркале стиховедения (опыт анализа Воскресной стихир) (№ 2)
Сгибнева Н. Ф. «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет...»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей «Статир» (конец XVII в.) (№ 2)

Великие реформы: размышления к юбилею

- Ефремова Е. Н.* «Фальшивое торжество квасного патриотизма...» (уральская пресса 1911 года об отмене крепостного права) (№ 3)
Неклюдов Е. Г. Несостоявшаяся реформа горнозаводской посессии: причины, проекты, последствия (№ 3)
Нефедов С. А. О рабской сущности крепостного права: полемические заметки (№ 3)
Тимофеев Д. В. Между «рабством» и «свободой»: поиск подходов к решению крестьянского вопроса в России первой четверти XIX века в зеркале истории понятий (№ 3)

Россия в системе Евро-Азиатских взаимодействий

- Артемов Е. Т.* Восточные регионы России: историческая преемственность экономической политики (№ 4)
Базаров Б. В. Региональная парадипломатия в трансграничных регионах Сибири и Восточной Азии (№ 4)
Байоглу А. Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири: турецкая историография XIX–XXI вв. (№ 4)
Балдаио М. Н. Роль России в развитии международных транспортных коридоров Евразии (№ 4)
Карпов В. П. Ямал в современной историографии (№ 4)
Ганиев Р. Т. Государственность восточных тюрков VI–VIII вв. (№ 4)
Зубков К. И. Азиатская Россия: межцивилизационное взаимодействие в геополитическом аспекте (№ 4)

- Калинина О. Н.* Россия и Центральная Азия: региональное сотрудничество в сфере безопасности (№ 4)
- Камьнин В. Д., Лямзин А. В.* Россия в интеграционных процессах Центрально-Азиатского региона (№ 4)
- Капустина Л. М., Килин В. В.* Экономические интеграционные процессы в Центральной Евразии (№ 4)
- Кокшаров В. А.* Многоуровневая интеграция в постсоветском пространстве (№ 4)
- Палкин А. С.* Участие екатеринбургских купцов-единоверцев в промышленном освоении Казахстана в середине XIX в. (№ 4)
- Побережников И. В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация (№ 4)
- Полякова Е. О.* Бухарские купцы в русско-китайских торговых отношениях XVII в. (№ 4)
- Тимошенко В. П.* Индустриальное освоение Азиатской России в оценках зарубежных экспертов (1960—1980-е гг.) (№ 4)
- Тиханова Е. В.* Районирование Средней Азии: экономическая целесообразность (№ 4)
- Тривиссори Д.* Таиланд и Россия: современное партнерство в рамках АСЕАН и перспективы сотрудничества (№ 4)
- Шиловский М. В.* Чокан Валиханов: трансформация личности в парадигмах фронта (№ 4)
- Шишкин В. И.* Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства (№ 4)

РЕЦЕНЗИИ

- Баранов Н. Н.* Либеральные депутаты германского рейхстага (№ 1)
- Зырянов О. В.* Лицо Донецкой филологической школы. Рецензия на книгу: Кравченко О. А. Категория возвышенного: Эстетика и поэтика (№ 3)
- Козлов А. С.* Новое популярное американское пособие по истории падения Римской империи (№ 3)
- Панькин И. Д.* Особенности современной учебной литературы по историографии отечественной истории (№ 2)
- Рюсс Хармут.* Спор о варягах (№ 4)
- Семухина И. А.* Литература Урала сквозь призму современной жанрологии (№ 3)
- Созина Е. К.* Телеология повествования и судьбы (№ 4)
- Федорова А. В.* Книга по истории уральского оружия (№ 4)
- Федотов А. В.* Новая книга о буддийской скульптуре (№ 1)
- Шеметев А. А.* Зарождение практического использования матричного анализа рисков в управлении системами в Европе (№ 1)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

- Комаров К. [Стихи] (№ 1)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К о н ф е р е н ц и и

- Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. О работе международного семинара (*Д. А. Ананьев*) (№ 4)
- Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения. II Международная научно-практическая конференция (*Назарова Л. А.*) (№ 1)
- Литературный музей в современном мире. Международная научно-практическая конференция (*В. Б. Королева*) (№ 3)

Современные проблемы англистики. XX Международная конференция (*Сидорова О. Г.*) (№ 1)

Шестая Всероссийская научная конференция «Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть» (*Созина Е. К.*) (№ 1)

И н ф о р м а ц и я

Новые книги исторического факультета (№ 2)

Новые книги факультета искусствоведения и культурологи (№ 1)

Новые книги филологического факультета (№ 3)

О работе диссертационного совета (*М. А. Литовская*) (№ 3)

О работе диссертационного совета Д 212.286.08 в 2010 году (№ 1)

О работе диссертационного совета по историческим наукам Д 212.286.04 в 2010 г. (№ 2)

ЮБИЛЕИ

К юбилею В. В. Блажеса (№ 2)

К юбилею Л. Н. Житковой (№ 2)

Цель творчества — самоотдача. К юбилею Б. Б. Овчинниковой (*Р. Т. Ганиев*) (№ 4)

MEMORIA

Людмила Григорьевна Гусева (1940–2011) (№ 3)

Татьяна Николаевна Якунцева (1950–2011) (№ 4)

CONTENTS

From the Editors	6
------------------------	---

RUSSIA WITHIN EURO-ASIAN INTERACTION SYSTEM

Eurasian Integration Processes

<i>Koksharov, V. A.</i> Multilevel Integration in the Post-Soviet Space	9
---	---

The article concerns the multifold process pertaining the construction of the new economic, social, political and liberal relationship system emergence within the post-Soviet space. The author singles out the stages in which effective integration forms have developed, as well as stages of their institutional implementation.

Key words: post-Soviet space, multispeed and multilevel integration, sovereignty acquisition, interregional division of labour, transboundary connections.

<i>Zubkov, K. I.</i> Asian Russia: Intercivilizational Interaction (Geopolitical Aspect)	17
--	----

The author analyzes the geopolitical implication of the *Asian Russia* notion, with reference to additions and criticism of Eurasian historical concept, revealing the specificity of trans-Ural colonization, it combining the complexity of the Siberian *New World* development and interaction with Inner Asian nomadic civilizations.

Key words: eurasionism, Frontier, European colonization expansion, geopolitics, civilizational influences, colonization options.

<i>Bazarov, B. V.</i> Regional Paradiplomacy in Transboundary Siberian-East-Asian Regions	26
---	----

The article studies the process of Russian regions integration into external economic activity and international relations, analyzing the types of such relations within regional paradiplomacy, Russian-Mongolian and Russian-Chinese regional cooperation.

Key words: regional cooperation, regional paradiplomacy, Russian-Mongolian-Chinese cooperation.

<i>Kalinina, O. N.</i> Russia and Central Asia: Regional Cooperation in Security Sphere	36
---	----

The article analyzes the evolution of Russia's relations with Central Asian countries, members of the Commonwealth of Independent States, along with its relations with some other key figures of the region, namely, China and the US, as well as the evaluation operation efficiency and development perspectives of some regional international organizations, primarily, the Collective Security Treaty Organization (CSTO), and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The author concludes that a sustainable relationship perspective is unlikely, unless some former stereotypes and approaches are reconsidered, taking into consideration the fact of some Central Asian countries' sovereignty, as compared to their previously dependent status.

Key words: Russia, CIS countries, China, USA, regional strategy, economic and military cooperation, partnership.

<i>Kapoustina, L. M., Kilin, V. V.</i> Economic Integration Processes in Central Eurasia	43
--	----

The author estimates the economic potential of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), its achievements and perspectives, drawing comparative lines of the SCO activity with related organizations of regional economic cooperation, i.e. the Eurasian Economic Community (EAEC)

and the customs union between Belarus, Kazakhstan and the Russian Federation. The SCO is viewed upon as a powerful international organization, making an influential part of the world geopolitical structure, being a partnership based on the principles of parity, trust, respect, collegiality, dialogue and consensus between its members.

Key words: SCO, EAEC, customs union, customs agreements, energy sector, transport, transit, information technologies.

Baldano, M. N. Russia's Role in International Transportation Corridors Development 54

The article reviews the prospects of Russia's transportation system development within transcontinental transportation links, the role of Siberian territories in the process, logistics as a perspective branch of national economy. The author weighs the advantages and drawbacks of cross-Russian transits, as compared to other marine and land transportation corridors, and analyzes the idea to create full-functioning international transportation corridors in Russia as a strategic task, whose realization may spur Russia's material and spiritual culture development, more particularly, that of its Asian part in the 21st century.

Key words: Europe, Asia, international transportation corridors, key transportation system, intermodal systems.

Trivissorn, D. Thailand and Russia: Contemporary Partnership within ASEAN and Cooperation Prospects 62

The article studies the problems of today's Thailand-Russia diplomatic relations, drawing an analysis of the key partner cooperation of the two countries, and perspectives of their collaboration within ASEAN.

Key words: Thailand, Russia, Association of Southeast Asian Nations, cooperation.

Russia and Central Asia: a Historic Retrospection

Ganiyev, R. T. East Turks' Statehood in the 6–8th Centuries 68

The article studies the type of Eastern Turks' political association in the 6-8th centuries, considering the theoretical problems of nomadic statehood emergence in Central Asia, defining the notion of a steppe state, and analyzing its essence and characteristic features with reference to Eastern Turkic Khaganate.

Key words: Eastern Turks, Eastern Turkic Khaganate, steppe state, nomadic statehood tradition, nomads.

Polyakova, E. O. Bokharan Merchants in Russian-Chinese Trade Relations in the 17th Century 82

The author studies Russian-Chinese trade relations history, the intensity of trade movement along different routes, the quantity of consumer goods, and the assortment thereof, analyzing the role Bokharan and Russian merchants played in the development of trade connections with China.

Key words: Russian-Chinese trade relations, Bokharan merchants, trade caravans.

Shilovsky, M. V. Chokan Valikhanov: Personality Transformation through Frontier Paradigms 93

The author analyzes the outstanding Kazakh scientist enlightener Chokan Valikhanov's life, scientific contribution and views on Russian-Kazakh interaction during Empire-incorporation processes of the Steppe region, with reference to the concepts of the frontier theory.

Key words: frontier, inter-civilizational dialogue, patriotism, westernism, enlightenment.

Palkin, A. S. Yekaterinburg Merchants, Adherents of Common Faith: Participation in 19th Century Kazakhstan's Industrial Development 103

The article explores the process of Ural merchants, adherents of Common Faith (Rus. *Yedinovertsy*)

investment into Kazakhstan during the Russian expansion into 8-19th centuries Central Asia, pointing that Yekaterinburg merchants were the first to start mining for Kazakhstan's natural resources (namely, copper deposits of Jezkazgan and Karaganda coal basin). Special attention is paid to the religious factor, determining the actions of Yekaterinburg merchants, and the role of Common Faith (Rus. *Yedinoveriye*) adoption.

Key words: Kazakhstan, capital, Common Faith (Rus. *Yedinoveriye*), Old Belief, Russian expansion.

Shishkin, V. I. Alash Orda and Provisional Government of Autonomous Siberia Relations ... 110

The article analyzes the interaction of two local governmental bodies of public authority, i.e. the All-Kyrgyz Provisional People's Council, Alash Orda, and the Provisional Government of Autonomous Siberia that evolved as a result of the fall of the Russian autocratic state in late 1917–early 1918. The author concludes that there existed objective prerequisites for their political solidarity, conditioned by a general strategy, namely, autonomy achievement of within the democratic federal republic of Russia, and describes their disagreements as to how, where and in what form the goal in question was to be attained, a mass-scale civil war accompanying the process and impeding the creation of the alliance.

Key words: Civil war, Alash Orda, Provisional Government of Autonomous Siberia, Siberian regional Duma, autonomy, national independence.

Eurasian Cooperations: A Historiographical View

Bayoglu, A. Ancient Central Asian and Southern Siberian Turks: a Turkic historiography (19–21st centuries) 124

The article considers works of turkologists, native to the culture, on the history, archaeology, culture, language, customs, religion and socio-economic structure of Old Turkic societies, analyzing the periods in which Turkish turkology evolved as of the end of the Ottoman Empire until the beginning of the 21st century.

Key words: Turkish historiography, Turkish scholars, ancient Turks, Central Asia, Southern Siberia.

Kamynin, V. D., Lyamzin, A. V. Russia in Regional Integration Processes in Central Asia 140

The authors estimate results the decade of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) existence has brought about, regarding it is a unique international cooperation organization. With reference to some contemporary scientific material analyses, expert judgments, regulations, they evaluate the SCO's military and, partly, economic activity, formulating Russia's interest, role and place in the integration processes, conditioned by the organization in question, determining China's and Central Asian countries' positions and intentions as related to the key cooperation points within the SCO.

Key words: SCO, Russia, China, Kazakhstan, military cooperation, antiterrorist cooperation, military and political stability, economic competition.

Tikhanova, E. V. Zoning in Central Asia: Economic Reasonability 151

The article explores the problems of administrative and territorial boundaries formation based on economic zoning, realized as part of the Soviet federation formation in the 1920s, outlining the prerequisites and processes of national and political (ethnopolitical) demarcation between Central Asian republics, which contradicted with the principles of the new administrative and territorial units formation, it based on economic zoning. The author demonstrates the logic behind administrative changes of Middle Asia in 1917 – early 1930s.

Key words: national and political formation, national autonomy, administrative and territorial division, administrative borders, zoning, territorial disputes.

Timoshenko, V. P. Foreign Experts on Asian Russia's Industrial Development (1960–1980s) 164

The article studies the external economic factors conditioning the development of Asian Russia during late-Soviet modernization. Immense, however not utterly successful, Siberian projects were

meant and did influence the socioeconomic situation in the region and the role thereof in the international division of labour, the programme of the region's development, which drew the Western business's attention, leading to controversial reactions, and acquiring international importance.

Key words: international division of labour, compensation agreements, foreign trade monopoly, export, import, foreign capital, modernization.

Karpov, V. P. Yamal in Contemporary Historiography 176

The article studies the problems and prospect of Yamal's complex development, it being one of the most important polar regions of Russia, with reference to a revision of the complex academic *History of Yamal*, analyzing the role the studies of history and humanities play in the formation of national regional policy and regional socio-cultural identity of the region's locals.

Key words: Yamal, regional historic studies, cultural and historic unity, all-Russian identity, regional identity, regional community.

Eurasia: Between Tradition and Modernization (Scientific Controversy)

Artyomov, E. T. Russia's Eastern Regions: Historic Succession of Economic Policy 181

The author makes a historic retrospective analysis of Russian economic policy as related to its eastern territories, special attention paid to the evolution of practical measures taken by the Russian authorities in the 20th century, primarily marked by Soviet economic planning, with eastern territories developed almost solely as sources of raw materials, regardless of the plans and the *integrated economic development* declaration. According to the author, the tendency in question has survived until the present day and will do so from now on, minor modifications applying.

Key words: regional development prospects, eastern territories, macroeconomic zones of the USSR, integrated economic development, strategic rear, raw materials base.

Poberezhnikov, I. V. Asian Russia: Frontier, Modernization 191

With reference to Asian 18-early 20th century Russia, the author works out a concept of frontier modernization, it being a specific case of a region's progressing without its development completed. The author also analyzes such frontier modernization attributes, as a positive incompleteness of colonial processes, the intensive character of economy, regional contrasts and disproportions, excessive militarization, transportation factor role and the conglomerate regional landscape.

Key words: Asia Russia, modernization, rationalization, frontier, colonization, integration, militarization, regional contrasts.

HISTORY. PHILOLOGY

Tchemyakin, E. Yu. British Religious Communities: Cultural Identity and Postcolonial Literature (with Reference to S. Rushdie) 204

The article studies postwar immigration to Britain from its former colonies, identity crisis of the second immigrant generation, and the postcolonial theory and literature as a means to intellectually realize one's cultural identity. The analysis is made with reference to the works of the Indian-origin British author Salman Rushdie.

Key words: postcolonial theory and literature, immigration, Salman Rushdie's creative work.

Vidadova, V. A. Prophet Muhammad's Image in Çingiz Hüseyinov's *Let the Water not Flow Out of the Broken Pot* 213

The author analyzes a novel of the eminent contemporary Azerbaijan writer Çingiz Hüseyinov's *Let the Water not Flow Out of the Broken Pot*, concentrating on Qur'an motifs therein, characterizing its literary peculiarities, namely, the combination of philosophic reflections, historic aphorisms, and author's invention. The novel reflects the writer's ideas on Muhammad's speeches, along with eternal concepts and universal values.

Key words: contemporary prose, in Zingiz Hseyonov, Prophet Muhammad's image, Qur'an motifs, universal values.

- Maslova, A. G.* Portraying Man and their Mundane Life: Poetry Genre Specificity in *The Poleznoye Uveseleniye (Useful Amusement) Journal*..... 218

The article dwells upon poetic texts published in *The Poleznoye Uveseleniye (Useful Amusement)* journal under M.M. Kheraskov in the University of Moscow (1760–1762), analyzing the works on religion and spirituality, as well as poetic letters, so far overlooked by scholars. The author emphasizes that the authors' integral worldview is not reflected in single poetic texts exclusively, but in the whole complexity of works published, belonging to different genres, as Classicist genres were each intended to describe a certain side of life. Thanks to the description of particular personalities, poets manage to reflect human nature and human life in their complexity and inconsistency.

Key words: 18th century Russian poetic genres, philosophic poetry, image of man, mundane life.

- Porshneva, A. S., Boronenko, A. V.* Contemporary Women's Reading: Foreign *Cinderella Romance Novels* 228

The authors analyze contemporary women writers' interest towards popular foreign romances based on the common Cinderella-story plot, observing the results of questionnaires held as part of their research, devoted to the perception peculiarities of contemporary foreign mass literature by Russian women readers.

Key words: contemporary women's prose, foreign novel, Cinderella story plot.

- Sharavyev, P. B.* Postwar Ural Village (with Reference to Archival Materials of the Federal Security Service Directorate of Russia in Sverdlovsk Region) 244

The author explores the history of the postwar Ural village with reference to little-studied archival materials, reconstructing the rural residents situation as viewed by state security bodies.

Key words: postwar Ural village, population situation, letters from peasants.

- Pan'kin, I. D.* Historians on Ural Industry Organization in 1917–1918..... 255

The article analyzes the views historians of different generations had on the reforms in Ural industrial production organization during the first year of dictatorship of the proletariat. More particularly, the author reviews the discussion provoked by the idea to create a *unified Ural trust*.

Key words: historiography, Ural industry, trusts.

- Legostayev, A. V.* Entrepreneurial Professional Potential 262

The article studies the analytical-integration approach to the study of entrepreneurial potential, as well as the notion of potential, personal potential, professional potential, the peculiarities characterizing the socio-professional group of businesspeople, and their social qualities.

Key words: entrepreneurial potential, business people's social qualities, sociological research.

- Rusina, Yu. A.* The Rhymes of Life. Ural State University Students' Literature Circle: a History (mid – 1940s) 269

The article studies the history of the Ural state University students' literature circle in the mid-1940s with reference to a number of historic sources. The circle's activity is analyzed considering the wide-known Central Committee of the Communist Party of Russia's Regulation (1946) on the periodicals *Zvezda* (The Star) and *Leningrad*.

Key words: student samizdat, literature circle, fight against dissent.

- Kusch, T. V.* Gift-Giving as Part of Old Byzantine Epistolary Etiquette 286

Often accompanying letters, gifts made an integral part of communication between Byzantine intellectuals. Letters would contain information on the type of gifts, the recipients' opinion, gratitude, and criticism of the gifts received, as well as descriptions of situations on which they were received.

All these facts showing the types and meaning of gift-giving as part of life throw light on an important aspect of Byzantine culture.

Key words: Late Byzantium, gifts, epistolary etiquette, intellectuals.

REVIEWS

<i>Röss, Hartmut</i> . A dispute on Varangians	294
<i>Fyodorova, A. V.</i> A book of Ural arms history	297
<i>Sozina, E. K.</i> Teleology of narration and fate	300

ACADEMIC CURRICULUM

Asia's Demographic Space: History, Modern Times, Prospects. On the Work of the International Seminar (D.A. Ananyev)	306
---	-----

ANNIVERSARIES

Devotion, a Goal of Creation. On B. B. Ovchinnikova's Anniversary	312
---	-----

MEMORIA

Tatiana Nikolayevna Yakuntseva (1950–2011)	315
List of abbreviations	318
On the authors	319
Index of articles and materials published in 2011	324

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2011. № 4 (96)

Редактор и корректор *Р. Н. Кислых*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23104 от 10.10.05.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 28.12.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 27,5. Усл. печ. л. 27,6. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРА

Порядок приема и движения рукописи

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета» является периодическим изданием (4 номера в год).
- Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 82412.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, аннотацией на русском и английском языках, перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. При одобрении рукописи рецензентами и редколлегией редакция пересылает автору электронной почтой реквизиты УрГУ для частичного возмещения им расходов на рецензирование, научное редактирование и т. д.
- С аспирантов оплата указанных расходов не взимается.
- Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.
- Статьи на корректуру авторам не высылаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: **Формат** — **Шрифт** — **Размер 14**).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (**Формат** — **Абзац** — **Междустрочный** — **Полуторный**).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (**Формат** — **Абзац** — **Первая строка** — **Отступ 1,25**).
- **Выравнивание текста по ширине** (**Формат** — **Абзац** — **Выравнивание** — **По ширине**).
- **Нумерация страниц** (**Вставка** — **Номер страницы** — **Внизу, справа**).
- **Переносы обязательны** (**Сервис** — **Язык** — **Расстановка переносов** — **Автоматическая расстановка переносов**).

- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг., с. 8–61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: «*Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления*», — *говорил Маршак*¹.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смыслового различия контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, введенным с 1 января 2009 г., с обязательным указанием общего объема или конкретных страниц цитируемого источника.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Например: [Толстой, т. 4, с 285]. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.09).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Телефон для справок: (343)350-75-92 (кафедра фольклора и древней литературы).

Электронный адрес: izvestia_2@usu.ru